Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 61

«...И КАЛЕНДАРЬ ОСЬМОГО ГОДА...»

Материалы
научно-практических чтений
«Библиотека в усадьбе»
(24—28 апреля 2013 года)

и научной конференции
«Музей. Реставратор. Реставрация»
(17—19 июля 2013 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2013

ББК 83.3 (2Рос-Рус)1
И 11

Серия основана в 1996 году.

«...И календарь осьмого года…» : Материалы научно-практи-
И 11 ческих чтений «Библиотека в усадьбе» (24—28 апреля 2013 года) и научной конференции «Музей. Реставратор. Реставрация» (17—19 июля 2013 года) : [сб. ст.]. — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2013. — 336 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 61).

ISBN 978-5-94595-075-7

В очередной выпуск «Михайловской пушкинианы» вошли материалы двух конференций, главной темой которых стала тема сохранения и возрождения памятников отечественной истории и национальной культуры.

ББК 83.3 (2Рос-Рус)1

ISBN 978-5-94595-075-7
(Пушкинский Заповедник)

© Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», 2013

По завершении конференции «Золотой век французской книги в России» (2012) по предложению её участников в дирекции Пушкинского Заповедника приняли решение о том, что научно-практические чтения, посвящённые истории и судьбам дворянских усадебных библиотек и редких изданий, а также проблемам музейного и библиотечного хранения, экспонирования и так далее, нужно проводить регулярно.

Одна из задач чтений — объединение исследователей, чьи интересы находятся в сфере российской истории XVIII — начала XX века, и в частности истории книги соответствующего периода, истории русской усадьбы, истории литературы и литературоведения, вопросов бытования книги в усадьбе и круга усадебного чтения. В то же время предполагается «держать в фокусе» вопросы музейной жизни, касающиеся усадебной библиотеки и представления книги в экспозициях усадебных музеев.

Тема чтений 24—28 апреля 2013 года — «“Календарь осьмого года“, или “…человек есть то, что он читает”». Участникам было предложено обратить особое внимание на собрания календарей. Календари всегда считались несерьёзным чтением («Всё врут календари!»), их довольно часто выкидывали, не включали в состав описываемых библиотек. Однако они представляют необычайный интерес для историков и музейных работников — в том числе и как справочный материал, несущий непередаваемый аромат эпохи.

Участники чтений с любовью и трепетом рассказывали о своих исследованиях, об изучении книг, судьба которых интересна как специалистам, так и всем, кто интересуется русской историей и культурой. Эти издания и коллекции имеют музейную, библиотековедческую, искусствоведческую и историческую ценность. Об истории книжных собраний и отдельных изданий, хранящихся в коллекциях библиотек и музеев Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Саранска, Пушкинских Гор, говорили историки, педагоги, библиотекари, искусствоведы, музейные работники. На чтениях также прозвучали доклады, освещающие общие задачи и тенденции в работе с усадебными библиотеками и отдельными изданиями.

Став междисциплинарными, чтения дали докладчикам и слушателям возможность разносторонне и разнопланово взглянуть на проблемы, общие для всех участников конференции. Круг тем широк, и, надеемся, материалы чтений, опубликованные в предлагаемом вниманию читателей сборнике, будут интересны многим.

Людмила Беляева,
начальник отдела научной библиотеки
Пушкинского Заповедник

Во второй раздел сборника вошли материалы первой научной конференции «Музей. Реставратор. Реставрация» (17—19 июля 2013 года), посвящённой делу сохранения и возрождения памятников истории и культуры.

Музеи нередко называют «хранилищами памяти». Говоря о работе музейщика, Семён Степанович Гейченко подчёркивал: «Наш святой долг — сберечь и передать нашим потомкам память не только о том, что создано и завоёвано нами, но и о том, что происходило задолго до нашего рождения. Память о великих преобразованиях и страшных войнах, о людях, что принесли Отчизне славу, и о поэтах, эту славу воспевших. В том бессмертном поэтическом созвучии пушкинская нота — самая чистая и звонкая. В ней — душа народа, в ней «русский дух», в ней «животворящая святыня» памяти». О памяти как о форме воплощения вечности и преодоления времени говорил Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Преодолением времени и занимается реставрация.

Реставратор занимает особое место среди хранителей культурных ценностей. В книге «Спасённая красота (Рассказы о реставрации памятников искусства)» С.В. Ямщиков заметил: «Обычно люди представляют себе реставраторов склонившимися над старинными экспонатами в тихой музейной атмосфере специальных мастерских. Но «кабинетная» часть труда реставраторов знаменует лишь завершение долгого пути возвращения шедевров древней живописи из глубины веков в современность».

Ко дню памяти реставратора, историка искусства, писателя, заслуженного деятеля искусств России, академика РАЕН Савелия Васильевича Ямщикова (1938—2009) и была приурочена конференция в Пушкинском Заповеднике.

Реставрация — особая отрасль музейного дела. Это и наука, и искусство, это ежедневный кропотливый труд. Реставраторы возвращают к жизни музейные ценности, и при этом большинство посетителей музеев не знают имён тех, кто сохраняет для потомков уникальные произведения. Поэтому не случайно имена, судьбы реставраторов и музейщиков стали одной из центральных тем конференции. Программу составили доклады о «людях созидающих» — о С.В. Ямщикове, А.И. Зеленовой, А.М. Кучумове, А.В. Трескине, Б.С. Скобельцыне, В.П. Смирнове.

Ряд докладов был посвящён опыту Пушкинского Заповедника в сфере возрождения и сохранения памятников культуры.

Дарья Плотникова,
главный хранитель музейных фондов
Пушкинского Заповедника

I. Материалы научно-практических чтений «БИБЛИОТЕКА В УСАДЬБЕ»

Лев Летягин

«ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ...», ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ОПРАВДАНИЕ ДЯДЮШКИ ОНЕГИНА

21 апреля 1785 года Екатерина II подписала «Жалованную грамоту дворянству». Этот документ закреплял и существенно расширял привилегии высшего российского сословия, дарованные ему тремя годами ранее «милостивым указом» от 28 июня 1782 года. Высочайшее утверждение законопроектов, хронологически совпадавшее со значимыми датами личной биографии императрицы — днём её рождения и годовщиной восшествия на престол, не было случайностью и приобретало в общественном мнении определённый политический смысл.

Это символически отражает один из наиболее известных архитектурных проектов Н. Львова — церковь «Кулич и пасха», на фасаде которой до настоящего времени сохраняется мемориальная доска: «Е II. Въ память твоіхъ щедротъ начата въ 1785 году».

В царствование Павла I привилегии и права дворянства подверглись существенным сокращениям и были в полном объёме восстановлены при императоре Александре Павловиче, обещавшем править, как бабушка. К событиям пушкинского романа в стихах прямого отношения это не имеет, однако может рассматриваться как значимая часть его предыстории или важный историко-культурный подстрочник.

Дядя Онегина, без сомнения, — самый известный дядюшка в русской литературе. О нём знают и помнят даже те, чье знакомство с пушкинским романом в стихах ограничилось несколькими строфами.

Основные положения статьи были представлены в виде доклада на юбилейной конференции ОИРУ «Русская усадьба как явление отечественной и мировой культуры» (Москва, Государственный исторический музей, май 2002 года).

Не соглашаясь с Онегиным в оценке большинства действующих лиц, читатель во многом смотрит на дядю глазами племянника. Настроение героя, характер и тон его размышлений могут быть оправданы мерой жанровой принадлежности — они из разряда обычных «дорожных жалоб». Пожалуй, это единственный случай, когда мы без необходимой степени критицизма разделяем иронию и оценочный скепсис главного героя, считаясь с непростыми биографическими обстоятельствами, обрекающими молодого человека «на вздохи, скуку и обман». Именно поэтому нами прочно усваивается отстранённо-снисходительное отношение к персонажу, который не успел стать даже эпизодическим действующим лицом. Не принимая дядю Онегина всерьёз, мы не задумываемся о его месте в родословной героя — не знаем, с чьей, собственно, стороны (по отцу или по матери) он приходился Онегину роднёй. Мы не знаем его имени. Подтверждаемые факты его биографии — это то, что за свою жизнь он сумел составить немалое состояние, и то, что умер он бездетным. Вот, собственно, и всё.

Как и Онегин, мы не успеваем застать дядюшку в живых. «Разведя» племенника и дядю во времени, во II главе романа Пушкин сознательно сталкивает их в одном пространстве:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с клюшницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
(VI, 32)[1]

С появлением наследника акценты пространственного восприятия смещаются. Вещи остались на своих местах, однако в их оценке уже нет ничего привычного, так как самодостаточность и внутренняя цельность усадебной культуры оказываются прокомментированы с позиции человека, который сам субъектом усадебного мира никогда стать не сможет. «Старое» и «новое» заявляют о себе как принципиально различные поведенческие модели. В начальных строфах главы формируется минимальный контекст забавных повседневных характеристик. Это позволяет собрать вокруг «старого барина» реальные обыденные приметы, житейские смыслы, представить его в отражённом

[1] Здесь и далее в сборнике цитаты из произведений А.С. Пушкина приведены по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М. ; Л.: Из-во АН СССР, 1937—1959. Номер тома указан римской цифрой, страницы — арабской. *(Прим. ред.)*

свете перекрёстных оценок. Какие его черты оказались в итоге наиболее значимыми и что примечательного в его портрете было выделено в качестве говорящей психологической детали? Индивидуальность дяди Онегина растворяется в многообразии окружающих голосов.

…«Бранился» и «давил» — не более чем досужее предположение столичного племянника о привычных для усадьбы времяпрепровождении и культурном досуге (чем же ещё можно заниматься в деревне столько лет сряду?).

…«Нигде ни пятнышка чернил» — подчёркнуто «профессиональное», а потому скорее авторское (то есть пушкинское) наблюдение.

Упоминаниям о дяде, сделанным мимоходом, противостоит наблюдение, особо отмеченное В. Набоковым: «рассказ Анисьи… с его несвязицей и перескоками с Евгения на его дядю, относится к крупным творческим удачам нашего поэта. Настоящим хозяином старушки-ключницы, конечно же, был не молодой петербургский фат, а старый барин, что вечно ворчал на неё с 1780 г.»[1]. Пожалуй, это единственная акционально точная характеристика, хотя и отличающаяся безыскусностью «парсунного письма» (иного от ключницы-Анисьи ожидать было бы неоправданно):

Здесь под окном, одев очки,
Играть изволил в дурачки.
(VI, 146)

Даёт ли всё это читателю право делать выводы, что в характеристике «старого барина», его занятиях, привычках, строе его жизни доминируют ограниченность или неполноценность?

Тенденциозный ряд придирок «по мелочам» завершает подробность, имеющая с точки зрения «реального» комментария наиболее перспективный характер. «Инспектируя» обстановку дома своего дяди, «Онегин шка́фы отворил» (VI, 32) и обнаружил забытый «календарь осьмого года»…

В соответствии с внутренней хронологией романа действие в «деревенских» главах «Онегина» соотносимо с началом 1820-х годов.

[1] *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 489. Действие в «деревенских главах» романа развивается летом 1820 года, а покинул Онегин деревню в феврале — марте 1821 года. См.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий : Пособие для учителя. Л., 1980. С. 18, 21, 22.

Издание двенадцатилетней давности для приехавшего из столицы племянника в качестве предмета «модного чтения» вряд ли представляло интерес. Если предполагать (в чём оказалось единодушно большинство комментаторов пушкинского романа), что Онегин перелистнул несколько страниц «Адрес-календаря» на 1808 год, то данная подробность приобретает подчёркнуто «изобличающий» характер. «Календарь осьмого года» в этом случае рассматривается в качестве сюжетной параллели соответствующего эпизода в «Капитанской дочке» («Батюшка у окна читал *Придворный* Календарь (курсив мой. — *Л.Л.*), ежегодно им получаемый…» (VIII, 280—281). Это был официальный справочник о должностных лицах империи, отражавший год за годом их продвижение по службе и упрощавший процедуру письменного обращения на их имя). Одним из первых данную точку зрения в качестве оценочного аргумента приводит Н.Л. Бродский: во II главе «дана сатирическая зарисовка «скупого дяди-богача», давно бросившего чтение»[1]. Чтение как форма культурного досуга для дяди Онегина, таким образом, «зависло» на утратившем всякую актуальность справочном издании, что выступает дополнительной комической деталью его портрета:

Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел…
(VI, 32)

Если представить старика-дядю как делового человека, серьёзно занимавшегося своими делами, то свою актуальность для него утрачивал даже прошлогодний справочник, и уж тем более – изданный до Отечественной войны 1812 года, кардинально изменившей карту Европы и всю структуру внутреннего управления России. Отсутствие под рукой нового адрес-календаря — это более десяти лет без

[1] *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителя. М., 1950. С. 125. В этом значении «календарь» упоминается в заключительной строфе II главы, которая не вошла в окончательную редакцию романа:

Изорванный, в пыли и в саже,
Мой [напечатанный] рассказ
Служанкой изгнан из уборной
В передней кончит век позорный
Как Инвалид иль календарь
Или затасканный букварь.
(VI, 301)

официальных прошений, запросов, каких-то обращений, купчих крепостей или торговых сделок. В. Набоков поступает более осторожно, делая акцент не на административном, а на хозяйственном аспекте в рассмотрении данного вопроса: «следует отметить, что ежегодный «Брюсов календарь», подобие «Фермерского альманаха» («Farmer's Almanack»…), мог бы быть в данном случае столь же читаем, разве только помещик, скорее всего, пользовался бы изданием поновее»[1]. Не только комментатору пушкинского текста, но и «насмешливому читателю», предпочитающему однозначность оценок, следовало бы озадачиться: чьё это, собственно, предположение — автора «энциклопедии русской жизни» или же племянника, не посвящённого в тонкости усадебного быта и усадебного чтения? Свою «разность» с Онегиным Пушкин не раз считал необходимым отметить; в форме развёрнутой декларации — в финале I главы, то есть в строфах, предваряющих постановку и решение рассматриваемого нами «календарного» вопроса.

В декабре 1824 года, коротая дни в михайловской ссылке, в письме к брату Льву поэт замечает: «Благодарю тебя за книги, да пришли же мне всевозможные календари, кроме Придворного и Академического» (XIII, 130). Присылкой каких календарей был озадачен Пушкин в разгар работы над «деревенскими» главами «Онегина»? Пушкинское «кроме» предупреждает от возможной прямолинейности выводов.

Действительное многообразие различного рода календарных изданий в повседневном быту пушкинской эпохи выдвигает на первый план проблему их содержательной дифференциации. Именно это определяло позицию ценностного выбора — вкусовых предпочтений, различную степень читательской дистанции. Отсюда проистекает не вполне очевидная для современного читателя система внутренних градаций и смысловой игры.

В «Современной идиллии» М.Е. Салтыкова-Щедрина приводится показательный пример ситуационного самоопределения персонажа: «Он сел на диван и светлым взором оглядел комнату. Но вдруг лицо его омрачилось: где-то в дальнем углу он заприметил книгу… — Это «Всеобщий календарь»! — поспешил я разуверить его и тотчас же побежал, чтобы принести поличное». В «уликовой» парадигме Щедрина

[1] *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 221, 683.

«календарные сюжеты» оказываются неслучайными и несут массу дополнительных значений. (Ср.: «Разве вы живете хоть одну минуту так, как бы вам хотелось? — никогда, ни минуты! читать вы любите — вместо книг календарь перечитываете...»)[1].

Узнав с опозданием на два года в сибирской ссылке о смерти Н.Н. Новосильцева (1836), декабрист М.А. Лунин заметил: «как противоположен наш [характер] жребий: одному — эшафот и история; другому — председание в Совете и адрес-календарь»[2].

Поведенческие практики и их реальная оценка не только дополняют наше понимание субъекта действия, но и делают более полным представление о социальной истории вещей. На это обращает внимание Турчин, предложивший принципиально новое толкование «тёмного места» пушкинского романа в стихах: «История вымышленной вотчины Онегиных, казалось, остановилась на «календаре осьмого года», который Евгений обнаружил в шкафу наряду с наливками и кувшинами яблочной воды. <…> В шкафу хранился, несомненно, «Поваренный календарь, или Самоучитель поваренного искусства, содержащий наставление в приготовлении снедей на каждый день в году для стола домашнего и гостинного», который издавал вездесущий В.А. Левшин. Все шесть частей были изданы в 1808 году. <…> Самим календарём можно было пользоваться… обращая внимание только на месяцы, так как в природе всё повторялось постоянно»[3]. Действительно, поваренный справочник и десятилетие спустя не мог потерять актуальность и информационную ценность, то есть оказаться ненужным в домашнем обиходе, «как прошлогодний календарь». В пользу предположения Турчина свидетельствует факт, что единственное непосредственное упоминание Левшина в «Евгении Онегине» приводится в 4-й строфе VII главы, работа над которой велась Пушкиным в 1828 году. Именно в этом году появляется второе издание «календаря осьмого года» (уже после кончины В. Левшина), на что, в частности, обращает внимание В.Б. Шкловский[4].

Насколько соседство наливок и адрес-календаря кажется неестественным и по-своему «разоблачающим», настолько сосуществование

[1] *Салтыков-Щедрин М.Е.* Современная идиллия // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : В 20 т. Т. 15, кн. 1. М., 1973. С. 144.

[2] *Лунин М.С.* Письма из Сибири. М., 1987. С. 7.

[3] *Турчин В.С.* Царство Флоры в поэзии А.С. Пушкина // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 2000. Вып. 6 (22). С. 11—12.

[4] См.: *Шкловский В.Б.* Сочинения и переводы Василия Левшина // Шкловский В.Б. Чулков и Левшин. Л., [1933]. С. 249—262.

на буфетной полке кувшина с яблочной водой и поваренной книги кажется естественным и функционально оправданным. Восстановление авторства Василия Левшина не только дополняет «Словарь языка Пушкина» новым актуальным значением, но и делает более полным наше представление о формировании культуры национального застолья[1]. С издательской инициативы В. Левшина начинается история «русской поварни» и «поварских прикладов» — самостоятельная традиция, поддержанная обстоятельными справочниками Е.А. Авдеевой, Е.И. Молоховец, а затем их бесчисленными переизданиями. Столичный и усадебный культурные контексты представляли различные «векторы» гастрономических интересов. В их неизбежном столкновении как важная «национальная задача» определялась степень самобытности национальной кухни: «и сам я прошлогодних бы газет не читал, в колымаге бы не ездил, ел бы не лапшу и гуся, а выучил бы повара в английском клубе или у посланника…»[2]

Упоминание в беловой, окончательной редакции VII главы «школы Левшина птенцов» (VI, 122) выявляло в среде русского поместного дворянства особую «фокусную группу». В точном смысле слова «Поваренный календарь» 1808 года был книгой для «особ, провождающих жизнь в деревне», а потому используется Пушкиным в качестве культурной идиомы, понятной далеко не всем категориям современников. Это вводит «сведущего читателя» в сферу условного языка и обусловленных им понятийных контекстов — примет, преданий, примеров особых некалендарных отношений — всего, что составляло когда-то основу усадебного корпоративного языка, включённого в особую систему недекларируемых ценностей.

Принципом построения в издании В. Левшина становится не обычный «азбучный порядок»[3], а порядок функциональный, адаптированный к принятым формам ведения усадебного хозяйства. «Календарь сей разделен подоблением Ежемесячного издания на 12 книжек; и начинается месяцем апрелем: ибо счисление поваренного года начинается с сего месяца, сообразно тому, что первые произведения земные и из царства животных появляются у нас в Апреле; целый же

[1] *Лаврентьева Е.В.* Культура застолья XIX века : Пушкинская пора. М., 1999.

[2] *Гончаров И.А.* Обломов // Гончаров И.А. Собр. соч. : В 8 т. Т. 4. М., 1953. С. 185.

[3] См., напр.: *Левшин В.А.* Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистиллаторский. М.: Университетская тип., 1795; *он же.* Русская поварня. М., 1816; *он же.* Повар королевский. М., 1816.

год кончается месяцем Мартом, потому что все запасы поваренные в сем месяце либо исходят или начинают лишаться своей прочности»[1].

Представляя собою «вечный» календарь, издание В. Левшина в определённом смысле становится манифестом — программой жизнетворчества, ориентированной (и ориентирующей) на готовые бытовые сценарии. Степень их актуальности применительно к повседневности дворянской усадьбы была показательно значимой. «Классическое» издание В. Левшина, можно полагать, было обязательным в библиотеке всякого рачительного хозяина: это памятник устойчивости, постоянства и (в немалой мере) самодостаточности. Пожалуй, это главный аргумент в пользу более серьёзного и заинтересованного отношения к дяде Онегина, объясняющий действительную причину того, почему

Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел…

Соответствие «вкусу умной старины» имело в своей основе мотивированное основание: «В сей книге представлено более 1 300 разных приуготовлений снедей…»[2] Предлагавшиеся в «календаре» меню на каждый день и рецептура блюд (для их приготовления использовались продукты и ингредиенты исключительно домашнего производства) в течение года практически не повторялись. Так формируется вкус к жизни, в которой необходимая степень свободы поместного дворянина была совмещена с полноценностью и остротой эстетических ощущений.

В усадебном пространстве определяется символическое единство природного и родового — наследственного. В этом идеальном совмещении присутствие человека обретает особый экзистенциальный

[1] *Левшин В.А.* Поваренный календарь, или самоучитель поваренного искусства, содержащий наставление к приготовлению снедей на каждый день в году, для стола домашнего и гостиного. С приложением … СПб.: Тип. И. Глазунова, 1808. С. VI—VII. Аналогичным «неазбучным порядком» строился и изданный В.А. Левшиным два года спустя «Календарь поваренного огорода, содержащий в себе подробное наставление для содержания и произращения всех родов огородных овощей, кореньев и трав; с показанием, какая под каждое растение потребна земля, как оные сеять, садить, пересаживать, поливать, и какие в каждом месяце в сем огороде работы производятся. Издан Васильем Левшиным (М.: Унив. тип., 1810).

[2] *Левшин В.А.* Поваренный календарь… С. III.

смысл: «В каждое утро, встав почти с восхождением солнца, первое моё дело состояло в том, чтоб, растворив окно в мой сад и цветничок, сесть под оным и вознестись при том мыслями к производителю всех благ и пожертвовать ему первейшими чувствиями благодарности за все его к себе милости. Между тем как я сим первым и приятнейшим для себя делом занимался, готовил мой Абрам… мой чай»[1], — пишет А.Т. Болотов. Ср.: подчёркнуто тавтологичное замечание Ивана Киреевского (письмо А.И. Кошелеву 1833/1834 г.): «я сижу под окном; на окне чай, который я пью… понемногу, с наслаждением, с сладострастием; в одной руке трубка, в другой перо, — и я пишу, как пью чай, с роздыхом, с Турецкою негою лени: хорошо и *мягко* жить на эту минуту!»[2]

…Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок – верный наш брегет…»
(VI, 113)

В противопоставлении ритмов столичной и усадебной жизни Пушкин использует «зеркальные» формулы, ориентированные на разные «сигнальные системы» — степень их «безусловности» и «условности»: «Пока недремлющий брегет / Не прозвонит ему обед» (VI, 11). В городской культуре само время приёма пищи подлежало более строгой регламентации[3]. Идея доминирования личной свободы, право жить не по часам и не сверяясь с календарём имело в основе соответствующие мировоззренческие основания. В этом смысле позиция неслужащего дворянина в глазах любого чиновного лица всегда была «в подозрении», так как зачастую выступала свидетельством инакомыслия или оппозиционных настроений. «А мужу моему совет дал жить в деревне», — скажет с раздражением о Чацком Наталья Дмитриевна Горич. В однозначно «политическом» смысле в комедии А. Грибоедова понятие «деревня» упоминается Скалозубом («…он службу вдруг оставил, / В деревне книги стал читать…») и в более развёрнутом виде — в диалоге Чацкого и Фамусова:

[1] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738—1795 : В 3 т. Т. II. М., 1993. С. 242.

[2] *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. : В 2 т. Т. 2. М., 1911. С. 226.

[3] См., в частн.: *Лаврентьева Е.В.* Культура застолья XIX века. С. 7—8.

— Кто путешествует, в деревне кто живёт…
— Да он властей не признаёт![1]

Показательны оценочные идиомы у В. Даля, непосредственно отражающие ключевые принципы хозяйственной практики и «деревенский взгляд» на вещи: «календарь не порука», «календарным теплом не угреешься», «кто по календарю сеет, тот редко веет». Реабилитация естественного в усадьбе «хода времени» в более позднем тексте Пушкина (1833) приобретает степень программной заявки:

К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод…
(III, 320)

Следуя данной программе, ближайший современник поэта литератор Николай Сушков (1796—1871) уточняет и развивает эту ценностную оппозицию: «Здорово в деревне: встают рано, кушают рано, ложатся спать рано. Солнечные часы, деревенская скотина и хозяйственный желудок почти всегда, взаимно, друг дружку проверяют и всегда, при некоторой разности — выгона с дворов или загона с пастбища в деревню стада с указанием часовой стрелки — оказывается, что желудки поставлены верно и скотина исправна, а врёт только солнце»[2].

Усадебное время — это привычный круг повседневности, в котором ничего не бывает «вопреки» или «наоборот». Так обозначаются и фиксируются ценностные константы усадебного бытия. В соответствии с природным ритмом происходит «смещение» усадебной повседневности в пределах года. Оно подчёркнуто минимально — как укорачивание дня от июля до зимнего солнцеворота или увеличение суточного времени от декабря до «макушки лета». Установка на *равно-денствие* имела не только временну́ю, но и пространственную характеристику. В доступном «садовом словаре» в ориентации господского дома исключалась возможность «противной естеству» произвольности: «зданию сему для

[1] *Грибоедов А.С.* Горе от ума // Грибоедов А.С. Сочинения М. ; Л., 1959. С. 77, 34, 28.

[2] *Сушков Н.В.* Картины русского быта в старину : Из записок Н.В. Сушкова // Раут на 1852 год : Исторический и литературный сборник в пользу учебного заведения для благородных девиц, ведомства дамского попечительства о бедных в Москве. Издание Н.В. Сушкова. М., 1852. С. 472—473.

удобности приличнее стоять между двора и саду. <...> Не худо, чтоб главные виды были на мартовский и сентябрьский всходы солнца»[1].

Усадебное время — иное. Оно отличается несуетностью, размеренностью и устойчивостью ритма, привычным течением повседневности — характеристиками, не всегда ощутимыми для стороннего взгляда. Идеальные планы усадебного мира раскрываются изнутри как покой, безмятежность, благоустроенность, порядок. Здесь не властны «приметы времени». Если они и обнаруживают довлеющее присутствие, то лишь на границе культурных эпох. История же самой усадьбы во времени теряется, отстраняясь от преходящих и суетных сторон действительности.

Время — необходимая координата, которая позволяет оценить эстетическую завершённость усадебного пространства. Наличествующие и идеальные планы усадебного мира способны раскрыться только в своём органичном единстве. Усадебный мир немыслим без предания. Прошлое как «новость» составляет здесь самостоятельный актуальный подстрочник. «Старые новости» в усадебном времени на равных правах включаются в хронику текущих событий, но и известия современные с опозданием хотя бы на неделю приобретают совсем иные информационные качества. В романе И. Тургенева «Новь» старая няня Васильевна будет рассказывать про всякие «разности»: «про Наполеона, двенадцатый год, про антихриста и белых арапов…». Они служили естественным дополнением к новостям «про вести города, про моды…»[2]. Это были обычные «фоновые явления», нормативно-обязательные для сельской жизни, исключением из которой просто не могла быть «деревня, где скучал Евгений…».

В обозначенном контексте «календарь осьмого года» оказывается подчёркнуто знаковой деталью, выступающей свидетельством принципиально новых параметров личности дяди Онегина, по-новому определяет «диаметр» его сознания. Всё это иначе характеризует дядю в представлении читателя. Отказ от государственной службы — важная подробность биографии российского дворянина. Выйдя в отставку, дядя героя устанавливает независимые, «некалендарные отношения» со своим веком. Он оказывается полной противоположностью своему

[1] Цит. по: *Рябцев Ю.С.* Хрестоматия по истории русской культуры : Художественная жизнь и быт XVIII—XIX вв. М., 1998. С. 215.

[2] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем : В 28 т. Соч. : В 15 т. Т. XII. М. ; Л., 1966. С. 126.

брату (или шурину?), служившему «отлично-благородно» в столичном Петербурге, в чём следует увидеть противоположность не столько биографических сценариев, сколько жизненных принципов. Сорок лет, безвыездно, в деревне — показательный и в чём-то завидный пример постоянства. Одного этого достаточно, чтобы проявить интерес к рядовой фигуре усадебной культуры и подробнее остановиться на внутренней истории онегинской усадьбы.

В этом плане нельзя упускать из виду и значимые хронологические привязки, возможную связь с внешними событиями, которые и оказываются актуальным, хотя и не вполне проявленным общественно-политическим фоном. Самая естественная точка отсчёта деревенской жизни дяди Онегина — середина 1780-х, точнее — 1785 год, год подписания Екатериной II «Жалованной грамоты», окончательно закрепившей социальный статус потомственных дворян (в этом случае «лет сорок» — обычный пример «округления», который был возможен именно в сторону увеличения). В праве дворянина на отставку отстаивался самостоятельный круг индивидуальных ценностей — невозможные до этого поведенческие алгоритмы и новые формы обыденного сознания. Основываясь на теории рачительного хозяйствования, именно усадебный опыт владения и обустройства пространства формировал соответствующую философию собственности — от В. Левшина и А. Болотова до А.Н. Энгельгардта и философов серебряного века.

Время усадьбы — подчёркнуто циклично. Оно не обладает линейными признаками. Его отличительная черта — завершённость на любом отрезке. Круг лет замыкается кру́гом человеческой жизни. Момент преемственности в этой системе отношений оказывается одним из ключевых, определяющим взаимоотношение временны́х и биографических планов. В расчёте на наследников русская усадьба возникает, формируется, развивается. Усадьбы, даже вновь приобретаемые, стремятся обустроиться как старинные родовые гнёзда. Уют привычности — доминирующая характеристика усадебного мира даже в тех случаях, когда имение неоднократно меняло владельцев или было вновь приобретаемым. Патриархальность — существенная детерминанта усадебного мифа, в котором «преходящее» обретает свою протяжённость. В обладании имением фиксируются не только наследственные права, но и идеальные образы необезличенного проживания времени, его индивидуального «воплощения» в пространстве. Лишь отсутствие реального наследника обозначает

верхнюю временну́ю границу в истории усадьбы. Ценностная несовместимость биографических планов для усадебной традиции оказывается приговором. Этот стиль жизни и уклад, несмотря на юридических наследников, с точки зрения реальных восприемников традиции остаётся *Sine prole* — без потомства.

Genius saeculi — для древних римлян не только дух времени, но и дух поколения, его обычаи и нравы (*saeculum, saeclum*). Дядя Онегина — фигура, принадлежавшая всецело XVIII веку. Как всякую личность, для которой в наступившем столетии уже не были новы «все впечатленья бытия» (II, 299), его отличала показательная цельность характера. Левшинский «поваренный календарь» стал для него «книгой жизни» — отражением и обобщением привычного повседневного опыта. В этом смысле определяющими чертами портретной характеристики «дяди» выступают вовсе не «отсталость» или «отставленность». В сознании читателя возникает основательный и самобытный портрет «деревенского Приама» — образ, укоренённый в традиции и соответствующий в мелочах естественному «порядку вещей». Эту важную — характеризующую — особенность усадебного мира подчёркивал ещё В.О. Ключевский: «Между тем жизнь текла своим чередом; среда, из которой выделялись эти чудаки, сидела прямо и спокойно, как её усаживала история. Поэтому я не введу вас в недоумение, когда буду говорить об отце, дяде и прадеде Онегина…»[1]

Сохранить представление о дворянской усадьбе как историческом типе культурных отношений — это не только проблема современного литературного чтения. Именно через возрождение роли усадьбы как культуропорождающей среды оказывается возможным обращение к прежнему кругу устойчивых представлений. В декларировании ключевых понятий усадебной культуры сложнее всего отразить типологию обыденного, житейского. Как самостоятельный предмет описания она не могла постигаться извне. («Князь Андрей слушал, удерживаясь от возражений и невольно удивляясь, как мог этот старый человек, сидя столько лет один безвыездно в деревне, в таких подробностях и с такою тонкостью знать и обсуживать все военные и политические обстоятельства Европы последних годов»[2].) Усадебные патриархаль-

[1] *Ключевский В.О.* Евгений Онегин и его предки // Ключевский В.О. Соч. : В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 89.

[2] *Толстой Л.Н.* Война и мир // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : В 100 т. Редакции и варианты художественных произведений : В 17 т. Т. 8 (25). М.: 2003. С. 100.

ность и «старосветскость» в сознании современников связывались по преимуществу с ближайшими знакомыми или родственниками — чаще всего многочисленными в каждом российском семействе «дядюшками» и «тётушками»[1]. Однако взгляд извне мог быть объективным лишь в оценке внешней, «казовой» стороны поместного быта, которой жизнь русского поместья не ограничивалась.

В точном жанровом значении «усадебного романа» Пушкин не написал. Понимая его «прозаическую» специфику, в III главе «Онегина» (строфы XIII—XIV) он успел наметить только его программу. Это был бы незамысловатый «роман на старый лад» о «нравах нашей старины», «преданьях русского семейства», действие которого развивалось бы неспешно, своим чередом и не стремилось бы выйти за кромку усадебного сада…

Перескажу простые речи
Отца иль дяди старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка…
(VI, I57)

О каком дяде должна была бы идти речь в этой истории? Отметим одну творческую установку поэта — Пушкин любил возвращаться к намеченным однажды сюжетам.

[1] См., напр.: *Вяземский П.А.* Московское семейство старого быта // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 3; *Ващенко-Захарченко А.Е.* Мемуары о дядюшках и тётушках : [В 4 ч.]. М.: Тип. Каткова и К°, ценз. 1860; Тётушкины мемуары. М.: Тип. Н. Степанова, 1844.

Вячеслав Козмин

ВОЛЬТЕР ИЛИ ВИЛАНД?
(к проблеме возможного влияния библиотеки Тригорского на содержание мемуарных записок А.С. Пушкина)

В предисловии к изданию «Пушкин : Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX», представляющему собой раздел «Пушкин и мировая литература» будущей «Пушкинской энциклопедии», авторы отмечают: «По каждой статье обследован и отражён в максимально полной библиографии весь публиковавшийся материал, не исключая работ, в которых выдвигались не принятые и даже абсурдные гипотезы, предлагались несостоятельные или конъюнктурные, быстро устаревавшие положения и т. п. Тем самым обеспечивается обзор каждого вопроса в исторической перспективе от первой его постановки...»[1] Подобные допуски в академическом издании вполне объяснимы, — с учётом специфики литературоведческого комментария, не ограничивающегося простой каталогизацией источников того или иного произведения. Однако в пушкинском творчестве присутствуют такие эпизоды, объяснения которым нет даже на уровне «абсурдных», «несостоятельных» и прочих гипотез. Это в полной мере относится к тексту, хорошо известному в литературе и имеющему прямое отношение к Михайловскому, а именно фрагменту автобиографических записок, датируемых 19 ноября 1824 года: «Вышед из Лицея я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне недолго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том, <что> деревня est le premier...» (XII, 304).

Ранее неоднократно предпринимались попытки комментария «деревенской» темы у Вольтера. В поле зрения исследователей, изучавших возможные сферы влияния творчества Вольтера на Пушкина, попали два произведения, не упомянутых непосредственно самим Пушкиным. А.П. Кадлубовский в статье «К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина» обозначает близкие мотивы между комедией «Le droit du Seigneur» и настроением в ряде антиидиллических сюжетов: «...хотя устами

[1] Пушкин : Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX. Пушкин и мировая литература. СПб., 2004. С. 4.

Mathurina и провозглашена идея равенства всех людей, но в самой комедии деревенская среда изображена поверхностно и пренебрежительно… И она, и он, и другие действующие лица со стороны крестьян в пьесе выставлены людьми очень неразвитыми и умственно, и морально, они живут в самой ограниченной среде интересов, они наивны и вместе с тем полны грубого эгоизма[1]. В русской поэзии есть близкие по содержанию произведения, опровергающие идиллические представления о деревне как рае на земле или счастливой Аркадии. Например, стихотворение И.М. Долгорукова «У камина»:

Молву я слышу повсечасну
О свойстве добрых поселян:
Какую жизнь ведут прекрасну!
Закон природы не попран.
У них грубей, твердят мне, нравы,
Но несравненно их забавы
Простее, нежели у нас:
Друг с другом водятся в свободе,
Не пьют и не едят по моде.
Неправда!..[2]

Другой исследователь, В.И. Резанов, обращает внимание на ещё одно произведение Вольтера:

«В 1736 г. Вольтер написал остроумную весёлую сатиру «Le Mondain» («Светский человек»); здесь с обычною своею язвительною шутливостью он дал типичную картинку из современной ему утончённой французской городской жизни, которую противополагает жизни примитивной. <…>

Фантазия поэтов разукрасила жизнь Золотого Века; французская пасторальная литература создала царство Астреи. Сухой, трезвый, реалистический ум Вольтера насмешливо разрушает все эти вымыслы...»[3]

Но в этих произведениях, а также в ряде стихотворений Вольтера (например, «Послание Горацию»), посвящённых воспеванию уединён-

[1] *Кадлубовский А.П.* К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // Пушкин и современники. Вып. V. СПб., 1907. С. 9.

[2] Русская поэзия. 1801—1812. М., 1989. С. 39.

[3] *Резанов В.И.* К вопросу о влиянии Вольтера на Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. XXXVI. Пг., 1923. С. 71.

ной сельской жизни и филантропии, дана несколько иная трактовка деревенской жизни, нежели та, которая присутствует в автобиографических записках. К тому же во всех перечисленных произведениях нет и намёка на фразу, которую цитирует Пушкин в своих записках. Поиск французского оригинала продолжался длительное время, но, увы, результатов не дал. Что и нашло отражение в комментариях Т.Г. Цявловской к собранию сочинений А.С. Пушкина, вышедшему в 1976 году: «Деревня est le premier… — источник недописанной цитаты из Вольтера не обнаружен…»[1]

В упомянутом выше томе «Исследований и материалов» в статье «Вольтер» (авторы Б.В. Томашевский и Л.И. Вольперт) сообщается лишь о факте цитирования Пушкиным Вольтера: «Тоска в Михайловском по «шуму и толпе» приводит на ум высказывание Вольтера о деревне («<Из автобиографических записок>» 19 ноября 1824 — Акад. XII, 304)»[2]. Так что и в этом, на данный момент итоговом издании, предваряющем выход в свет Пушкинской энциклопедии, ответа на поставленный вопрос нет. В то же время пушкинская запись 1824 года имеет ключевое значения для понимания эволюции отношения поэта к деревне — и как к литературному клише, и как к окружающей его действительности. Похоже, методика поисков ответа посредством фронтального перечитывания произведений французского классика себя не оправдала. Но «цитата» остаётся. Поэтому представляется правомерным несколько иной, быть может, отчасти «абсурдный» путь поисков, в основе которого лежит гипотеза о том, что пушкинская ссылка на Вольтера в данном тексте — оговорка или следствие аберрации памяти. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с цитированием не Вольтера, а другого автора. Оговорка же случилась как следствие общения поэта с обитателями Тригорского, чтения книг из Тригорской библиотеки и ряда других обстоятельств, сопутствовавших написанию автобиографических записок.

Первое посещение Михайловского, о котором вспоминает поэт в 1824 году, приходится на период с 11 (?) июля по 19 (22?) августа 1817 года[3]. Творческим итогом данной поездки стало стихотворение «Простите, верные дубравы!».

---

[1] *Цявловская Т.Г.* Воспоминания и дневники Пушкина // Пушкин А.С. Собр. соч. : В 10 т. Т. VII. М., 1976. С. 361.

[2] Пушкин : Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX. Пушкин и мировая литература. С. 87.

[3] Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина : В 4 т. Т. I. М., 1999. С. 106, 108.

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

(II, 36)

О том, как происходило общение в Тригорском, мы узнаём из воспоминаний М.И. Осиповой: «Все у нас, бывало, сидят за делом: кто читает, кто работает, кто за фортепьяно… Покойная сестра Alexandrine, как известно вам, дивно играла на фортепьяно; её поистине можно было заслушаться… Я это, бывало, за уроками сижу. Ну, пришёл Пушкин, — всё пошло вверх дном; смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам»[1].

Эти свидетельства легли в основу сценарной экспозиции гостиной в доме-музее «Тригорское». В настоящее время здесь присутствуют и фортепьяно, и открытая книга на столике — «Произведения В.И. Жуковского». Экспозиция фиксирует первую часть воспоминаний — будни усадебного дома. Но о том, что происходило потом, — а это и есть самое интересное, так как потом приходил Пушкин, — мы можем только догадываться. Очевидно, что общение поэта с тригорскими обитателями не ограничивалось смехом и шутками.

С приходом гостя поэта индивидуальное чтение переходило в стадию обмена мнениями о прочитанном, обмена информацией о новом авторе или новой книге. При этом активно использовались цитаты. Часть из них участники встречи заносили в личные альбомы, зачастую ста-

[1] *Осипова М.И.* Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским // Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 429.

новившиеся своеобразными культурными протоколами мероприятия. Именно альбомы тригорских барышень стали единственными прижизненными «изданиями» ряда произведений Пушкина, адресованных их владельцам: А.Н. Вульф — «Я был свидетелем младой твоей весны», «Увы, напрасно деве гордой», Хотя стишки на именины»; Е.Н. Вульф — «Вот, Зина, вам совет», «Если жизнь тебя обманет»; Алине Осиповой — «Признание»; П.А. Осиповой — «Простите, верные дубравы».

Подобная — праздничная, театрализованная — форма освоения литературного текста, сопровождающаяся смехом, весельем, имеет свою специфику. Художественные тексты проявляются не полностью, а цитатами или фрагментами. Многоголосие способствует формированию полифонии восприятия. Логику заменяют спонтанные сценарий и сюжет праздника. Подобный способ обмена информацией имеет свои плюсы и свои минусы. К минусам можно отнести неполноту и неточность воспроизведения тех или иных услышанных или прочитанных по памяти текстов.

Характерный пример. Уезжая из Тригорского, Пушкин записывает стихотворение «Простите, верные дубравы». В альбоме или на отдельном листке — неизвестно, так как оригинал не сохранился. Как следствие, позднее П.А. Осипова по памяти трижды воспроизводит текст: в своём альбоме, в альбоме А.Н. Вульф и в более поздней копии, сделанной на отдельном листке. Во всех трёх вариантах первая строка стихотворения вспоминается Осиповой по-разному: «верные дубравы», «милые дубравы», «мирные дубравы».

Среди книг библиотеки Тригорского были менее и более читаемые. Были и такие, которые надолго овладевали думами и чувствами их владельцев. Одна из таковых — «Воспоминания» немецкого писателя и поэта конца XVIII—XIX веков Фридриха Маттисона. Эта книга хранилась в библиотеке Тригорского, и в 1903 году в каталоге, изданном Б.Л. Модзалевским, помечено: «С подписью Прасковьи А. Осиповой»[1]. Особое внимание привлекает пятая глава этого произведения, «Иностранные гости», в своё время подробно прокомментированная в статье сотрудника Пушкинского Заповедника Л.В. Левковой «Автограф и пометы П.А. Осиповой на книге из её библиотеки»[2]. Автор

[1] Пушкин и его современники : Материалы и исследования. СПб., 1903. Вып. 1. С. 31.

[2] *Левкова Л.В.* Автографы и пометы П.А. Осиповой на книге из её библиотеки // Псков. 1998. № 9. С. 93.

отмечает особый интерес хозяйки Тригорского к данному произведению Маттисона, и особенно к пятой главе. Эпиграфом к ней служит отрывок из четвёртой главы поэмы «Оберон» другого немецкого поэта, Кристофа Мартина Виланда (1733—1813):

Ты, маленькая деревня, где я увидел
Первый свет, первую боль и первую радость,
Моё сердце навсегда тайно с тобою,
Оно чувствует себя высланным из рая.

В главе присутствуют эпизоды, которые могли заинтересовать молодого поэта. Л.В. Левкова подробно комментирует эпизод, связанный с М. Ломоносовым. Ломоносов представлен в роли остроумного безбожника. Известны антиклерикальные воззрения юного Пушкина, нашедшие отражение в его ранних произведениях: «Монах», «Бова», «Руслан и Людмила», «Гаврилиада».

Кроме того, имя Ломоносова для недавнего лицеиста было особенно значимо, так как именно Ломоносов в своих одах воспел Царское Село и как бы предварил пушкинские строки, обращённые к альма матер.

Произведение немецкого автора могло стать предметом диспута или даже спора между хозяйкой и её гостем. П.А. Осипова хорошо знала немецкий язык и любила немецкую литературу. А.П. Керн вспоминала: «Любимое её чтение когда-то был Клопшток (кажется первое время пребывания Пушкина в Михайловском)»[1]. В то же время Пушкин в юношеской поэме «Бова» (1814) честно признавался:

Разбирал я немца Клопштока
И не мог понять премудрого!
Не хотел я воспевать, как он;
Я хочу, чтоб меня поняли...
(I, 63)

И, наконец, эпиграф к данной главе весьма примечателен, и, собственно, он имеет ключевое значение в нашем исследовании.

В ситуации литературного «застоя» было спровоцировано первое критическое обращение Пушкина к «деревенской теме». В марте 1816 года Пушкин-лицеист пишет П.А. Вяземскому: «Уверяю вас, что уеди-

[1] *Керн А.П.* Воспоминания о Пушкине. М., 1987. С. 153.

ненье в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединеньи,
Кто видит только в отдаленьи
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над славенскими глупцами
Смеётся русскими стихами,
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает...
И не во сне, а на яву
Свою любовницу ласкает!..»
(XIII, 2—3)

В стихотворной части легко угадываются строки сатирической поэмы дяди поэта В.Л. Пушкина «Опасный сосед», что придаёт этой теме ещё более ироничный характер.

Однако здесь, в Тригорском, неожиданно в лице Виланда Пушкин встречает серьёзного оппонента. Причём литературный оппонент вовсе не одинок. И он из тех, кто действительно «живал в деревнях». Кроме того, его идеи поддерживает сама действительность: первое действительно счастливое лето поэта в псковской деревне его матери и в псковской деревне (селе) под названием Тригорское.

Парадокс ситуации состоял ещё и в том, что Виланд никогда не считался и не никогда не был поэтом-идилликом. Он «формирует эстетику и стиль нем. поэзии рококо, постепенно обогащая скептический гедонизм «лёгкой» поэзии чертами сентиментализма и едкостью просветит. сатиры»[1]. Не случайно его называли немецким Вольтером.

[1] *Коренева М.Ю.*, *Данилевский Р.Ю.* Виланд // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 80.

Эпиграф, вырванный из контекста волшебной поэмы-сказки «Оберон», получает самостоятельный смысл, вовсе не совпадающий с общей тональностью и сюжетом произведения.

Спустя всего год Пушкин пишет стихотворение «Дубравы, где в тиши свободы…», близкое по содержанию и интонации стихотворению «Простите, верные дубравы»:

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень. —
И для [меня] воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
[И сердца первая] любовь.

Любовник муз уединенный,
В с<ени пленительных> дубрав,
Я был свидетель умиленный
Её [младенческих] забав.
Она цвела передо мною,
И <я> чудесной красоты
Уже отгадывал мечтою
Ещё неясные черты,
И мысль об ней одушевила
[Моей] цевницы первый звук
[И тайне сердце научила].

(II, 63)

Исследователь Т. Цявловская предлагает следующий комментарий: «Дубравы, где в тиши свободы...». Эпиграф заимствован из стихотворения Виланда (1733—1813) «Die erste Liebe» («Первая любовь»). Стихи навеяны впечатлениями от поездки в Царское Село и воспоминаниями о первой любви, по преданию, к гр. Наталии Викторовне Кочубей, в замужестве Строгановой (1801—1855)»[1]. Это стихотворение 1818 года —

[1] *Цявловская Т.* Примечания к стихотворениям Пушкина 1813—1824 гг. // Пушкин А.С. Собр. соч. : В 10 т. Т. 1. М., 1974. С. 710.

словно отголосок тригорского лета. Воспоминания о первой любви и первых литературных опытах в Царском Селе близки воспоминаниям о Тригорском 1817 года.

Эпиграфом к этому «родственному» стихотворению становятся строки из стихотворения всё того же Виланда «Первая любовь»: «O Zauberei der ersten Liebe!..» («О волшебство первой любви!..»). Отнесём пока что это совпадение на счёт странных сближений пушкинской поэзии. Отметим лишь, что и эпиграф из поэмы «Оберон», и произведение с эпиграфом из Виланда 1818 года буквально пронизаны повторяющимся и чуть ли не навязчивым определением «первое».

Прошло шесть бурных лет. Пушкин снова оказывается в псковском имении своей матери, но уже в ином качестве — ссыльного невольника. За эти годы творчество Виланда находилось на периферии творческих интересов поэта. Направление мыслей и эмоциональный настрой изгнанника скорее близок литературному «Светскому человеку» Вольтера. Обстоятельства жизни делают поэта циничным и насмешливым. Вольтер снова овладевает его мыслями и настроением, что находит отражение в творчестве в период михайловской ссылки.

Мемуарные записки, которые Пушкин продолжает вести в Михайловском, невольно обращают автора к воспоминаниям о его первом посещении этих мест. В ноябре 1824 года он делает упомянутую выше запись. Общеизвестно, в каком душевном разладе находился поэт в это время. Кроме того, ноябрь на Псковщине — худшая пора. На дворе гнилая псковская осень, пронзительное одиночество. Поэтому вовсе не случайно автор вспоминает не только первый приезд, но и ту пору, когда на дворе стояло лето, когда ритм деревенской жизни значительно ускорялся, — шумное лето 1817-го.

На этом фоне происходит резкое отвержение былых привязанностей и деревни как таковой. Под горячую руку попадаются и те, кто в своё время «обманул» автора демонстрацией своего счастливого «деревенского» бытия, — былые «грации», обитательницы Тригорского. В декабре 1824 года поэт пишет сестре: «Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери» (XIII, 127).

В ноябрьской записи тригорский подтекст проявляется также в упоминании о русской бане. Известно, что баня в Михайловском была далеко не русской. Поэтому Пушкин предпочитал не свою, а тригорскую.

Первая часть пушкинской записи — перечень материальных радостей сельской жизни. Поэтому во второй, по логике, во избежание

повторов должны присутствовать чувственные характеристики первого лета в деревне. Что и происходит в пушкинской записке. Например, первый свет не в смысле рождения, а в смысле светлости, чистоты, «грациозности»; первая боль («...а сердце оставляю вам») — боль сердечная; первая радость — радость от первого посещения Тригорского, «зафиксированная» в литературном произведении «Прости, Тригорское...». Конечно, по истечении стольких лет детали того посещения, названия прочитанных книг, имена и фамилии писателей и тем более авторов эпиграфов могли позабыться. Как следствие, в памяти могла сохраниться не точная цитата, а ключевое, повторяющееся рефреном слово. Здесь это слово — «первое».

Есть ещё одна деталь, подтверждающая возможность дублирования некогда прочтённого эпиграфа спустя несколько лет. Недописанную цитату якобы «из Вольтера» можно рассматривать как внутренний эпиграф, который при доработке вполне мог бы оказаться на своём традиционном месте: под заголовком и перед авторским текстом.

Опять-таки, жанр мемуарных записок — это не что иное, как фиксация воспоминаний. А именно так называлась книга Ф. Маттисона. И именно «воспоминанья» («...От вас беру воспоминанье») остаются у поэта после посещения в 1817 году Тригорского.

Особую интонацию в этот период для Пушкина приобретает последняя строка эпиграфа — о сердце, чувствующем себя «высланным из рая», — придающая особую парадоксальность ситуации, в которой оказался сосланный в былой рай поэт. И подводя итог наблюдениям, связанным с гипотезой относительно вероятности ошибки поэта в содержании и авторстве цитирования, отметим ключевой момент, способствовавший путанице с именами Вольтера и Виланда. Это — собственная цитата Пушкина из стихотворения «Послание к Юдину» (1815):

Вот мой камин – под вечер тёмный,
Осенней бурною порой,
Люблю под сению укромной
Пред ним задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать…
(I, 169)

Имена Вольтера и Виланда соседствуют в одной строке. Смысловые различия размываются, строку можно прочитать и так: «...Вольтера,

«немецкого» Вольтера» читать...». А это могло способствовать позднейшему неточному цитированию. Если наша гипотеза имеет место, то оказывается, что пушкинская автобиографическая записка точно и весьма предметно фиксирует события первого приезда поэта в псковскую деревню: посещение тригорской бани, первые встречи с тригорскими барышнями, а также факт первого знакомства поэта с книгой Ф. Маттисона «Воспоминания» и цитатой-эпиграфом из поэмы «Оберон» Кристофа Мартина Виланда.

Любовь Козмина

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КНИГИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО СЮЖЕТА МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ

Когда в сентябре 1969 года Совет Министров РСФСР принял постановление о восстановлении дома-музея в мемориальной усадьбе Пушкинского Заповедника, в Петровском, перед создателем музейной экспозиции С.С. Гейченко стал вопрос: какими предметами эпохи Просвещения отобразить портрет легендарной личности — арапа Петра Великого, ставшего литературным героем пушкинского романа в прозе? Какими вещественными источниками отобразить портреты современников Пушкина: хранителя семейственных реликвий «двоюродного дедушку — старого арапа» Петра Абрамовича Ганнибала и его сына Вениамина Петровича, пылкого поклонника поэзии своего племянника? Ведь ганнибаловские раритеты дошли до нас в крайне малом количестве. Прекратила существовать в годы «окаянных дней» Гражданской войны в начале 20-х годов прошлого столетия и хорошая, по оценке пастора Г. Геннинга[1], библиотека прадеда Пушкина как собрание в основном французских книг.

Благодаря составленным А.П. Ганнибалом реестрам[2] книг[3] пред нами предстаёт портрет владельца значительной библиотеки, читательские интересы которого определялись не только профессиональной деятельностью, но и обширностью познаний и высокой образованностью.

Надо полагать, что книжное собрание прадеда Пушкина, основу которого он заложил во время своего семилетнего пребывания во Франции, пополнялось в течение его жизни, а также его наследниками — сыновьями Иваном Абрамовичем и Петром Абрамовичем, а затем и внуком Вениамином Петровичем. Основание для этого предположения

---

[1] См.: *Прянишников Е.А.* Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье // Из коллекции редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1981. С. 78.

[2] Реестры книг находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук.

[3] О новых исследованиях книжного собрания А.П. Ганнибала см.: *Ступина Е.А.* Библиотека А.П. Ганнибала // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы ; М., 2005. С. 23—50.

нам даёт тот факт, что в числе подписавшихся на «Историю княжества Псковского» митрополита Евгения (Болховитинова), изданную в Киеве в типографии Киево-Печерской Лавры в 1831 году, значится Вениамин Петрович Ганнибал[1].

Собрать книги согласно реестрам, чтобы воссоздать книжное собрание А.П. Ганнибала, — задача чрезвычайно сложная. С.С. Гейченко провёл большую работу по собиранию французских книг второй половины XVIII столетия. Эта часть коллекции в основном состоит из книг, полученных из Исторического музея, из даров обладателей частных библиотек или экземпляров, выменянных Семёном Степановичем на издания из собственного книжного собрания, а затем переданных в дар музею.

В 1972 году известный московский музыковед и библиофил Ольга Ивановна Соколова[2] передала в дар Пушкинскому Заповеднику изданные во второй половине XVIII столетия в Париже, Женеве, Данциге, Гамбурге, Амстердаме французские книги военной тематики — 41 книгу. Эти издания, равно как и другие, в результате реэкспозиции, проведённой в 1990—1999 годах, были представлены в Кабинете П.А. Ганнибала. На том этапе сценарного построения музейного сюжета мне как автору научно-тематической концепции виделось, что они в целом будут иллюстрировать образ хранителя книжного собрания Ганнибала — сына царского арапа Петра Абрамовича, генерал-майора от артиллерии, которому волею судьбы было суждено передать Пушкину фамильные документы, касающееся его легендарного предка.

Однако при создании экспозиций в 2001 году от этого приёма пришлось отказаться, так как был восстановлен дом-музей А.П. Ганнибала и экспозиционный сюжет кабинета П.А. Ганнибала требовал уже иного построения и иных акцентов.

Из этого числа книг в нынешнюю экспозицию вошли «Школа солдата и офицера (историческая и воспитательная (моральная)» с портретами военачальников под редакцией М. Беранже (Париж, 1788) в трёх томах, Мемуары, «Критический обзор французской армии» (Женева,

[1] Уже в этом веке, в 2009 году, «История княжества Псковского» переиздана Псковской областной типографией. Переиздание подготовлено Н.Ф. Левиным и Т.В. Кругловой.

[2] О.И. Соколова (род. 6 сент. 1918 в Сочи). Музыковед. Лит. соч.: Симфонические произведения С.В. Рахманинова. М., 1957; Хоровые и вокально-симфонические произведения С.В. Рахманинова. М., 1964; Сергей Васильевич Рахманинов. М., 1983.

1781), «Фрагменты о тактике военной науки» (1797), «Военный штат Франции» (Париж, 1781), «Учебник офицера» (Гамбург, 1812), одна из книг (второй том) разделённой на 24 книги «Всеобщей истории» (Париж, 1817) в переводе с немецкого на французский.

Нужно сказать, что в XVIII веке вообще русская культура была неразрывно связана с французской и развивалась под её воздействием. Франция для обучения царского воспитанника была выбрана не случайно. Система военно-инженерного образования в этой стране в те времена считалась лучшей в Европе.

И вот уже в наши дни, 23 октября 2010 года, в Год России — Франции и Международный год диалога культур, в Ла-Фер на бывшем здании Артиллерийской школы была торжественно открыта мемориальная доска, увековечивающая память Ганнибала. На ней на русском и французском языках указано: «Прадед Александра Пушкина, крестник Петра Великого, первый русский военный инженер, генерал-аншеф Русской императорской армии Абрам Петрович Ганнибал, родившийся в Логон-Бирни в 1696 году и скончавшийся в России в 1781-м, постигал в этих стенах искусство фортификации и стал одним из первых дипломированных военных инженеров, выпущенных кузницей кадров французской артиллерии»[1].

Одним словом, представитель России, африканец по рождению, стал выдающимся примером французской образованности.

Книги, представленные в экспозиции «Кабинета Вениамина Петровича», гипотетически отображают кругозор внука царского арапа, тяготевшего к гуманитарному совершенству. На рубеже двух веков происходила переоценка ценностей XVIII столетия. Понятие «поэт» в ту пору расширяется, и занятия литературой, музыкой, изобразительным искусством, агрономией становятся одним из главных признаков нового типа дворянина, коим предстаёт современник Пушкина из рода Ганнибалов, судя по воспоминаниям и эпистолярным источникам.

[1] Торжественная церемония в Ла-Фер, проводившаяся при информационной поддержке ИТАР-ТАСС и французской прессы, собрала вместе представителей Франции, России, Камеруна, Эстонии, других стран, с которыми был связан жизненный путь Ганнибала. Репортаж о церемонии на своих страницах поместили «The New York Times» и «International Herald Tribune». ЮНЕСКО включила эту инициативу в свой календарь событий Международного года сближения культур. Одновременно это и плод многолетних трудов зарубежного биографа Ганнибала, известного бенинского историка и филолога, ныне парижанина, Дьедонне Гнамманку.

В феврале 1975 года С.С. Гейченко передал музею две книги. Первая — «Военная история походов россиян в XVIII столетии» Д.П. Бутурлина[1], изданная в Санкт-Петербурге в 1820 году. Книга написана Бутурлиным на французском языке и переведена на русский генерал-майором А. Хатовым. Труд этот представляет свод сведений о военных походах XVIII столетия. Автор при написании опирался лишь на достоверные источники информации. При работе над «Полтавой» и «Историей Петра» Пушкин пользовался военно-историческими трудами Бутурлина. В описании библиотеки Пушкина Б.Л. Модзалевским «Военная история походов россиян в XVIII столетии» представлена в двух экземплярах.

В третьей главе «Арапа Петра Великого» пред вернувшимся из Франции Ибрагимом Россия предстаёт в лице сподвижников Петра. Подобно «парижской» главе романа, в которой Пушкин «создаёт аромат эпохи... своеобразной игрой на именах»[2], в русских эпизодах романа возникает вереница имён государственных деятелей петровского времени, среди которых упоминается ещё один Бутурлин[3].

Вторая книга, переданная в музей Семёном Степановичем, «Опера с комментариями», издана в Париже в конце XVIII столетия.

---

[1] Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849), военный историк. Принадлежал к древнему роду Бутурлиных, который, как и Пушкины, восходит к Ратше. Д.П. Бутурлин — участник Отечественной войны 1812 года. Отличился в боях при Тарутине, Малоярославце и Вязьме. В Заграничном походе русской армии 1813—1814 годов участвовал в сражениях при Кульме и под Лейпцигом, где был ранен и получил орден Св. Анны 2-й степени. После окончания войны Бутурлин — адъютант начальника главного штаба князя П.М. Волконского, затем флигель-адъютант императора Александра I. Участвовал во Франко-испанской войне на стороне французов, отличился в ряде битв. Вернувшись в 1824 году в Россию, Бутурлин получил чин генерал-майора и был назначен генерал-квартирмейстером. Участник русско-турецкой войны 1828—1829 годов, отличился в битвах у Кулевчи и при штурме крепости Силистрия. С 1833 года — сенатор, а с 1840-го — член государственного совета. В 1843—1849 годах он был директором Императорской Публичной библиотеки. Кроме «Военной истории походов россиян в XVIII столетии» перу Д.П. Бутурлина принадлежат исторические труды: «Картина войн России с Турцией», «Картина осеннего похода 1813 г. в Германии», «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г.», «История Смутного времени в России в начале XVII века». См.: http://www.rusizn.ru/rom15_008_05.html и др. источн.

[2] *Якубович Д.П.* «Арап Петра Великого» // Пушкин : Исследования и материалы. Т. 9. Л., 1979. С. 269.

[3] Бутурлин Иван Иванович (1661—1738), с молодых лет был близким лицом к Петру I, участник Азовских походов.

В книге опубликованы сюжеты комических опер Жана Филиппа Рамо (1683—1764), написанные на либретто Вольтера: «Самсон», «Прометей», «Принцесса Наварская», — и представлены оперы А. Гретри (1741—1813) — современника и свидетеля Великой Французской революции, бывшего самой крупной фигурой оперного театра Франции эпохи Просвещения.

В 1974 году, 1 августа, в дар Пушкинскому Заповеднику от Адуевой[1] поступила «Малая библиотека театра», изданная в 1800 году в Париже (50 томов из 100) с портретами авторов комедий, пасторалей, парадизов, трагедий, драм XVII—XVIII веков. Из 19 книг, представленных в экспозиции, отметим 13-й том, который посвящён творчеству Пьера Корнеля (1606—1684), основоположника классицистической трагедии. К тому же отметим, в реестре книг А.П. Ганнибала значится «Театр Пьера Корнеля» в пяти томах.

Данный том посвящён трагедии «Сид», составляющей эпоху в истории французского театра. Её постановка прошла в декабре 1636 года и сразу же была признана шедевром. О сделанном Павлом Александровичем Катениным переводе трагедии Корнеля «Сид», вышедшем в 1822 году, Пушкин упоминает в первой главе «Евгения Онегина»: «Там наш Катенин воскресил // Корнеля гений величавый» (VI, 12).

Накануне открытия музея Ганнибалов в 1977 году в Пушкинский Заповедник поступило собрание сочинений Вольтера в девяти книгах, изданное в Париже в 1805 году, — дар Ирины Давидовны Энтиной, возглавлявшей Центральную библиотеку имени Н.А. Добролюбова в Москве в течение сорока лет, с 1963 по 2002 год.

На форзаце книги «Театр Вольтера» представлен книжный знак «Из библиотеки М.П. Миткова»[2], на котором изображён герб рода Митковых с датой — 1509.

---

[1] К сожалению, в регистрационной записи в книге поступлений инициалы дарителя отсутствуют.

[2] Младен Петрович Митков (1834—?) — государственный чиновник, на которого Александром II было возложено наблюдение за печатанием и рассылкой Манифеста и положения 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права. Он происходил из потомственных дворян Митковых. Его пращур, Степан Митков Хорев, как гласит статья в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, «в 1509 году был послан с Коломны до Рязани для препровождения Нагайского Царевича и его посланцев. Даниил Осипов сын Митков в 1519 году за Московское осадное сидение пожалован вотчинами».

В этих девяти книгах представлено почти всё драматическое наследие Вольтера. В числе трагедийных произведений опубликованы трагедия «Эдип», после представления которой, в 1718 году, Вольтер становится знаменитым, ему пророчат лавры Корнеля и Расина. Правда, «Эдип» Вольтера от корнелиевского «Сида» разнится выведенной сентенцией: У Корнеля — «Счастье народа служить своему королю»; у Вольтера — «Счастье короля служить своему народу».

«Вольтер вошёл в русскую культуру ещё при своей жизни, — читаем у современных исследователей. — Он сам стремился понять далёкую страну; переписывался с Ломоносовым, Шуваловым, Фонвизиным, Екатериной II и другими деятелями культуры и науки. <…> В России сложился культ Вольтера, знавший взлёты и падения. Контуры этого процесса проступают в истории заочного культурного диалога Пушкина и Вольтера»[1], ставшего первым поэтическим наставником поэта. Обращение к его творчеству, пишет Вл. Лукин, «открывает самую раннюю (неоконченную) поэму Пушкина «Монах» (1813):

Вольтер! Султан французского Парнаса...
Но дай лишь мне свою златую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.

<…> В лицейские годы Пушкин перевёл три стихотворения Вольтера, в том числе известные стансы «К г-же дю Шатле». В «Руслане и Людмиле», «Гаврилиаде» и других произведениях начала 1820-х годов явственно чувствуется влияние вольтеровского стиля... Пушкин видит себя продолжателем традиций Вольтера. Так же его воспринимают и современники. В 1818 году Катенин впервые называет Пушкина «le jeune Monsieur Arouet» («молодой господин Аруэ», т. е. Вольтер), затем такое сравнение становится обычным (например, у М.Ф. Орлова, П.Л. Яковлева, В.И. Туманского, Н.М. Языкова).

В более поздние годы… преодолев влияние вольтеровского поэтического стиля, Пушкин дистанцируется от своего кумира юности», отмечает исследователь. «Большинство упоминаний о Вольтере Пушкин оставляет лишь в черновиках или письмах. Так, они исчезают из «Евгения Онегина». <…> Интерес к блестящему стилю Вольтера всё более замещается интересом к его историческим и философским тру-

[1] *Луков Вл. А., Захаров Н.В.* Вольтер и Шекспир. http://www.testsoch.com/volter-i-shekspir-statya-vl-a-lukova-i-n-v-zaxarova/.

дам. Так, работая над «Полтавой» (1828), Пушкин широко использует материалы «Истории Карла XII» и «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера. Исследователи[1] отмечают, что сам способ освещения исторических событий путём сопоставления вождей — Петра как созидателя и Карла как разрушителя — сформировался под влиянием Вольтера. <…> Заручившись личным разрешением императора Николая I, Пушкин первым из деятелей русской культуры получил доступ к библиотеке Вольтера, купленной Екатериной II и находившейся в Эрмитаже. Здесь он нашёл множество неизданных материалов об эпохе Петра»; также «ряд исторических трудов Вольтера он использовал в работе над «Историей Пугачёва» и в незавершённой «Истории Петра»[2].

Таким образом, культурологический аспект книги заключается в информационной составляющей — как в раскрытии портретных образов владельцев дворянской усадьбы века Просвещения, так и отображения мира пушкинских исследований — в контексте историко-литературного сюжета музейной экспозиции.

---

[1] *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. Л., 1960; *Заборов П.Р.* Пушкин и Вольтер // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 7. Л., 1974. С. 86—99; *Севастьянов А.* Вольтер глазами Пушкина // Вопросы литературы. 1987. № 2. С. 146—167; *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб., 1995. (Прим. Вл. Лукова. — *Ред.*)

[2] *Луков Вл. А.* Пушкин: русская «всемирность» // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. http://www.zpu-journal.ru/zpu/2007_2/Lukov_Vl/10.pdf

Константин Жучков

СИНОДИК ДВОРЯНСКИХ БИБЛИОТЕК: ПЕРВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Проблема гибели усадебных библиотек в годы революции и гражданской войны 1917—1920 годов в России всё больше начинает привлекать внимание историков. Обстоятельный подсчёт утерянного национального культурного наследия может не только рассказать о культурном потенциале старой России, но и выявить тенденции современного культурного строительства. Однако, несмотря на важность темы, её изучение находится в зачаточном состоянии.

На сегодняшний день условно можно назвать три существующих синодика усадебных библиотек, в определённой мере дающих представление о масштабах проблемы. Первый из них был опубликован С.Р. Минцловым (1870—1933) в Берлине в 1925 году[1]. Приведя сведения о ста погибших усадебных библиотеках, С.Р. Минцлов, однако, выполнил свою работу в эмиграции по личным воспоминаниям и по рассказам очевидцев и не мог пользоваться какими-либо документами. В результате в его труд вкралось множество ошибок, когда Минцлов представлял гибель библиотек, на самом деле оказавшихся сохранёнными.

Второй по счёту является книга И.А. Друганова (1883—?), опубликованная в трёх выпусках журнала «Советская библиография» в 1933—1935 годах[2]. И.А. Друганов с момента образования Московского библиотечного отдела Наркомпроса был его секретарём, а впоследствии — заместителем заведующего отделом В.Я. Брюсова. Пользуясь документами отдела, И.А. Друганов представил в своей работе сведения о более чем 2 000 библиотек, указав при этом на их дальнейшую судьбу. Однако И.А. Друганов, как нам кажется, по условиям советского времени не смог дать объективную картину существования усадебных библиотек в период революции и гражданской войны и не указал ни на

Настоящая работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-11-60005.

[1] *Минцлов С.Р.* Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время великой войны и революции. Берлин, 1925.

[2] *Друганов И.А.* Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советская библиография. 1933. № 1—3; 1934. № 2—4; 1935. № 1—2.

один из фактов гибели библиотек, очевидно, известных ему по роду его деятельности в 1918—1920 годах.

Наконец, недавно Г.Д. Злочевский опубликовал «Синодик дворянских библиотек», в котором сделал выборку из работ С.Р. Минцлова и И.А. Друганова, дополненную сведениями из современных публикаций[1]. В своём труде Г.Д. Злочевский привёл сведения о 223 библиотеках. Притом что этот список является вторичным, в большой степени повторяющим данные, приведённые предшествующими авторами, Злочевский обозначил важность проблемы и вывел её на магистральный путь современной историографии.

Трудность изучения гибели культурного наследия России состоит, прежде всего, в дискретности проблемы. Усадебные библиотеки, рассеянные по необъятным просторам страны, представляют собой во многих случаях автономные образования, сведения о которых распылены по множеству местных архивов. Свести воедино данные о них — во многом трудноразрешимая проблема. Сведения о некоторых из этих библиотек начинают появляться в публикациях по отдельным научным областям, тем не менее вопрос этот и на сегодня во многом зависит от доброй воли местных исследователей.

Однако в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Библиотечного отдела Наркомпроса, хранятся списки библиотек по всей территории РСФСР. Условия их появления и обстоятельства, этот процесс сопровождавшие, делают данные списки, конечно, очень специфическим документом, но тем не менее на сегодняшний день они единственные способны стать документальным ядром для решения поставленной проблемы, а именно для выяснения масштабов утраченного наследия.

Библиотечный отдел находился в составе Наркомата по Просвещению с момента создания Совета Народных Комиссаров осенью 1917 года[2]. В марте 1918 года, когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, Библиотечный отдел был оставлен в северной столице. Он стал частью Наркомата по Просвещению Совнаркома Союза коммун Северной области и по своему местоположению стал называться Петроградским.

---

[1] *Злочевский Г.Д.* Синодик дворянских библиотек // Библиография. 1997. № 2, 4.

[2] См.: *Абрамов К.И.* Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917—1920. М., 1974. С. 36.

Наркомпрос Совнаркома РСФСР в Москве первое время существовал без Библиотечного отдела[1]. Это неудобство было обозначено уже 5 июля 1918 года[2]. Тогда же было принято решение о создании заново Библиотечного отдела в составе Наркопроса РСФСР, однако воплощено в жизнь оно было только 1 октября 1918 года. Вновь созданный отдел (точнее, первоначально — подотдел в составе Внешкольного отдела) возглавил В.Я. Брюсов[3]. Таким образом, центральная власть в Москве долгое время не обладала органом, способным провести ревизию книжных богатств страны, в отличие от правительства автономной области, которая существовала в Петрограде в виде Союза коммун Северной области в 1918—1919 годах.

Отставание центрального правительства от петроградского выразилось, прежде всего, в том, что работу по сбору сведений о брошенных, требующих вывоза или охраны и уничтоженных библиотеках вначале вёл именно Петроградский библиотечный отдел, тогда как Московский начал сбор этих сведений только осенью 1918-го. К моменту же, когда Московский библиотечный отдел начал работать, положение РСФСР оказалось крайне трудным. Бесконечные мятежи, восстания и заговоры против Советской власти, с конца лета 1918 года охватившие большинство губерний бывшей России, существенно ограничили сферу применения власти Московского Совнаркома. По существу, в его ведении оказалось лишь несколько центральных губерний с примыкающими к ним небольшими соседними территориями. Первые сведения, которые удалось получить Московскому библиотечному отделу осенью 1918-го, происходили лишь из 99 уездов центральной России[4], что фактически равнялось лишь семи-восьми губерниям бывшей некогда необъятной страны.

Осенью 1918 года Московский библиотечный отдел имел несколько списков провинциальных библиотек. Во-первых, сведения ему представляли сами эмиссары отдела; во-вторых, информацию присылали местные Совдепы по просьбам отдела; в-третьих, данные о библиотеках сообщал Петроградский отдел; и, в-четвертых, эти данные представлял Отдел по делам музеев в составе самого Наркомпроса.

[1] Там же.

[2] Там же. С. 37.

[3] История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы. 1918—1920. М., 1975. С. 41.

[4] Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. А-2306, оп. 30, д. 4, л. 32.

Например, в ответ на известное письмо Горького Луначарскому о бедственном положении усадебных библиотек в Орловской губернии Подотдел провинциальной охраны сообщал, что из 20 тысяч томов библиотеки Скарятиных удалось спасти только 8 тысяч, а библиотека в усадьбе «Олив» «разграблена до основания»[1].

В итоге на конец 1918 года в делах Московского отдела отложилось несколько списков провинциальных библиотек, в которых сохранились сведения о погибших библиотеках. Из них мы публикуем первый, составленный самим отделом в октябре — ноябре 1918 года. Крайней датой составления списка является 1 декабря 1918 года, поскольку его подписал И.А. Друганов ещё в качестве секретаря отдела (с 1 декабря он стал заместителем В.Я. Брюсова)[2]. Документ представляет собой подлинный машинописный текст на папиросной бумаге. Сведения, вписанные от руки, в том числе и подписи, означены в нашем случае курсивом. Правописание документа полностью сохранено.

Помимо публикуемого документа, в том же деле Московского отдела находятся ещё несколько списков, в которых фигурируют погибшие библиотеки. В списке Музейного отдела указаны следующие находящиеся под угрозой или погибшие библиотеки (за исключением уже указанных в публикуемом списке): усадьба Войня Новосильцева (Мценский у. Орловской губ.) — «разгром», Дупны Бутурлина (Чернский у. Тульской губ.) — «разгромлено»[3].

В списке отдела на 1 января 1919 года указано: имение В.Д. Черткова (Острогожский у. Воронежской губ.) «под угрозой расхищения»; Кашкина Н.Г. (с. Прыски Козельского у. Калужской губ.) «в большом безпорядке»; Кавелина (Калужской губ.) «разграблена и сожжена», Оболенского А. (с. Березичи, там же) — «часть библиотеки спасена от разгрома»; Постниковых (с. Гущино Галичского у. Костромской губ.) «пострадала»; Борисенко (там же) «в опасном положении»; Островского, «драматурга» (Кинешемский у. Костромской губ.) «частью расхищена»; Калачевых (с. Есиплево, там же) «в опасном положении»; Чумаковых (с. Васильевское Костромского у.) — «библиотека исчезла»; Карцева (Кудряшова) (там же) — «библиотеки вероятно уже нет», Черевиных (там же) — «библиотека и музей пострадали»; Купреяновых (с. Панино Солигаличского у.) — «библиотека и архив растасканы»;

[1] ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 52, л. 44.
[2] Там же, д. 4, л. 25.
[3] Там же, д. 52, л. 9—13.

Теплова (имение Молодое Орловской губ.) — «расхищена и уничтожена»; Нарышкиной Е.А. (имение Егорьевское Орловской губ.) — «частью расхищена», Ермолова (б. Алешня Ряжского у. Рязанской губ.) — «библиотека вывезена в Ряжск и выкрадена»; Акимова (Саратовской губ.) — «в опасности»; Куракиных (с. Куракино Саратовской губ.) — «удалось часть библиотеки спасти»; Урусовой (там же) — «в опасности»; Устиновых (с. Вековo и Елань, там же) — «обе библиотеки в опасности»; Свербеевой З.С. (с. Сетуха Новосильцовского у. Тульской губ.) — «разграблена и уничтожена», Самарина П.Ф. (Ефремовского у. Тульской губ.) — «по слухам частью сожжена и разгромлена», Ильина Д.В. (с. Облезово Каширского у. Тульской губ.) — «сгорела в декабре»[1].

Помимо ведомостей, в которых указывались усадебные библиотеки, подлежащие обследованию или вывозу, отдел получал сведения из библиотечных отделов местных Совдепов о положении дел, в которых также указывались погибшие или находившиеся в опасности усадебные библиотеки. Сведения, получаемые центральными властями, из-за нестабильного положения в ряде регионов страны были или приблизительны, или неверны, в то же время центральные власти пытались поставить под контроль движение библиотек в провинции.

Так, Петроградский отдел на 1 июля 1918 года отмечал, что «в своё время были приняты меры к охране ряда помещичьих библиотек, ставших народным достоянием, так, напр. (22/II-1918) библиотек в имениях бывш. баранов[2] Вревских («Голубово» и «Александрово-Врев.» Псковской губернии, Остров. у.), содержащих книги Пушкинского времени и архив с ценными материалами, относящимися к личности великого поэта»[3].

Тот же Петроградский отдел ввиду сложного положения в Псковской губернии почти не имел достоверных сведений о положении с частными библиотеками в этом районе, о чём Д. Пинес докладывал 31 января 1919 года 1-й библиотечной сессии Наркомпроса:

«В губернии есть много библиотек: часть их — и не малая к сожалению погибла или была расхищена благодаря малосознательности местного деревенского населения. Так, по слухам погибла ценная библиотека б. кн. Дундукова-Корсакова в им. «Поланное»[4] Порховского уезда, в

[1] Там же, д. 52, л. 14—18.

[2] Так в тексте. Д. б.: баронов.

[3] ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 12, л. 4.

[4] Так в тексте. Д. б.: в им. Полоное.

им. Преображенскаго «Строганово» в некоторых монастырях (есть слухи между прочим, о том, что благодаря малосознательности местного населения совершенно уничтожены так называемые «Пушкинские уголки» — сожжён домик няни великого народного поэта А.С. Пушкина, вырублена роща в с. Михайловском, пострадало Тригорское).

В этом отношении есть много «бытовых» данных, свидетельствующих о коренном недопонимании и невежестве.

Если в одних поместьях крестьяне дав волю веками накопившемуся чувству мести по отношению к барам, привязывают помещика к креслу и на его глазах сжигают его библиотеку, картины и пр. (имение «Преображенское» В. Назимова), то в других местах листы ценных книг растаскиваются «на цигарки», употребляются на топки печей (случай в Пскове), в третьих разрозненные томы прячутся по избам и никакие ссылки на национализацию, на постановления Совнаркома не помогают. Иногда только за деньги можно откупить книги, взятые в помещичьей усадьбе, представляющие большую библиографическую ценность, но не имеющие зачастую никакого значения в избе крестьянина, в волостной, а иногда даже в уездной и губернской библиотеке»[1].

Имеющиеся в делах Московского и Петроградского библиотечных отделов сведения о погибших в 1918—1919 годах усадебных библиотеках, конечно, весьма приблизительны и не дают полной картины гибели провинциальных библиотек, однако эти сведения на сегодняшний день вполне могут стать основой для дальнейшего пополнения синодика усадебных библиотек и в конечном счёте помочь прояснить реальные потери национального богатства в годы революционных преобразований.

[1] ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 30, л. 33.

Приложение

СПИСОК БИБЛИОТЕК
ПОДЛЕЖАЩИХ ОБСЛЕДОВАНИЮ ИЛИ ВЫВОЗУ *В 1ю ОЧЕРЕДЬ*

№ п/п	Усадьба	б. владелец	Адрес	числ. томов	Примечание
		Московская губерния			
1.	Ильинское	быв. ВелеКн Д. П. Романова	Звенигород. у. Ст. Одинцево Алекс. ж. дор.	18000	
2.	Гузеево-Бабы кино-том.	Киреевскаго	Верейскаго у. Ст. Дорохово Александр. ж. дор.	6000-7000 тыс.	Книги свалены в полном безпорядке, часть книг разорвана и кое что расхищено каталога нет. Библ. ценная литературнаго и исторического содерж. преимущесв. XVIII и перв. полв. XIV в.[1] редкия изд. старо печати
3.	Введенское	Гудович	Звенигород. у. в 4-х вер. от города Ст. Голицыно Александр. ж. д.	10000	Библиотека без всякого присмотра. Ценный отдел по истории искусства
4.	Вяземы	Голицына	Звенигород. у. Ст. Голицыно Алекс. ж. дор.	20000	Исключительная ценность, по слухам опечатана местными крестьянами.
5.	Александровское-Троицкое	Всеволожскаго-Рябушинскаго	Московс. у. Ст. Хлебниково Савелов. жел. дор.	2500-3000	Опись в уездн. Совдепе. Ценная.
6.	Архангельское	Юсупова	Звенигород. у. Ст. Павшино	15000	Исключительно ценная Франц.

[1] Так в тексте. Д. б.: XIX в.

			Винд. ж. д.		литер. XVII в. //
7.	Петровское	Голицына А. М.	Звенигород. у. Ст. Одинцево	10000	Библиотека Франц. и ботаническая
8.	Лукина	Боде-Колычева ныне Соллогуб	Ст. «20» верста Александр. ж. д. и Станц. Переделки Брянск. ж. д. Звенигородского у.		Старинная преимущ. француз. книги.
9.	Измалково	Самарина ныне Комаровской	Звенигород. у. Ст. «20» вер. Александр. д. дор. и Ст. Переделки Брянской ж. д.	до 10000	Русская историч. (пока в полном порядке) Охран. Грам.
10.	Подушкино	Майндорф	Звенигород. у. Ст. «Одинцево» Александр. ж. д.		
11.		Мирчинк	Звенигор. у. Перхушковск. вол.	1500	
12.	«Дедово»	Соловьев Сер. Мих.	Ст. Голицыно Александр. ж. дор. Звенигород. у. Еремеевской волости.		По класс. филологии, философии истор. и богословии. Охран. Грам.
13.	Алтуфтево	Унковской	Звенигород. у. Ст. Лианозово Савеловской ж. дор.	1000	Взята Подушин. волост. Ком. и передана в ведение Народ. дома для обслуживания всей волости
14.	Назарьево	Михалкова	Звенигород. у. Ст. Маворонки Александр. ж. д.	3000	
15.		Столица	Бошород. у. Буньковской вол. Дача Ершева	7500	Беллетристика, критика искусство. Охран. Грам.

16.	Ильиной	Ст. Быково Казан. ж. д. Бронницк. у.			Необследована //
17.	Ярополье	Гончаровой	Волоколамск. уезда	2000	Духовно-нравств. француз. романы
18.	Лотошино	Мещерскаго С. В.	Волоколамск. уезда	2000	Богослов. естеств. и истор. сельск. хоз.
19.	Ольгово	Апраксина	Дмитровского уезда	15000	
20.	Обольяново	Олсуфьева	Дмитров. у.	4-5000	(Хороший подбор)
21.	Тарусово	Корсаковых	Дмитров. у.	14000	Преимущ. иностр. язык. богат. отдел масонств кабалистики, черной магии.
22.	Сафоново	Кублицкая-Плисттух	Дмитровск. у. СеСафоново		
23.		Александров	Клинского у. Ст. Подсолнечное Никол. ж. д. д. Пантелеевой	1000	Обществ. литература.
24.	Ивановское	Козловских	Клинскаго уезда		Необследована
25.	Демьяново	Танеев	Клинскаго у.	15000	По социолог. и истории, истории француз. революцион. социальные XIV вѣк.
26.	Поречье	Гр. Уваров	Можайский у.	40000	Оккультиз масонск. литер., археолог. и классики XVIII века
27.	Покровское	Глебовой-Стрешневой	Московск. у. (3 вер. за Твер. заставой) //		
28.	Петровский поселок	Дуковский	Москов. у. Ст. Царицыно	1500	Историка литер.

			Моск.-Кур. ж. д.		
29.		Захарьиной	Московск. у. Станц. Химки		Не обследована
30.	Знаменское	Катковой	Московск. у. Ст. Битцы Моск. Кур. ж. д.		Не обследована
31.	Красково	Орловой Н.	Московск. у. Моск. Казан. ж. д.	5000	Есть перв. изд. русск. классиков.
32.		Соколовой	Москов. у. Ст. Химки (7в)		Необследована
33.		Поляков Серг. Ал.	Москов. у. Спасской вол. Им. Т-ва Знаменской М-ры		На восточн. язык больш. научной ценности
34.	Мареино	Паниной	Московского уезда	10000	
35.	Суханово	Волконского	Подольскаго у. Ст. Бутово		
36.	Васильевское	Васильчиковых	Подольскаго у. Ст. Столбовая М-Кур. ж. д.	18000	Франц. англ. немецк. итальян. лит. 18 в. по социон. и дипломатич. вопрос. Славянофил. Отдел национал. полит.
37.	Дубровицы	Голицына	Подольскаго Ст. Подольск 8 вер.	5-8000	Очень ценная
38.	Остафьево	Шереметьв	Ст. Щербинка М.-Кур. ж. д. Подольск. у.	20000	Весьма редкая
39.	Страда	Орлова-Давыдова	Серпух. у. Ст. Шарапова-Охота М.-Кур. ж. д.	7000 //	
40.	Телятьево	Соллогуб	Серпуховского уезда	5000	Француз. литер. 18-19 в.

41.	Лопасня	Рюмина	Ст. Лопасня М Кур. ж. д. Серпуховскаго у.		Книги библ. вывезены изъ Лопасни
42.	Лопасня	Гончаровой	Ст. Лопасня Кур. ж. д. Серпухов. у.	4-5000	Француз. классик 18 в.
43.	«Дубки»	Никольской	Им. «Вельями-Моск. Кур. ж. д. Серпухов. у.	2000	Охран. Грам.
44.	«Вельяминово»	Дурново (профессора)	Рузскаго у. Новоостров. В.		Больш. научн. ценность по истории и истории церкви
		Костромская губерния			
		Буйский уезд			
45.	Румянцево	Сипягиных	часть библиотеки перевед. в г. Буйск		Стар. библиотека очень ценная на учете у местн. Исполкома
46.	«Дмитриевское»	Шишеловых	Покровской волости		Взята на учет
47.	«Афонино»	Перелешиных	Вакской вол.		Взята на учет
48.	Ивановское	«	Покровской волости		Взята на учет
49.	Ратьково-Рожново	«	Ильинской волости		Взята на учет
		Варнавинский уезд			
50.	«Горки»	Базилевских			Очень ценное
51.		Сметских	Ст. Стрелице		Взята на учет
52.	Белышево	Берзикова	Варнавинск. у.		Взята на учет
		Ветлужский уезд			
53.	Рождественское	Волконских-Лучининых			Ценный архив и библ. распределяется по районным библиотекам
54.		Петерсон			Распределяется по районным библиотекам
		Галичский уезд			

55.	Воскресенское	Кн. Вяземский	Пречистенская волость		Очень ценная (езд. 18 в.) фамильн. архив. По слухам перевез. в Палкинск. народ. дом
56.	Гущино	Постниковых	Рылеевской воло.		Библиотека «пострадала»
57.	Гришино	Борисенко	Вознесен. вол.		В опасном положении
Константиновский уезд					
58.	Пушковская (деревня)	Миндовский			«Библиотека высокого исторического и археологич. значения
Кинешемский уезд					
59.		Островскаго (драматург)	Ст. Щелыково		Библ. частью расхищена очень ценная
60.	Есиплево	Калачевых			Очень ценная в опасном положении
61.		Куломзиных	Адрес не указан		
62.		Громбах	« « «		
63.		Львовых	« « « //		
64.		Ладыжеских	Кологривовск. у. адрес не указан		
65.	Васильевское	Чумаковых			Библиотека исчезла
66.	Зиновьево	Карцевых			В опасности
67.	С. Красное		Завезен. худож. ремесл. мастерской		Художествен. издан.
Солигаличский уезд					
68.	«Нероново»	Черевиных		10000	Очень цен. библ. и архив. Музей в доме пострадал
69.	«Панино»	Куприяновых			Библиотека и архив растасканы

70.	«Погарь»	Мариных	в с. Карцеве		Библиотека увезена в с. Карцево
Чухломской уезд					
71.	Поповское	Перелешиных			
72.	Сел. Клусево	Катениных			
73.	С. Вохтома	Степановых			
74.	Красино	Кадниковых			
75.	Никола-Дор	Кадниковых			
Владимирская губерния					
76.	Симе	Голицына	Егорьевский у.	2000	Франц. литер. 18-19 в. историч. литер. древ. классики мемуары
77.	Табково	Каретниковых			Библ. старин. книг //
Вологодская губерния					
78.	«Горки»	Кондуктовых и Корсаковых	Вологодского уезда		
Воронежская губерния					
79.	Отрада	Позняковой	Землянскаго у. Быковской вол.		
80.	Лизиновка	Черткова	Острогожского у.		
Калужская губерния					
81.	Полотнян. Завод	Гончаровых	Ст. Пятовская Сызрано-Вязем Медынск. у.	2000	Старинная
82.	Беняево	Кн. Трубецкого (Е. Н. проф.)	Ст. Пятковская (2 в.) Калуж. Уезда	2000	Философ., энцикл. права преим. иностр. русская беллетрист. Расхищается
83.	«Сергиевское Осоргино»	Осоргина М. М.	Ст. Фервиково Калуж. (в 6-7) Сызрано-Вязем.	3000	Русск. и франц. беллетрист. Журн. Русский Архив, Вестн. Рус. и В. Европ. Журналы француз. и пр. Расхищается
84.	Тимофееевка	Дмитриевой-Мамоновой	Ст. Фервиково (5 в. от Соргина)	4000	Очень ценная 1) историч. философ.

					2) нотная. Раскуривается на сигарки.
85.		Кн. Горчакова Серг. Дмитр.	Ст. Фервиково (10 в.) Тарусск. у.		Очень ценная старинная
86.		Виноградовой	г. Тарусса		Ценная историч.
87.		Пасхалова	г. Тарусса	1000	
88.	Ильинское	Острогрaдскаго	Тарусскаго у. Борниковской волости		
Курская губерния					
89.	Марьино	Кн. Барятинских	Курской губ. Льговск. у.		Очень ценная
Новгородская губерния[2]					
90.	С. Городец	Прянишников	Балахинск. у.		Библ. рукописей собр. икон и предм. старины //
Орловская губерния					
91.		Петров	г. Елец		Естествоведен. ботаника, садоводство лесоводство
92.	«Молодое»	Теплов	Карачев. у. Шадинской вол.		
93.	Спасское	Тургенева И. С.	Мценскаго у.		
94.	Клейменово				Перевезены в Орел
95.	Горохово	Метляевой	Орловскаго у.		
Пензенская губерния					
96.		Гундаровых	Мокшаны		
97.	Завиваловка	Ладыженскаго	Чембарскаго у.		
Псковская губерния					
98.	«Гора»	Брянчанинов	Великолуж. у. Михайлов. вол.		Перевезены в централ. библ. Великолуж. Совдепа
99.	Бардино	Кирпичево	« «		
Саратовская губерния					
100.		Кн. Куракиных	Сердобскаго у.		
101.	Мал. Жербидин	Кн. Шаховской	Балашевск. у.		

[2] Так в тексте. Д. б. Нижегородская губерния.

Симбирская губерния					
102.		Алмазова	г. Сенгалей	2000 кн. и 6-7000 журн.	Историко-филосо бр.гич и юридич
Смоленская губерния					
103.	«Патево»	Рачинского	Бельскаго у.		Очень ценная
104.	С. Морозовское	Балкашан	Вяземскаго у.		Библ. Барабанова сосед Грибоедов, предполаг. его пис.
105.	Токарево	Крахт	Гжатскаго у.	1000	Иностран. литер.
106.		Муромцевой	Гжатскаго у. Пречистенской вол. //		
107.	Микулино	Станкевич	Дорогобуж. у.		
108.	Литково	Миллер	Рославл. у. Ворошил. вол.	2000	
109.	Вязовка	Петрво-Соколово (Соф. Алекс.)	Борисоглеб. уезда Ст. Мучкан Ряз. Урал.	12000	Очень ценная историч. и ист. искусств много художеств. изд.
110.	Савала	Петрво-Соколово Мар. Мих.		1-8000	Очень ценная
111.	Мал. Студенец	Енгалычева	Шацкого у. Березов. в.		
112.	Ракша	Безобразов (В. Григ.)	Моршанск. уезда	8000	Старин. богослов.
Тверская губерния					
113.	Суповарово	Квашнина-Самарина	Зубцов. у.		Библ. и архив предпол. В Рум. Музей.
114.	Степановское Волосово	Нарышкиной	Зубцов. у. Ст. «Княжин. Горы» Винд. Рыб. ж. д.	5000	Франц. литер. XVIII в.
115.	Сахарово	Ромейко-Гурко	Тверск. у.	12000	Очень ценная
Тульская губерния					
116.	Уткино	Беэр	г. Белев (свезена сюда)		Очень ценная

117.	«Лебяжье»	Ершов	Богородицк. у. Луговск. Вол.		2 библиотеки
118.		Брюлова	г. Белевъ		
119.	Телятинка	Черткова	Крапивенск. у. //		
120.	д. Бредихино	Бабынина	Одоевского у.		
121.	Ступино	Самарина	Ефремов. у. 16 в. от г. Ефремова	10000	Очень ценная расхищается
122.		Горбова	Перевезена в Тулу		Очень ценная
123.	Алексеевское	Левицкаго	Чернскаго у.		Общеобраз. естествозн. агроном.
Ярославская губерния					
124.	Борисоглеб.	Мусина-Пушкина	Молож. у.	2000	Очень ценная древн. изд. рукописи
125.	Иловая	Мусина-Пушкина	Молож. у.	1000	Много старых богослуж. книг
126.		Волконских	Романово-Борисоглебск		
Московская губерния					
127.	Вробьево	Ершова	Подольск. у.	8000	Расхищается
		Шателен	Ст. Белые Столбы Раз. Урал		
128.	Узкое	Кн. Трубецкого	Москов. у.	15000	Очень ценная

Заведующий М. Библиотечным Отделением ***Валерий Брюсов***
Секретарь ***Ив. Друганов***

ГА РФ. Ф. А-2306, оп. 30, д. 52, л. 2—7. Подлинник.

Наталия Колпакова

ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Данное сообщение посвящено не новой теме, она возникла ещё в первой половине XX века. Переосмысление культурного развития России в советский период, к сожалению, не включало изучение такого феномена, как русская усадебная библиотека. Исследования подобного рода носили чисто теоретический характер, и почти ничего не было сделано для её возрождения.

Многие десятилетия отечественное культурное наследие подвергалось неоднократным сокрушительным ударам. Сегодня возрождение духовно-интеллектуального потенциала нации стало частью глобальной стратегии возрождения России. Необходимым стало осознание исторического чувства времени, чувства национального достоинства, чувства сопричастности к отечественной культуре. Появляется новая оценка российского наследия как фактора общемировой духовности. Было время разбрасывать камни, настало время их собирать. Процесс передачи накопленных прошлыми поколениями знаний становится очень важным.

Обозначим количество частных библиотек на начало века, чтобы понять значимость этого ресурса для Российского государства. Обратимся к статистике 1913 года — года празднования 300-летия Дома Романовых. Именно к этому юбилею была предпринята полная инвентаризация имущества, имеющегося в Российском государстве, «вплоть до последней блохи». Установлено, что число дворянских владений на 1905 год в 47 губерниях европейской России (без Прибалтики) составляло 105 739; купцов и почётных граждан — 22 815[1].

Соответственно с большой долей вероятности можно предположить, что число частных библиотек на начало XX века составляло более 100 тысяч (с объёмом фонда каждой из них от 500 до 25 000 единиц)[2].

---

[1] В 1913 году сельское население России составляло 85%. См.: Россия. 1913 год : Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 18—22.

[2] См.: *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России : опыт библиографического указателя. Ч. 2: Приложение к журналу «Русский библиофил». Репринтное издание 1911 г. СПб., 2006; *Михайлов А.Н., Суздальцева Т.Н.* Книга для неспешного чтения и размышления о судьбах частных библиотек России и их владельцев… СПб., 2013. На правах рукописи.

Русская усадьба осмысливалась как символ российской культуры, поэтому самое ценное и главное, что в ней было и что определяло статус и положение владельца в обществе, это библиотека — душа имения, которая привлекала всех членов семьи. Здесь хранились самые дорогие сердцу сокровища — альбомы, письма, собственные сочинения, а также коллекция книг, которая приумножалась каждым последующим поколением.

Какие же книги стояли на полках этих библиотек? Что влекло, воодушевляло, расстраивало, восхищало их владельцев?

Известно, что к 300-летнему юбилею Дома Романовых решено было провести и полное обследование «исторической жизни» России. Так, в «Русском библиофиле» № 6 за октябрь 1912 года приведены любопытные сведения. В отчёте Б. Гласко приводятся данные Костромской Архивной комиссии, в частности по Буйскому уезду Костромской губернии, который «самый глухой, самый забытый». Автор сообщения указывает: «Книги… были почти во всех усадьбах, за очень немногими исключениями». Он описывает только самые главные, наиболее характерные группы книг в каждой из них. Так библиотека усадьбы генерала В.В. Сипягина насчитывала 10 000 томов, «между которыми немало редких и ценных изданий русских, английских, итальянских книг и гравюр, разрозненных и полных изданий XVII—XVIII вв.». Здесь же книги и по «географии: Рубан. Описание Москвы 1782 г.; Указатель Москвы 1793 г.; Описание Калужского наместничества 1785 г. (то же Казани, Владимира и др. городов); Краткое описание древних российских путешествий и т. д.».

Не менее интересным и богато представленным был отдел истории: «Татищев. История 1769 г.; Древнего летописца, ч. I. 1774 г.; Туманский Ф. Собрание разных записок о Петре 1788 г. … Вдвое меньше томов заключает отдел философии, общественных и религиозных книг…

Я совершенно не перечислил здесь книг (русских, французских, немецких и итальянских) самого обширного отдела — беллетристического…

…мы должны отметить преобладание… книг по местной истории и по местной географии (исторической)».

Одна из крупных библиотек сохранилась в усадьбе Ивановское, бывшего предводителя дворянства Буйского уезда Геннадия Николаевича Глаголева: «Первое место в этой библиотеке занимает мистический отдел…»

Беллетристика была не единственным чтением обитателей усадеб. Имелись книги и по математике и астрономии.

Хранились в каждой библиотеке и даже представляли определённый интерес книги исторического, юридического, бытового содержания, а также бумаги XVI—XVII веков. Любопытно собрание бумаг XVII и XVIII веков в имении Нелидовых «Высокое» (30 вёрст от Буя). Вот их примерный список: Грамота царя Фёдора Алексеевича; Уставная грамота для соборов, 7195 г.; Противорядная, 1701 г., 30 янв. Сговорная запись Ив. Писемского, 15 февр., 7165 г.; Договор оброчной аренды, 1701 г. Апреля, Ив. Фёдор. Писемского; Заёмное обязательство, 7178 года Иван. Иван. Баскакова; Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, 7198 года, и многое другое.

Если подсчитать все книги в указанных библиотеках Буйского уезда, то их может набраться свыше 15 000 томов, но и на основании здесь перечисленных можно сделать некоторые выводы, определить общую характеристику помещичьих библиотек, отметив, в чём состоит их сходство и чем они друг от друга отличаются.

В прежнее время помещичье дворянство сосредоточивало в себе всю общественно-политическую, литературную и научную жизнь страны, и почти каждый дворянин-помещик играл свою особую, ярко выраженную роль в истории всего государства или хотя бы в местной истории. Поэтому и библиотеки, принадлежащие различным родам дворянства, ярко различаются. Смотря по эпохе, в которую жил тот или другой помещик-дворянин, и книги его преимущественно сосредоточиваются вокруг небольшого исторического момента. Совершенно определённый отпечаток накладывает на книжные собрания также, несомненно, и местонахождение усадьбы: книги по местной истории и быту почти всегда находятся в помещичьих библиотеках и, конечно, придают каждой свой характер.

Из перечисленных помещичьих библиотек мы не найдём двух тождественных или даже похожих. В усадьбе бывшего униатского архиерея мы имеем дело преимущественно с литературой времён Унии. В усадьбе католички, воспитанной на французском сентиментализме, мы видим главным образом книги нравоучительного (и притом в духе французского католицизма) содержания. В усадьбе «Монастырщина» мы имеем дело с другой стороной истории Унии, историей православных братств. В усадьбе Антоново — со средневековыми фолиантами и литературой времён польских восстаний (особенно любопытна перепи-

ска того времени). В усадьбе Н.И. Тургенева находим материал, касающийся декабрьского бунта, освобождения крестьян и истории французской революции. В усадьбе Н.М. Языкова мы видим последовательно собранные книги, начиная с ложноклассицизма и кончая романтизмом. Во всех усадьбах Буйского уезда мы имеем дело со свитками московских царей, челобитными, и прочее и прочее.

Что же касается, периодических изданий, то «…книжки старинных ежемесячников, двухнедельников хранились почти в каждой помещичьей усадьбе, как пришлось в этом убедиться из былых поездок по России. Бывало, после дневных трудов, лёжа в полной тишине в кабинете, с приятным чувством здорового утомления читаешь далеко за полночь, «на сон грядущий», и «Путешествие пешком от Петербурга до Камчатки английского капитана Кохрена», и рассказы Марлинского, и критику Н. Полевого в «Московском Телеграфе»; роман Алексиса из эпохи Фридриха Великого, рецензии и смесь в «Библиотеке для Чтения»; «Письма об изучении природы», «Дилетантизм в науке», статьи Каткова, Неверова, Грановского, кн. Одоевского, воспоминания какого-то землемера о жизни в Вятских «починках» и чьи-то юмористические провинциальные сцены в «Отечественных Записках». <…> В одном помещичьем доме нашёл я номера «Русского Слова» со статьями Писарева, Шелгунова, Зайцева, с исследованиями Щапова, писанными тяжёлым, тягучим, но всё же приятным слогом, с автобиографическими вещами А. Михайлова (Шеллера), Решетникова, Благовещенского, Потанина, с юмористическими рассказами и фельетонами Гл. Ив. Успенского, первой его юношеской поры, к сожалению, не включёнными в собрание его сочинений, не принятыми во внимание критиками, историками литературы, почему-то считающими началом литературной деятельности Гл. Ив. — «Нравы Растеряевой улицы».

В другой усадьбе просматривал «Искру» за 62 г. и «Русский Вестник» 50-х годов. В течение нескольких лет «Искра» пользовалась таким значением, какого не выпадало на долю ни одного из наших юмористических журналов»[1].

Учитывая, что на 1905 год в 47 губерниях России насчитывалось 105 739 усадеб[2] и в каждой из них имелась хотя бы мало-мальская библиотека, можно представить, сколько всего было книжных сокровищ

[1] *Гласко Б.* Старые русские помещичьи библиотеки // Русский библиофил. 1912. № 6 (октябрь) С. 34.

[2] Данные по: *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России.

во всей России. Если представленный обзор «рядовых библиотек» так впечатляет, то чем же владели именитые дворяне?

Судя по описанию дворянских библиотек в книге «Венок усадьбам» А.Н. Греча, «исключительная своеобразность старинных русских библиотек создаётся благодаря обилию в них французских книг XVIII века. <…> В каждой помещичьей библиотеке Расин и Корнель, Мольер, Буало и Фенелон, энциклопедисты Дидро, Монтескьё, Д'Аламбер, Дюваль, сентиментальный Жеснер, изящный шевалье де Буффлер, Лафонтен, Жан-Жак Руссо и, конечно, неизбежный Вольтер составляли обязательное наполнение книжных шкафов. А рядом с этими авторами-классиками рослыми шеренгами выравнивались теснённые золотом корешки Большой Энциклопедии и «Bibliothèque des voyages»…»[1]

Во второй половине XVIII века превосходные библиотеки имели княгиня Е.Р. Дашкова, граф И.И. Шувалов, А.Т. Болотов, князья Голицыны и Долгоруковы. Графы Воронцовы располагали пятью библиотеками, графы Шереметьевы — одиннадцатью (часть появилась в XIX веке), графы Строгановы — четырьмя библиотеками, выросшими в XIX — начале XX века в гигантские книжные собрания, которые насчитывали от 10 000 до 40 000 томов. От них не отставали представители просвещённого дворянства и духовенства, писатели, врачи.

Известный библиограф У.Г. Иваск (1878—1922) в 1911 году собрал и опубликовал сведения о 1 346 частных библиотеках России и их судьбах от XV до начала XX столетия, не разделяя собрания на частные (одного поколения владельцев) и фамильные (двух и более поколений)[2]. Среди них — библиотека директора Московского главного архива Министерства иностранных дел А.Ф. Малиновского, литератора и издателя Н.И. Новикова, архиепископа Тверского Саввы (девять тысяч названий), золотопромышленника Г.В. Юдина (сто тысяч томов), библиографа С.А. Соболевского (три тысячи томов), купца и издателя К.Т. Солдатенкова (восемь тысяч томов), академика И.И. Срезневского (тридцать тысяч томов), публициста Н.Н. Страхова (двенадцать с половиной тысяч томов), Л.Н. Толстого (десять тысяч названий только в Ясной Поляне), археолога графа А.С. Уварова (сто тысяч томов), министра народного просвещения графа С.С. Уварова (двенадцать тысяч томов), историка, библиографа М.Д. Хмырова (двенадцать тысяч названий).

[1] *Греч А.Н.* Венок усадьбам. М., 2006. С. 61—62.

[2] См.: *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России.

Фамильные библиотеки в значительной степени характеризовали владельцев, влияли на их авторитет в обществе и в Зимнем дворце. Известно благосклонное отношение императорских особ к владельцам солидных собраний. В помещичьих домах и городских особняках книгам отводилось самое почётное место. Они способствовали воспитанию молодого поколения, возникновению в России просвещённого общества, поддержанию семейных традиций и общих интересов, дарили радость и уважение окружающих.

В этом контексте уместно вспомнить слова Ю.М. Лотмана:

«Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру — культуру человечества»[1].

«…Культура вечна и всемирна, но при этом всегда подвижна и изменчива. В этом сложность, понимания прошлого (ведь оно ушло, отдалилось от нас). Но в этом и необходимость понимания ушедшей культуры: в ней всегда есть потребное нам сейчас, сегодня»[2].

Возможность пользоваться редкими изданиями (речь идёт о переизданных уникальных произведениях) российскому читателю была предоставлена лишь в начале XXI века. Одной из первых, кто взял на себя эту миссию, стала Библиотека Российской академии наук. Так, нами был разработан системный подход к формированию современной частной (усадебной) библиотеки на основе лучших изданий прошлых веков, XX века и новейшей литературы. Цель этой работы — переиздать и открыть для читателя огромный пласт литературы, который многие десятилетия был для него практически недоступен.

Первый этап нашей деятельности связан с санкт-петербургским издательством «Русская симфония». Главная цель совместной работы заключалась в распространении и развитии патриотического, художественного и духовного образования, воздействии на нравственный облик человека, на формирование его в определённом направлении. Не слу-

[1] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 8.

[2] Там же. С. 9.

чайным был и подбор книг для публикаций — их тематика должна была отвечать наиболее ярким, судьбоносным событиям нашей великой истории. Впервые содержание некоторых книг дополнялось документами соответствующей эпохи (грамоты, указы, прошения), и, самое главное, они отражали настоящую действительность, которая, не будем греха таить, в советское время часто искажалась. Отметим, что издательство отказалось от факсимильного воспроизведения текста, а следуя точному изложению, адаптировало его для современного читателя.

Проект начали с публикации работы «Минин и Пожарской», принадлежащей перу академика Императорской Академии наук И.Е. Забелина. Произведение свободно от политических пристрастий и даёт возможность объективно представить образы русских национальных героев.

В 2005 году отмечалось 100-летие Цусимского сражения. Об участниках этого трагического события мы знали в основном по книге А.С. Новикова-Прибоя «Цусима», в которой, как оказалось, судьба многих героев была описана предвзято. Переиздавая работу Г. Александровского, выпущенную в Нью-Йорке к 50-летию этих событий, редакционный совет проекта предполагал донести правдивый взгляд автора на один из трагических эпизодов российской истории.

Репринтное издание вызвало большой резонанс в современном обществе. Книги были безвозмездно переданы в морские кадетские корпуса и училища. Это был правильный шаг на пути нравственно-патриотического воспитания будущих защитников Родины. В данном случае просветительская задача сочеталась с благотворительностью.

Труды учёных и описание их подвигов касательно покорения дальнего северо-востока или изучения Сибири и других земель, входивших в состав Российской империи, должны быть любопытны для каждого образованного человека. Интересно замечание автора «Покорения Сибири» учёного-исследователя Павла Ивановича Небольсина. В предисловии к своей книге он пишет: «Тех, которые неохотно предаются чтению старинных бумаг, из предубеждения к их незанимательности и сухости, смеем заверить, что документы, на которые мы указываем, чрезвычайно интересны и по языку, и по содержанию: в них так и выливается всё прошедшее, так и высказывается эпоха, что они не надоедят читателю». Этот круг чтения дополняют «Записки (1760—1824)» Дмитрия Борисовича Мертваго, который был свидетелем и непосредственным участником многих важных событий российской истории.

Изданная уже в 1885 году книга Михаила Ивановича Семевского «Слово и Дело!» в настоящее время выдержала несколько переизданий и дала возможность современному читателю не только познакомиться с практикой работы Тайной Канцелярии, но и почувствовать атмосферу жизни русского общества в те далёкие годы.

В особом ряду стоят памятники русской духовной книжности, которые отличает особенное их эмоциональное восприятие. Простыми и понятными словами в них зачастую рассказывается о самом сокровенном, личном, о том, что так настойчиво многие пытаются обрести, чем утверждаются в своих исканиях.

К сожалению, технические возможности проекта были рассчитаны на небольшие тиражи. Выпущенных книг не хватало даже на то, чтобы укомплектовать основные библиотеки страны. Не успев выйти из печати, издания становились библиографической редкостью.

Следующие этапы нашей деятельности связаны с петербургским издательством «Альфарет». Одна из первых задач, которую мы перед собой поставили, заключалась в том, чтобы составить каталог, в который вошли бы списки наиболее значимых, на наш взгляд, книг по русской истории, опубликованных в дореволюционный период, и который мог бы помочь сделать выбор в пользу тех или иных литературных памятников при комплектовании фамильных, родовых, домашних, корпоративных и усадебных библиотек.

Каталог, который в итоге этой работы вышел в свет[1], состоит из следующих тематических разделов: историческая библиотека, военно-историческая, географическая, справочная (книговедение). В нём более 2 000 изданий (около 7 000 томов), которые расположены в алфавитном порядке по авторам и названиям.

Для наглядности приведём содержание этого каталога — оно впечатляет.

Историческая библиотека

• Русская историческая литература. Отдельные издания.

• Искусство, живопись, портрет, иконография, карикатура, лубок, фольклор, архитектура, зодчество, графика.

• Периодические, сериальные издания, альманахи, сборники.

• Каталоги, указатели, справочники.

• Дополнения.

[1] Русская историческая библиотека : Список рекомендуемых изданий по русской истории : В 4 ч. СПб.: Альфарет, 2008. 250 с.

Военно-историческая библиотека

- История русской армии.
- История русского флота.
- История полков русской армии.
- История войн и сражений.
- Великая Северная война.
- Отечественная война 1812 года.
- Наполеон Бонапарт.
- Войны с Польшей и польские восстания.
- Войны на Кавказе.
- Восточная (Крымская) война 1853—1856 гг.
- Русско-турецкая война 1877—1878 гг.
- Войны в Малой и Средней Азии.
- Русско-японская война 1904—1905 гг.
- Первая Мировая война 1914—1918 гг.
- Различные войны и сражения.
- История обмундирования и вооружения русской армии.
- Военная медалистика, фалеристика.
- Военно-учебные заведения.
- Военные архивы, библиотеки.

Географическая библиотека

- Географические атласы и карты.
- Путешествия и экспедиции.
- Библиография географии, словари и справочники.
- Этнография.
- Статистика.
- Топография и межевание.
- Атласы войн и сражений.
- Натуральная история.
- Общие сочинения.

Справочная библиотека

- Библиографические указатели, каталоги, словари, справочники; книжные собрания, коллекции.
- Сериальные издания, альманахи, сборники, указатели содержания и библиография периодических изданий.
- Дополнения.

Некоторое время назад возникла новая интересная идея — создать обобщающее, единственное в своём роде издание «Наследие библиографа», которое должно было включить, кроме уже изданных академических указателей, ценнейшие справочники, каталоги, словари по истории книги и антикварно-букинистические каталоги, показывающие тенденции развития книготорговли в России на рубеже XIX—XX веков. Составлялись эти описания известными русскими учёными, меценатами, владельцами частных библиотек. Они вполне удовлетворят необычайно возросший в последние годы интерес к российской истории, отечественной словесности, богатейшему духовно-нравственному наследию.

Собрать такую библиотеку было делом чрезвычайно трудным и сложным. Однако многолетняя работа увенчалась успехом. Библиотека «Наследие библиографа» позволяет работать со всем разнообразием дореволюционной литературы. Библиография периодических изданий и росписи их содержания помогут легко и быстро найти материалы по определённой теме, выявить статьи того или иного автора, обобщить публикации за определённый период.

Каким образом попадали эти антикварные шедевры в российские библиотеки, точно не известно, да и читатель эти книжные сокровища не видит, разве на каких-то редких значимых выставках. Поэтому задача издателей заключалась в том, чтобы выявить в фондах, запасниках библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Сибири, Урала и так далее эти редкие сокровища, национально значимые справочные издания, репринтно переиздать их, а сведения об уже вышедших книгах поместить в специальный каталог.

Найти сегодня полные комплекты, например, антикварно-букинистических каталогов чрезвычайно сложно. Даже в крупнейших библиотеках страны имеются невосполнимые лакуны. Лишь редкие библиофилы и книгопродавцы имеют в личном распоряжении оригиналы каталогов знаменитых антикваров, и только единицы — полные комплекты!

Библиографические справочники и словари как зеркало отражают этапы развития общества. По тематическому их составу прослеживается вся история нашего государства от боярской Руси, Российской империи до Советского Союза, Российского государства. В них описывается литература, так или иначе касающаяся всех изменений, происходящих во всех областях культуры, политики, науки нашей страны.

По замыслу «Наследие библиографа» должно пропагандировать библиографические издания из фондов различных библиотек, которые

на сегодняшний день носят статус антикварных, способствовать распространению исторических, философских знаний, знакомить с биографиями писателей, учёных, историческими документами и библиографическими редкостями, указателями по географии, топографии, этнографии, статистике, различными тематическими обзорами. Оно открывает перед читателем «кладовую за семью печатями», полную редчайших драгоценных дореволюционных изданий справочной литературы. Общение с ними будет интересным, поучительным, даст много неожиданной информации.

Сегодня в «Наследии…» представлено более 250 изданий, что составляет около 450 томов. Показательно, что его ядро составляют каталоги книг, хранящихся в БАН. Это уникальное издание даст многим поколениям исследователей единственную возможность полностью ознакомиться с собранием исторических документов различного характера.

Для того чтобы представить, насколько грандиозен осуществлённый проект, приведём лишь некоторые работы из этого каталога:

• *Межов В.И.* Литература русской географии, статистики, этнографии за 1859—1880 годы : В 9 т. : В 22 вып.;

• «Словарный указатель по книговедению», составленный известным библиографом и книговедом Августой Владимировной Мезьер (1869—1935);

• «Подробный словарь русских гравированных портретов», составленный известным историком искусства и коллекционером Дмитрием Александровичем Ровинским (1824—1895);

• «Опыт российской библиографии» (в 2 т.) Василия Степановича Сопикова (1765—1818);

• Роспись библиотеки Александра Филипповича Смирдина (1794—1857);

• «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» Василия Никитича Татищева (1686—1750).

Несколько лет шла работа над проектом по воссозданию дореволюционных периодических изданий.

На примере одного из самых популярных журналов «Нива» покажем небывалую активность читателя того времени. Для России, где вплоть до конца XIX века обычным показателем была тысяча подписчиков, этот журнал собирал неслыханное их количество — более 200 тысяч. Неудивительно: с изданием сотрудничали гениальные авторы. В нём публиковали материалы для семейного чтения, которые отличались

доступностью, энциклопедичностью, информативностью. Основное место на его страницах занимали литературные произведения: романы, очерки, повести, рассказы, поэтические сочинения. Также здесь можно было найти статьи и научные очерки по вопросам истории, географии и этнографии России, всеобщей истории, археологии, естествознанию, медицине, спорту, искусству, многим другим вопросам. В издании были широко представлены биографии знаменитых русских деятелей, политические обзоры, обзоры новых книг, технические изобретения, шахматное обозрение. Журнал знакомил читателей с наиболее интересными мировыми событиями и происшествиями, регулярно давал информацию о художественных выставках. Иллюстрации являлись неотъемлемой его частью: это графические изображения, фотографии, олеографии в различных жанрах и различной тематики; часто воспроизводились известные произведения из собрания Эрмитажа.

В той или иной мере это было характерно и для других периодических журналов («Русский архив», «Русская старина», «Камер-фурьерский журнал», «Русские деятели в портретах», «Старые годы», «Жар-Птица», «Столица и усадьба», «Мир искусства», «Русский библиофил» и многие другие). Информация об их тиражах и популярности наводит на грустные мысли. Куда же большая часть этих сокровищ могла исчезнуть? И как же трудно всё это восстанавливать!

Была проведена работа по собиранию воедино экземпляров, отдельных страниц, иллюстраций, недостающих до полного комплекта. Если учесть, что имеющаяся в наличии в БАН периодика сохранилась менее чем наполовину, то можно представить, какие титанические усилия были предприняты для её восстановления. Пришлось обращаться в различные библиотеки, к отдельным библиофилам. Полиграфическая база издательства «Альфарет» позволила воспроизвести журналы с абсолютной точностью и очень качественно. Эти издания займут достойное место в частных и общественных библиотеках. Они несут огромную историческую информацию, в них много нужного и полезного для сегодняшнего читателя.

И ещё один беспрецедентный проект — издание коллекции книг, посвящённой 200-летию войны с Наполеоном, под названием «Россия, Наполеон и 1812 год». Она включает более трёхсот томов с описанием эпохи Александра I, наполеоновских войн, Отечественной войны 1812 года. Столь представительная библиотека по этой теме создана впервые. Это была особенная война. Она вызвала обострённую любовь к родине

у всех слоёв общества, воспитала не одно поколение молодых людей и способна воспитать наших современников.

Внимательное изучение исторических сочинений дореволюционной эпохи убеждает нас в том, что они не утратили своего значения, что и сегодня им нет замены, — в них запечатлены ценнейшие сведения, например, утраченные архивные документы или труднодоступные материалы из зарубежных архивов.

Осуществление вышеперечисленных проектов по возвращению современникам изданий, являющихся достоянием не только отечественной, но и мировой культуры, возможно исключительно в результате совместной деятельности государственных учреждений и частного бизнеса. В данном случае деятельность Библиотеки Академии наук, издательств «Русская симфония» и «Альфарет» — безусловный пример того, как это можно претворить в жизнь.

«Вечные ценности» не исчезают: память вновь и вновь возвращает нас в прошлое. Сегодня стало возможным вернуть к жизни то, что, казалось бы, утрачено навсегда.

Юлия Вишнякова

РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Предлагаемая вниманию читателей публикация посвящена русским календарям XVIII — первой половины XIX века, хранящимся в фонде научно-исследовательского отдела редких книг (Музее книги) Российской государственной библиотеки. Исследуются тематика и читательский адрес, раскрывается содержание придворного, хозяйственного, поваренного, дорожного и других типов календарей. Репертуар изданий рассматривается на фоне изменений, происходивших в книжном деле в описываемый период.

Для современного человека календарь — это, как правило, справочная таблица, в которой в последовательном порядке перечислены все дни года с делением на недели и месяцы. Исключение составляют особого типа церковные календари-книги, которые дают информацию о церковных праздниках и могут содержать нравоучительные рассказы на каждый день года. Однако такая книжка-календарь рассчитана на определённого читателя. В XVIII—XIX веках понятие календаря было гораздо шире. Помимо собственно календарных сведений старинные календари содержали массу полезной, интересной, а иногда и забавной информации, нередко являясь не только справочником, но и полноценной книгой для чтения, в чём мы можем убедиться на примерах из русской классики: дядя Онегина, «имея много дел», читал лишь «календарь осьмого года»; Советник из комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир», беседуя, «смотрит в календарь»; в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» Фамусов приказывает слуге: «Достань-ка календарь; / Читай не так, как пономарь; / А с чувством, с толком, с расстановкой».

Нередко календарь становился настольной книгой, выполнял функции записной книжки, индивидуального для каждой семьи домашнего справочника — в него дополнительно вплетали чистые листы бумаги для семейных и хозяйственных записей. Фамусов велит слуге сделать именно такую запись-напоминание: «Постой же. — На листе черкни на записном, / Противу будущей недели: / *К Прасковье Фёдоровне в дом / Во вторник зван я на форели*»[1].

[1] *Грибоедов А.С.* Горе от ума. М., 1987. С. 32.

Наличие в фонде НИО редких книг (Музее книги) Российской государственной библиотеки экземпляров календарей разного времени даёт возможность познакомиться с их содержанием и оформлением, определить читательский адрес.

В нашем фонде хранятся календари начала XVIII века — того периода, когда в России начался их систематический выпуск. Календари эпохи правления Петра I отражают общие тенденции в оформлении книги того времени. Небольшие по размеру и объёму, как и большинство светских книг, календари набирались гражданским шрифтом на бумаге ручной выделки российского производства, открывались титульным листом с длинным обстоятельным заглавием (например, «Календарь или Месяцослов на лето от Рождества Господа нашего Иисуса Христа, 1722. Указующий затмения солнечная, месячная рождения, и полный месяц с четвертми. Такожде время солнечнаго восхождения и захождения, долготенствие и долгонощие на всякий день Учиненный по меридиану, и ширине царствующаго Санктпитербурха») и содержали целый ряд полезных в повседневной жизни и познавательных сведений. Это были сведения *собственно календарные* (исчисление текущего года в разных системах — вавилонской, персидской, греческой, римской, в зависимости от важнейших мировых изобретений и от событий в жизни императора Петра I; календарь церковных праздников и ожидаемой погоды на все 12 месяцев; информация о временах года с гравюрами; календарь восхода и захода солнца и долготы дня), *астрономические* (названия «по-гречески и римски седми планет», которые соответствуют дням недели; знаки зодиака по месяцам; информация о солнечных и лунных затмениях), *астрологические* (астрологический прогноз на весь год по месяцам и по темам: «О войне и мирских делах», «О плодородии и недородии», «О здравии и болезнях»), *медицинские* («Календарь кровопусканий» с гравированной картинкой «Знаки кровопускания жилнаго и рожечнаго и когда лекарство принимать»; помесячный перечень наиболее вероятных болезней и эпидемий). Заканчивался календарь стихотворной молитвой на грядущий год. Изучая подобный календарь, читатель получал некий набор пусть не научных и не глубоких, но всё-таки полезных сведений из таких областей знаний, как астрономия, медицина, история.

С 1727 года исключительное право на издание календарей получила Петербургская Академия наук. Академические издания подлежали государственному и церковному цензурному контролю, особенно строго это

положение распространялось на календари, поскольку они содержали текущие сведения о лицах, служащих при дворе, и о высшем российском чиновничестве. Издания Академии наук отличались высоким качеством подготовки и внешнего исполнения, нередко их украшали виньетками, заставками, буквицами, гравюрами. Печатали календари тиражами в несколько тысяч экземпляров и продавали по крайне высоким ценам.

Среди календарей, выпускаемых Академией наук, были календари общего характера, рассчитанные на широкий круг читателей. Например, «Календарь или Месяцослов исторический», «Санктпетербургский календарь», которые помимо календарных сведений могли содержать небольшие статьи на разные темы: «Краткое изъяснение о планете Сатурн» с гравированными рисунками, «Краткое известие о втором от голландцев около Норд-Оста исканном ходе в Ост-Индию», «Исследование о церковном счислении» — и другую подобную познавательную информацию. Для аудитории, заинтересованной в определённой тематике, выпускались более специализированные календари. Например, *придворный календарь*.

С 1736 года в обязанности Академии наук входило составление «Придворного календаря» (месяцослова), а с 1765 года — «Адрес-календаря», где наряду с общепринятыми сведениями помещалась роспись должностных лиц (придворный штат, Сенат, Синод, коллегии, канцелярии, комиссии, епархии, губернии) и список кавалеров всех российских орденов, а также «Родословное показание ныне владеющих европейских государей и княжеских фамилий». Придворный календарь украшали гравюрой-фронтисписом с императорской символикой (ангел, рог изобилия, корона, знамёна, картуши и так далее), гравированным титульным листом и гравированными концовками. Владельцем и читателем такого календаря мог быть человек состоятельный, занимающий должность на государственной или военной службе или уже вышедший в отставку, для которого приведённые сведения были значимы и интересны в плане профессиональной деятельности. Забавно описан один из таких читателей в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: «Батюшка (Андрей Петрович Гринёв, отставной премьер-майор, служивший когда-то при графе Минихе. — *Ю.В.*) у окна читал Придворный Календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение желчи. Матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда стара-

лась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный Календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то бывало по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный Календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер!.. А давно ли мы...» (VIII, 280—281).

Из повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» мы узнаём, что подобный календарь мог использоваться и в качестве справочника по городу: «Никакой адрес-календарь и справочное место не доставят такого верного известия, как Невский проспект»[1].

Более выраженную тематическую направленность имел *исторический и географический календарь,* который с 1770 по 1776 год выходил под названием «Исторический месяцослов», с 1777 года — «Исторический и географический месяцослов». Помимо общей календарной части, он содержал также очерки и статьи соответствующей тематики: «Известия о достопамятных народах в прежние времена на Северной стороне Дуная, а особливо в России живших»; «О гаванях, лежащих в Каспийском море» с гравированной картой Каспийского моря; «Описание Греции» с гравированной картой Греции и архипелага и другие. Аналогичное издание, но технической и хозяйственной направленности — *экономический календарь* («Экономический месяцослов»). Он мог включать такие любопытные материалы, как «Сочинение о некоторой особливой плавальной машине» с гравированной иллюстрацией или практический совет, «каким образом куриные яйца блюсти, чтоб они долгое время лежали свежи и не портились».

Для путешественников и служащих на дорогах предназначался *дорожный календарь* («Дорожной месяцослов»). Его особенностью было наличие специальных сведений, необходимых как пассажирам, так и ямщикам: «Почтовая карта Российской империи», сведения «О приходе и отходе почты» в Санкт-Петербурге и Москве, «Описание почтовых станов» и трактов по России, «Экстракты из указов о ямской гоньбе и о проезжающих».

В каждом из перечисленных изданий имелась так называемая «общая календарная часть», в которой помещалась информация о солнечных затмениях, восходах и заходах солнца и луны в двух столицах — Москве и Санкт-Петербурге; уведомления об ожидаемых кометах;

[1] *Гоголь Н.В.* Петербургские повести. [СПб.], 2003. С. 7.

родословия здравствующих российских и европейских государей; хронология наиболее значимых событий в предыдущем году; роспись религиозных и гражданских праздников; толкование собственных имён; «известие» о работе почты.

Особой подачей сведений отличался *церковный календарь* (например, «Полный месяцослов всех празднуемых православною грековосточною церковию святых…»). Издание представляло собой перечень дней года с церковными праздниками и памятью святых, включало толкование имён собственных. Особое построение такого календаря объяснялось тем, что годовой круг в русской традиционной культуре был тесно связан с православным календарём и деление времени определялось литургическим годом. Оно воспринималось как через церковные службы, так и через чтение «божественных» книг, а день назывался не по числу в месяце, а по имени святого, память которого в этот день чтилась.

К началу XIX века календарь из краткого справочника, каким он был в XVIII веке, постепенно превращается в полноценную по формату и объёму книгу, с минимумом украшений, содержащую массу полезной информации. Многие государственные и частные издательства печатали тематические календари, адресованные читателям, представителям разных социальных групп, имеющим определённые интересы и увлечения. В таких календарях могла отсутствовать календарная часть, раскладка по месяцам давалась без привязки к какому-то определённому году. Поэтому пользоваться книгой, выполняющей роль обстоятельного справочника, можно было на протяжении многих лет, что делало её, несомненно, более ценной в глазах практичного, хозяйственного читателя.

Для помещиков, живущих в деревне и ведущих собственное хозяйство, предназначались *хозяйственные календари*. Например, «Календарь для любителей пчеловодства, или Опытное наставление, служащее к содержанию пчёл, расположенное на каждый месяц в году» (М.: Сенат. тип., у В. Окорокова, 1793), включавший обстоятельные сведения о «расположении пчельника», о содержании пчёл и «что при сем в каждом месяце в году примечать надлежит». Следуя подробным советам, даваемым на каждый день месяца, любой хозяин мог на своём участке заняться разведением пчёл и получением мёда.

«Экономический указатель, или Порядочное расположение домашних дел, которыя чрез весь год во всяком месяце, каждому домостроителю в доме своём исправлять надлежит» (М.: в Вольной тип. А. Решетникова, 1790), «Хозяйственный деревенский календарь, содер-

жащий в себе все потребныя упражнения в земледелии, садовничестве, сенокосе, скотоводстве, рыбной ловле, пчеловодстве и домашней экономии, в течение всякаго рода дватцати четырех частей, или полумесяцов, по новейшим правилам из опытов несомненных расположенный и достаточно объяснённый…» (М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1794) — уже из одних заглавий виден довольно широкий охват хозяйственных тем, освещаемых этими изданиями. В предисловии рисуется образ идеального хозяина, с перечнем добродетелей и необходимых правил, которые позволят содержать дом и приусадебное хозяйство в порядке, а также дадут возможность их приумножить. На каждый месяц приводятся «упражнения земледельческие» и «домашние исправления», цель которых — помочь хозяину с наибольшей пользой составить график хозяйственных работ.

На страницах календаря с длинным названием «Поваренный календарь, или Самоучитель Повареннаго искуства, содержащий наставление к приготовлению снедей на каждый день в году, для стола домашняго и гостинаго. С приложением поваренных записок о заготовлении разных домашних запасов, как-то: о солении и маринировании мяс, рыб, огурцов, и проч. сберегании зеленей и плодов, делании прочных заготовлений снедей и других вещей, для поварни и дома надобных и проч.» (СПб.: Тип. И. Глазунова, 1808) — аналога современной кулинарной книги — на каждый день месяца предлагаются рецепты «стола обеденного» (обеда) и «стола вечернего» (ужина), с первым, вторым блюдом и десертом.

Для развлечения незамужних девушек выпускали *календарь гадательный и увеселительный*: «Любопытной, загадчивой, угадчивой и предсказчивой месяцослов на 1796 год и на следующия…» (СПб., [1795]), «Календарь на 1799 год старого цыгана, ворожеи и угадчика» (СПб., 1799), на титульном листе которого указан и конкретный читательский адрес: «для молодых девиц» или «в пользу и увеселение молодых молодушек и красных девушек». Способ обращения с календарём был достаточно прост: «в Святцах против каждого дни стоит одно, а инде и два числа», каждому числу соответствует гадание под таким же номером. Представлены различные рассуждения, любопытные советы или нравоучения на каждый день месяца с некоторой долей иронии или насмешки.

Всеобщим уважением и спросом в конце XVIII — начале XIX века пользовались *календари, основанные на сведениях по астроно-*

мии, выдерживавшие несколько переизданий. Одной из таких книг был «Астрономический телескоп, или Всеобщий астрономический, физический, политический и экономический календарь на 336 лет, показывающий: свойство и течение небесных тел; причины различных в атмосфере метеоров или явлений; систему Солнечнаго мира, его различныя движения, и произходящия от сего Солнечныя и Лунныя затмения; разделение времени по старому и новому стилю; праздничные дни, установленныя от православной греко-российской церкви; наконец содержащий в себе разделение годов по течению планет с объяснением влияния оных и метеорологическими замечаниями о предузнавании перемены погод. / Написанный по руководству славнейших физиков и астрономов, как-то: Бриссона, ла Ланда, Иосифа Мута, Вильгельма Кока, Алберта Феофрастическаго, Брюса, Красовскаго и других» (2-е изд., в 3-х ч., М.: Тип. А. Решетникова, 1814). Автор — Михаил Степанович Бранкевич, магистр математики, писатель, выпускник Московского университета, кандидат астрономии, — в календаре популяризировал понятия о хронологии, астрономии, космическом пространстве, давал много народных примет и предсказаний на сотни лет вперёд.

Середина XIX века отмечена появлением новых книг на самые разнообразные темы и периодических изданий, получивших общественное значение. В большом количестве издавались сочинения русских писателей-беллетристов, естественнонаучная литература, учебники, книги по истории, а также лубочная литература. Делались попытки создания дешёвой и доступной, полезной по содержанию книги для народа. В целом книга становилась компактной по размеру, печаталась простым убористым шрифтом. Общие изменения в книжном деле коснулись и календарей, как в плане внешнего оформления, так и содержания. Календари стали более ёмкими, расширился их читательский адрес. Изменились объём и размер: это была уже не полноценная книга, а, как правило, небольшое по формату издание нередко карманного формата, не слишком толстое, облачённое в цветную обложку с яркой литографированной картинкой, с текстом, напечатанным убористым мелким шрифтом на гладкой тонкой бумаге.

Начиная с 1855 года, губернским комитетам была предоставлена возможность издавать на местах губернские и городские календари. В 1865 году были отменены привилегии Академии наук. Календари начинают издаваться частными лицами по всей России. Среди известных

издателей можно назвать И.Д. Сытина, А.А. Гатцука, И.П. Баркова и других. Началась новая эпоха в истории календарей.

Будучи особым видом издания, рассчитанным преимущественно на временное использование, календарь, как это ни парадоксально, ярко отражает своё время. Календарь чутко реагировал на изменения, которые происходили в обществе и в книжном деле в разные исторические периоды, старался зафиксировать информацию, которая казалась важной современникам, а нам порой видится набором лишних или курьёзных сведений. Но именно это и ценно для современных исследователей. Именно в календаре мы находим информацию, не прошедшую проверку временем, но так необходимую нам для понимания повседневной жизни в ту или иную эпоху.

Екатерина Дмитриева

ЗАБЫТЫЙ АВТОР И ЗАБЫТЫЙ КАЛЕНДАРЬ

М.С. Бранкевич и его «Самовернейший астрономический Телескоп, или Всеобщий астрономический, политический и экономический календарь на 336 лет»

Основная цель данной статьи — заново ввести в оборот не просто полузабытое имя, но ещё и забытый календарь, который в своё время пользовался не меньшей славой, чем знаменитый календарь Я. Брюса.

Вообще постановка вопроса об астрономическом календаре, как он понимался в XVII, XVIII и XIX веках, крайне интересна и с необходимостью выводит нас на тему соотношения литературы массовой — и литературы учёной, литературы церковной — и литературы светской. Так, один из величайших европейских философских барочных трактатов, а именно «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» (1612) Я. Бёме, оказывается на самом деле построен по модели народного календаря, а господствующая в нём мысль о взаимосвязи макро- и микрокосмоса, природы, человека и Бога, которая порождает уверенность в возможности проникать в тайную суть всех предметов и явлений, — есть как раз закон жанра народного календаря[1].

В этой связи можно также вспомнить, что и один из самых ярких немецких романов XVII века «Затейливый Симплиций Симплициссимус» тоже имел в своём составе написанный симплициссианским стилем и тематически связанный с главным героем календарь — «Симплицианский вечный календарь» («Simplicianischer Ewig-währender Calender»), наполненный астрологическими предсказаниями, забавными анекдотами о Симплициссимусе и хозяйственными советами, а также «Большой астрологический ежегодник», в который входила календарная по жанру история о волшебном корешке мандрагоры[2].

[1] См.: *Калугин Д.Я.* Слово о Якобе Бёме // Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М., 1990. С. 5—18; *Фокин И.Л.* Philosophus teutonicus Якоб Бёме. СПб., 2007.

[2] На русский язык не переведён. Немецкое издание см.: *Grimmelshausen H.J. Chr. von.* Des Abenteuerlichen Simplicissimi Ewig-währender Kalender. Nürnberg, o. D. См. также: *Meid V.* Grimmelshausen. Epoche — Werk — Wirkung. München, 1984; *Rötzer H.G.* Der Roman des Barock 1600—1700. Kommentar zu einer Epoche. München, 1972.

Притом что первый русский рукописный календарь был составлен в 1664 году, а систематический выпуск печатных календарей начался при Петре («Святцы, или Календарь, изданный И.Ф. Копиевским в Амстердаме», 1702), случилось так, что именно календарь, который был выпущен в 1709—1715 годах московским книготорговцем и библиотекарем Василием Киприановым и авторство которого приписывалось Якову Брюсу, надолго затмил по популярности все другие календари[1]. Причина этой популярности во многом заключалась в том, что наряду с полезными астрономическими сведениями, практически обязательными для любого календаря (о времени захода и восхода солнца в Москве, продолжительности дня и ночи), собственно календарём и церковными справками, сближавшими его по жанру со святцами, Брюсов календарь содержал и астрологические предсказания погоды, урожаев, войн, болезней, политических событий по положению небесных светил с 1710 по 1821 год. То есть был своеобразным оракулом, что в XVIII веке не могло не вызывать недовольства церкви, к которому присоединялись и нарекания светских лиц. Вспомним, что календари-альманахи осуждались домостроем как непозволительная ересь и чародейство. Однако именно эта астрологическая часть создала календарю Брюса — Киприанова репутацию русского Нострадамуса. И можно задаться вопросом, что было первично: рассказы о явлении драконов и комет, присоединённых к метеорологическим предсказаниям в Брюсовом календаре, или же легенды, циркулировавшие вокруг личности Брюса и приписывавшие ему общение с железными драконами[2].

При этом показательно, что в своих предсказаниях Брюсов календарь апеллировал опять-таки к учёной литературе, ссылаясь на латинскую книгу Иоанна Загана и немецкую Вольфганга Гильдебрандта. Так, третий (астрологический) календарь, из тех, что были выпущены с 1709 по 1715 год в типографии Киприанова и несколько переработанным отпечаткам которых было суждено получить в 1747 году название «Брюсовского календаря», носил название «Предзнаменование времени на всякий год по планетам. <…> Переведена с латинского диалекта, из книги Иоганна Загана».

А четвёртый календарь, изданный в 1713 году и называвшийся «Предзнаменование действ на каждый день по течению Луны в зодии»,

[1] Подробную историю этого календаря см., в частности: *Филимон А.* Яков Брюс. М., 2013. С. 341—342.

[2] См. там же. С. 345—351.

содержал в издательских данных указание на то, что «таблица или правило сие изыскано чрез Мартына Альберта Феофрастического, медика, и рудоискателя от Хемниц, и переведена с цесарского диалекта из книги Астрологии, или планетная, Вольфганга Гильдебрандта»[1]. О последнем известно, что жил он в конце XVI — начале XVII века в Тюрингии, был по профессии нотариусом, но особенной славой пользовалась его книга «Magiae naturalis», в которой были собраны сведения из различных областей знаний: астрономии, математики, естественных наук, алхимии, с приведением каббалистических знаков и их толкованием. Небезынтересно для нас, что на эту книгу, с одной стороны, ссылается В.Ф. Одоевский в «Русских ночах», а с другой — она же рассматривается в числе аллегорических и астрологических источников уже упомянутого «Симплицианского вечного календаря» Гриммельсгаузена.

Вместе с тем показательно, что астрологическая часть Брюсова календаря воспроизводила во многом содержание древнерусских отреченных книг, ещё во второй половине XIX века толкуемое как суеверия[2].

Столетие спустя после появления Брюсова календаря, который на протяжении всего XVIII века выдерживает множество изданий, став также предметом подделок, спекуляции и тому подобного, появляется его конкурент, носящий пространное название: «Самовернейший астрономический телескоп, или Всеобщий Астрономический, Физический, Политический и Экономический календарь на 336 лет, разделенный на три части и показывающий свойства и течения небесных тел; причины различных в атмосфере метеоров или явлений, систему Солнечного мира, его различные движения и происходящие от сего Солнечные и Лунные затмения; разделения времени по старому и новому стилю для каждого года праздничных дней в Православной Грекороссийской церкви и разные годовые ее установления; наконец, содержащий в себе разделение годов по течению планет; объяснение свойства планет, имеющих полезное или вредное влияния на человека и все царства Природы, и метеороскопическое о переменах погод предузнавание. Написанный по руководствам славнейших Физиков и Астрономов, как-то: Бриссона, ла Ланда, Иосифа Мута, Вильгельма Кока, Алберта Феофрастического, Брюса, Красовского и других».

---

[1] См. об этом подробнее: *Филимон А.*. Яков Брюс. С. 341—342.

[2] См.: *Керенский Ф.* Древнерусские отреченные верования и Брюсов календарь // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1874. Т. 172, 173.

Издание было отпечатано в 1808 году «с одобрения цензурного комитета, учрежденного для округа Московского университета».

Второе издание календаря появилось также в Москве, в 1814 году, будучи отпечатано в типографии Решетникова.

Календарь, или «Самовернейший астрономический телескоп», был «собран магистром математики Михаилом Бранкевичем», как то указывалось в оглавлении. Первая его часть была, как и в Брюсовом календаре, в основном «природоведческой». Содержание было разбито на параграфы: «Об атмосфере земной и метеорах», «О воздухе», «Об атмосфере», «О движениях в атмосфере», «О метеорах», «О метеорах водяных», «О радуге», «О северном сиянии», «О громе и молнии». Отдельный раздел в первой части был отведён астрономии со следующими параграфами: «Понятие об Астрономии», «О Небе и Сферах», «О системе Мира», «О Звездах неподвижных», «О Солнце», «О планетах…», «О движении Земли, Солнца и Луны и о явлениях, от сего происходящих».

Вторая часть была собственно календарной, с разделами: «Понятие о Хронологии», «Об астрономическом разделении времени», «О Гражданском разделении времени», «Историческое изъяснение о названии месяцев», «Греко-российский месяцеслов», «Роспись Господским праздникам и Статским торжественным дням», «О Пасхалии», «О Пасхальном вычислении», «Ключевая таблица Пасхалии», «Хронология достопамятных происшествий до 1814 г. по Р.Х.», «Показание о важных и достопримечательных изобретениях и открытиях», «О Солнечных и лунных затмениях».

Наконец, третья, астрологическая часть, знакомившая читателя с основными понятиями об астрологии (здесь были разделы «О господствовании планет вообще», «Общая планетоскопия по годам на 335 лет», «Частичная Планетоскопия на месяцам годов планет», «Замечание о влиянии солнца по течению в Зодиаке», «А) Замечание по маршруту вообще», «Б) влияние солнца на человека в особенности», «С) замечания о действиях по месяцам», «Метеорологические замечания о предузнавании погод и ветров», «О предузнавании погод по признакам» и так далее), содержала то, что сближало календарь Бранкевича с Брюсовым календарём и вместе с тем отличало: а именно таблицу предсказаний. Они простирались уже не на ближайшие сто с небольшим лет (как это было у Брюса — Киприанова), но на 336 лет вперед, с 1801 по 2136 год. Впрочем, по структуре таблица, «показующая по кругу Солнца и Вруцелетию 336 годов, по коей господствующих планет предсказыва-

ются действия», Бранкевича весьма походила на ту, что мы находим в Брюсовом календаре: каждый год в ней подпадал под соответствующую планету (Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий, Луна), а также круг солнца и так называемое вруцелето (от древнерусского «в руце лето» — «год в руке», что означало метод устного счёта для определения дней недели по числу месяца в годе с помощью пальцев рук, но также и специальных таблиц).

К таблице прилагалось словесное объяснение свойств каждой из планет, перечисление лет, которыми та или иная планета «правит», описание свойств людей, родившихся в эти годы, их внешности. За этим следовали предсказания погоды для каждого из времен года, сельскохозяйственные советы, прогнозы урожая и предсказания частные, касающиеся политических событий. Например, на послевоенный 1946 год предсказание звучало следующим образом: «Полководцы будут взаимно друг друга остерегаться, и один другого заманит в свои сети; заключение союза между двумя державами; некий Государь великие учинил награды за науки и художества; заведение новых фабрик в Европе». Или предсказание на 2013 год: «Молодой государь воцарится; установление Рыцарского Ордена, счастливое сражение; установление Ордена для учёных».

Но кем же был этот таинственный магистр математики Михаил Бранкевич, «собравший» календарь и вступивший тем самым в соперничество со знаменитым Брюсом (даже если реально сам Я. Брюс в написании своего календаря и не участвовал[1])? Сведения о нём на самом деле весьма скупы: с его биографией и краткой характеристикой творчества можно познакомиться в биографическом словаре «Русские писатели. 1800—1917» и в «Словаре русского языка XVIII века»[2]. Бранкевич (1778—1812) был малороссийского происхождения, получил начальное образование в Киевском главном народном училище, затем учился в Киево-Могилянской духовной академии, в 1796 году поступил в гимназию Московского университета и позже окончил философский факультет университета кандидатом астрономии. Затем преподавал в Смоленской гимназии математику, но также и словесность, латынь и

[1] См.: *Филимон А.* Яков Брюс. С. 341—342.

[2] См.: *Дмитриева-Маймина Е.Е.* Бранкевич Михаил Степанович // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 324—325; *Садовникова Р.М.* Бранкевич Михаил Степанович // Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. http://onlineslovari.com/slovar_russkogo_yazyika_veka/page/brankevich_mihail_stepanovich.103/)

философию (1804—1806). В 1807 году произведён в магистры математических наук, тогда же перешёл на службу в канцелярию Департамента Министерства юстиции, которую вскоре оставил по слабости здоровья. В последние годы жизни (по непроверенным сведениям, умер Бранкевич в 1812 году, — дата, которой, однако, противоречат некоторые другие факты его жизни и в особенности творчества) он вновь преподаёт математику в высшем арифметическом классе Университетской гимназии и получает именно в это время значащееся на обложке календаря звание магистра математики.

Собственно литературную деятельность Бранкевич начал в 1794 году переводами с французского и немецкого и подражательными стихотворениями, которые были напечатаны в журнале «Приятное и полезное препровождение времени». Сосредоточенный вначале на сентиментальных и романтических мотивах, он проделал в дальнейшем примечательный путь к написанию произведений в стилистике лубочной литературы и одновременно литературы теософского характера.

В лубочной стилистике им были написаны «Храбрый философ Лев Андреевич Громин, сослуживец Силы Андреевича Богатырёва» (М., 1809) — отклик на патриотическую брошюру Ф. Растопчина «Мысли вслух на Красном крыльце» (1807), в которой обличительные мотивы (израненный, награждённый Суворовым за храбрость крестьянин Громин на старости лет ради куска хлеба принуждён «протягивать свою руку перед тунеядцем») соединяются со своеобразной проповедью «непротивления злу насилием («…терпи да потей! Кто ж тому виноватый? Право, я не знаю и знать не хочу»). В духе народного анекдота написан и занимательный рассказ «Кровопролитная война у Архипыча с Еремеевной» (М., 1810; в издании вместо имени автора значится Сочинитель «Храброго философа»), по-видимому, пользовавшийся особой популярностью, поскольку последнее его — шестое — переиздание относится уже к 1867 году.

Рассказ этот носил, в сущности, антимилитаристский характер, хотя описывал не столько даже опасности войны, сколько психологию воюющих, даже если война была не настоящей, а сражающиеся врагов из себя лишь изображали. Всё начиналось в нём с предложения скучающей на печке Еремеевны своему супругу Архипычу хоть раз на старости лет повоевать, сыграв роли турка и русского (вариант: француза и русского): «Старик! — сказала старуха, держа в руке кружку пива и смотря на гренадерскую шапку, которая висела против неё на стене, — мы с тобою

век изжили, а войны не видали!.. Давай воевать»[1]. В результате «переговоров» старики решают «потешиться»: в ход при этом идут предметы домашнего обихода, стол в избе изображает Очаков (Ачаков), печка — Москву, сабли сооружаются из домашней ветоши, к сковороднику привязывается телячий хвост, войско русское представляют горшки, а войско турецкое — лапти. Когда старики (читай: Россия и Турция) пускаются в морской бой, плетёная коробка изображает русский корабль, а корыто — турецкий; в последнем же конном бою конём русского гусара (Еремеевны) начинает служить кочерга, а турецкого драгуна (Архипыча) — его прежний солдатский штык.

По всей видимости, наиболее примечательной стороной этого колоритного рассказа была всё же демонстрация того, как легко война из игры может превратиться в дело серьёзное, не просто полностью захватывающее человека, но и придающее ему опасный «задор»: «На лице старухи изобразилось торжество. В эти минуты, казалось, 20 лет отодвинулось ей! Она села на стол — на полонённый Очаков и сказала с победительным тоном: Ну, турка! Давая ищо воевать по морю, на кораблях»[2].

Финал этой повести, как можно догадаться, печален, хотя и весьма поучителен: «Последний Турецкий драгун головою своей лошади толкнул в грудь Русского гусара. Русский гусар с лошади стремглав! Вдруг Русский гусар вскочил, вцепился в бороду Турецкого драгуна изо всех сил. Гусар одной рукой дерет драгуну бороду, а другой царапает ему глаза». Попытки внука, очевидца этой «войны», остановить сражение, оказываются безуспешными («Что вы! Что вы!» Кричу я с палатей, … но Армии уже не слышат»). И тогда «Гусару откуда не попадись чугунный пест. — Треснул Драгуна по голове, и Турецкий драгун — как сноп повалился на земь».

При виде сражённого врага, у которого «голова до мозгу проломлена», старуха восклицает: «Вишь, проклятой бусурман! Ищо подкопы копает под Москву».

Заканчивается же всё изумлённо-печальной сентенцией внука: «Боже мой, подумал я, слезая с полатей, и в шутливом сражении убивают людей; что ж на войне?! Там чай головы летят с плеч как шапки на молитву!!»[3]

---

[1] [*Бранкевич М.*] Кровопролитная война у Архипыча с Еремеевной / Сочинитель «Храброго философа». М.: тип. Решетникова, 1810. С. 3.

[2] Там же. С. 49.

[3] Там же. С. 50.

Написанная и изданная в форме пьесы, повесть эта имела в 1810 году, разумеется, более чем злободневное звучание.

В последние годы своей жизни Бранкевич был в особенности связан с масонскими кругами, с М.И. Невзоровым и И.В. Лопухиным. Последнего он вообще считал своим покровителем, хотя отрицательно относился к существованию масонских лож («…истинные масоны живут скромно… в неизвестности и узнаются по внутреннему свету, смирению и любви»[1]). Очевидно, под влиянием Лопухина (книга и была посвящена Ив. Лопухину) он написал и свой основной труд «Дух Эккартсгаузена, или Сущность учения сего знаменитого писателя» (1810) — краткое, но при этом в достаточной степени «авторизованное» изложение учения К. Эккартсгаузена (1752—1803). Этот немецкий философ и мистик был в России особенно популярным в начале XIX века (свидетельство тому — чтение его труда «Ключ к таинствам натуры» почтмейстером в поэме Гоголя «Мёртвые души», где Эккартсгаузен появляется одновременно как знак отжившей свой век моды, но всё же созвучный и новым веяниям[2]).

Сформулированные немецким философом законы нравственной жизни, путей нравственного и душевного очищения, необходимости «истребления гнезда самолюбия, особливо духовного», в «Духе Эккартсгаузена…» были «разбавлены» собственными размышлениями Бранкевича, его полемикой с русскими «вольнодумцами», примерами, взятыми из русской истории и российской современности, которые обнажали проблемы современного ему общества. В последнем «Дух Эккартсгаузена…» вполне смыкался с пафосом «Кровопролитной войны у Архипыча с Еремеевной». Как и в повести, в трактате Бранкевич осмыслял историческую обстановку 1810-х годов («Я вижу, собирается над Европой туча кровавых замыслов…»[3]), социальные пороки русского общества, чем возвращался к проблематике «Храброго философа». Важной темой трактата было также размышление о разделении церкви на истинную и ложную: «Наружная церковь марается грязью пороков, но внутренняя тверда».

Но самое примечательное — в контексте нашего разговора об астрономических календарях и телескопах — было то, что эта «главней-

[1] *Бранкевич М.* Дух Эккартсгаузена, или Сущность учения сего знаменитого писателя. М., 1810.

[2] См. об этом также: *Винницкий И.* Николай Гоголь и Угроз Световостоков : (К истокам «идеи ревизора») // Вопросы литературы. М., 1996. Вып. 5. С. 181.

[3] Цит. по: *Винницкий И.* Николай Гоголь... С. 171.

шая» для Бранкевича книга, излагавшая воззрения немецкого философа, также была во многом построена по законам календаря, с той только разницей, что «природоведение» заменялось здесь знакомством читателя с «науковедением», «человековедением» и «боговедением». И действительно, в первой её части речь шла о творце, который «изображается в творении в тройственном виде», об «истории человечества, назначении человека», «естественном» и «выше естественного» знании человека, о законе соединения духовного с телесным, о свободе воли.

Во второй книге (части) рисовалась картина человеческой жизни (история человека после его изгнания из ада, история жизни человеческой от Моисея до Христа, тайна послания Сына Божия). Рассматривая внутреннюю и наружную жизнь человека, равно присущую ему чувственность и духовность, Бранкевич восставал против «сладкого эгоизма блестящей философии», призывающей любить ближнего из собственной выгоды[1], чем в некотором смысле предвещал, в частности, размышления на эту тему В.Ф. Одоевского в «Русских ночах» (вставная новелла «Город без имени»), но также, в полемическом смысле, — и известные построения Н.Г. Чернышевского о «разумном эгоизме»).

Его собственное понимание возможностей философии («Никакая Философия из побуждений разума не выведет иных действий человеческих, не допустив высшей духовной возможности»[2]), собственно, и выводит Бранкевича на разговор о русской истории. Так, для доказательства того, «что самый проницательнейший и глубокомысленнейший разум человеческий весьма ещё малосилен производить то, что произвести может человек, возбуждаемый особенным некоим духом», он приводит в качестве примера Минина, «возбудившего других жертвовать всем для спасения отечества», Петра I, который «скинул порфиру и, удалясь в приморскую чужеземную хижину… сделался мастеровым…» и других.

Примечательно, что подобное понимание философии может уводить Бранкевича не только в область истории, но и в область предчувствий, предсказаний, прорицаний. Уже процитированная выше фраза «Я вижу, собирается над Европою туча кровавых замыслов» кончается на самом деле пророчеством: «Но ты, бессмертная Россия! Как и прежде — отразишь и рассыплешь их…»[3] — которую ещё можно было бы вос-

[1] Цит. по: *Винницкий И.* Николай Гоголь… С. 118.

[2] Там же. С. 126.

[3] Там же. С. 171.

принять как выражение горячей веры, если бы вслед за тем Бранкевич не высказывал и других пророчеств. Например, «…неизвестный человек говорил мне однажды, что 1825 год будет началом важной в мире эпохи» (напомним, что говорится это в 1810 году!).

И здесь в силу вступают другие стороны профессиональной деятельности и увлечений Бранкевича — его математические интересы, которыми он пытается подкрепить свои духовные провидения. «И это не противоречие, и понятно для того, кто знает науку числ!» — добавляет он к своему высказыванию о 1825 годе. И далее: «Я уверен, что хотя в числах и нет таинственного, однакож они изображают гармонию, как духовную, так и естественную. Они суть Иероглифы времени»[1].

«От незнания натуры числ и натуры их гармонии происходят в Философии[2] мечтания человека, который вместо цели настоящей видит и избирает цель чувственную», — заявляет Бранкевич уже на первых страницах своей книги «Дух Эккартсгаузена»[3], математикой желая поверить картину вселенной, историю вселенной и собственные свои пророчества (ср.: «Между бытием и небытием такое точно отношение, какое между единицей и нулём. <…> Недавно открыто отношение между единицею и нулём. Оно открыто Лейбницем. А Невтон открыть его хотел совсем другим путём… Путь Лейбницев есть путь истинный, ведущий к истинной науке о чувственности, а путь Невтонов ведёт к ложным последствиям. …Сие важное открытие о содержании нуля к единице доводит человека до познания происхождения вселенной. Оно объясняет Моисееву книгу бытия…»). В доказательство своей правоты Бранкевич ссылается на великую традицию европейской мистики, которая была вместе с тем и той традицией, из которой произросло учение Эккартсгаузена (Якоб Бёме, г-жа Гийон, Юнг-Штиллинг). Но именно они не только укрепляют его в пафосе предвидения и пророчеств, но и выводят на, по существу, центральную тему книги — тему апокалипсически-эсхатологическую, которая оказалась особенно актуальной в России ещё и в начале XX века и вновь привлекла внимание к книге Бранкевича[4].

[1] Там же. С. 175.

[2] Ср. ещё одно его заявление: «Философия есть наука о круге: она показывает цель» (Цит. по: *Винницкий И.* Николай Гоголь… С. 16).

[3] Цит. по: *Винницкий И.* Николай Гоголь… С. 17.

[4] См. сопоставление предсказаний Бранкевича с предсказаниями В. Соловьёва о явлении «Князя мира» в статье «Ер и антихрист» (Новое время. 1900. 2 декабря).

«Какие предчувствия оставили нам занимавшиеся тайными науками! Я несколько упомяну их. Яков Беем, великий знаток в тайных науках, писал: что скоро, очень скоро решится последняя участь Вавилона, Вавилонской прелюбодейницы и Антихриста; и наконец из Севера процветёт Лилия и настанет тысячелетие царствия Божия». «Гийон, умершая в 1717 году, писала также о скором появлении Антихриста и о падении Вавилона». «Штиллинг в 18 книжке Угроза Световостокова, которая вся занимается исследованием будущего, выставляет 1896 год по Р.Х. важным годом»[1].

В заключение же книги мы читаем: «Но ты, Россия, непоколебима в основании своём. И важные приуготовления не в тебе участь имеют. <…> Промысел правит миром. Промысел правит Россией, и Церковь Христова в ней имеет центр свой. Открываю Апокалипсис и выписываю развернувшуюся 13 главу: «И видех из моря зверя исходяща…»[2]

Поразительно, насколько философский труд, написанный с целью вульгаризации идей мистического философа Эккартсгаузена, смыкается с написанным в народной (дабы не сказать — лубочной) традиции «Календарём»[3] и насколько в основе обоих произведений лежит смешение астрологии, астрономии, философии, мистики и математики, собственно, и делающее особенно интересным для нас и самого автора, и его произведения.

Насколько попытка подвести математические законы под явления духовного порядка соответствовала уровню знаний в точных науках во времена Бранкевича (не забудем, что сам он был математиком) и насколько она соответствует современному уровню — вопрос иной, требующий и иной, отнюдь не филологической компетенции. Однако не будем забывать, что когда в 1837 году Сенковский резко раскритиковал календарь Бранкевича как произведение, «поддерживающее простонародные заблуждения»[4], то он при этом попросту не заметил, что издание было, в том числе, и популяризацией Коперниковой системы. Также и вопрос о нуле, который подымает Бранкевич, и свойственная ему про-

[1] *Бранкевич М.* Дух Эккартсгаузена. С. 171—172.

[2] Там же. С. 178.

[3] Прорицательные и гадательные потенции, уже заложенные в «Астрономическом телескопе» Бранкевича, в полной мере дали себя знать в другой его книге: «Древний астролог, или Оракул искуснейших в гадании Мартына Задека, Иосифа Мутта, Тихобрага и Физиогномиста Лафатера и др. (!!! — *Е.Д.*), или Новая и полная гадательная книга» (М., 1812; 2-е изд. М., 1814).

[4] Библиотека для чтения. 1837. Т. 23.

екция теологии и философии на математику определили во второй половине XIX века так называемые «теоремы существования», которые по своей логической структуре, при всей их несомненной научности, близко следовали «онтологическому доказательству бытия Божия»[1]. Насколько самого Бранкевича можно считать участником данного процесса — вопрос, повторяю, отдельный и особый. И всё же в конце не могу — по поводу его «Самовернейшего… календаря» — не вспомнить иные слова — поэта:

Предрассудок! он обломок
Древней правды. Храм упал;
А руин его потомок
Языка не разгадал[2].

[1] За данные соображения приношу благодарность М.А. Семёнову-Тян-Шанскому.

[2] *Баратынский Е.Ф.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 95.

Ирина Карпова

АДРЕС-КАЛЕНДАРИ XVIII ВЕКА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

В Российской государственной библиотеке в составе фонда научно-исследовательского отдела редких книг (Музея книги) хранится собрание календарей и месяцесловов, вышедших в России в XVIII веке. Это собрание вполне репрезентативно, хотя и уступает собраниям Библиотеки Академии наук и Российской национальной библиотеки. Нам бы хотелось обратить внимание только на одну часть этого собрания, а именно на адрес-календари 1765—1796 годов.

Известно, что адрес-календарь — это особый вид издания, который появился в России в 1765 году. Его появление было вызвано реформой центральных и местных учреждений (1763), которую Екатерина II проводила с целью повышения эффективности государственного управления. Бюрократизация аппарата способствовала упорядочению численности, обязанностей, должностей, жалованья и чинов служащих. В этой связи и возникает адрес-календарь как ежегодный официальный перечень должностных лиц. Сведения для него собирались из присутственных мест канцелярией Академии наук, печатали адрес-календарь в академической типографии. Тиражи календарей во второй половине XVIII века в десятки раз превосходили тиражи книг: 2 350—3 325 экземпляров[1]. На 1797—1801 годы адрес-календари не выходили.

Адрес-календари входят в круг исторических источников и используются, как правило, при биографических разысканиях, ведь в них зафиксировано более 36 тысяч лиц[2]. Историков и книговедов также привлекают записи, оставленные на страницах календарей. Широко распространённый в обиходе календарь сродни записной книжке — всегда под рукой, а записи – неиссякаемый источник для изучения проблем истории и культуры.

В Музее книги РГБ хранится 71 экземпляр «Адрес-календаря, или Месяцослова, с росписью чиновных особ» XVIII века. Цель данной работы — рассмотреть провенанс экземпляров этого собрания.

[1] Данные по: *Луппов С.П.* Основные направления изучения истории русской книги эпохи феодализма // Книга : Исследования и материалы. Сб. 50. М., 1985. С. 140.

[2] Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764—1795) / Сост. В.П. Степанов. СПб., 2003. С. 6.

История формирования многомиллионного фонда Российской государственной библиотеки в общем и целом хорошо известна[1]. Однако при переходе от книжных коллекций к конкретным экземплярам обнаруживается картина более содержательная, объёмная и интересная, чем представлялась нам в умозрительных предположениях. Собрание отечественных изданий XVIII века в отделе редких книг целенаправленно формировалось, начиная с 1919 года, путём перевода книг из основного фонда библиотеки, приобретения экземпляров у частных лиц, книгообмена между государственными библиотеками. Естественно было предположить, что изучение поступления книги в библиотеку следует начать с первичных документов учёта, которые ведёт отдел комплектования: договоров, актов регистрации и тому подобного. Но этот путь приемлем для небольших собраний, для крупных исторических фондов он не годится, поскольку искать в этих документах запись об определённой книге — всё равно что искать иголку в стоге сена. Здесь целесообразнее идти от фонда, от имеющихся экземпляров.

По результатам обследования экземпляров составлены две таблицы (см. приложение), наглядно показывающие происхождение каждого имеющегося здесь адрес-календаря. Прочерк означает, что экземпляр до поступления в библиотеку не имел владельческих знаков.

Большинство календарей принадлежало к известным личным библиотекам дворян, государственным учреждениям, церкви, библиофилам. Среди аутентичных — экземпляры из собраний графов Шереметевых, Н.П. Румянцева, Веневитиновых, П.К. Хлебникова. Это свидетельствует о том, что адрес-календари в XVIII веке бытовали в среде состоятельного служилого дворянства (то есть среди тех, кому и предназначалось данное издание).

В случае с экземплярами Хлебниковской библиотеки интересно отметить, что календари за 1778—1780 годы облачены в переплёты с суперэкслибрисом П.К. Хлебникова, скончавшегося в 1777 году. Это несоответствие наводит на мысль, что книги были переплетены позднее наследниками Хлебникова, хотя и снабжены его владельческим знаком. Ранее считалось, что «книги отдавались владельцем в переплёт по мере приобретения» и часть конволютов были расплетены при его внуке, С.Д. Полторацком, который сам и отметил эти случаи в «Росписи но-

[1] См.: Государственный Румянцевский музей: Путеводитель. 1. Библиотека. М. ; Пг., 1923; История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В.И. Ленина за 100 лет : 1862—1962. М., 1962.

мерам, означенным на хлебниковских переплётах», которая хранится в Отделе рукописей РГБ[1].

Позднее научный интерес и библиофильский подход способствовали сохранению этих изданий (таковы экземпляры из собраний историков К.М. Бороздина, К.И. Невоструева, литературоведа Н.С. Тихонравова, антиквара-букиниста П.П. Шибанова, литературоведа А.В. Кокорева, кораблестроителя Е.С. Толоцкого).

Константин Матвеевич Бороздин (в 1812 году — начальник ополчения дружины Новоржевского уезда Псковской губернии) наследовал несколько библиотек: библиотеку отца, сенатора, библиотеку Г.Р. Державина, а в 1864 году его дочь подарила Московскому публичному и Румянцевскому музеям Бороздинскую коллекцию. В отчёте музея отмечалось, что особенно богат отдел периодики, словарей, исторических сочинений и календарей. Братья Сабашниковы приобрели для МПРМ в 1894 году библиотеку Тихонравова. По национализации поступили коллекция Невоструева в составе библиотеки Московской духовной академии и книжный магазин Шибанова. В 1961 году Библиотека имени Ленина приобрела собрание Толоцкого, а в 1971-м — Кокорева.

То, как календари попадали в то или иное учреждение, часто остаётся в области догадок. Почему библиотека Генерального штаба русской армии, основанная в 1811 году, комплектует адрес-календари сорокалетней давности? Поскольку военные библиотеки могли складываться из небольших личных собраний офицеров, можно предположить, что календари подарили библиотекам их же читатели. Что же касается церковных, исторически сложившихся собраний, то календари были им так же необходимы, как и светским учреждениям.

Немногие из адрес-календарей имеют записи XVIII века. Особо выделяется календарь 1773 года. К нему приплетены шесть писарских списков, среди которых — письмо Н.Н. Бантыша-Каменского от 28 февраля 1773 года к Н.И. Новикову и черновой вариант издательской программы Н.И. Новикова 1773—1774 годов. Эти списки опубликованы в 1977 году И.М. Полонской в Записках отдела рукописей ГБЛ (вып. 38, с. 215—223).

Проведённая работа позволила составить более точное представление о происхождении адрес-календарей в собрании Российской государственной библиотеки.

---

[1] ОР РГБ. Ф. 233, д. 5, е. х. 49. См.: *Полонская И.М.* Новые материалы об издательской деятельности Н.И. Новикова // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 215.

Приложение

Таблица 1. Происхождение адрес-календарей XVIII века (собрание Музея книги)

Адрес-календарь на год	Прежний владелец	Записи XVIII—XIX вв.
1765	П.К. Хлебников К.И. Невоструев	
1766	Н.П. Румянцев Музей Старой Москвы	скоропись XVIII века
1767	П.К. Хлебников	
1768	—	
1769	Н.П. Румянцев Н.С. Тихонравов	
1770	П.К. Хлебников К.И. Невоструев	
1771	П.К. Хлебников	
1772	—	
1773	П.К. Хлебников К.И. Невоструев	писарские копии XVIII века
1774	П.К. Хлебников Генштаб русской армии	
1775	П.К. Хлебников Генеральный штаб русской армии А.В. Кокорев	записи XVIII века
1776	К.И. Невоструев Генеральный штаб русской армии	
1777	П.К. Хлебников	
1778	П.К. Хлебников К.И. Невоструев	
1779	П.К. Хлебников Генеральный штаб русской армии	
1780	П.К. Хлебников К.И. Невоструев Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР	

Адрес-календарь на год	Прежний владелец	Записи XVIII—XIX вв.
1781	—	записи XVIII века, 1850 года
1782	Шереметевы	
1783	К.М. Бороздин Е.С. Толоцкий	
1784	Кушелев Новосильцева Е.С. Толоцкий	
1785	—	записи 1785 года
1786	К.М. Бороздин	
1787	Н.П. Румянцев	
1788	К.М. Бороздин Козельская Введенская Оптина пустынь	
1789	К.М. Бороздин К.И. Невоструев	
1790	Московская епархиальная библиотека К.М. Бороздин	
1791	—	
1792	Императорский Российский исторический музей А.В. Кокорев	
1793	К.М. Бороздин П.А. Веневитинов П.П. Шибанов	
1794	Н.П. Румянцев В.П. Веневитинов	
1795	Императорская Публичная библиотека Московская духовная академия	
1796	В.П. Веневитинов К.И. Невоструев	

Таблица 2. Принадлежность адрес-календарей XVIII века до поступления в РГБ

Владельцы (лица и организации)	Адрес-календари за годы
К.М. Бороздин	1783, 1786, 1788, 1789, 1790, 1793
В.П. Веневитинов	1794, 1796
П.А. Веневитинов	1793
А.В. Кокорев	1775, 1792
Кушелев	1784
К.И. Невоструев	1765, 1770, 1773, 1776, 1778, 1780, 1789, 1796
Новосильцева	1784
Н.П. Румянцев	1766, 1769, 1787, 1794
Н.С. Тихонравов	1769
Е.С. Толоцкий	1783, 1784
П.К. Хлебников	1765, 1767, 1770, 1771, 1773, 1774, 1775, 1777, 1778, 1779, 1780
Шереметевы	1782
П.П. Шибанов	1793
Генеральный штаб русской армии	1774, 1775, 1776, 1779
Императорская Публичная библиотека	1795
Императорский Российский исторический музей	1792
Козельская Введенская Оптина пустынь	1788
Московская духовная академия	1795
Московская епархиальная библиотека	1790
Музей Старой Москвы	1766
Фундаментальная библиотека общественных наук Академии наук СССР	1780

Елена Панченко

МЕСЯЦЕСЛОВЫ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ: КУПЕЦ, КОРНЕТ, БАРЫШНЯ И ДРУГИЕ

«Месяцеслов на лето от рождества Христова…» — под таким заглавием выходил с 1770 года «Большой», или «Ординарный», календарь[1], который составлялся и издавался Академией наук в Санкт-Петербурге ежегодно с 1726 по 1869 год. Календарь печатался значительными тиражами, которые доходили до 20—25 тысяч экземпляров, и ещё в XVIII веке распространялся в самых отдалённых городах России. Структура календаря на протяжении многих лет оставалась традиционной: собственно календарь (церковный и астрономический); знаменательные исторические события (от сотворения мира до, например, освящения новой биржи в Петербурге); таблицы, показывающие географические координаты городов России и расстояния между ними; наблюдения Академии наук за погодой, интересные климатические явления, даты вскрытия и замерзания Невы; достопамятные происшествия предшествующего года; Российский императорский дом и правящие династии Европы; перечень праздников; расписание почтовых дилижансов.

В календарях было немало интересных и полезных сведений, и далеко не всё устаревало по прошествии года, но наибольшей популярностью пользовался первый раздел — собственно календарь. Между печатными листами календаря вплетались чистые листы, обычно по одному на месяц, которые служили для владельца книги чем-то вроде деловых ежедневников, дневников, календарей погоды или книг для записи умных мыслей[2]. Записи эти вели не напоказ, а только для себя: небрежным почерком, часто сокращая или недописывая слова. Содержательные записи чередуются с пробами пера, подсчётами; записи о значимых событиях соседствуют с перечислением бытовых дел, покупок и так далее. Иногда в календарях видна рука не одного, а двух

[1] См.: Календарь или месяцослов на лето от рождества господа нашего Иисуса Христа… // Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века : В 5 т. Т. 4. М., 1966. С. 227—228. Раздел «Календари и месяцесловы» в «Сводном каталоге сериальных изданий России 1801—1825 гг.» пока не издан.

[2] Среди различных календарей, хранящихся в фонде библиотеки Санкт-Петербургского института истории, записи чаще всего встречаются именно в изданиях «Месяцесловов на лето от Рождества Христова…».

или даже больше авторов, при этом они могли пользоваться календарём в одно время или в разные годы.

Из многочисленных изданий «Месяцеслова», хранящихся в фонде библиотеки Санкт-Петербургского института истории, выбрано шесть экземпляров, принадлежавших современникам Пушкина. Имена и род занятий владельцев календарей (за единственным исключением) нам не известны, но на основе записей, отражающих течение их жизни, можно попытаться восстановить их портреты.

1801 год. Сельский житель

Календарь в современном канцелярском переплёте[1], владельческая история не известна. Принадлежал, судя по почерку, человеку молодому, а судя по записям — не обременённому ни семьёй, ни делами. Он был сельский житель, так как отмечал в основном состояние природы: «во всю неделю масленицы сильные морозы были»[2], 18 февраля «первый раз таял снег и капель», «1-й и 2-й дни праздника (Пасхи. — *Е.П.*) были прекрасные, а прочие пасмурные и мокрый снег», 2 мая «первый раз был гром», 16 декабря «был мороз — 24 градуса»[3] и так далее. Жизнь текла однообразно; как вехи времени упомянуты лишь церковные праздники. Впрочем, в мае владелец календаря совершил поездку в Петербург, — вероятно, жил он в Петербургской или в одной из ближайших губерний. В календаре упомянуто только одно важное событие: в марте «с 11-го на 12 в полночь скончался государь Павел I скоропостижно в Михайловском замке». Несколько записей всё же дают представление о круге занятий владельца календаря: 21 августа «послал в банк», 2 декабря «посадили живность» (вероятно, в тепло на зиму), 12 декабря «кончена молотьба вся хлебу», 18 декабря «посолили ветчину». Календарь использовался и в следующем, 1802 году. Поскольку календарь церковных праздников подвижен, владелец сам записывает пасхалию 1802 года — от пасхи до Петра и Павла[4] — и, ко-

[1] Шифр библиотеки Санкт-Петербургского института истории (далее библ. СПб ИИ): И 4238; инв. ном.: 21767.

[2] Здесь и далее записи из месяцесловов приводим в современной орфографии.

[3] Наличие термометра, вероятно, свидетельствует об имущественном благополучии автора.

[4] «Пасхалия 1802: Пасха апреля — 13, Преполовение мая — 7, Вознесение мая 22, Троица июня 1го, Заговенье июня 8, поста 2 недели 6 дней, Петра и Павла в воскресенье».

нечно, отмечает погоду: «в 1802 году все дни пасхи были прекрасные и жаркие дни до 26 числа [апреля], потом стужа и сильный ветр и снег и был мороз».

Есть пометы и в других частях календаря. В разделе «Российский императорский дом» перечёркнуты сведения о Павле I и написано «умре», к сведениям о наследнике Александре приписано «император», о великой княгине Александре Павловне — «скончалась». Текст, посвящённый Павлу I, зачёркнут и в разделе «Хронология». В этих пометах можно увидеть интерес к переменам в императорском доме и оттенок негативного отношения к покойному императору, — и то и другое свойственно, скорее, представителю дворянского сословия. Не была ли связана поездка помещика в Петербург с политическими переменами?

Служивший своему владельцу два года календарь был им потом подарен брату с нежной надписью «Любезному моему братцу посылаю».

1810 год. Барышня

Календарь во владельческом кожаном переплёте начала XIX века, тиснённые золотом цветочки на корешке, гирлянды с бантом на верхней и нижней крышках[1]. На корешке ярлык с номером «115» — небольшая, но всё-таки библиотека. Даже если допустить, что ярлык появился позднее, ясно, что переплёт изготавливался не для единственной книжки в доме, тем более если этой книжкой был календарь. Мы можем предположить, что большую часть этой библиотеки составляли французские романы, и вот почему.

На чистых страницах календаря нет ни одной записи, не отмечена ни одна дата. Лишь в конце книги на форзаце сделаны две записи по-французски. Одна — «Je vous aime beaucoup» (я вас очень люблю), другая начинается со слов «mon Coeur» (моё сердце), дальше чернила смазаны (возможно, надпись задели рукавом или упала слеза). Почерк похож на женский, и сама ситуация, когда книге поверяется сердечная тайна, — ситуация девичья. Скорее всего, календарь был переплетён не в самом 1810 году, когда он представлял наибольший интерес как справочник, а позже, и барышня знала, что к этой книжке ещё долго никто не притронется. Последующая владельческая история книги совершенно не известна.

[1] Шифр библ. СПб ИИ: И 4238; инв. ном.: 2843.

1815 год. Купец

Современный канцелярский переплёт[1]. Владельческая история не известна. Часть чистых листов вырвана, остальные исписаны. Почерк, характерный для XVIII века, с выносными над словом буквами. Орфография причудливая: части слова пишутся врозь, предлоги слитно с существительными. Как бы ни было сложно разбирать эти записи, по количеству цифр и подсчётов с наименованием пудов, рублей, фунтов, аршин, копеек становится ясно, что владельцем календаря был человек торговый: «31 января муки 26 с половиной пудов по 75 копеек», «9 февраля овса 15 пудов по 26 копеек», «мука пошла пшеничная апреля с 1 числа, а ржаная с 3 числа» и так далее. В календарь записывались и бытовые покупки и расходы: «в марте за табакерки 2 руб.»; «почата голова привозного с Ирбита сахара апреля 1 дня, а бахча[2] чаю марта 28 числа»; 5 апреля «взято у Свешникова 8 ½ аршин левантину[3] по 6 руб. 50 коп., ... шаль — 5 руб., лент — 2 руб., 2 аршина обшивки — 5 рублей, ¾ аршина бахромки чёрной — 37 коп., 8 ½ аршин ситцу по 3 руб. 25 коп.»; «апреля к 18 числу [состоит] старой ветчины окорок 1, языков 16, бараньих штук — 8, новой ветчины окороков 4, лопаток 3, середин 4, вина белого нового 2 ведра в нём, старого 2 ½ бутылки»… — это подготовка к пасхальному обеду (на 18 апреля 1815 года пришлась Пасха).

Множество упоминаний о деловых контактах и переписке, есть и иностранные фамилии: в Тобольск Эрину, в Ишим Бакулину, в Москву Цеймерну «и при том 100 руб.», в Кирсанов Небольсину, в Симбирск Самойлову, «Фишеру план с поверенным», «в екатеринбургский магистрат[4] и при том 2 [заёмные письма] на 3000 руб.», в герольдию. По неоднократному упоминанию Тобольска, Ишима, Ирбита, Екатеринбурга, по употреблению местного, сибирского слова «бахча» законно сделать вывод, что календарь принадлежал сибирскому купцу. Запись «в Тобольской губернии по последней ревизии и с теми, с которых подушной оклад не полагается, 389 055 душ и с которых подушного нет 36 472 души, собирается доход 1 442 318 руб. 19 коп.» позволяет предположить, что купец жил в одном из городов Тобольской губернии, но не в самом Тобольске, куда он отправлял письма или товары. Это мог быть,

[1] Шифр библ. СПб ИИ: И 4238; инв. ном.: 2848.

[2] По Далю: банка, ёмкость (сибирское словоупотребление).

[3] Шёлковой ткани.

[4] Городовые магистраты ведали преимущественно торгово-промышленным классом.

например, Берёзов, Тара, Туринск. Но купца интересовали предметы, находящиеся и далеко за пределами Сибири.

На февральской странице читаем: «Западная Америка — 12 600 вёрст, расстояние от Португалии 5 600, Северная Америка — 6 300, Южная Америка — 7 000»; на мартовской: «в Исландии много гор огнедышащих… большая Гекла вышиной 4 800 футов… выбрасывает пепел с лишком на 100 вёрст». Характер записей об Америке и Исландии (отметим, что и здесь купец предпочитает оперировать цифрами) наводит на мысль, что это выписки из книги или журнала. Мы не нашли источников именно этих сведений, но действительно — печатные издания упоминаются купцом: это газета «Русский инвалид»[1] и журнал «Дух журналов»[2] (запись «Дух журналов книжка 15»[3]).

1815-й — год исключительно ярких политических событий: Венский конгресс, наполеоновские сто дней, битва при Ватерлоо, заточение Наполеона на острове Святой Елены. Календарь тобольского купца показывает, что события в Европе представляли для него большой интерес. На мартовской странице он пишет о наполеоновском нашествии: «Заняты были французами губернии Гродненская, Виленская, Митавская, Витебская, Минская, Могилёвская, Смоленская, Московская — итого 8, Белостоцкая область с 18 городами». В августе констатирует: «отдался аглинскому кораблю Бонапарте и с ним Лабордоер, Ней, Бассано, Лавалент, Саварий, Бертрант, д'Эрлон…» (перечисляются лица из свиты Наполеона), — эта запись является выпиской из «Дополнительного Листа» к «Русскому Инвалиду» от 24 июля 1815 года

[1] Запись «прибавление Инвалид» на сентябрьской странице. Газета была популярна в Сибири. Например, только в одном выпуске «Русского Инвалида» от 6 января 1815 года упомянуто, что подпискою поступили деньги из Ишима от купца Василья Еменакова и из Якутска от мещанина Григорья Сокольникова.

[2] «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.». Издавался в Санкт-Петербурге в 1815—1820 годах, то есть купец познакомился с журналом в первый же год его издания. «Журнал был задуман… как дайджест, по современной терминологии… Идейное направление журнала считалось достаточно либеральным». См.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825). Т. 2. СПб., 2000. С. 187, 188.

[3] Купец мог иметь в виду книжку журнала под № 15, но в феврале, когда сделана запись, книжка № 15 ещё не была выпущена. Как явствует из рекламной страницы в самом журнале, 15 рублей стоила полугодовая подписка на него, но мог ли купец опустить слово «рублей»?

№ 24[1], — и как деловой человек добавляет: «во Франции франк 25 коп.». На обороте того же листа он пишет о наложенной контрибуции на Париж — 100 миллионов, на все города — 600 миллионов франков, — опять же по 25 копеек. В сентябре ещё одна выписка из газеты: «Бунапарте на остров С. Елены, с ним 1 лакей и повар, содержание скудное, гарнизону полк аглинской» («Дополнительный Лист» к «Русскому Инвалиду» от 7 августа 1815 года, № 26[2]). Эта новость в «Русском Инвалиде» появляется 7 августа, запись в календаре — на сентябрьской странице: почта добиралась не слишком быстро (из расписания почт на последних страницах этого же экземпляра календаря следует, что сибирская почта из Москвы отправлялась раз в неделю).

На двух страницах календаря после записей купца видны каракули, сделанные явно другой рукой. Календарём ещё долго пользовались, — иначе какими бы судьбами он оказался в Петербурге? В книге сохранилось маленькое материальное свидетельство международной торговли начала XIX века: старинная этикетка английского пальмового мыла.

1817 год. Дипломат

Переплёт современный канцелярский[3], на сохранившейся типографской обложке уверенной рукой надписан год: «1817». В этом календаре немного записей, и они не касаются ни явлений природы, ни семейных событий, ни хозяйства. Владелец календаря ехал из Петербурга в Париж с 18 января по 3 марта 1817 года и почти ежедневно отмечал населённые пункты, в которых он, вероятно, останавливался на ночлег: «18 [января]. Выехал из С. Петербурга; 19. Ямбург, Нарва; 20. Дерпт; 21. Вольмар [Валмиера][4]; 22. Рига; 23. Митава [Елгава]; 24. Шрунден [Скрунда]; 25 Поланген, граница [Паланга]; 26. Мемель [Клайпеда]; 27

[1] Выписка не совсем точна: купец пишет французские имена по-своему, стало быть, они ему были хорошо знакомы по другим публикациям (имена приближённых к Наполеону лиц в 1815 году писались по-разному даже в одной газете).

[2] Купец пересказывает новости своими словами. В газете так: «Буонапарте… позволено будет взять с собою на о-в Св. Елены только одного лакея и повара… Он будет получать не более денег, как сколько ему необходимо нужно на дневные мелочные расходы… а в нагорной части оного [острова] расположится гарнизоном один полк английских королевских войск».

[3] Шифр библ. СПб ИИ: И 4238; инв. ном.: 2849.

[4] Здесь и далее в квадратных скобках современные названия.

и 28. Ехал по Штранду[1]; 29. Кёнигсберг; 30. Браунсберг; 31. Прейсиш Голланд [Пасленк]; 1 [февраля]. Мариенвердер. 6. Кистрин [Кюстрин]; 7. Франкфурт на Одере; 8. Штремберг; 9,10. Дрезден; 11. Лейпциг; 12. Веймар, Ерфурт; 13. Ейзенах; 14. Фульда, Ганау; 15. Франкфурт на Майне; 16. Бруксаль [Брухзаль]; 17. Стутгарт; 23. Из Стутгарта в Карлсру; 27. Из Карлсру; 28. Стразбург; 3 [марта]. В Париж».

Хотя имеются и другие свидетельства о том, как ездили в эти годы из Петербурга в Париж, маршрут из календаря точен, полон и абсолютно надёжен.

Владельческая история календаря не известна. Кто был этот путешественник? Наверняка русский, — ведь по-русски он пишет даже немецкие и французские названия городов. Он — потому что «выехал из Петербурга», «ехал по Штранду». Судя по беглому почерку, это довольно молодой мужчина; но начертания некоторых букв («д», похожее на «2», «л» как греческая лямбда) говорят о том, что учился писать он, скорее всего, ещё в XVIII веке. Он грамотен, образован — уверенно пишет иностранные топонимы. Это не эмигрант — ведь календарь вернулся на родину. Вряд ли это праздный путешественник: он не записывает своих впечатлений, он не задерживается, например, в Лейпциге или Веймаре. Никаких денежных записей нет: возможно, он не стесняется в средствах — богат или едет за казённый счёт.

Итак, образованный русский, в цвете лет, один выезжает в Петербурга в Париж в январе 1817 года. Список отъезжающих за границу в эти годы регулярно помещает газета «Санкт-Петербургские ведомости». Это были в основном иностранцы (англичане, немцы, швейцарцы, итальянцы, шведы и так далее), по роду занятий — торговцы, шкиперы, повара, актрисы. Русских, как знатных, так и простых людей, было совсем немного, и нам не удалось найти среди них подходящую кандидатуру. Списки отъезжающих в газете помещались в интересах заимодавцев, заранее, одни и те же имена могли публиковаться несколько недель, но сложно себе представить, чтобы такой же порядок касался тех, кто отправлялся в Европу по делам службы. То, что владелец календаря покидал Россию зимой, когда было меньше всего желающих

[1] По этой же дороге в 1820 году ехал за границу В.А. Жуковский: «…так называемый штранд, или дорога ужасными песками от Мемеля до Кёнигсберга… Песок был взмочен, и мы ехали скоро; и, благодаря буре, дорога штрандом, самая худшая во всякое время, была для нас лучшею» (см.: Письмо В.А. Жуковского Е.А. Протасовой 1 ноября 1820 года // Русский архив. 1900. Кн. 3. С. 35).

пускаться в дорогу, косвенно подтверждает, что причиной тому могли быть неотложные обстоятельства.

Ни в конце 1816, ни в 1817 году «Санкт-Петербургские ведомости» не сообщили об отъезде за границу полковника, участника войн против Наполеона барона Максима Максимовича Таубе (1782—1849)[1]. В этом году ему 35 лет, и он командирован во Францию в отдельный корпус графа М.С. Воронцова в качестве исправляющего должность окружного начальника по артиллерийской части в крепостях, временно занятых русскими войсками. Представитель эстляндского рода и активный участник Отечественной войны и иностранного похода русских войск, он мог быть подчёркнуто патриотичен и хорошо знал русское написание немецких населённых пунктов. Педантичность ведения этого своеобразного ежедневника не свидетельствует ли в пользу не совсем русского происхождения автора? В то же время ежедневная роспись передвижений могла быть и военной привычкой, и основой для делового отчёта. Хорошо сочетается с целью поездки М.М. Таубе упоминание Парижа как конечного пункта. В 1819 году М.М. Таубе вернулся в Россию, так как его назначили командиром Тамбовского пехотного полка. Дальнейшая его служба связана с Кавказом. В конце жизни он был произведён в генерал-лейтенанты и назначен сенатором.

Невозможно утверждать (по крайней мере, не сличив почерка), что наш календарь принадлежал именно М.М. Таубе. Однако его пример показывает, что высший офицер, командированный по делам присутствия русских войск во Франции, не попал в поле зрения газеты. Возможно, и кто-то другой без огласки уехал с важной миссией из Петербурга в Париж 18 января 1817 года.

1825. Священник

Дешёвый, вероятно типографский переплёт[2], на форзацах следы от красного сургуча, которым запечатывали письма. Много записей; два почерка: основной, идущий от XVIII века, и почерк более молодого человека. Записи в основном бытового характера: покупки, расход прови-

[1] См.: Таубе Максим Максимович // Русский биографический словарь. Суворова — Ткачёв. СПб., 1912. С. 366; *Безотосный В.М.* Таубе Максим Максимович // Отечественная война 1812 г. и освободительный поход русской армии 1813—1814 годов : Энцикл. : В 3 т. Т. 3. М., 2012. С. 425.

[2] Шифр библ. СПб ИИ: И 4238; инв. ном.: 2854. Для чистых листов календаря и форзаца использована бумага с одинаковыми водяными знаками: литеры «АБ».

зии, отсылка писем. 15 февраля «начали держать сахару 17 фунтов», в мае и ноябре покупали саженями дрова, в августе овёс и сено, в октябре пуд свеч, ещё несколько раз начинали «держать» голову сахару, покупали фунтами чай, кофий, держали табак и херес. Среди покупок регулярно встречается лампадное масло: его приобретали в большом количестве в январе, марте, апреле, мае, трижды в ноябре, декабре. В записи от 5 февраля значится: «день празднования образу Божиея Матери взыскания погибших. В оный день навсегда служить владычице молебен с акафистом». Автор записи обращается к самому себе, то есть владельцем календаря был священник. Жил он в Москве: одна из партий лампадного масла куплена в «лавке на Варварке Никиты Петровича Филатьева», упоминается Успенский собор, а письма отправлялись в Петербург, Воронеж, Ярославль, Тверь, но не в Москву. Семья и хозяйство были большие. В календаре есть записи о сыне Григории Сергеевиче; отдельно живут Михаил Сергеевич, который приезжает в отпуск и уезжает обратно в полк, и Алексей Сергеевич; 29 января отмечено «рождение Сергея». Жил с отцом и вёл записи в том же календаре, например, что «привезено 40 пудов сена от брата» и «начали держать херес», возможно, ещё кто-то из детей. В услужении были по крайней мере Ванька, который 11 января женился, и Николашка, который носил письма. Овёс покупали для лошадей. Жили не бедно, но счёт вели всему: «забрали у колбасника того и сего… сосисок 8 пар и кровяных пара, рёбер 4 с половиной фунта… за рёбра — 2 руб. 40 коп., за две колбасы — 60 коп.». Записано, что Ванька в декабре издержал на провизию 21 руб. 60 коп. Провизию закупали отдельно для себя и для слуг: в октябре: «взял у мясника нашей — 17 фунтов, людской — 16 ½». В сентябре семью постигло горе: «13-го исповедовался и приобщился святых таин Григорий Сергеевич… 19-го скончался сын Григорий попо[лудни?], в 7 часов 27 минут». Эта запись сделана дрожащей рукой.

Не только семейные, но и государственные события 1825 года нашли отражение в календаре священника. 30 ноября он сообщает: «Присягал в Успенском соборе Государю Императору Константину Павловичу», и вновь 18 декабря: «Присягали Государю Импе[ратору] Николаю Павловичу в Успенском соборе». К сожалению, он никак не комментирует запутанную ситуацию с престолонаследием 1825 года, а делает запись о лампадном масле.

Календарём продолжали пользоваться как ежедневником и в следующем, 1826 году. Так, датирована одна из записей опять же о лампадном

масле, но главное подтверждение этому мы находим на другой странице. Запись следующая: «Наш старец часто повторял ему слова Зенона, которые должно бы написать на столпах всех пристанищ, посвящённых утешению человечества: Богу предай дни твои: и во глубине зол, да восхвалится тобой имя Его!» Можно было бы предположить, что это или запомнившиеся священнику слова некоего монаха, или выдержка из религиозной книги. Как ни удивительно, но священник цитирует здесь переводную повесть «Убогий Пётр», напечатанную в «Московском телеграфе» Николая Полевого[1]. Автором повести был Жан-Луи Алибер (1768—1837), знаменитый французский врач и писатель. В повести он описывает добродетельного мудреца, который прожил бурную жизнь, но на закате лет приносит утешение страждущим в больнице и стоически встречает свою кончину. «Убогий Пётр» появился в журнале в 1826 году, — значит, прошлогодний календарь ещё служил своему владельцу. Вообще, записи московского священника не свидетельствуют об образованности и даже о простой грамотности. Тем интереснее обнаружить на одной из страниц литературную цитату. Был ли подписчиком «Московского телеграфа» кто-то из домочадцев или сам священник? Трудно сказать, но именно в этом прогрессивном журнале он нашёл для себя пример истинного благочестия.

1832. Корнет

Полукожаный переплёт того времени[2]. В библиотеку Санкт-Петербургского института истории календарь попал из библиотеки Русского Генеалогического общества, в которую был подарен Н.А. Типольтом[3].

Календарь был приобретён в лавке Ивана Глазунова[4]. На форзаце подробная владельческая запись: «Сей календарь принадлежит Астраханского кирасирского полка корнету Александру Лосеву 1му и брату его юнкеру оного же полка Ивану Лосеву 2му и брату его недо-

[1] Московский телеграф. 1826. Ч. 7, № 1, отд-ние 2. С. 12 (то же: эпиграф на с. 9). Автор повести установлен по кн.: *Попкова Н.А.* Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым : указ. содерж. : В 3 вып. Вып. 1. Саратов, 1990. С. 66.

[2] Шифр библ. СПб ИИ: И 4239; инв. ном.: 2860.

[3] Барон Николай Аполлонович Типольт (1864—1948) — генеалог, геральдист, в 1903—1905 годах помощник заведующего собственными Его Императорского Величества библиотеками.

[4] Владельческая запись: «Из лавки Ивана Глазунова».

рослю Виктору Лосеву 3му». Этот почерк (им сделано большинство записей) энергичный, беглый, с росчерками. Но в календаре делали записи, кажется, ещё один или два человека. Первая запись о том, что в апреле «в продолжение всей страстной недели были морозы, а 10го выпал большой снег и была метель», оставлена не корнетом. На майской странице корнет Лосев продолжает записи о природе: «10 числа сего месяца выпал большой снег», но почти все дальнейшие записи касаются только его полковой жизни.

Астраханский кирасирский полк был сформирован в 1811 году. Он принимал активное участие в кампаниях 1812—1814 годов (в Бородинском сражении полк потерял $^{4}/_{5}$ своего состава) и 1831 года. В 1832 году полк располагался в уездном городе Старобельске Слободско-Украинской (Харьковской) губернии.

Июль: «23 числа сего месяца, в г. Старобельске был смотр 2-й бригады 2-й кирасирской дивизии генералом лейтенантом генералом адъютантом и дежурным генералом Клейнмихелем, который был доволен Астраханским кирасирским полком более всех полков, состоящих в 2-м резервном кавалерийском корпусе, коим корпусом командует генерал-лейтенант и шеф Чугуевского уланского полка Никитин 1-й».

Август: «27 числа получено повеление выступить в г. Чугуев, где смотрел весь 2-й резервный кавалерийский корпус Его Императорское Величество Государь Император и Самодержец Всероссийский Николай Павлович».

Сентябрь: «13 и 14 числа сентября месяца был царский смотр в городе Чугуеве, где Его Императорское Величество Государь Император был доволен Астраханским кирасирским полком более всех полков, которые были в городе Чугуеве на смотру. 13 числа сентября на смотру во время церемониального марша Государь Император сам лично поздравил командующего Астраханским кирасирским полком г[осподина] подполковника барона Менгдена полковником и утвердил его полковым командиром»[1].

Корнет в своём календаре предпочитает записывать официальные, а не личные события, при этом делает это так, как будто старшие по зва-

[1] Календарь корнета дополняет главный источник по истории полка (*Степанцов К.* Памятка Астраханского Кирасирского, 22-го драгунского, а ныне 8-го Драгунского Астраханского генерала-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича полка. Одесса, 1910), который не отражает события 1832 года.

нию смотрели ему через плечо: Клейнмихель трижды поименован генералом, а титулование государя императора всюду пишется полностью и только с прописной буквы. Впрочем, росчерки и завитки показывают, что пишет он не только с усердием, но и с удовольствием и его ура-патриотический стиль вполне искренен.

Разными почерками в календаре отмечены менее значительные события. В октябре «от 17-го по 22-е был праздник в Астраханском полку». В ноябре: «отнят эскадрон у магнетизёра и колдуна господина штабс-ротмистра Герольда. Он выходит в отставку. Примечательные происшествия для Астраханского кирасирского полка». «26-го были позваны господа офицеры в полковой штаб… для выбора квартирмейстера и выбрали поручика Кичковского». В декабре «6-го числа… командир 4-го действующего эскадрона ротмистр Левшин дал обед по случаю эскадронного праздника. Лица, находящиеся на сем празднике, суть следующие: помещица Островская с сыном, госпожа Воейкова с мужем, ротмистр и кавалер… штабс-ротмистр Лобановский, юнкер Лосев 2-й, юнкер Рыжев, священник и диакон. Сей обед был дан в Слободско-Украинской губернии в Старобельском уезде в деревне Новоборовой».

В календаре корнета записи и отметки есть также в географическом и в историческом разделах. Отмечены десятки населённых пунктов (из них многие в Слободско-Украинской губернии, где стоял полк), вероятно, где случалось бывать корнету или о которых он знал от сослуживцев. В разделе «Хронологическое показание… событий с 1 июля 1830 по 1 июля 1831» подчёркнуто сообщение о холере.

Астраханский кирасирский полк принял участие в военных действиях только во время Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Корнету Александру Лосеву так и не суждено было прославиться на военном поприще…

Ирина Хмелевских

БИБЛИОТЕКА ГЕРЦОГА Д'АНТЕНА И ЕГО ПРЕЗЕНТ РУССКОМУ ЦАРЮ

В библиотеке Петра Великого хранятся два уникальных манускрипта, содержащие рисованные планы французских дворцово-парковых ансамблей — Версаля и Марли[1]. Царь привёз их из своего второго большого заграничного путешествия 1716—1717 годов. Оба альбома переплетены в красный сафьян, на крышках переплёта нанесены тиснённые золотом гербовые суперэкслибрисы. Эти рукописи давно известны той части отечественных исследователей, которые занимались историей и реставрацией петровских дворцово-парковых резиденций — Петергофа и Стрельны[2], но пристального внимания книжников они до недавних пор были лишены, и потому в наших каталогах можно встретить неверные сведения. В настоящее время началось изучение этих рукописей. И теперь мы уже многое знаем об обстоятельствах появления и бытования их в коллекции царя, а сотрудничество с французскими коллегами помогло подробнее осветить историю и контекст их создания. Самым несложным в этом деле оказалась атрибуция гербов и, стало быть, происхождения наших альбомов. Гербовые суперэкслибрисы принадлежали герцогу Луи-Антуану де Пардайану де Гондрену (Louis-Antoine de Pardaillan de Gondrin, duc d'Antin, 1665—1736)[3].

Герцог д'Антен был единственным законным сыном знаменитой фаворитки Людовика XIV, мадам де Монтеспан, и соответственно полубратом не менее знаменитых людовиковских бастардов. Находясь при дворах «короля-солнца», а затем и регента, он заслужил репутацию «совершенного придворного», которую блестяще подтвердил, сопровождая визит русского царя в Париже. Самая известная характеристика этого персонажа принадлежит Вольтеру, посвятившему ему несколько строк. Герцог д'Антен, писал Вольтер в «Веке Людовика XIV», владел осо-

[1] Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (далее — БАН ОР), П I Б 112; БАН ОР, П I Б 113.

[2] *Дубяго Т.Б.* Русские регулярные сады и парки. Л., 1963. С. 53, 142; *Микишатьев М.Н.* Библиотека Петра Великого и русская архитектура Петровского времени // Петербургские чтения 96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1996. С. 69—70.

[3] *Guigard J.* Nouvel Armorial du bibliophile. Guide de l'amateur des livres armoriés. T. II. Paris, 1890. P. 238.

бенным искусством: его лесть заключалась не в том, что он произносил нечто льстивое, а в том, что он это осуществлял практически. Однажды король, гостивший в его загородной резиденции Пти-Бур, раскритиковал парковую аллею с очень высокими деревьями, поскольку те закрывали вид на реку. В ту же ночь герцог велел спилить все деревья. Проснувшийся утром Людовик был немало удивлён открывшимся видом. В другой раз король, прогуливавшийся вдоль канала в Фонтенбло, с некоторым неудовольствием заметил вдалеке, на другом берегу канала, высокий лес. По распоряжению герцога лес был спилен в считанные минуты. Всё это черты изощрённого придворного, а никак не льстеца, заключает Вольтер[1].

В 1708 году умер великий французский архитектор Жюль Ардуэн Мансар, под руководством которого строились всемирно известные Королевские резиденции Версаль и Марли. Последние десять лет своей жизни, с 1699 года, он занимал пост управляющего Королевскими резиденциями. В компетенцию этого органа, обладавшего очень широкими полномочиями, входил надзор за всем государственным строительством, а также, помимо прочего, контроль над парижскими типографиями. В немалой степени с целью пропаганды своих произведений Мансар создал целую команду рисовальщиков и гравёров, которые работали по заданию администрации Королевских резиденций, в изобилии создавая как рисованные, так и гравированные виды и планы королевских дворцов и парков. В эти годы, то есть в начале XVIII века, рисовальщиками Мансара специально для Людовика XIV было создано несколько парадных альбомов с планами парковых ансамблей[2].

У должности управляющего Королевскими резиденциями была ещё одна особенность: этот придворный пост предполагал непосредственный доступ к королю. Поэтому когда великий Мансар умер, д'Антен предпринял необычайные усилия, чтобы занять его место[3]. И хотя герцог был не то что не великим, а даже и вовсе не архитектором, тем не менее он был достаточно образован и деятелен, чтобы, по крайней мере

[1] *Voltaire.* Le siècle de Louis XIV. Paris, [1909]. P. 356—357.

[2] *Бентц Б.* Альбом Марли — память о пребывании Петра Великого в Париже в 1717 г. // Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts (1689—1727) : circulations, réseaux, transferts, métissages. Colloques internationaux 28, 29 et 30 mars 2013. Paris, 2013. P. 21—25.

[3] *Louis-Antoine de Pardaillan de Gondrin, duc d'Antin.* Mémoires de ma vie, éd. par J. Noailles. Paris, 1821. P. 69—70. Оцифрованная книга на: http://books.google.fr.

формально, справляться со своими обязанностями. Тем более что последние годы жизни уже очень старого короля, а главное, гигантский дефицит бюджета страны не предполагали никакого более или менее активного строительства, из чего можно заключить, что должностные обязанности герцога были не слишком обременительны.

Герцог был, повторим, человеком вполне образованным и начитанным[1]. Он владел достаточно большой библиотекой, располагавшейся в трёх местах: в его парижском особняке на улице Нёф-Сент-Огюст, в упомянутой уже загородной резиденции Пти-Бур на берегу Сены, на полпути между Фонтенбло и Парижем, и в ещё одной загородной резиденции, Бельгард. Библиотека не сохранилась, но содержание её известно, всего она насчитывала 2 208 томов[2]. Когда в 1736 году герцог умер, судебные приставы составили её инвентарь. Библиотека затем была продана с молотка, но инвентари сохранились и в настоящее время даже опубликованы[3]. Сейчас время от времени книги д'Антена всплывают на аукционах.

Оказавшись в столь высокой должности, д'Антен где-то между 1711 и 1713 годами решил воспользоваться кадровыми ресурсами администрации Королевских резиденций в своих личных интересах и заказал для своей библиотеки несколько альбомов с рисованными планами собственных, а также подведомственных ему территорий[4]. Именно в 1711 году он получил титул герцога и заказал для своих переплётов упомянутые выше гербовые суперэкслибрисы. Среди заказанных тогда книг были сборники планов версальского (1711) и марлинского (около 1713) парков, а также замка д'Уарон (1713), владельцем которого герцог стал в 1700 году[5]. Среди работавших тогда в администрации Королевских резиденций художников значился рисовальщик и гравёр Пьер Лепотр (Pierre Lepautre, около 1652 — 1716), происходящий из очень большой династии архитекторов, скульпторов, гравёров и так далее. Например, тогда же, при Мансаре, в парке Марли работал его двоюродный брат,

[1] *Jugie S.* Le duc d'Antin ou le parfait courtisan : réexamen d'une réputation // Bibliothèque de l'école des chartes, 1991, t. 149, livraison 2. P. 350—353.

[2] *Jugie S.* Le duc d'Antin… P. 353—360.

[3] *Jugie S.* Le duc d'Antin… P. 376—404.

[4] *Монкло Б. де.* Подарок герцога д'Антена Петру Великому: альбом с планами садов Версаля // Pierre le Grand et l'Europe... P. 19—20.

[5] *Montclos B. de.* Un album du duc d'Antin à Saint-Pétersbourg : les jardins de Versailles en 1711 // Bulletin de la Société de l'Histoire de l'Art français, année 2004 (2006). P. 88.

тоже Пьер Лепотр, выполнивший несколько парковых скульптур, украшающих ныне экспозиции Версаля и Лувра[1].

В 1711 году Пьером Лепотром (рисовальщиком) по заказу герцога был выполнен альбом «Recueil des Plans généraux des jardins de Versailles, de Trianon… Par Le Pautre. 1711». В своём «Abecedario» Пьер-Жан Мариетт (представитель знаменитой династии издателей и торговцев эстампами с улицы Сен-Жак) сообщает, что этот талантливый рисовальщик был ещё и профессиональным архитектором, благодаря чему Мансар и нанял его в свою мастерскую[2]. Планы, выполненные этим художником, несмотря на свою парадность и презентабельность, обладают вполне практической ценностью, так как представляют собой фиксационные чертежи, выполненные в масштабе, с соблюдением пропорций, размеров и общепринятой цветовой условности, то есть несут в себе всю необходимую информационно-техническую нагрузку, которая требуется в архитектурной графике. При этом художник отличался склонностью к пышно оформленным картушам (и это особенность его альбомов), проявляя тут богатейшую фантазию, свободу и лёгкость в декоративном сочинительстве всевозможных мотивов и орнаментов, а также изощрённое мастерство рисунка. Всё вышеперечисленное свойственно и гравированным работам Пьера Лепотра, но этот альбом представляет собой вершину его декоративного мастерства.

Второй альбом, посвящённый парку Марли[3], немного скромнее. Альбом не датирован и не подписан, но он достаточно близок по своему исполнению к версальскому. Так что можно предположить, что его тоже изготовил Пьер Лепотр или по крайней мере чертежи выполняли под его руководством. Историческая ценность этого альбома, наверное, даже несколько выше: ансамбль Марли был разрушен в конце XVIII века, и поэтому сейчас важны любые документальные свидетельства о том, как он выглядел в разные моменты своего существования. Само пятно разбивки парка сохранилось полностью, до наших дней дошёл ряд архитектурных фрагментов: ограда парка, несколько ворот, практически полностью бассейн-водопой в южной оконечности ансамбля, на

[1] *Préaud M., Casselle P., Grivel M., Le Bitouzé C.* Dictionnaire des éditeurs d'estampes à Paris sous l'Ancien Régime. Nantes, 1987. P. 216.

[2] *Mariette P.-J.* Abecedario de P.-J. Mariette et autres notes inédites de cet amateursur les arts et les artistes. Ouvrage publié… par Ph. de Chennevières et A. de Montaiglon. T. 6. Paris, 1860. P. 188.

[3] Этому альбому посвящён весь номер журнала «Marly. Art et Patrimoine», № 7, 2013.

территории парка можно видеть фундаменты дворца Марли и павильонов. Осталась и деревенька Марли с той самой улицей, по которой проходил царь Пётр во время своего пребывания в этих местах.

Мы, равно как и наши французские коллеги, почти ничего не знаем о третьем альбоме с планами замка д'Уарон (château d'Oiron), поскольку этот альбом совсем недавно обнаружился в одной из частных коллекций, и пока ни он сам, ни информация о нём не публиковались. Альбомы Версаля и Марли избежали такой безвестности по причине того, что во время визита в мае — июне 1717 года во французскую столицу Пётр I получил их в подарок из рук герцога д'Антена.

Если сложить вместе все сведения из многочисленных французских мемуаристов, а также из русских источников, освещавших визит Петра I в Париж, можно с уверенностью сказать, что герцог сопровождал царя во всё время визита. Как известно, царь был потрясён увиденым в версальских и марлинских парках. Это заставило его полностью пересмотреть концепцию создания своих собственных резиденций — Петергофа и Стрельны.

В итоге своей поездки царь почувствовал себя во всеоружии знаний в качестве архитектора-садовника. Возможно, одна из причин разногласий с Ж.-Б. Леблоном (даже, быть может, главная) и заключалась в том, что царю уже не нужен был самостоятельный архитектор, ему требовался лишь исполнитель его собственных планов. Среди распоряжений царя по поводу возведения пригородных резиденций есть длинный многостраничный документ, до мелочей регламентирующий ход строительства фонтанов, шлюзов, каскадов, разбивки аллей, боскетов, шпалер, партеров и так далее: «Пункты, каковы даны директору от строениев, Ульяну Синявину в д[ень...] 1721 году. Что надлежит делать в Питергофе и доделать»[1]. Он касается не только Петергофа, но также Стрельны, Ближних и Малых Дубков. Среди пунктов значатся следующие: «11. Кашкаду болшую, что против пруда, надлежит во всем препорциею зделать против кашкады Марлинской, которая против королевских полат, так же и бассейн в нижнем ее конце, и фонтанны во оном прямые и з боков такие ж, как в Марлии, оную препорцию мочно сыскать ис книги писанной, а не печатной, которых две у меня в летнем доме… <…> 15: велеть срисовать Питергоф и Стрелину, огороды и парки каждой, так же и каждую фонтанну, и протчие хорошие места,

[1] Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 9, отд. I, кн. 57, л. 161—166 об.

в преспектив, как французские и римские чертятца, и велеть Пикарту, чтоб делал печатные доски»[1]. На одном из чертежей из мастерской Николо Микетти[2] с изображением Петергофского Марлинского каскада Пётр повторяет распоряжение: «сия кашкада надлежит делать оттого места, где был двор Кишкина[3], А препорция ея в писаных книгах, а не печатных у Машкова[4], которые оклеены красным сафьяном под гербом француским»[5]. Так окончательно сложилась манера работы царя-заказчика с архитекторами (что, разумеется, было крайне некомфортно для таких людей, как Леблон).

Распоряжение царя воспользоваться французским альбомом из Летнего дома для «сыскания препорции», судя по всему, послужило причиной длительной головной боли для гофинтенданта Петра Мошкова и директора Канцелярии от строений Ульяна Синявина.

В многочисленных «доношениях и репортах», которые Синявин отсылает в Кабинет Его Величества А.В. Макарову, содержатся ответы на те самые пункты, которые были предъявлены ему Петром. Но вот с одним пунктом (№ 11, где сказано про книги) он справиться не может. В письме из Петергофа от 9 мая 1722 года Синявин жалуется: «По данному указу у марциалных вод велено кашкаде болшой что против пруда препорцию сыскать из книги писанной а не печатной которых две в летнем дому, да сего месяца 1 числа при писме вашем получил я копию с указу его величества под которым подписано собственною его величества рукою под вторым нумером о той же кашкаде что препорция ея в писаных книгах, а непечатных у Мошкова которые оклеены красным сафьяном под гербом француским и о даче тех книг ему Мошкову по прибытии своем от вод… так же и по нынешнему указу писал я трижды, чтоб те книги отдал, буде [их] же у него нет, чтоб ответствовал, и сего числа получил я от него писмо, что тех книг не мог он нигде сыскать, с которого при сем прилагаю копию и прошу вас, моего государя, из-

[1] РГАДА. Ф. 9, отд. I, кн. 57, л. 166—166 об.

[2] Архитектор, сменивший на посту строителя Петергофа и Стрельны умершего Леблона.

[3] Кишкин Семён Тимофеевич, сын стольника и полковника Тимофея Алексеевича, лейб-гвардии лейтенант, был подрядчиком работ в Петергофе.

[4] Мошков Пётр Иванович — главный управитель дворцов при Петре I.

[5] Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Собрание Эрмитажа. Научный каталог. Л., 1981. С. 79. № 110; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М. ; Л., 1961. С. 122.

волить доложить его императорскому величеству, где мне такие книги сыскать, и о том изволь меня уведомить»[1].

Синявин заставил Мошкова составить свой ответ письменно, в двух экземплярах, один из которых оставил у себя, другой отослал Макарову: «Копия с писма Петра Мошкова: Государь мой, Ульян Акимович; Изволил ваша милость писать ко мне о книгах писменных марлиской кашкаде чтоб сыскать и прислать в Питергоф. Которых я в токарне сыскать не мог, и когда был здесь Иван Плат, которого я об оной спрашивал, на что он сказал что будто та книга в Москве, о которых надлежит писать вашей милости к Алексею Васильевичу Макарову»[2].

Уже в конце мая высказанное Мошковым предположение как-то, видимо, само собой превратилось в факт. В постскриптуме письма от 22 мая Синявин сообщает: «Петр Мошков как писменно, так и словесно мне ответствовал. Что книг писанных Марлинским кашкадам под гербом французским оплетеных красным сафьяном, здесь нет. А взяты в Москву, о чем и прежде сего я к вам писал»[3].

Но вот прошло очень напряжённое из-за плотного графика строительных работ лето, началась осень, в одном донесении (без даты, но по контексту его можно отнести к середине октября) мы снова находим упоминание об этих книгах. Синявин, вновь отвечая по пунктам Петру, сообщает следующее: «кашкад глаткой простой, против болшой Марлинской препорция выписана ныне ис книги, которая под гербом французским в красном сафьяне найдена ныне же в Зимнем доме и та кашкада начата делать»[4]. Из чего можно понять, что книги счастливым образом нашлись и строители смогли наконец приступить к сооружению каскада.

А между тем герцог, по всей видимости, не смог долго жить без своих альбомов и в 1720 году заново заказал планы версальского парка. Однако уже не Лепотру, поскольку тот умер в 1716 году. На этот раз все чертежи были выполнены Жаном Шофурье (Jean Chaufourier, 1679—1757). Учитывая, что размеры и композиция петровских альбомов с рисунками Шофурье совпадают, можно предположить, что у рисовальщиков в администрации Королевских резиденций были какие-то оригиналы или по крайне мере обмеры. Этот альбом долгое время был в частной

[1] РГАДА. Ф. 9, отд. II, кн. 61, л. 242.
[2] Там же, л. 243.
[3] Там же, л. 254.
[4] Там же, л. 291 об.

коллекции, но в 1934 году с помощью спонсоров он был приобретён в коллекцию музея Версаля[1]. Он так же переплетён в красный сафьян с гербовыми золототиснёнными суперэкслибрисами герцога д'Антена. Шофурье был неплохой рисовальщик: в том, что касается планов, он в точности повторяет лепотровские образцы, но явно уступает Лепотру в декоративной выдумке и изысканности.

Всего альбомов с рисованными планами французских парков известно меньше десятка. Их парадная, представительская функция не исключает их практической ценности, чем и воспользовался Пётр I, по своему обыкновению, в полной мере.

[1] *Arizzoli-Clémentel P.* Les Jardins de Louis XIV à Versailles. Montreuil, 2009. P. 154.

Вера Симонова

«НАСЛЕДНИКИ ТИБУЛЛА И ПАРНИ» ИЗ ОКРУЖЕНИЯ «ПРИВЕТЛИВОГО ПОТОМКА АРИСТИППА» — КНЯЗЯ Н.Б. ЮСУПОВА

Писатель должен всегда
быть впереди своего века.
Э. Парни

Я говорил эпикурейцам:
«Будите песнями Парни!
Он пел о чувстве европейцам,
Он славил радостные дни».
П. Беранже

К прославленному вельможе «дней Екатерины», коллекционеру, библиофилу и меценату князю Николаю Борисовичу Юсупову (1751—1831) в стихотворном послании «К вельможе» А.С. Пушкин обращается как к «приветливому потомку Аристиппа», а в черновом варианте — «Апостолу Аристиппа»:

<3> Лишь только первая позеленеет липа
Являюся я к тебе, *Апостол Аристиппа*,
<5> В *увеселительный*, *пустынный сей дворец*
<6> Где, признаны тобой, палитра и резец
Роскошной прихоти твоей повиновались
<5> *И вкусу тонкому* в угоду состязались
……..
<8> Там я буду тебя слушать, *и учиться от тебя.*
Люблю я жизнь твою…
……..……
<9> Ты понял жизни цель — *счастливый человек*,
……..…….

Для жизни ты живешь: [твой] долголет<ний> <?> век
……
<10> Ты с молоду всегда умно разнообразил —
……

<92> *Ты восхищаешься. Душою молод ты,*
Доступно ей влиянье красоты.

(III, 805—821; «К вельможе». Черновой автограф. ЛБ 67. Л. 49 об — 53 об. Во всех цитируемых строках из черновых вариантов курсив мой. — *В.С.*)

Князь Юсупов, понявший цель жизни, «умно разнообразивший» её «ещё с молоду», перешагнув из XVIII столетия в XIX, остался верен себе и своим жизненным установкам. Как человек иной эпохи, Пушкин, видя перед собой новое поколение, которому «…некогда шутить, обедать у Темиры, / Иль спорить о стихах» (III, 219), пытался проникнуть в суть волнующих его европейских событий «века разума» и «Энциклопедии», «века философов» и «века литературных споров», завершившихся революционным «*ужасом бури, паденьем прежнего*» (III, 815).

Не менее важен для поэта и сам адресат, Николай Борисович Юсупов, «*философически*» встречавший, подобно римским вельможам, свой закат и видевший «оборот во всём кругообразный». Пушкин слушает князя, его «*милый разговор*», «исполненный юности», и «*учится*» у вельможи, лучшего из здравствующих представителей эпохи Просвещения, искусству жизни.

Блестяще образованный европеец, немало повидавший за «свой ясный, долгий век», хранил в своей памяти события дней минувших и незабываемые встречи, вновь и вновь воскресавшие со страниц его дорожного альбома, «Альбома друзей», в красном сафьяновом переплёте. В одном из писем за 1824 год А.Я. Булгаков сообщал брату: «Показывал мне также князь Н.Б. Юсупов свой старинный штамбух»[1].

Вне всякого сомнения, А.С. Пушкин не единожды перелистывал страницы этого «красноречивого спутника», с восхищением рассматривая бесценные автографы выдающихся деятелей культуры, европейских знаменитостей.

Чувствуя с ушедшим веком духовное родство, поэт, описывая в романе «Евгений Онегин» раут в доме Татьяны Лариной, намеренно противопоставляет малопочтенным гостям представителя века «вельможной культуры», питомца Аристипповой школы:

[1] Цит. по: Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из Ленинградских рукописных собраний. М. ; Л., 1960. С. 108. На сегодняшний день, к сожалению, след альбома потерян.

Тут был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно, тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.
(VI, 176)[1]

Старика Юсупова, шагающего по аллее собственного парка, опираясь на трость, поэт изображает на первой странице подаренного князю и хранившегося в его коллекции бесценного автографа, с датой 23 апреля 1829 года[2].

Не случайно над рисунком хорошо прочитывается написанная Пушкиным латинская фраза *carpe diem*, встречающаяся в «Одах» Горация[3] и свидетельствующая, что вельможа «всё тот же» «приветливый потомок Аристиппа», мудрый и «счастливый человек».

По Аристиппу, целью нравственного совершенства является наслаждение, облагороженное образованием. Это не исключает ни деятельной жизни, ни чувства меры. Согласно ему, в мышлении, как и в действиях, нужно придавать значение только настоящему. Только им мы можем распоряжаться.

Аристипп, как известно, является главным героем романа немецкого писателя Христофора Мартина Виланда «Аристипп и некоторые его современники»[4]. Философ в романе даёт оценку своего предназначения в уединении, *«на лоне неги праздной»*: «Ещё маленькую услугу оказал я Кирене тем, что посвятил Музам принадлежащую к моей даче увесе-

[1] См.: *Чегодаев А.* Художественная культура XVIII века // Материалы научной конференции (1973). Художественная культура XVIII века. М., 1974. С. 23. Аристипп (ок. 435 — ок. 355 до н. э.) — древнегреческий философ, ученик и друг Сократа, основатель киренской, гедонической школы. В своей философии он отводит особенное место принципу наслаждения, пролагая «путь учению эпикурейцев», считавших, что для счастья необходимы дружба, невозмутимость души и отсутствие телесного страдания. Философ полагал, что счастье слагается из отдельных мгновенных удовольствий.

[2] *Прахов А.* Автограф А.С. Пушкина «Послания к вельможе» // Художественные сокровища России. 1907. № 6. С. XIX—XXI.

[3] *Carpe diem* означает «наслаждайся моментом», «будь счастлив в эту секунду», «лови момент», дословно «лови день». У Горация: «…надежды долгие отрежь. Пока / мы говорим, уходит завистливое / время: лови момент, как можно / меньше верь будущему».

[4] «Des Aristipp von Kyrene und einige seiner Zeitgenossen». Роман был переведён и издан в Москве Иваном Татищевым в 1807—1808 годах.

лительную рощу с тёмными аллеями и беседками и крытой галереею и назначил её родом публичного сборища для учёных и художеств, куда могут приходить также любители наук и искусств, иностранные и вообще честные люди»[1].

Подобно Аристиппу Виланда, адресат пушкинского послания, князь Н.Б. Юсупов, удалившись на лоно природы и пребывая в «благородной праздности», в тишине, «благосклонствует Музам».

Князь Верейский в романе «Дубровский», по мнению Л. Гроссмана, «напоминает рядом черт князя Юсупова. <…> Это богач, европеец, блестящий собеседник, обладатель замечательной галереи картин. <…> Он живёт в роскошном поместье, среди мраморных статуй и художественных памятников образцового парка. <…> Воспоминания Пушкина о посещении юсуповского Архангельского ощущаются и в описании замка Верейского: «…Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кирилловне их содержание, историю живописцев, указывал на достоинство и недостатки, он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением»[2].

В подмосковную усадьбу Архангельское к князю Николаю Борисовичу Юсупову Пушкин приезжал дважды: весной 1827 года с С.А. Соболевским[3] и летом 1830-го с П.А. Вяземским[4]. Последний визит двух поэтов запечатлён на рисунке художника Никола де Куртейля, выполнявшего росписи во дворце и обучавшего живописному мастерству крепостных на фарфоровом заводе князя Юсупова в Архангельском[5].

---

[1] Цит. по: *Калинин Н.Н.* Загадки «Аристипповой бани» // Державинские чтения. Вып. 1. СПб., 1997. С. 88.

[2] *Гроссман Л.* Пушкин. М., 2003. С. 386.

[3] Сергей Александрович Соболевский (1803—1870) — библиофил, друг Пушкина, автор эпиграмм. Е.П. Ростопчина написала в его адрес поэтические строки:

Неизвестный сочинитель
Всех известных эпиграмм.
Лжи и вычуров гонитель,
Враг всем дурам, всем глупцам…

[4] Князь Пётр Андреевич Вяземский (1792—1878) — поэт, автор «Записных книжек» и серьёзного исследования о Д.И. Фонвизине.

[5] Никола де Куртейль (1768—1830) — художник, академик живописи, учился у Жульена в Парижской академии художеств. Рисунок хранится в фонде ГМУА.

Авторитетный историк Павел Иванович Бартенев свидетельствовал, что «покойный Сергей Александрович Соболевский любил вспоминать о своей поездке в прекрасное Архангельское вместе с Пушкиным. Они ездили раннею весною, верхами, и просвещённый вельможа екатерининских времён встретил их со всею любезностию гостеприимства»[1].

«Книгохранилище, кумиры и картины» (III, 819) усадьбы «свидетельствовали» об «*учёной прихоти*» владельца подмосковной.

Как гостившие у князя друзья — библиофилы Пушкин и Соболевский — с восторгом осматривали усадебную библиотеку Н.Б. Юсупова, так и почти через столетие князь Владимир Михайлович Голицын с большим интересом изучал юсуповское собрание.

Князь отметил, что усадебная библиотека занимала два громадных зала верхнего этажа. В этих двух залах «стояло более пятидесяти шкафов, в которых книги расположены были в большом порядке… число томов доходило до 17 тысяч. <…> Оказался целый шкаф, наполненный Эльзевирами, другой занят был изданиями Дидота-старшего. Затем, из отдельных экземпляров, было очень много таких, которые у Брюнэ обозначены как чрезвычайно редкие... Наконец, был целый шкаф с собранием небольших книжек XVII и XVIII веков самого лёгкого, если даже не неприличного содержания, которые считают, по отзыву того же Брюнэ, чрезвычайно редкими и ценными. <…> Без преувеличения можно сказать, что всё изданное во Франции и отчасти в Италии в течение XVII, XVIII и первых десятилетий XIX веков нашло себе место в юсуповских шкафах. <…> Старый князь был страстным библиоманом и благодаря своим громадным средствам покупал… всё, что отвечало его любительским наклонностям»[2].

Алексей Фёдорович Малиновский в «Обозрении Москвы» отмечал, что как по количеству, так и по качеству галерея художественных сокровищ князя Н.Б. Юсупова «доныне считается в Москве первою. <…> Библиотека, в Архангельском хранящаяся, простирается до 18 тысяч томов на иностранных языках и отличается превосходством древних и новых изданий»[3]. Князь Александр Борисович Куракин, узнав в 1772 году в Лондоне о зачислении князя Н.Б. Юсупова в Коллегию иностранных дел, с радостью сообщает секретарю коллегии И.И. Круку: «Он любе-

[1] Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 90.

[2] ОР РГБ. Ф. 261, к. 18, д. 5. л. 14 об., 15, 15 об.

[3] *Малиновский А.Ф.* Обозрение Москвы. М., 1992. С. 163.

зен, скромен, и, что лучше всего, он полон познаниями. Мы всегда были с ним большими друзьями»[1].

«По высочайшему дозволению» князя Николая Борисовича Юсупова причисляют к возглавляемой Н.И. Паниным Коллегии иностранных дел под руководство Дениса Ивановича Фонвизина. Полтора года «упражняясь по приобретению знаний по части дел иностранных», князь обратился с просьбой к Всемилостивейшей государыне об увольнении на четыре года как для обучения в Лейдене, так и для путешествия. Императрица с одобрением отнеслась к желанию Н.Б. Юсупова получить образование в Лейденском университете и путешествовать по Европе, обозревая дворы заграничных государств[2].

В «Словаре достопамятных людей русской земли», составленном Д. Бантыш-Каменским, сообщается, что князь Николай Борисович Юсупов «много путешествовал в молодых летах, снабжённый рекомендательными письмами от Императрицы Екатерины Второй к разным Европейским Государям, и посещал славнейших писателей XVIII столетия»[3].

Весной 1774 года «посланник молодой увенчанной жены» отправился в путешествие. Из Петербурга его путь, о чём свидетельствует переписка с князем Александром Борисовичем Куракиным, лежал в Курляндию. «Мой дорогой князь, напишите мне в Лейден, я там буду вскоре. <…> Прошу Вас, заверьте графа Панина в моём глубоком к нему почтении. <…> Поклон дорогому Фонвизину»[4].

В начале поприща и Д.И. Фонвизин, и князь Н.Б. Юсупов, а впоследствии и А.С. Пушкин были зачислены в Коллегию иностранных дел в качестве переводчиков[5].

---

[1] Письмо к И.И. Круку из Лондона от 7 февр. 1772 г. / Архив кн. Ф.А. Куракина : В 10 т. Кн. 6. Саратов, 1896. № 1054. С. 328.

[2] См.: *Симонова В.М.* А.С. Пушкин — Юсуповы // Вестник архивиста. М., 1999. С. 123—124.

[3] *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей Русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов Православной церкви, отличных литераторов и учёных, известных по участию в событиях отечественной истории : В 5 ч. Ч. 5. М., 1836. С. 376.

[4] Архив кн. Ф.А. Куракина. Кн. 7. Саратов, 1898. № 1257. С. 303. Перевод с французского писем князя Н.Б. Юсупова по просьбе автора этой статьи выполнен недавно скончавшейся С.М. Саранчёвой.

[5] *Медведев И.П.* Пушкин — переводчик Коллегии иностранных дел // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л., 1981. С. 105—109.

В поэме «Тень Фонвизина» Пушкин вызывает уважаемого писателя, «друга свободы» и «сатиры смелого властелина», «перо» которого, на его взгляд, «достойно» почитаемого им с юности Парни, как судью на российский Парнас, где он должен вынести приговор Батюшкову «с венчанной розами главой»:

Фон-Визин…. смотрит изумленный.
«Знакомый вид; но кто же он?
Уж не Парни ли несравненный,
Иль Клейст? иль сам Анакреон?»
(I, 164; курсив мой. — *В.С.*)

По справедливому замечанию Е.Г. Эткинда, Парни «оставался для Пушкина своеобразным мерилом элегической поэзии. <…> Парни, как видим, для Фонвизина, а значит и для Пушкина — «несравненный» и поставлен в один ряд с Анакреоном»[1]. В стихотворении «Любовь одна — веселье жизни хладной…» (I, 214—215) юный поэт именует литераторов, собратьев по перу, «наследниками Тибулла и Парни», приравнивая французского поэта XVIII века к римскому элегику I века до нашей эры. Французским Тибуллом называл Парни Вольтер. Из недр поэзии «приятеля» князя Юсупова — Вольтера, по мнению В.Э. Вацуро, рождалось творчество Парни[2].

«Парни российским» А.С. Пушкин именует К.Н. Батюшкова. Его поэтическое мастерство достойным образом оценил, несомненно, и владелец роскошной усадебной библиотеки в Архангельском, где наряду с «Эротическими стихотворениями» Парни[3], включающими 47 элегий, были представлены и творения Батюшкова. Батюшков — признанный переводчик Парни, лирика которого и явилась источником русской антологической поэзии, созданной обращавшимися к ней писателями XVIII и XIX столетий. Среди них хорошо знакомый князю Юсупову автор «Опасного соседа» дядя А.С. Пушкина Василий Львович Пушкин, сам Александр Сергеевич, В.А. Жуковский, А.А. Дельвиг, В.В. Измайлов,

[1] См.: *Эткинд Е.Г.* Французская поэзия в творчестве Пушкина : Эварист Парни // Эткинд Е.Г. Божественный глагол : Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999. С. 123—156.

[2] *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 12.

[3] *Parny.* Poesies erotigues. Paris, 1778.

А.Ф. Мерзляков[1]. Одним из первых интерпретаторов Парни был И.И. Дмитриев, поэт из окружения князя, присутствовавший на чтении «Эдипа» В.А. Озерова вместе с Николаем Борисовичем Юсуповым, по воспоминаниям С.А. Соболевского, поразившим всех присутствовавших «обширным знанием литературы, древней и новой»[2]. Князь был «отличный знаток в греческом и латинском языке». Сравнивая трагедию Озерова с оригиналом, он «цитировал целые места из Софокла, переводя их по-русски, и удивил всех обширною учёностью и тонким вкусом»[3].

Стать одним из образованнейших людей своего времени князю Николаю Борисовичу, вне всякого сомнения, поспособствовали обширные знания его отца, Бориса Григорьевича Юсупова, занимавшегося вопросами преобразования обучения и воспитания юношества во время директорства в Сухопутном Шляхетном кадетском корпусе. При Б.Г. Юсупове в Сухопутном корпусе не только царила «театромания», послужившая открытию театра во главе с А.П. Сумароковым, любимым писателем Николая Борисовича, но и была учреждена собственная типография, печатавшая книги. Сохранился также библиотечный формуляр на имя князя Бориса Григорьевича с перечнем взятых им 19 мая 1733 года изданий на французском языке по истории Западной Европы, по дипломатии, а также восьми томов де Фонтенеля[4].

В период тесного общения А.С. Пушкина с Н.Б. Юсуповым над биографией Д.И. Фонвизина работал П.А. Вяземский, обращавшийся к другу с просьбой: «Я… позабыл попросить тебя побывать у князя Юсупова и от меня поразведать его о Ф.<он>Визине. Вижу по письмам, что они были знакомы. Не вспомнит ли к.<нязь> каких-нибудь анекдотов о нём, острых слов его? Нет ли писем его?» (XIV, 135). После беседы с Юсуповым Пушкин отвечал Вяземскому: «Он очень знал Ф.<он>Визина, который несколько времени жил с ним в одном доме. «C’ etait un autre Beaumarchais pour la conversation[5]… Он [помнит] знает пропасть его bon-mots да не припомнит» (XIV, 143). Действительно, из всего, что Юсупов знал, он запомнил только грубоватый — в рифму —

[1] См.: *Томашевский Б.В., Вольперт Л.И.* Парни // Пушкин : Исследования и материалы. Т. XVIII—XIX. СПб., 2004. С. 233.

[2] РГАДА. Ф. 1290, оп. 2, д. 2167, л. 3.

[3] Там же.

[4] Подробнее см.: *Данченко В.Г., Калашников Г.В.* Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007. С. 60—72; *Хотеев П.И.* Французская книга в Библиотеке Петербургской Академии наук (1717—1742) // Французская книга в России в XVIII веке. Л., 1986. С. 57. Напомним, что Б.Г. Юсупов по воле Петра Великого обучался во Франции, в Тулонском училище гардемаринов.

[5] В разговоре он был второй Бомарше (*франц.*).

ответ Фонвизина поэту Василию Майкову, спросившему его мнение о своей новой трагедии «Агриопа».

«Весёлый» же Бомарше «блеснул» перед совершавшим гран-тур по Европе Н.Б. Юсуповым в Лондоне. 7 мая 1776 года в «Album Amicorum principis de Youssoupof» появилось стихотворное посвящение «Прощальный привет», заканчивающееся словами: «Слишком скоро сочинено вашим покорнейшим слугою Кароном де Бомарше» и напутствием князю:

Желаю быть неутомимым
Я вам любовником наук
И счастья баловнем любимым[1].

В Париже, во время путешествия по Европе в свите графа и графини Северных, в присутствии высоких гостей и их окружения, не внимая опасениям Лагарпа — литературного корреспондента великого князя Павла Петровича, «старинный знакомый» князя Юсупова, «покорнейший слуга» Карон де Бомарше 26 мая 1782 года читал запрещённую к постановке на сцене свою пьесу «Женитьба Фигаро»[2].

Посредником в этом выступил Фредерик-Мельхиор Гримм, убедивший Бомарше дать своё согласие. Проявляя крайнюю осторожность, Гримм сообщал комедиографу: «Князь Юсупов охотно взял на себя эту миссию, поскольку он был старинным знакомым автора. Я надеюсь, автор не отклонит это предложение, которое не только не повредит делу принятия пьесы на сцену, но, наоборот, поможет ему. Если пьеса понравится высоким слушателям, то я не сомневаюсь в том, что гости при-

[1] Цит. по: Художественные сокровища России. 1906. № 6. С. 182.

[2] *Loménie L. de.* Beaumarchais et son temps. T. 2. Paris, 1856. P. 301—305; Memoires de la baronne d' Oberkirch. T. I. Paris, 1853. P. 222—223, T. II. Paris, 1853. P. 47—49, 316—317, 380. Л. Башомон в записках «Цесаревич Павел Петрович во Франции в 1782 г.», опубликованных в журнале «Русская старина» (Т. 35. 1882. № 11. С. 321—334), описывает встречи с Лагарпом, предложившим для представления свою пьесу *La reine Jeanne de Naples* («Королева Иоанна неаполитанская»); Лагарп как корреспондент великого князя часто сопровождал высоких гостей и даже приветствовал их посланиями в стихах, поражавших своим безвкусием. Тем не менее граф подарил ему на память золотую табакерку тонкой работы с изображением разных атрибутов муз и украшенную брильянтами. Становится понятно, что неслучайно в черновом варианте послания «К вельможе» имена Лагарпа и Бомарше Пушкин объединяет: «<74> Лагарп и Бомарше – твой безносый Касти…» (III, 816).

ложат со своей стороны нужные усилия, чтобы ускорить постановку пьесы в театре. При всём этом, однако, умоляю Вас, сударь, меня не компрометировать, ибо я лишь посредник в этом деле и передаю только своё мнение»[1].

В письме заместителю начальника полиции, следуя советам Гримма, Бомарше писал: «...Князь Юсупов, первый камергер великого князя, только что ушёл от меня. Он снова просил рукопись, чтобы граф Северный мог передать её императрице... С той поры, как пьеса прошла через цензуру, я внёс в неё много серьёзных изменений. Она имела счастье понравиться августейшей чете наших высоких гостей... Великий князь и великая княгиня во всеуслышанье говорят о том, что хотели бы посмотреть эту пьесу... Прилагаю к сему подлинник письма камергера (Н.Б. Юсупова к Бомарше. — *В.С.*)»[2]. По просьбе Н.Б. Юсупова, возглавившего в 1791 году дирекцию Санкт-Петербургских императорских театров, Бомарше рекомендует для работы в России Луи де Монготье, «молодого актёра с большими возможностями»[3].

«Свершившаяся у нас революция, — пишет Бомарше князю Юсупову 12 ноября 1791 года из Парижа, — сильно влияет на литературу. Освобождённые народы обычно утрачивают склонность к изяществу, обретая взамен стремление к силе, и наш театр проникнут этим новым духом, господствующим во Франции. <…> Ныне в устах наших актёров звучат суровые слова, от которых бегут испуганные Музы. Вместо дворцов — крепости, а вместо оркестров — пушки. Уютные улочки, где раздавались нежные вздохи и слова любви, превратились в бурлящие улицы, где слышны громкие призывы к свободе, где звучит лозунг «Свобода или смерть», — таковы сегодня наши игры и развлечения, как если бы прелестные Афины превратились в грубую Спарту. Но коль скоро склонность к прекрасному составляет отличительную черту нашего характера, восстановление мира вернёт нам наши прежние нравы»[4].

Во времена «прежних нравов» для графа и графини Северных Жак Делиль, названный Вольтером французским Вергилием, читал на приёме в Трианоне новую поэму «Сады». В переводе А.Ф. Воейкова поэма

---

[1] Цит. по: Россия — Франция. Век Просвещения. Русско-французские культурные связи в XVIII столетии. Каталог выставки. Л., 1987. С. 277. В черновом варианте послания «К вельможе» к «энциклопедии циническому причоту» причислен и «блестящий Гримм» (III, 816).

[2] *Бомарше П.* Избранные произведения : В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 460—461.

[3] Россия — Франция. Век Просвещения… С. 277.

[4] Там же.

была издана только в 1816 году. Переводчик уделил место в своём сочинении и садам прекрасного Архангельского:

В Архангельском сады, чертоги и аллеи,
Как бы творение могущей некой Феи,
За диво бы почли и в Англии самой[1].

В «энциклопедии скептическом причоте» князя Н.Б. Юсупова, наряду с Дидро, Вольтером, бароном Гольбахом и Морле, назван и друг Дидро, итальянский экономист, историк и философ, мастер эпистолярного жанра аббат Гальяни. Исследователи творчества Пушкина полагали, что не все перечисленные имена авторов «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера имели прямое отношение к самому адресату послания, князю Юсупову. К таковым было отнесено и имя аббата Гальяни[2]. Однако переписка Ф. Гальяни с И.И. Шуваловым свидетельствует о личном знакомстве Н.Б. Юсупова с энциклопедистом.

В письме от 12 февраля 1782 года аббат Гальяни с благодарностью обращается к своему адресату: «..Всё с тою же сердечностью вспоминаете Вы обо мне, шлёте столь же искренние приветы и, что ещё существеннее, — подарки… Муфту доставил мне по Вашему поручению камергер князь Юсупов»[3]. Беседуя с Гальяни, князь поведал о здоровье Шувалова и сообщил аббату о предстоящем приёме его графом и графиней Северными. Гальяни не скрывал радости по поводу «милостивого приёма», «вскружившего» ему голову. В свою очередь, для Шувалова аббат передал через Юсупова свою очередную книгу[4]. Письма аббата Гальяни, как хорошо известно, Пушкин с увлечением читал в Михайловском, работая над запиской «О народном воспитании»[5].

В переписке с И.И. Шуваловым состоял и близкий кругу Юсупова в бытность князя посланником в Италии кардинал де Бернис[6]. Лёгкие

[1] *Делиль Ж.* Сады. Л., 1987. С. 103—104.

[2] См.: *Вацуро В.Э.* «К вельможе» // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974.

[3] И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты / Пред. и публ. Н. Голицына // Лит. наследство. Т. 29—30. М., 1937. С. 334.

[4] И.И. Шувалов и его иностранные корреспонденты. С. 334—335.

[5] См.: Correspondance inédite de l'abbé Ferdinand Caliani conseilleur du Roi pendant les années 1765 à 1783 avec Mme d' Épinay, le baron d'Holbach, le baron de Grimm, Diderot et autres personnages célèbres de ce temps… T. l—2. Paris, 1818; Примечания Б.В. Томашевского к записке «О народном воспитании» в кн.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. : В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 462.

[6] Де Бернис Пьер Франсуа (1715—1794) — французский поэт, аббат, впоследствии кардинал, посол версальского двора в Риме.

любовные стихи, сочинённые «наследником Тибулла и Парни» де Бернисом, нравились мадам Помпадур, которой он обязан своей карьерой. Д.И. Фонвизин сообщал в своих письмах из Италии, что только у кардинала в доме «можно было найти французские газеты, вследствие строгой цензуры того времени в Риме, и только у него можно было встретиться с людьми и отобедать»[1]. В «Журнале путешествия В.Н. Зиновьева…» зафиксированы визиты к Бернису вместе с Юсуповым и его возлюбленной дамой на приёмы и концерты. 6 июля 1785 года путешествующий по Италии Зиновьев записал: «Обедал у Юсупова, где был и Бернис; он в обществе очень приятный человек»[2]. Письма кардинала Берниса к князю Юсупову, сохранившиеся в фамильном архиве, свидетельствуют о взаимной симпатии и общих интересах[3]. Книга стихов де Берниса «Четыре части дня» была хорошо известна в литературных кругах. В переводе П.И. Голенищева-Кутузова она увидела свет в 1805 году[4].

Пушкин в своём послании уподобляет Юсупова, накануне Французской революции странствовавшего по Европе, «любопытному скифу» — Анахарсису. Новым Анахарсисом назвал князя в «Альбоме друзей» и англичанин Мату[5].

В Англии Н.Б. Юсупов посетил готический замок Строуберри Хилл, о чём свидетельствует хозяин замка, известный писатель, знаток древностей, арбитр литературного вкуса Хорас Уолпол: «Я должен запечатать письмо и покинуть мою синюю комнату, чтобы предстать перед князем Юсуповым, который прислал за пригласительным билетом. Иностранцы хлынули к нам в Англию потоком»[6]. Князь приобрёл для своей библиотеки вышедшую в Париже книгу Уолпола[7].

---

[1] Цит. по: *Зиновьев В.Н.* Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии // Русская старина. 1878. Т. 23. № 12. С. 400.

[2] *Зиновьев В.Н.* Журнал путешествия... С. 414.

[3] РГАДА. Ф. 1290.

[4] *Берни Ф.* Четыре части дня. М.: в типографии Платона Бекетова, 1805.

[5] Анахарсис — один из семи легендарных мудрецов древности, скиф по происхождению, приезжавший в Элладу во времена Солона. В начале XIX века в Москве и Петербурге вышло два перевода многотомного сочинения Жан-Жака Бартелеми «Путешествие Анахарсиса младшего по Греции» (1788), ставшего самым популярным изданием об античности.

[6] *Кросс Э.* У темзских берегов // Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 272.

[7] *Walpole Horace.* Regue de Richard III. Paris, 1800. Отдел редкой книги Государственного музея-усадьбы «Архангельское», № 2531.

Рим продолжал сохранять значение художественного центра Европы, притягательной силой обладали его памятники античности и творения мастеров Возрождения. Благодаря «горячей проповеди» Винкельмана и Менгса это были годы возраставшего культа античности[1]. Книга Винкельмана «История искусства древности» (1763) была доступна в России и, хотя и имела глубоко научный характер, вызвала небывалый интерес к культуре античного мира. В результате изучения памятников Древнего Рима и Древней Греции, как известно, утвердился в те времена философско-эстетический принцип классицизма.

В послании «К вельможе» не случайно обращение Пушкина к римской, античной теме. Он исторически верен в передаче самоощущения человека эпохи Просвещения, примерявшего жизнь к античным образцам.

В письме академика Ж.-Б. Виллуазона[2] советнику юстиции в Копенгагене Трескову дана характеристика князю Николаю Борисовичу Юсупову: «Не буду повторять… о широте и глубине его обширных знаний, особенно в греческом языке. Не хочу снова повторять о его любви к манускриптам и его безупречном вкусе к шедеврам искусства. <…> Я имел честь близко с ним познакомиться и могу Вас заверить, что это один их самых выдающихся людей Европы. Он вызвал восхищение во Франции, Голландии и не сомневаюсь, что так же будет и в Дании»[3].

В письме к П.А. Плетнёву от 22 июля 1831 года Пушкин с горечью сообщал: «…Мой Юсупов умер» (XIV, 197).

Однако нерукотворный памятник, воздвигнутый поэтом князю Николаю Борисовичу Юсупову в гениальных стихах, вечен и подтверждает правоту Э. Парни, утверждавшего, что писатель должен быть впереди своего века.

Вся яркая и наполненная смыслом жизнь «приветливого потомка Аристиппа», заключённая, как микромир, всего в 106 строках послания «К вельможе», по сей день призывает следовать неумирающему совету Эпикура: не упускать ни единого мгновенья жизни, наслаждаться прекрасным, «всегда иметь в своей библиотеке новую книгу, а в саду свежий цветок».

---

[1] Винкельман Иоганн Иоахим (1717—1768) — немецкий искусствовед, основоположник современных представлений об античном искусстве и науке археологии; Менгс Антон Рафаэль (1728—1779) — знаменитый немецкий живописец.

[2] Виллуазон Жан-Баптист (1750—1805) — французский филолог, эллинист.

[3] РГАДА. Ф. 1290, оп. 2, д. 180, л. 1 — 1об.

Максим Мельцин

КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ КНЯЗЯ Н.А. ДОЛГОРУКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В самой авторитетной генеалогии князей Долгоруковых, вышедшей в начале XX века, князь Николай Александрович Долгоруков (1810—1873) охарактеризован следующими краткими словами: «Библиофил, воспитывался в Лицее, говорил на семи языках»[1]. Из других биографических сведений сообщается только имя жены. Для такого педантичного и подробного автора, как Г.А. Власьев, это даже несколько странновато. Всё-таки в молодости князь был камер-юнкером[2], а закончил карьеру действительным статским советником[3], то есть в гражданском генеральском чине. Но служба князя Н.А. Долгорукова не нашла отражения в биографической, если её можно так назвать, справке. Интересно, что единственное сообщённое сведение из формальной, то есть описываемой документами, биографии содержит неточность. Князь воспитывался не в Лицее, а в Лицейском благородном пансионе, что не одно и то же. Он принадлежал к 11-му, последнему выпуску пансиона и окончил его в

[1] *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика : Материалы для составления родословий : В 2 т. Т. I: Князья Черниговские. Ч. 3: Князья Долгоруковы, Щербатовы, Тростенские, Волконские. СПб., 1907. С. 149 (№ 216).

[2] Формулярный список кн. Н.А. Долгорукова 1840 года // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства /коллекция/), оп. 3, д. 705, л. 118 об — 119 (Долгов Ф.Я. — Долгорукий Я.А.); Формулярный список кн. Н.А. Долгорукова 1843 года // Там же. Д. 706, л. 13 об — 14 (Долгоруков И.А. — Долженков Я.В.).

[3] Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 1-е Июля 1862 г. СПб., 1867. С. 841 (№ 813); То же. Исправлен по 1-е Января 1863 г. СПб., 1863. С.775 (№ 771); То же. Исправлен по 1-е Июня 1866 г. СПб., 1866. С. 469 (№ 463); То же. Исправлен по 1-е Октября 1866 г. СПб., 1866. С. 450 (№ 441); То же. Исправлен по 1-е Февраля 1867 г. СПб., 1867. С. 434 (№ 423); То же. Исправлен по 1-е Июля 1867 г. СПб., 1867. С. 396 (№ 388); То же. Исправлен по 1-е Октября 1867 г. СПб., 1867. С. 380 (№ 366); Адрес-календарь Российской империи... на 1862—1863 годы. Ч. 1. Стлб. 79; То же… на 1863—1864 годы. Ч. 1. Стлб. 85; То же… на 1864—1865 годы. Ч. 1. Стлб. 79; То же… на 1865—1866 годы. Ч. 1. Стлб. 79; То же… на 1866—1867 годы. Ч. 1. Стлб. 77; Памятная книжка лицеистов. 19 октября. 1811—1911. СПб., 1911. С. 226.

1829 году[1]. Это год закрытия учебного заведения. Получил при выпуске, кстати, чин 12 класса,[2] — а при отличных баллах могли дать и чин 10-го. То есть окончил не с блеском.

Итак, в долгоруковских генеалогиях князь Николай Александрович фигурирует как лицеист, библиофил и полиглот. Какие же сведения имеются о нём как о библиофиле, что представляла собой его библиотека? Первое упоминание о ней встречаем в указателе У.Г. Иваска, вышедшем лишь чуть позже книги Г.А. Власьева: «Библиотека представляла из себя богатое собрание книг, особенно по французской и английской литературе, и изобиловала ценными и роскошными изданиями»[3]. Именно из этой библиотеки происходит экслибрис, описанный У.Г. Иваском в другом своём труде[4]. Но интересно, что У.Г. Иваск не вполне атрибутировал собирателя, называя его только «князем Долгоруковым» без имени и даже инициалов. Князей Долгоруковых было много, и собирать библиотеку вполне мог не единственный из них. Только 1 сентября 1926 года в докладе об экслибрисе, описанном ранее У.Г. Иваском, В.К. Лукомский впервые назвал имя владельца: «Экслибрис принадлежал, несомненно, небезызвестному библиофилу кн. Николаю Александровичу Долгорукову (1811—1873), сыну кн. А.П. Долгорукова и жены его Анастасии Алексеевны, урожд. гр. Шереметевой (1784—1823)»[5]. Таким

---

[1] Интересно, что в гораздо менее авторитетной генеалогии князей Долгоруковых сведений о нём всё-таки несколько больше: там сказано и про чин действительного статского советника, и про XI выпуск (1829) Лицейского благородного пансиона. См. [*Аргутинский-*]*Долгорукой Ф.С., кн.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. Ч. II. СПб., 1913. С. 94 (№ 465).

[2] Формулярный список кн. Н.А. Долгорукова 1840 года. Л. 118 об — 119; Формулярный список кн. Н.А. Долгорукова 1843 года. Л. 13 об — 14; Памятная книжка лицеистов… С. 226.

[3] *Иваск У.Г.* Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя. Ч. I. Вып. 4. СПб., 1911. С. 2. № 394.

[4] *Иваск У.Г.* Описание русских книжных знаков (Ex-libris). Вып. 2. М., 1910. С. 53, рис. 31.

[5] *Охочинский В.К.* Летопись Общества // Труды Ленинградского общества экслибрисистов. Вып. IX—X. 1927. С. 40. Год рождения указан ошибочно — князь родился 1 декабря 1810 года (см. запись со ссылкой на метрическое свидетельство Московской духовной консистории // РГИА. Ф. 1343 (Департамент Герольдии Правительствующего Сената), оп. 51, д. 321, л. 13 /‹Дворянская› Родословная книга Московской губернии 1832—1833 гг., ч. IV, V/). Любопытно, что номером ранее в указателе В.К. Лукомский называет владельца экслибриса князем Долгоруковым ещё без инициалов (см. *Лукомский В.К.* Материалы к указателям русских анонимных книжных знаков. Указатель гербовых книж-

образом произошло отождествление «библиофила» из поколенных росписей и владельца описанных библиотеки и экслибриса. После чего на 80 лет эта тема перестала кого-либо интересовать.

Уже в XXI столетии экслибрисом княжеской библиотеки занялась И.Г. Кукарцева[1]. Она обратилась к личному архивному фонду князя Н.А. Долгорукова, хранящемуся в РНБ[2]. Первая единица хранения этого фонда называлась «Реестр книгам, привезённым мною из-за границы в 1867 году для собственного употребления». Однако оказалось, что помянутый реестр, составляющий 25 наименований (и 50 томов) книг и периодики на немецком, русском, французском, английском, итальянском, испанском и шведском языках (названы в порядке количественного убывания), занимает лишь первый лист (с оборотом) дела. На остальных листах (а дело насчитывает 53 листа, из которых 5 чистых) располагается каталог княжеской библиотеки. Пагинация включает форзац и следующий за ним переплётный лист (так что «Реестр…» 1867 года находится на листе с номером 3 — 3 об), чистые листы в нумерацию не включены, последний номер листа — 50.

Открытие, сделанное И.Г. Кукарцевой, дало возможность приступить к изучению библиотеки князя Н.А. Долгорукова. К сожалению, сама она, по недостатку времени, ограничилась лишь самым беглым обзором, сообщив, что библиотека к концу 1867 года насчитывала более 1 400 наименований книг (1 391 по каталогу и 25 приобретённых в 1867 году), многие из которых были многотомными, и оценив общее количество томов примерно в 3 000[3] (и недооценив объём библиотеки при этом более чем в 1,5 раза).

ных знаков // Там же. Вып.VII—VIII. 1926. С. 33), а в доложенном им 1 июля 1926 года «Комментарии к Указателю», вероятно вследствие опечатки, сказано, что экслибрис «принадлежал известному библиофилу князю Н.Д. Долгорукову (1811—1873)» (см. *Охочинский В.К.* Летопись Общества. С. 28).

[1] *Кукарцева И.Г.* Судьба одного библиофильского экземпляра первой трети XIX в. в собрании Новгородского музея-заповедника (Р.Ш.Г. де Пиксерекур — князь Н.А. Долгоруков — граф А.Д. Шереметев) // Ежегодник Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. 2006. Великий Новгород, 2007. С. 87—101; *Она же*. Владельцы одной французской книги 1-й трети XIX в. (Гильбер де Пиксерекур — князь Н.А. Долгоруков — граф А.Д. Шереметев) // Памятники культуры: Письменность. Искусство. Археология: Новые открытия: Ежегодник. 2006. М., 2008. С. 59—615.

[2] Фонд кн. Н.А. Долгорукова // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 258, ед. хр. 6.

[3] *Кукарцева И.Г.* Судьба одного библиофильского экземпляра… С. 95; *Она же*. Владельцы одной французской книги… С. 608.

И.Г. Кукарцева предприняла попытку восстановить биографию князя. Биографии князя Н.А. Долгорукова был посвящён и мой доклад на конференции «Печать и слово Санкт-Петербурга» в 2007 году[1]. Теперь же настало время перейти к рассмотрению собственно каталога библиотеки.

Текст каталога черновой. Книги расписаны по шкафам и полкам. Всего в каталоге обозначены десять шкафов, девять из которых нумерованы (двум кроме номеров приданы ещё характеристики местоположения: № 1 — «у окошка» и № 7 — «у стены в спальне») и один, небольшой, обозначен как «висячий шкаф». В этом висячем шкафу три полки, остальные шкафы насчитывают от пяти (№№ 1, 4, 9) до семи (№ 3) полок. Всего, таким образом, 4 958 описанных в каталоге томов распределены по 55 полкам, в среднем по 90 томов на полке. Впрочем, нет никаких оснований утверждать, что полки в разных шкафах были одного размера. Каталог на каждый шкаф составлялся в отдельной тетрадке (только шкафы № 1 и висячий описаны в одной тетрадке). В основном такие тетрадки насчитывают четыре или шесть листов (то есть два или три, сложенных пополам; в шестилистных тетрадях описаны шкафы №№ 2, 4 и 6), и только шкаф № 3 описан в тетрадке из 14 листов. Часто последние страницы тетради — от одной до трёх — остаются незаполненными, отсюда и наличие в деле пяти чистых листов. Казалось бы, каталог составляется для облегчения поиска книг. Однако при внимательном изучении становится ясно, что поиск книг каталог облегчает весьма умеренно: книги в нём размещены не по алфавиту, а по шкафам и полкам. То есть, чтобы найти в нём какую-то книгу, надо *уже знать*, в каком шкафу и на какой полке она хранится. Или же сплошь просмотреть весь каталог из 50 листов. Цель составления каталога, скорее, иная — что-то вроде «описи имущества», фиксации, что где лежит.

Нумерация книг в каталоге по непонятной причине не соответствует нумерации шкафов. Если двигаться по нарастанию номеров книг, то придётся проходить шкафы в следующем порядке: № 1 у окошка, висячий, № 4, № 5, № 6, № 7 у стены в спальне, № 8, № 9, № 2, № 3. Но сплетены тетради каталога именно по шкафам, в результате чего сперва названы книги 1—186, затем 1080—1391, а затем 187—1079.

[1] *Мельцин М.О.* Петербургский библиофил князь Николай Александрович Долгоруков и его полный тёзка из той же фамилии: к проблеме разграничения биографических фактов // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2007) : Сб. науч. тр. СПб., 2008. С. 271—280.

Анализ каталога не позволяет обнаружить какую-то закономерность в расположении книг по шкафам и полкам. На одной полке соседствуют, часто вперемежку, книги на разных языках (изредка попадается более или менее компактный, к примеру, «античный блок», но и тут между античными авторами «вклиниваются» французы — в том числе 73-томный Вольтер и 48-томный Бюффон; И.Г. Кукарцева считает, что «книги систематизированы преимущественно по языковому принципу»[1], однако этот принцип нарушается столь часто, что его наличие не очевидно), художественные произведения со словарями, историческими сочинениями и немногими книгами по другим наукам (медицине, например, юриспруденции или истории литературы) и религиозного характера. Алфавитный порядок авторов даже не имеется в виду, часто сочинения одного автора и разные выпуски одного периодического издания оказываются на разных полках и в разных шкафах. Возможно, книги сгруппированы по формату, проверка этого предположения — дело будущего. Но первое впечатление — абсолютная хаотичность расстановки книг, что, на первый взгляд, и сделало составление каталога насущно необходимым — без него найти какую-либо книгу становилось нереальным. Но, как сказано выше, и каталог не особо в этом помогает.

Абсолютное преобладание в библиотеке именно художественных книг ясно свидетельствует, что профессионального характера библиотека князя Н.А. Долгорукова не носила. Большинство нехудожественных книг также укладываются в картину досужего чтения просвещённого человека (книги по истории, фольклору, этнографии и тому подобные). Пожалуй, количественно выделяются языковые словари — что естественно для читателя, пользующегося множеством языков. Оценить справедливость свидетельства У.Г. Иваска о том, что библиотека «изобиловала ценными и роскошными изданиями», по каталогу не представляется возможным: для этого нужно видеть эти книги воочию[2]. Во всяком случае, «русский кластер» библиотеки такого впечатления не произвёл.

Сосредоточимся именно на «русском кластере». Что представляет собой русскоязычная часть библиотеки князя Н.А. Долгорукова, состав-

---

[1] *Кукарцева И.Г.* Судьба одного библиофильского экземпляра… С. 95; *Она же*. Владельцы одной французской книги… С. 608.

[2] Согласно И.Г. Кукарцевой, роскошные парижские издания хранились во втором шкафу. См.: *Кукарцева И.Г.* Судьба одного библиофильского экземпляра… С. 95; *Она же*. Владельцы одной французской книги… С. 608.

ляющая по числу номеров пятую, а по количеству томов — восьмую долю от её общего объёма (274 номера, 638 томов)?

В описании книг из шкафов № 2 (отчасти) и № 3 присутствуют точные библиографические описания, с указанием года и места издания, типографии, формата книги и так далее[1]. В остальной части точных библиографических описаний каталог не содержит. Обычно указываются автор и название, бывает, что и автор не указывается. Завершается описание всегда цифрой, обозначающей количество томов. В случае с книгами, переиздававшимися неоднократно (например: «573. Ершова. Конёк-Горбунок — 1»)[2], нет никакой возможности определить, какое издание имеется в виду. При этом скрупулёзно описанные книги из шкафов № 2 и № 3 не отличаются принципиально от остальных, не принадлежат к числу «ценных и роскошных изданий». Чем вызвано такое отличие, непонятно, скорее всего — случайными обстоятельствами. В этих шкафах находятся книги с самыми большими номерами, следовательно, описывались они последними. Возможно, при составлении каталога князь очень спешил к какому-то сроку, а перейдя к предпоследнему шкафу, понял, что успевает, и позволил себе более детальные описания.

Даже автор и название в точности воспроизводятся далеко не всегда. В этом смысле каталог напоминает записи «для себя», чтобы самому понять, о какой книге идёт речь. Вот примеры записей: «294. Жандра Дон-Жуан — 1»[3] — разумеется, Н. Жандр был не автором, а переводчиком этого сочинения лорда Байрона, изданного в его переводе в 1846 году. «500. Скопин-Шуйский — 4»[4] — имеется в виду роман О.П. Шишкиной (подписанный вообще-то инициалами, но для князя Долгорукова это никогда не было препятствием, настоящих авторов он знал) «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия», вышедший в 1835 году. Интересно, что в этом же году вышла драма Нестора Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», и только количество томов позволяет определить, что запись в каталоге Долгорукова относится именно к роману, а не к драме. «679. Сказания современников о самозванце — 5»[5] — в действительности издание называлось «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», вышло в

[1] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 8 об – 26.
[2] Там же, л. 34 об.
[3] Там же, л. 28 об.
[4] Там же, л. 33 об.
[5] Там же, л. 37.

1813—1835 годах. «736. Д. Веневитинова Стихотворения — 2 в 1»[1] — под таким названием Д. Веневитинов в те годы не издавался. Скорее всего, имеются в виду «Сочинения Д.В. Веневитинова», вышедшие в двух частях в 1829—1831 годах (и вторая часть содержала прозу). Ещё хуже с записью «734. А. Подолинского Стихотворения — 3»[2]. Под таким названием Андрей Подолинский не издавался, и трёхтомников у него никогда не было. Скорее всего, имеются в виду вышедшие в 1837 году повесть в стихах «Смерть Пери» и двухтомный сборник «Повести и мелкие стихотворения», но нельзя исключать и отдельные издания трёх стихотворных повестей («Див и Пери», «Борский» и Нищий»), вышедшие в 1827—1830 годах. Запись «735. Ев. Баратынского Стихотворения — 3»[3] тоже нуждается в истолковании. Трёхтомники Баратынского не издавались. «Стихотворения Евгения Баратынского» выходили в 1827 году в одном томе и в 1835 году в двух томах. Очевидно, князь имел оба издания. Похожая ситуация и с записью «761. Полонского Стихотворения — 3»[4]. Трёхтомников Я. Полонского не было. Его стихотворные однотомники выходили в 1844, 1846, 1849, 1851, 1855 и 1859[5] и позднейших годах. Какие-то три из первых четырёх имеются в виду в данном случае. «730. Н. Языкова Стихотворения — 2»[6]. У Н. Языкова в эти годы не выходило двухтомников (первый — в 1858 году), выходило три сборника стихов: «Стихотворения Н. Языкова» (1833), «[56] стихотворений» (1844) и «Новые стихотворения Н. Языкова» (1845). Скорее всего, имеются в виду какие-то две из этих трёх книг. Таких примеров много, и не только среди художественных произведений — как на пример, укажем на запись «604. Тургенева. Теория налогов — 1»[7]. В действительности этот труд Н.И. Тургенева, вышедший в 1818 и повторно в 1819 году, назывался «Опыт теории налогов». Или, например, запись «497. Россиис.

[1] Там же, л. 38 об.

[2] Там же, л. 38 об.

[3] Там же, л. 38 об.

[4] Там же, л. 39.

[5] *Полонский Я.П.* Гаммы: Стихотворения. М.: тип. Н. Степанова, 1844: *Он же*. Стихотворения 1845 года. Одесса: тип. А. Брауна, 1846; *Он же*. Сазандар: Стихи. Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавк., 1849; *Он же*. Несколько стихотворений. Тифлис: тип. Канцелярии наместника кавк., 1851; *Он же*. Стихотворения. СПб.: тип. И. Фишона, 1855; *Он же*. Стихотворения: (Доп. к стих., изд. в 1855 г.). СПб.: тип. Рюмина и К°, 1859.

[6] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 38 об.

[7] Там же, л. 35.

родословный сборник — 4»[1]. Не указан автор, которым, кстати, был князь П.В. Долгоруков, однородец собирателя.

Ещё интереснее случаи, когда названия произведений указаны, но все они значатся под общим номером. Рекордным в этом плане является № 1272, содержащий 21 издание разных произведений А.Н. Муравьёва в 29 томах[2]. Подобных случаев (с меньшим количеством произведений) много. «763. Струговщикова Стихотворения и переводы — 2»[3] описывают не одно издание, а два однотомных, вышедших в 1845 году: «Стихотворения Александра Струговщикова, заимствованные из Гёте и Шиллера», и «Переводы» (оба заявлены как «Кн. 1», но вторая в обоих случаях так и не вышла). То же самое с описаниями «764. А. Майкова Две судьбы и Очерки Рима Стихотворения — 2»[4], «913. Рылеева. Думы, Войнаровский — 2»[5], «1302. … Графини Ростопчиной Нелюдимка. Драма. Москва 1850 in 8°. br. n. r.[6] 1; Семейная тайна из Библ. для чтения in 8°. br. n. r. 1; — 2»[7] — речь здесь идёт не о двухтомниках, а о двух самостоятельных книгах. Ещё интереснее, что нередко под одним номером фигурируют книги разных авторов. Под № 1380 описаны сочинения Лихачёва и Данилевского[8]. Нередко один номер объединяет разноязычные сочинения. Под № 1220 представлены Piero Maroncelli (Addizioni alle Mie prigioni… на итальянском), Casimir Delavigne (Messéniennes на французском) и Ростопчин[9]; под № 1372 — «Стихотворения» Юлии Жадовской (1846), «Троян и Ангелица» Вельтмана (1846), «Русские сказки… Пяток первый» В. Даля (1832), Goldsmith's Poetical Works (1819), «Димитрий Самозванец» Булгарина (1830, 4 т.) и «Кощей бессмертный» Вельтмана (1833)[10]. Что объединяет русскую поэтессу XIX века и рус-

[1] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 33 об.

[2] Там же, л. 18—18 об.

[3] Там же, л. 39.

[4] Там же, л. 39.

[5] Там же, л. 46.

[6] Это сокращение, встречающееся в описаниях довольно часто, означает «brochure non rogné», т.е. «брошюра не обрезана».

[7] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 20 об.

[8] Там же, л. 25 об.

[9] Там же, л. 14. Причём из двух книг якобы Ростопчина ему в действительности принадлежит только одна («Мысли вслух на Красном крыльце»), другая («Мысли не вслух у деревянного дворца Петра Великого, что подле церкви Троицы на Петербургской стороне») приписана ему ошибочно, её истинный автор – Александр Дмитриев.

[10] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 24 об — 25.

ских беллетристов этого же времени с английским поэтом века XVIII — остаётся только догадываться. А такого немало. Под номером 1291 описаны сочинения И.С. (Снегирёва) (1841), Н. Павлова, А. Вельтмана (оба — 1835), но вместе с ними Countess of Blessington's Conversations with Lord Byron и Inchbald «Lady Mathilde» (оба — 1834)[1]. Под № 1342 — Вельтмана, Измайлова, Грибоедова, Пушкина, но и французских поэтов[2]. Под № 1302 — Мольера и Ростопчиной.

Безусловный интерес представляют и пометы, довольно многочисленные, сделанные к конкретным книгам или — реже — к полкам. Например: «На второй полке сверх того гравюры» — и далее их перечисление[3]. Встречаются пометы сентиментально-ностальгического характера, вроде «Экземпляр по которому я учился дома»[4], «Exemplaire de la bibliotheque de ma mère»[5] — исключительно к книгам на иностранных языках, в основном (за одним исключением) из первых двух шкафов. Есть записи, уточняющие состав и местоположение многотомных изданий: «К этому изданию имеется атлас и 4 выпуска с 50 гравюрами, которые лежат на 4 полках»[6], «Атлас находится на верхней полке»[7], «Вторая часть на нижней полке»[8], «Две части на нижней полке»[9]. К № 1382—1391 имеется одна общая запись: «На даче в конторке»[10]. Но больше всего записей вроде «См. шкаф № 2 полка 4 № 1161»[11] — хотя и не всегда столь же педантично-подробных. Можно предположить, что это указывает на перемещение книги с одного места на другое. Но записи вроде «Смотр. шкафы № 5 и 9й»[12], сделанной к однотомнику Даля, свидетельствуют, скорее, о другом: князь даёт отсылки к другим произведениям того же автора, разбросанным по разным шкафам. Впрочем, возможны и оба варианта: часть пометок означает реальное перемещение книги, часть — нет. Большинство этих пометок сделаны к книгам

[1] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 20.

[2] Там же, л. 22 об.

[3] Там же, л. 8 об.

[4] Там же, л. 6 об.

[5] Экземпляр из библиотеки моей матери. Всего имеется шесть таких помет: к семи книгам. Там же, л. 4 об, 6, 12 об, 13, 49 об.

[6] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 15 об.

[7] Там же, л. 15 об.

[8] Там же, л. 19.

[9] Там же, л. 19.

[10] Там же, л. 25 об—26.

[11] Там же, л. 5 об.

[12] Там же, л. 24 об.

на иностранных языках, к русским — лишь единицы, поэтому здесь, в публикации, посвящённой в большей степени русским книгам долгоруковской библиотеки, мы больше о них говорить не будем.

Особый интерес представляет неоднократно повторяющаяся помета «в цемешпе». Подобная помета сделана к 13 номерам каталога, включающим 28 томов[1]. Русская книга среди них одна — «Записки охотника Орловской губернии» Тургенева. Ещё две книги написаны русским автором, но по-французски. Это книги известного публициста, эмигранта Ивана Головина. Далее «в цемешпе» находятся стихи и письма Мицкевича, два труда по истории польской революции, сочинения Парни и Беранже, «История проституции» Дюфура, «Лорд Пальмерстон. Англия и континент» графа Фикельмона, «История Европейских государств после Венского Конгресса» виконта Бомона-Васси. Многие из этих книг были запрещены в России. Что же означает загадочное «в цемешпе»? Ответ удивителен и порождает новые загадки. Слово написано при помощи простой литореи — системы тайнописи, использовавшейся древнерусскими книжниками. В ней одни согласные заменяются другими в соответствии с некоторым правилом[2]. После расшифровки читается: «в деревне». Использование литореи свидетельствует о несомненной образованности князя. Но что побудило его её использовать? Ответ на этот вопрос невозможен без ответа на вопрос о цели создания каталога.

Но перейдём к русской составляющей библиотеки.

Подавляющее большинство присутствующих в библиотеке русских книг издано в 1830—1840-х годах. Очевидно, именно в эти два десятилетия и собиралась библиотека. Наличествует небольшое количество книг 1820-х и начала 1850-х годов. Практически уникальными являются изданные ещё в XVIII веке «855. Голикова Деяния Петра Великого с дополнением — 30»[3]. Указание на «Дополнения…» и пометка, что это 30-томник (12 томов было в основном корпусе «Деяний…» и 18 — в «Дополнениях…») не оставляют сомнений в том, что это именно первое издание, а не переиздание 1830—1840-х годов, выходившее в 15 томах. Есть пара книг начала XIX века, но в целом ранее 1820-х годов книг сов-

[1] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 33, 34, 37, 41об, 46, 49.

[2] См. об этом подробнее, напр.: *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979. (Репр. с: Л.: Изд-во АН СССР, 1928). С. 253. Начальные сведения можно найти в Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%EE%F1%F2%E0%FF_%EB%E8%F2%EE%F0%E5%FF.

[3] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 42 об.

сем мало. Каталог составлен, очевидно, на рубеже 1853 и 1854 годов. По крайней мере, 1853-й — последний бесспорный год издания книг, присутствующих в каталоге, зафиксирована лишь одна книга, датированная 1854 годом, но цензурное разрешение на её печатание дано 10 октября 1853 года, так что и она могла выйти ещё в конце 1853-го («1380. … Данилевского Слобожане Малороссийские рассказы. СПб тип. Фишона, 1854 in 8°. br. n. r. – 1»[1] — под 1380-м номером описаны две книги, первая издана в 1852 году).

О том, что именно к концу 1853 или началу 1854 года относится составление каталога, свидетельствуют и следующие записи: «770. Вонлярлярского Большая барыня непереплетена — 2»[2]. «Большая барыня» вышла в 1852 году. Не переплетена она, очевидно, потому, что приобретена совсем недавно и переплести её ещё не успели. «759. Соловьёва Русская история — 3»[3]. Называется это сочинение, конечно, иначе — «История России с древнейших времён», и выходило оно первым изданием в 29 томах в 1851—1879 годах, строго по тому в год. Первые три тома вышли, таким образом, в 1851—1853 годах, четвёртый — в 1854 году. Четвёртого и последующих в каталоге Долгорукова нет. «1384. Добровольский. Руководство законоведения СПб., 1853. in 8° br. n. r. — 1»[4]. Этот труд вышел в двух томах в 1853—1854 годах, у Долгорукова есть только первый. Также стоит иметь в виду и запись «227. Лекции Шевырёва История русской словесности — 2»[5]. Этот курс лекций был четырёхтомным, первые два тома вышли в 1846 году, третий — в 1858-м, четвёртый — в 1860-м. В каталоге — только два тома.

Важно также и то, чего в каталоге нет вообще. Например, князь Н.А. Долгоруков, аристократ, интересовался историей и генеалогией русского дворянства. Кроме упомянутого выше «Российского родословного сборника», в его библиотеке есть и «Сказание о роде князей Долгоруковых»[6] того же автора (№ 524; книга выходила двумя изданиями в 1840 и 1842 году, определить, какое было у князя Н.А. Долгорукова, не представляется возможным), и «Записки о роде князей Голицыных»

[1] Там же, л. 25 об.

[2] Там же, л. 39 об.

[3] Там же, л. 39.

[4] Там же, л. 26. Далее под этим же номером перечислены два иностранных сочинения.

[5] Там же, л. 27 об.

[6] Там же, л. 33 об.

Е.Н. Серчевского[1] (1853, № 969), и «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» Д.Н. Бегичева[2] (1851, № 791). Но в 1854 году начала выходить (в 1857-м вышла 4-я часть, и издание прервалось) «Российская родословная книга» князя П.В. Долгорукова — монументальнейший в этой области (генеалогии) труд, по сравнению с которыми его же «Российский родословный сборник» — юношеские заметки, не более. Но её, даже первого тома, в каталоге нет.

То же можно заметить и глядя на художественную литературу. Классиков русской литературы князь собирает достаточно скрупулёзно. Есть несколько лакун в XVIII веке — отсутствуют Сумароков, Херасков, Николев и Радищев. Впрочем, никто из них не переиздавался в период, когда князь собирал свою библиотеку (двухтомник Хераскова вышел в 1820 году, но библиофилу было тогда 9 лет). Авторы первой половины XIX века представлены довольно полно — и первого ряда, и второго (впрочем, отсутствуют стихи князя Вяземского, есть только написанная им биография Фонвизина[3], — но сборников стихов Вяземского и не выходило, вышло несколько стихотворений отдельными брошюрами). А вот с авторами середины века не всё так просто. Тютчева в каталоге нет: после стихотворения «Урания», вышедшего отдельным изданием в 1820 году, свой первый сборник стихов он выпустил только в 1854-м. Гончаров представлен только «Обыкновенной историей»[4], вышедшей отдельным изданием в 1848 году. Отдельные издания «Фрегата «Паллада» и «Обломова» вышли в 1858 и 1859 годах — их в каталоге нет. И.С. Тургенев представлен только «Записками охотника»[5], вышедшими в 1852-м. «Рудина» (1855) и более поздних произведений в каталоге нет. Но нет, впрочем, и «Муму», вышедшей тоже в 1852-м. В каталоге не представлен ни один из Толстых (у Алексея Константиновича вышли в 1841 и 1842 годах повесть и рассказ, у Льва Николаевича отдельных изданий не было, «Детство и отрочество» вышли в 1856 году). А вот отсутствие Достоевского стоит отметить: «Бедные люди» вышли в 1847 году, но у Долгорукова их нет.

Можно заметить, что князь Н.А. Долгоруков интересовался и литературным переводом. В каталоге находим: «556. Фауст пер. Вронченки

[1] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 47 об.
[2] Там же, л. 40.
[3] Там же, л. 17. № 1253, 1844 год.
[4] Там же, л. 28 об. № 272.
[5] Там же, л. 41 об.

— 1»[1] (1844) и «565. Фауст перевод Губера — 1»[2] (1838). Зачем полиглоту два русских «Фауста»? А ведь есть ещё и «504. Страданья Вертера — 1»[3] (1828—1829). Вероятно, литературный перевод интересовал Долгорукова сам по себе, как культурное явление.

К этой же категории следует отнести и священные тексты на русском языке. «988. Первое пятикнижие Библии на русском языке — 1»[4], «1070. Псалтирь на русском языке — 1»[5], «1072. Молитвослов на русском — 1»[6], «1073. Евангелие на славянском и русском языках — 1»[7], «1074. Другое на русском изданное в Лейпциге «1838» — 1»[8]. Безусловно, эти книги интересуют князя как литературное явление.

Конечно, в библиотеке присутствует и периодика. Вот описывающие её записи: «228. Московский сборник (1846) — 1»[9], «230. Невский альманах (1846) — 1»[10], «231. Петербургский сборник (1846) — 1»[11], «914. Полярные звёзды за 1823, 1824, 1825 года — 3»[12], «933. Новогодник за 1839 — 1»[13], «934. Русская беседа за 1841 — 3»[14], «935. Новоселье за 1833, 1834 и 1846 — 3»[15], «937. Московский Сборник за 1852й том 1 — 1»[16], «999. Сто русских литераторов за 1839, 1841 и 1845 — 3»[17], «1000. Невский альбом за 1838 — 1»[18], «1002. Денница за 1830 и 1831 — 2»[19], «1003. Северные цветы за 1829, 1830, 1831 — 3»[20], «1004. Невский альманах 1829, 1830, 1831 — 3»[21], «1054. Молодик на 1844 год —

[1] Там же, л. 34.
[2] Там же, л. 34 об.
[3] Там же, л. 33 об.
[4] Там же, л. 48.
[5] Там же, л. 49 об.
[6] Там же, л. 49 об.
[7] Там же, л. 49 об.
[8] Там же, л. 49 об.
[9] Там же, л. 27 об.
[10] Там же, л. 27 об.
[11] Там же, л. 27 об.
[12] Там же, л. 46.
[13] Там же, л. 47.
[14] Там же, л. 47.
[15] Там же, л. 47.
[16] Там же, л. 47.
[17] Там же, л. 48.
[18] Там же, л. 48.
[19] Там же, л. 48.
[20] Там же, л. 48.
[21] Там же, л. 48.

1»[1], «1059. Сборник на 1838й год с грав. — 1»[2], «1060. Альманах Владиславлева на 1838 год грав. — 1»[3], «1061. Утренняя заря за 1839, 1840, 1841, 1842 и 1843 — 5»[4]. И вот тут отсутствие многих знаковых изданий уже очень заметно. Нет ни «Вестника Европы», ни «Сына Отечества», ни «Телескопа», ни «Современника» (ни пушкинского, ни некрасовского), ни «Отечественных записок». То есть литературная жизнь библиофила как бы и не интересовала.

Нет никаких сомнений, что князь Николай Александрович Долгоруков продолжал собирать книги и после 1853 года. Об этом свидетельствует хотя бы первый лист дела — список 50 томов, привезённых им из-за границы в 1867 году. Есть и другие, пусть косвенные, свидетельства. После смерти библиофила его библиотеку приобрёл граф А.Д. Шереметев, у отца которого когда-то жил юный князь Долгоруков (его мать была урождённая графиня Шереметева). В 1895 года граф А.Д. Шереметев опубликовал каталог русскоязычной части своей библиотеки, в состав которой входила уже и библиотека Долгорукова. И.Г. Кукарцева предполагает, что «Сочинения князя Александра Ивановича Долгорукого в прозе и стихах»[5] попали в шереметевскую библиотеку именно из долгоруковской[6]. Действительно, творчество князя А.И. Долгорукова не представляет литературной ценности и может быть интересно разве что родственникам и друзьям. Но граф А.Д. Шереметев и сам был родственником — четвероюродным братом сочинителя (в аристократических кругах это — родство, причём в данном случае точно такое же, как и у сочинителя-Долгорукова с библиофилом-Долгоруковым). Так что с уверенностью этого утверждать нельзя. Тем не менее если принять это предположение, то это значит, что библиотека Долгорукова и после составления каталога продолжала пополняться — ведь трёхтомное издание князя А.И. Долгорукова вышло в 1859 году. С другой стороны, если бы князь составлял библиотеку по «родственному

[1] ОР РНБ. Ф. 258, ед. хр. 1, л. 49.

[2] Там же. 49 об.

[3] Там же, л. 49 об.

[4] Там же, л. 49 об.

[5] *Долгорукий А.И., кн.* Сочинения князя Александра Ивановича Долгорукого в прозе и стихах. Ч. 1–3. М.: в типографии Л. Степановой при Императорских Московских Театрах, 1859.

[6] *Кукарцева И.Г.* Судьба одного библиофильского экземпляра… С. 98; *Она же*. Владельцы одной французской книги… С. 611.

принципу», он постарался бы раздобыть тома журнала «Друг просвещения» за 1804—1805 годы — в эти годы в нём печатался его отец (тогда шестнадцатилетний). Но их в библиотеке нет.

Итак, собирать книги князь продолжал. Но, кроме листа 1867 года, нет никаких следов попыток продолжать каталог вновь приобретёнными книгами. Да и этот лист очень мало напоминает продолжение каталога и составлен, скорее всего, для отчёта перед цензурными органами. Это даёт основания полагать, что каталог был сделан не для пользования, а к какому-то «случаю» (возможный отъезд, продажа библиотеки) и нужды в нём в дальнейшем не было. А использование литореи может указывать на то, что случай этот был не вполне счастливым и князь испытывал кое-какие опасения.

Алексей Востриков

ЗАКУПСКАЯ БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙСТВА ГЛИНОК — КЮХЕЛЬБЕКЕРОВ

В ходе работ по описанию Библиотеки Бестужевских курсов в составе Научной библиотеки имени М. Горького СПбГУ в течение 2010—2012 годов был выявлен корпус изданий с печатью «Закупской библиотеки»; предварительные сообщения были опубликованы в печати[1] и в сети Интернет[2]. И хотя работа продолжается и ещё возможно обнаружение единичных экземпляров[3], основной массив закупских книг, по нашим предположениям, уже выявлен. Это 34 издания в 109 томах.

Все издания в кожаных и полукожаных переплётах XVIII — начала XIX века, с золотым тиснением на корешках; переплёты, декор, мраморная бумага одинаковы не более чем в трёх изданиях. Экслибрисы, суперэкслибрисы, инициальные тиснения на корешках отсутствуют. Во всех изданиях стоит печать: овал в рамке с текстом: «Закупской | библіотеки», 18 х 34 мм. Этот владельческий знак учтён в каталоге С.И. Богомолова под № 5694 как зафиксированный в фондах Российской государственной библиотеки (РГБ); фамилия владельца не установлена, датирован (вероятно, в том числе на основании шрифта и чернил) серединой XIX века[4]. Практически во всех изданиях печать стоит не на титульном листе или форзаце, а на первой странице содержательной части книги, после предисловий, посвящений и прочего; чаще всего это оказывается первой страницей «арабской» пагинации.

Из общего состава пять изданий неполные. Около трети собрания (6/41) составляют книги на немецком языке, остальные (28/68) — на французском. Около половины изданий представляют собой переводы,

---

[1] *Востриков А.В., Грачёва Е.Н.* Книги Закупской библиотеки в библиотеке Бестужевских курсов // Con amore: Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселёвой. М., 2010. С. 130—136.

[2] http://www.library.spbu.ru/bbk/

[3] Так, издание Ж.Б. Майоса (№ 20) было выявлено буквально накануне отъезда на конференцию («Библиотека в усадьбе». — *Прим. ред.*) и добавлено только в настоящий текст. Здесь и далее в публикации номер в скобках отсылает к «Списку книг Закупской библиотеки в составе Библиотеки Бестужевских курсов» в приложении; дробь при статистических сведениях указывает количество изданий и томов.

[4] *Богомолов С.И.* Российский книжный знак : 1700—1918. М., 2010. С. 305.

в том числе с классических языков (4/18 на французский и 1/3 — на немецкий), с английского (6/16 — на французский); есть переводы с немецкого на французский (2/2) и, наоборот, с французского на немецкий (в составе собрания мемуаров, № 1).

По времени выхода в свет самой «старой» является Библия 1701 года (№ 18); далее следуют французские дореволюционные издания 1754—1786 годов (7/20), французские и немецкие издания 1790—1808 годов (23/73), два немецких издания 1815—1817 годов (12 томов); наконец, «Воспоминания и переписка м-м Рекамье» 1860 года (№ 26) выглядит очевидной добавкой к основному корпусу собрания.

По тематике основную часть собрания составляет историческая (жизнеописания, истории царствований, мемуары и прочее) и смежная с исторической литература (28/81); её, с большой долей условности, можно разделить на три группы. Первая (10/18) посвящена французской истории XVIII века; это в основном издания, что называется, «рядовые», не выходящие за пределы «текущей» науки (в том значении, в каком мы говорим о «текущей литературе»). Вторую группу составляют исторические труды, пограничные французскому XVIII веку географически или хронологически, а также обзорные работы (10/35). Наконец третья группа (8/28) может рассматриваться как философский и методологический базис; к ней мы отнесли «Историю царствования императора Карла V» У. Робертсона (№ 27), труды Адама Смита (№ 30), Тацита (№№ 14 и 34), Сенеки (№ 29), а также «Эссе о правлениях Клавдия и Нерона и о жизни и сочинениях Сенеки» Дидро, № 10) и Платона (№ 23).

За пределами собственно «исторической подборки» оказались Гомер (6 из 9 томов собрания П. Битобе; № 3; содержат переводы «Илиады» и «Одиссеи»), Александр Поуп (№ 24), Гёте (№ 13) «Любовь Психеи и Купидона» Лафонтена (№ 17) и труды м-м Дезулье (№ 9). И Библия.

Никаких записей, помет, подчёркиваний, загнутых углов и прочего в книгах нет. За единственным исключением: в сочинениях Сенеки и эссе Дидро о Сенеке, в каждом из восьми томов, на титульном листе владельческая запись: «Grégoire Glinka» (на Дидро — стёртая). Именно эта запись позволила установить владельца (составителя) и круг читателей Закупской библиотеки.

Имение Закуп Духовщинского уезда Смоленской губернии было приобретено (в составе обширных владений) в 1753 году отставным хорунжим Григорием Андреевичем Глинкой, от которого впоследствии

перешло по наследству к его сыну Илье, затем к внуку Андрею и, наконец, к правнуку, полному его тёзке.

Биография Григория Андреевича Глинки («младшего»), в отличие от биографии его предков, достаточно известна[1]. Он родился в 1776 году и был в семье старшим из пяти детей; в 1782 году был определён в пажеский корпус при дворе Екатерины II[2], с 1793 года — камер-паж. В декабре 1796-го указом императора Павла I выпущен в военную службу — поручиком в лейб-гвардии Семёновский полк; в следующем году произведён в капитан-поручики. В 1799 году Г.А. Глинка вышел в отставку, но уже в следующем определился в статскую службу в Коллегию иностранных дел; вскоре перешёл на должность цензора иностранных книг в Кронштадт, затем на ту же должность в Петербург.

В 1802 году Г.А. Глинка отправился в Дерпт, где указом Александра I был открыт (восстановлен) университет, и в январе 1803 года был избран на должность экстраординарного, а в марте того же года — ординарного профессора русского языка и словесности. В карамзинском «Вестнике Европы» избрание Глинки было отмечено в письме к издателю под заглавием «Дворянин — профессор в России»; при этом он был назван «первым феноменом в сем роде»[3]. В Дерпте Глинка читал лекции на французском и немецком языках для студентов всех отделений. Известны некоторые темы: «О русской литературе», «Русский язык, по грамматике изд. Академии Наук», «О похвальных речах Ломоносова», «Об эпических поэмах Хераскова», «Россиада и Владимир», «Русское стихосложение», «Всеобщая грамматика, по Destutt de Tracy Grammaire Raisonnée, Paris 1803». Кроме того, по назначению ректора Е.П. Паррота Глинка сопровождал его в поездке в Санкт-Петербург для встречи с императором в связи с составлением нового статута университета. Однако

---

[1] См.: *Глинка-Маврин Б.Г.* Григорий Андреевич Глинка // Русская Старина. 1876. Т. 17. С. 75—108, 217—224; также отд. отт.; Русские писатели 1800—1917 : Биографический словарь. Т. 1 : А—Г. М., 1989. С. 574—575 (статья Ш.А. Гумерова); Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за 100 лет его существования, 1802—1902 : В 2 т. Т. 2. Юрьев, 1903 (ст. Е.В. Петухова).

[2] По семейной легенде, существенную роль здесь сыграла протекция Г.А. Потёмкина, соседа по смоленской Духовщине и чуть ли не дальнего родственника по матери. Наличие в Закупском собрании «Жизни Князя Потёмкина...» (№ 5), представляющей собой переработку журнальных памфлетов Г. фон Гельбига — издания весьма сомнительного в историческом и политическом отношении, — становится мотивированным на личностном уровне.

[3] Вестник Европы. 1803. Ч. 9. № 11. С. 197—199.

преподавание не принесло Глинке удовлетворения: равнодушие немецких студентов тяготило его, равно как и интриги немецких профессоров. Летом 1810 года он был уволен от должности профессора «по прошению» и переехал в своё смоленское имение.

Но вернулся из Дерпта Глинка уже не юношей, а известным литератором и учёным — и главой неожиданно большого семейства. 25 мая 1806 года он женился на Юстине Карловне Кюхельбекер (1784—1871); через два года у них родился первенец Дмитрий (1808—1883), а ещё через год семья увеличилась многократно. После смерти Карла Густава Кюхельбекера (1748—1809) старшая дочь Юстина с мужем взяли на себя попечение о всей родне: матери Юстине Яковлевне (1757—1841), сестре Юлии (1789 — не ранее 1845) и двух братьях, Вильгельме (1797—1846) и Михаиле (1798—1859). А вскоре и у самой профессорской четы родился второй сын, Борис (около 1810 — 1895; с 1865 года — Глинка-Маврин), а затем и третий, Николай (1810 или 1811 — 1839). Забежим вперёд: за ними последуют три дочери: Наталья (начало 1810-х — 1864; в замужестве Одынец), Александра (1816) и Юстина (1817 или 1818 — 1874).

Вернувшись летом 1810 года в смоленское имение, Г.А. Глинка поселился отдельно от родителей, живших в Загусинье, — в Закупе, который именно с этого момента и стал полноценным поместьем, то есть резиденцией помещика. Дом с колоннами над речкой Хмостью стал родным домом и для самих Глинок, и для их детей, и для Кюхельбекеров.

Борис Глинка-Маврин в биографии отца написал, что в Закупе в 1810 году тот «с полным увлечением предался сельскому хозяйству»[1]. В некоторых позднейших статьях это превратилось в «занялся садоводством». Кажется, за этими словами прячется скрытое чьей-то иронией (уж не самого ли Г.А.? — биография составлялась «по семейным воспоминаниям») вольтеровское «возделывать свой сад». Для Глинки это, конечно, означало кабинетное уединение, литературную и научную работу. Именно научная работа — в отличие от прерванной педагогической — была в самом разгаре. Впервые Григорий Глинка заявил о себе в печати ещё в 1797 году, опубликовав перевод «Риторики в пользу молодых девиц...» Г. Гайара (с франц.: СПб., 1797), а затем рассуждения «Убогой Яков, у которого всего довольно : Из светского философа [Иоганна Якоба] Энгеля» (с нем.: Приятное и полезное препровождение времени. Т. XVIII. 1798). Затем были опубликованы «Стихи на

[1] *Глинка-Маврин Б.Г.* Григорий Андреевич Глинка. С. 77.

случай грому», «Сон и смерть» и «Время» (Иппокрена. 1801. Ч. 10, 11) и «семейственная картина в 4 действиях» «Дочь любви» (СПб., 1801), переводы: «Летописи царствования Екатерины II... Ч. 1» А. Шторха (с нем.: СПб., 1801) и «Манштейновы современные записки о России...» (2 т.; с франц.: Дерпт, 1810). Кроме того, Г.А. Глинка составил на немецком языке «Учебную книгу Российского языка для употребления в лифляндских, эстляндских и курляндских школах» («Elementarbuch der russischen Sprache zum Gebrauch der Kreisschulen in Lief-Ehst-Kur- und Finnland». Mitau, 1806).

Самый известный труд Г.А. Глинки — самостоятельное сочинение «Древняя религия славян» (Митава, 1804) — был одним из первых опытов обобщённого описания славянской мифологии. Хотя книга эта, по мнению пристрастного критика Я.А. Галинковского, «основана на воздухе, потому что она родилась как дочь Юпитерова... из воображения сочинителя»[1], но обладает несомненными литературными достоинствами и в настоящее время представляется уже не столько научным исследованием, сколько интересным самостоятельным источником (о чём свидетельствуют несколько переизданий, начиная с 1998 года, отдельно или вместе с трудами А.С. Кайсарова, А.Н. Афанасьева, Б.А. Рыбакова).

В 1810 году из привезённых из Дерпта книг составилось и книжное собрание в Закупе. Приобретались книги, возможно, ещё со времён службы при дворе Екатерины II, а затем службы в Семёновском полку и в должности цензора. Это предположение отчасти подтверждается штемпелем (в красном круге щит с двумя перекрещёнными якорями — герб Санкт-Петербурга) на титульном листе первого тома Тацита (№ 34); однако ничего достоверного о таком штампе нам не известно. Но всё-таки в основной части книги приобретались именно в Дерпте, в 1802—1810 годах.

Уединённая закупская жизнь не оказалась продолжительной. В мае 1811 года Г.А. Глинка был вызван в Петербург (точнее — в Гатчину и Павловск). Сначала его кандидатура рассматривалась на должность директора учреждённого Лицея[2], однако назначение не состоялось; Глинка был оставлен при дворе, чтобы в звании «кавалера» (одного из четырёх или пяти) участвовать в воспитании и образовании великих князей

[1] Северный вестник. 1805. Ч. 7. С. 160. Цит. по: *Лотман Ю.М.* Писатель, критик и переводчик Я.А. Галинковский // XVIII век. Сб. 4. М. ; Л., 1959. С. 239—240.

[2] *Глинка-Маврин Б.Г.* Григорий Андреевич Глинка. С. 82.

Николая и Михаила Павловичей. Место оказалось (вопреки некоторым опасениям) вполне достойным дворянина и экс-профессора: «...служба кавалеров не имеет в себе ничего неприятнаго; напротив того, все мои товарищи исполняют свою обязанность с истинным удовольствием»[1]. Должность подразумевала сочетание повседневного «состояния при особах» с преподаванием русского языка и словесности, а иногда и истории, географии, статистики, прочего; кроме того, впоследствии Глинке поручалось преподавание русской словесности императрице Елизавете Алексеевне, великой княжне Анне Павловне и невесте Николая принцессе прусской Шарлотте — будущей императрице Александре Фёдоровне. В мае 1816 — апреле 1817 года он сопровождал великого князя Николая Павловича в путешествии по России и за границей[2]; в августе 1817 — феврале 1818 года — великого князя Михаила Павловича в путешествии по России. На обратном пути из этого путешествия 8 февраля 1818 года Г.А. Глинка скончался в Москве «от сердечной аневризмы».

Последующая история Закупа — история постоянных прощаний. Один за другим покидали имение его обитатели. Юлия Кюхельбекер воспитывалась в Екатерининском институте, стала в нём классной дамой, потом состояла гувернанткой и компаньонкой в богатых петербургских семьях. Судьба Вильгельма и Михаила, особенно после декабря 1825 года, хорошо известна — крепость, Сибирь... Разъехались сыновья. Дмитрий и Борис были воспитанниками Благородного пансиона при Петербургском университете (где близко приятельствовали с Л.С. Пушкиным); впоследствии первый стал знаменитым дипломатом, посланником в разных державах, а второй — военным, оба дослужились до генеральских чинов. Младший, Николай, офицер Генерального штаба, в 1839 году скончался от ран, полученных на Кавказе. Старшая дочь, Наталья, вышла замуж за артиллерийского офицера (впоследствии генерал-лейтенанта) Ф.В. Одынца, служившего на уральских заводах. Постоянными обитателями (с 1820-х — практически безвыездными) оставались женщины: мать Юстина Яковлевна Кюхельбекер, сама вдо-

[1] *Глинка-Маврин Б.Г.* Григорий Андреевич Глинка. С. 80. Из письма к жене от 22 мая 1811 года. Г.А. Глинка имел чин статского советника (то есть 5-го класса); звание «кавалер», не имеющее места в Табели о рангах, объединяло камергеров и камер-юнкеров; в подзаголовке своей публикации Б.Г. Глинка-Маврин в скобках «объясняет» должность отца: «...кавалера (наставника)...».

[2] Здесь уместно напомнить о двух немецких изданиях 1815—1817 годов в Закупском собрании; обратим внимание на то, что из 20-томного собрания Гёте (№ 13) в собрании есть только тома, вышедшие до 1817 года.

ва-хозяйка Юстина Карловна и младшие дочери Александра и Юстина Григорьевны, так и не вышедшие замуж.

Конечно же, многие из них приезжали погостить в родное имение. Вильгельм Кюхельбекер приехал к сестре летом 1822 года, после недолгого и скоропалительно прерванного пребывания на Кавказе, — и остался в Закупе на целый год, до лета 1823 года. Здесь была закончена первая редакция трагедии «Аргивяне», написана поэма «Кассандра», ряд стихотворений (в том числе «Закуп» и «Закупская часовня»)[1]. В следующий (и в последний!) раз в Закупе Кюхельбекер был на пути бегства из Петербурга после разгрома восстания 14 декабря 1825 года — сестра помогла ему переодеться…

О других посещениях Закупа достоверных сведений не сохранилось, — но они точно были! Приезжали сыновья, а с ними могли приехать и их приятели (например, соученик по Пансиону, троюродный брат и сосед Михаил Иванович Глинка), а потом жёны и дети. Бывали в Закупе многочисленные Глинки, родственники и соседи. Например, младший брат Григория Андреевича Владимир (1790—1862), участник наполеоновских войн и походов, член Союза благоденствия, впоследствии начальник горных заводов на Урале, сенатор. Могли гостить и двоюродные братья: Сергей Николаевич (1776—1847) и Фёдор Николаевич (1786—1880) Глинки, оба ветераны 1812 года, писатели и журналисты.

Однако со временем гостей становилось всё меньше, а их посещения всё короче. После смерти Юстины Карловны (1871), а вскоре и Юстины Григорьевны (1874) имение «наследовал по родству» некий В.Л. Глинка, впоследствии присяжный поверенный (1869 — не ранее

[1] Конечно же, Кюхельбекер не только писал, но и читал, и представленный нами список закупских изданий может оказаться небезынтересным для исследователей, изучающих генезис исторических и литературных взглядов поэта. Вот одно совпадение, которое кажется нам неслучайным. 16 января 1832 года в крепости В.К. Кюхельбекер записал в дневнике об «Истории... Карла V» У. Робертсона: «Читаю, но не по порядку, — потому что введение мне слишком известно, а второй части у меня нет...» (*Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 86). Н.М. Карамзин назвал труды «Исторического Триумвирата Британии» (У. Робертсон, Д. Юм и Э. Гиббон; причём Робертсон на первом месте) «образцами», с которыми «ничто не может сравняться» (*Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252, 369). Знаменитое обширное введение к «Истории... Карла V», содержащее обзор тысячелетнего развития Европы после падения Римской империи, Кюхельбекер впервые прочитал, вероятно, в Лицее; в крепости он его читал по-английски; а вот «хорошо известно» оно ему стало, возможно, именно по «нашему» закупскому экземпляру.

1918). Однако имение приходило в запустение; помещичий дом, видимо, уже обветшал и военных и революционных потрясений не пережил.

Книжное собрание, оставленное владельцем в 1811 году, вероятно, ещё не было библиотекой в полном смысле слова (о чём свидетельствует, в частности, отсутствие каких-либо расстановочных помет или записей), а только проектом, черновиком. Оно могло бы состояться как библиотека писателя или учёного, но остановилась литературная и научная деятельность самого Григория Глинки: после отъезда в Петербург он напечатал только одну статью — «Рассуждение о российском языке»[1], — основанную на его профессорском курсе и доработанную, видимо, в процессе преподавания высочайшим особам. Книги жили какой-то своей жизнью. Мы не знаем, кто и как ими пользовался. Мы не знаем, кто их забирал и кто добавлял (но ведь кто-то же добавил издание м-м Рекамье 1860 года!). Мы не знаем, кто и когда назвал это собрание «Закупской библиотекой» (ни в воспоминаниях Б.Г. Глинки-Маврина, ни в письмах В. Кюхельбекера этого словосочетания нет), заказал печать и поставил её на книги.

Некоторые подсказки (точнее — основания для предположений) дают документы Бестужевских курсов. Согласно отчётам и инвентарным записям книги из Закупской библиотеки поступили на Высшие женские курсы в 1895—1905 годах в составе пожертвований баронессы Варвары Ивановны Икскюль-фон-Гильденбандт (1850—1928), общественной деятельницы, принимавшей самое активное участие в руководстве курсами[2]. В первом браке (с 1868 года) она была замужем за Дмитрием Глинкой, первенцем Григория Андреевича и Юстины Карловны. Можно предположить, что уже после смерти владелиц она вывезла из Закупа хранившиеся там книги и поставила на них печать в качестве своеобразного «памятного гашения». Однако ни подробностей, ни даже просто подтверждения этой догадки нами не обнаружено[3].

[1] Вестник Европы. 1813. № 15, 16.

[2] См.: Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / сост. А.В. Востриков. СПб., 2009. С. 55—56, 63. Около половины книг Закупской библиотеки стоит в именном «Шкафу баронессы Икскюль-фон-Гильденбандт».

[3] Мы не рискуем даже предполагать, какая часть «Закупской библиотеки» (и тем более книжного собрания Г.А. Глинки) попала на Бестужевские курсы; можно только сказать, что итоговый корпус сформировался в результате противонаправленных отборов: сначала Г.А. Глинка (и другие пользователи)

История Закупской библиотеки, реконструированная нами схематично и предположительно, оставляет широкое поле для дальнейшего изучения. Вместе с тем уже сейчас корпус атрибутированных изданий и круг лиц, связанных с их бытованием, дают интересный материал для историков, филологов и библиотековедов.

Приложение

Список книг Закупской библиотеки в составе Библиотеки Бестужевских курсов

1. Allgemeine Sammlung historischer Memoires, vom XII Jahrhundert bis auf die neuesten Zeiten, hrsg. von F. Schiller [Abth. 1 : 4 Bd.; Abth. 2 : 29 Bd.]. Jena, 1790—1806. **Abt. 1 : Bd. 1—4**; **Abt. 2 : Bd. 1—19 (1790—1800)**[1]

2. Batteux Ch. Histoire des causes premières, ou Exposition sommaire des pensées des philosophes sur les principes des êtres. Paris, 1769.

3. Bitaubé P.-J. Oeuvres complétes [9 t.]. Paris, An XII (1804).

4. Burke E. Réflexions sur la Révolution de France, et sur les procédés de certaines sociétés à Londres; Trad. de l'anglais [...]. – 4-e éd. Paris ; Londres, [1790].

5. Cerenville J.E. Vie du Prince Potemkin : feld-maréchal au service de Russie sous le règne de Catherine II, rédigée d'après les meilleurs ouvrages allemands et français qui ont paru sur la Russie à cette époque. 2-e éd. Paris, 1808.

6. Chas J., Lebrun. Histoire politique et philosophique de la Révolution de l'Amérique septentrionale. Paris, An IX (1800).

7. Corret La Tour d'Auvergne, Th. M. Origines Gauloises, celles des plus anciens peuples de l'Europe […]. – Paris, An X (1802).

8. Coxe W. Voyage en Pologne, Russie, Suède, Dannemarc, etc. [...]; trad. d l'angl. [...] [4 t.]. Genève, 1786. **T. 1.**

9. Des Houlières A. Oeuvres [2 t.]. Nouv. éd. Paris, 1754.

10. Diderot D. Essai sur les règnes de Claude et de Néron, et sur les moeurs et les écrits de Séneque, pour servir d'introduction à la lecture de ce Philosophie [2 v.]. Londres [Bouillon], 1782.

11. Duclos Ch. P. Mémoires secrets sur les règnes de Louis XIV et de Louis XV [2 t.]. 3-me éd. Paris, 1791.

12. Favier J.-L. Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les régnes de Louis XV et Louis XVI [...] [2 t.]. Paris, 1793.

13. Goethe J.W. Werke [20 Bd.]. Stuttgart; Tübingen, 1815—1819. **Bd. 2—12 (1815—1817)**.

оставили в Закупе то, что не было для них актуально, а в конце баронесса Икскюль отобрала из этого то, что уместно пожертвовать в фундаментальную вузовскую библиотеку.

[1] Мы особо оговариваем номера и годы выпуска имеющихся в нашем собрании томов только в случае неполноты издания.

14. Gordon Th. Discours historiques, critiques et politiques [...] sur Tacite et sur Salluste; trad. de l'anglais [3 t.]. Nouv. éd. Paris, 1797.

15. Histoire de Louis XVI ; précédée d'un aperçu sur le Gouvernement de France, depuis Louis XIV, jusqu'a nos jours [2 v.]. Hambourg, 1802.

16. Jenisch D. Geist und Charakter des XVIII Jahrhunderts : politisch, moralisch, ästhetisch und wissenschaftlich betrachtet [3 Th.]. Berlin, 1800—1801. **Th. 3 (1801)**.

17. La Fontaine J. Les Amours de Psyché et de Cupidon, suivies des poèmes d'Adonis, de la Captivité de saint Malc et du Quinquina. Paris, XII (1804).

18. La Sainte Bible, contenant l'ancien et le nouveau testament; traduite en françois sur la vulgate par monsieur Le Maistre de Saci : divisée en 2 tomes. Paris, 1701.

19. Lavallée J. Tableau philosophique du règne de Louis XIV, ou Louis XIV jugé par un françois libre. Strasbourg, 1791.

20. Mailhos J.B. Vues sur l'organisation de l'instruction publique avec un projet de loi et un projet de réglement pour les écoles publiques […]. Paris, An X [1802].

21. Musset V.-D. Vie militaire et privée de Henry IV [...]. Paris, An XII (1803).

22. Necker J. Dernières vues de politique et de finance, offertes à la Nation française. – [Paris], An X (1802).

23. Plato. Auserlesene Gespräche des Platon, übersetzt von Friedrich Leopold, Graf zu Stolberg [...] [3 t.]. Königsberg, 1796—1797.

24. Pope A. Oeuvres choises [trad. de l'angl.] [2 t.]. Paris, 1800.

25. Proyart L.-B. Vie du dauphin pere de Louis XV; écrite sur les mémoires de la Cour; enrichie des écrits du même prince [2 v.]. Lyon; Paris, 1782.

26. Récamier J. Souvenirs et correspondance [...] [2 t.]. 2 éd. Paris, 1860.

27. Robertson W. L'Histoire du regne de l'impereur Charles-Quint [...], oeuvrage trad. de l'anglois [6 v.]. Amsterdam; Paris, 1771.

28. Rulhière C.-C. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république [4 t.]. Paris, 1807. **T. 1—3**.

29. Seneca L.A. Les oeuvres de Séneque le philosophe; traduites en françois par feu M. La Grange [6 v.]. Paris, 1778—1779.

30. Smith A. Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations, trad. de l'Anglois [...] par M. Roucher [...] [4 t.]. Paris, 1790—1791.

31. Soulavie J.-L. Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI [...] [6 t.]. Paris, An X (1801).

32. Spittler L.T. Entwurf der Geschichte der Europäischen Staaten [2 t.]. Berlin, 1793—1794.

33. Steins A.F. Preussisch-Brandenburgische Geschichte [...]. 2-te Aufl. Berlin, 1817.

34. Tacitus C. Nouvelle traduction par M. Dureau de Lamalle [3 t.]. Paris, 1790.

Елена Субботина

«БИБЛИОТЕКА ДВУХ ДРУЗЕЙ»

На берегу Выборгского залива, примерно в двух километрах от города Выборга, среди гранитных валунов и вековых сосен раскинулся пейзажный скальный парк Монрепо, бывшая усадьба баронов Николаи, а в настоящее время — Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. В центре парка рядом друг с другом возвышаются построенные в классическом стиле главный усадебный дом и библиотечный флигель.

Библиотечный флигель — одноэтажное, деревянное здание, в центре акцентированное мезонином с двускатной кровлей, которая увенчана открытой башенкой с флюгером. Здесь в XIX веке хранилась «Библиотека двух друзей» (Bibliotheque des deux amis).

Книги этой библиотеки начали собирать Людвиг Генрих Николаи (1737—1820) и Франц Герман Лафермьер (1737—1796). Уроженцы города Страсбурга, Николаи и Лафермьер познакомились и подружились во время учёбы в Страсбургском университете. Друзья интересовались философией, искусством, увлекались литературой, сами сочиняли. Их познания и способности сыграли свою роль, Лафермьер и Николаи были приглашены на службу в Россию. Лафермьер, приехавший в Россию в 1765 году, занимает должность библиотекаря при великом князе Павле Петровиче, а также является чтецом и преподавателем французской литературы. Чуть позже, в 1769 году, предложение от Н.И. Панина получает Л.Г. Николаи и приезжает в Россию, чтобы остаться здесь навсегда, связав себя с этой страной «кровными узами». Николаи становится преподавателем Павла Петровича, но его обязанности при дворе этим не ограничиваются. В 1773 году он назначен личным секретарём великокняжеской четы, ему поручено управление денежными делами великокняжеского двора, кроме того, он был помощником своего друга библиотекаря Ф.Г. Лафермьера.

Друзья вместе входили в небольшой кружок избранных лиц при Марии Фёдоровне, продолжали заниматься литературным творчеством. Лафермьер принимал активное участие в создании пьес для павловского театра, писал либретто для камерных опер, работал совместно с композитором Д.С. Бортнянским. Николаи в 1773 году публикует двухтомное собрание своих стихов и прозы, а с 1776 по 1786 год — 9 томов избран-

ных произведений, куда вошли басни, элегии, стихотворные послания, эпические баллады.

Но карьера друзей при дворе складывалась по-разному. В 1793 году Лафермьер попадает в немилость, подаёт в отставку и покидает Петербург. Он поселяется у своего друга Александра Романовича Воронцова в имении Андреевское, где в июне 1796 года умирает[1].

Николаи пережил своего друга на 24 года. В своём парке Монрепо Николаи установил памятник Лафермьеру и так описал его в своей поэме «Имение Монрепо в Финляндии»:

> Изысканный ковёр из лилий и роз
> Приведёт тебя к постаменту из серого мрамора,
> На котором урна с именем Германа, друга моей юности[2].

Надо отметить, что Николаи благодаря своему мягкому и уживчивому характеру устранялся от придворных интриг, сумел удержаться при дворе, сохранил своё положение и сделал блестящую карьеру. Со вступлением на престол Павла I Николаи был пожалован в статские советники, назначен членом Кабинета Его величества, а в 1798 году — президентом Академии наук. «Деятельность его в этой должности заслужила ему благодарную память и лишний раз показала, что Николаи был человек высоко просвещённый и преданный России»[3]. Он принял живое участие в делах академии, создал проект нового Регламента, стремился сделать всё необходимое для улучшения деятельности академии. Но ко времени вступления на престол Александра I Николаи уже утомлён службой. В 1803 году он подаёт в отставку и уезжает в своё любимое имение Монрепо, где занимается литературным творчеством на лоне природы и устройством пейзажного парка.

В Монрепо Николаи перевозит и библиотеку, о создании которой он писал Воронцовцу: «По возникшему ещё с наших молодых лет замыслу жить вместе, мы создали общую библиотеку, которую поделили только после того, как я женился и заимел свой дом. Однако мы договорились, что всегда будем смотреть на наши книги, как на одно целое, которое

[1] Подробнее см.: *Алексеев В.Н.* Франсуа Лафермьер и семейство Воронцовых // Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронцовского общества. Вып. 3. Петушки, 1998. С. 10—13.

[2] *Николаи Л.Г.* Имение Монрепо в Финляндии // Монрепо : спец. выпуск газеты «Санкт-Петербург». 1994. № 4 (10). С. 10.

[3] Русский биографический словарь : В 25 т. Т. XI. СПб., 1914. С. 349.

останется у того, кто проживёт дольше. Именно потому, что мы совершали много совместных покупок, мы навсегда условились не покупать одни и те же книги, и мы поместили в те, которые мы обрели ещё до моего брака, листок с надписью «библиотека двух друзей». Правда, с рождением моего сына это соглашение было несколько нарушено, поскольку Лафермьер не мог больше и не имел желания наследовать мои книги, даже если бы пережил меня…»[1]

Николаи женился в 1776 году на Иоганне Маргаретте Поггенполь, в 1777 году родился его единственный сын Пауль. Лафермьер же никогда не имел своей семьи. По его завещанию Пауль Николаи получил немецкие и итальянские книги. Но 12-й пункт завещания Лафермьера гласил: «Мебель, которая ему принадлежит и которая находится в его комнатах в Москве и Матрёнино (то есть в усадьбе графа А.Р. Воронцова. — *Е.С.*), картины, эстампы и книги, исключая немецкие и итальянские, которые завещаны сыну Николаи, он желает, чтобы были оставлены в обоих вышеуказанных домах как память о нём»[2]. В описи вещей, оставшихся после Лафермьера, значились 309 французских книг в кожаном переплёте и 15 французских книг в бумажном переплёте[3]. Это несколько удивило и огорчило Николаи. Воронцову он писал, что вместо многих драгоценностей он хотел бы получить книги, «большей частью которых мы пользовались для наших совместных чтений»[4].

Из книг «Библиотеки двух друзей» больше половины — франкоязычные, примерно одна пятая часть — немецкоязычные, есть книги на английском, итальянском, голландском языках. Это книжное собрание отражало художественные вкусы и интересы друзей, их литературные пристрастия и вместе с тем типичные черты своего времени, являлось «классической» библиотекой *arts et lettres*.

Библиотека содержит в основном книги XVIII и начала XIX века, хотя в ней есть и более старые издания — XV и XVI веков. Можно отметить книгу хроник Х. Шеделя, изданную в Нюренберге в 1493 году (*Schedel Hartmann*. Buch der Chroniken. Nürenberg, 1493), книгу А. Дюрера о человеческих пропорциях (*Dürer A.* Vier Bücher von menschlicher Proportion. Nürenberg. 1528).

---

[1] Архив князей Воронцовых : В 40 кн. Кн. 22. М., 1881. С. 18.

[2] Цит. по: *Алексеев В.Н.* Франсуа Лафермьер и семейство Воронцовых. С. 17.

[3] Там же.

[4] Архив князей Воронцовых. Кн. 22. С. 18.

В библиотеке содержится подборка книг по вопросам архитектуры, истории искусства, пособия по обучению рисованию. Среди них Витрувий, изданный в 1550 году, архитектура А. Палладио (*Palladio A.* L'architectura. 1642), история искусства Винкельмана (*Winckelmann J.J.* Geschicht der Kunst der Alterthums. Dresden. 1764; Histoire de l'art chez les anciens par Winkelman. Paris. 1802). Можно отметить ещё альбом с планами и фасадами сооружений, построенных Тома де Томоном (Recueil des plans et fasades des principaux monuments construits à Saint-Petersbourg et dans les differents provinces de l' empire de russie par Toomas de Thomon. 1806).

В библиотеке были книги на иностранных языках о России, о Санкт-Петербурге: например, описания Санкт-Петербурга И.Г. Георги 1790 года, заметки П. Палласа о путешествии по России 1793 года, «История России» Левека (1782).

Особое место в книжном собрании занимали издания, посвящённые садово-парковому искусству: трактаты Х. Рептона, Г. Хиршфельда, В. Чамберса, а также практические пособия по садовому искусству, по уходу за парком, посадками. И это понятно: в 1788 году Николаи приобретает имение Монрепо под Выборгом и с этого времени активно занимается устройством и усовершенствованием парка, который он даже воспевает в поэме «Имение Монрепо в Финляндии», вышедшей в 1804 году и неоднократно переиздававшейся. В поэме Николаи описывает свой парк — «царство поэзии, искусства и чувства», излагает романтическую концепцию, показывает то, что уже создано, и то, что ещё предполагается воплотить. По сути, это произведение является первым путеводителем по парку Монрепо и перекликается с чрезвычайно популярной в то время поэмой Ж. Делиля «Сады»[1]. Отметим, что в библиотеке было несколько изданий поэмы Делиля.

Естественно, поэма Николаи также хранилась в библиотеке вместе с другими его произведениями — стихотворными, прозаическими и драматическими. Пьесы Николаи представляют собой своеобразные переложения на немецкий язык произведений французских классиков. Так, в библиотеке представлены его перевод «Аталии» Расина, изданный в Санкт-Петербурге в 1812 году (Versuch einer Übersetzung der Athalia des Racine. СПб., 1812), обработка пьес Мольера «Тартюф» и «Школа жён» (Muffel oder Scheinhielige in 3 acten nach Moliere's Tartuffe. Wiburg. 1819; Die Gelehrten weiber. Leipzig. 1817).

[1] Подробнее см.: *Кищук А.А.* Парк Монрепо в Выборге. СПб., 2001. С. 41—42.

Основную часть книжного собрания составляли сочинения французских, английских, немецких классиков и современников, а зачастую и знакомых Николаи. Поэт и переводчик К.В. Рамлер (Karl Wilhelm Ramler) правил произведения Николаи; с Ф.М. Клингером (Klinger Friedrich Maximilian) Николаи познакомился во время путешествия Павла Петровича по Европе; у друга по переписке И.Г. Фосса, лирика и филолога, Пауль Николаи жил во время учёбы; И.Г. Шлоссер (Iohann Georg Schlosser) подарил Николаи при знакомстве свои «Маленькие произведения» (Kleine Schriften. 1779); Ф. Николаи (Nicolai Fridrich), однофамилец, писатель и издатель, посвятил Л.Г. Николаи свои философские сочинения (Philosophische Abhandlungen. Berlin, 1808). Их произведения были широко представлены в «библиотеке двух друзей» наравне с произведениями Байрона, Макферсона, Прево, Монтескьё, Дидро, Гёте, Ариосто, Корнеля, Лессинга и других авторов.

Также в библиотеке содержались книги по философии, трактаты античных авторов, сочинения просветителей, энциклопедистов[1].

Первоначально библиотека размещалась в усадебном доме. Позднее, в середине XIX века, была сделана перепланировка во флигеле, который после переноса сюда книг получил название «библиотечного». Библиотека здесь занимала несколько комнат. Книги были расставлены на открытых стеллажах вдоль стен, в простенках между дверями и окнами, что хорошо видно на фотографии начала XX века. На полках книги были размещены с учётом их формата: верхние полки занимали небольшие издания, нижние — книги большого формата.

Часть книг оставалась в восточной пристройке главного усадебного дома, где был оборудован кабинет хозяина, и в большой гостиной.

Потомки Л.Г. Николаи пополняли библиотеку, и к началу XX века она насчитывала около 9 000 томов. В 1916 году, во время Первой мировой войны, правнук Л.Г. Николаи Пауль передал библиотеку Хельсинскому университету, где она находится и в настоящее время. Это, по сути, спасло библиотеку от уничтожения и разграбления, во время революции и войн она не пострадала.

[1] Обзор книг библиотеки сделан на основе каталогов Das deutsche Buche in der Monrepos-Bibliothek. Saksalainen kirja Monrepos'n kirjastossa. Näyttelyluetto. Helsinki. Yliopistopaino. 2002. 82 s. (рукописный перевод О.М. Глазковой); Bibliotheque de Monrepos. Catalogue alphabetique (фотокопия хранится в архиве Государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо», сам каталог находится в библиотеке Хельсинского университета).

В усадебном же комплексе с 1945 года размещается Дом отдыха Военно-электротехнической академии связи имени С.М. Будённого; с 1952 года в главном усадебном доме располагается детский сад, а библиотечный флигель становится многоквартирным жилым домом. Только в 1988 году после создания Государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо» жильцов расселяют из библиотечного флигеля. Но, к сожалению, из-за отсутствия финансирования реставрация и ремонт здания не проводились, и в настоящее время оно находится в аварийном состоянии. Там, где раньше хранились роскошные издания, теперь гуляет ветер, окна заколочены, а сквозь камни фундамента прорастает трава.

Книги «Библиотеки двух друзей» хранятся в Хельсинском университете отдельным фондом, периодически устраиваются выставки, издаются каталоги. Остаётся только мечтать и надеяться на то, что, может быть, когда-нибудь эти книги во время очередной выставки увидят вновь свои родные стены — стены возрождённого и отреставрированного библиотечного флигеля.

Елена Пирогова

КНИГА В ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ (на примере семьи Демидовых)

Русская дворянская усадьба в её историческом развитии стала предметом пристального внимания исследователей относительно недавно, с конца 1980-х годов, и особенно в первое десятилетие нынешнего века[1]. В советский период эта тема ограничивалась в основном изучением истории дворянского землевладения и крепостничества. Наметившийся интерес современных исследователей к наименее изученным вопросам усадебной культуры, дворянского быта и всего того, что стали называть историей повседневности, следует рассматривать как вполне закономерное явление[2]. В рамках этой темы необходимо рассматривать и важнейшие вопросы, связанные с историей усадебных библиотек, их формирования и состава, репертуара чтения, роли книги в семейном воспитании и образовании российского дворянства, что в конечном итоге приведёт исследователей к пониманию исторической и культурной роли библиотек в помещичьих имениях России.

В основу данной публикации легли уникальные материалы, рассказывающие о жизни обыкновенной среднепоместной дворянской семьи из Нижегородской губернии. И хотя эта семья принадлежала к знаменитому дворянскому роду уральских промышленников Демидовых, она не унаследовала ни заводов, ни земельных или финансовых богатств. Историю интересующей нас нижегородской семьи Демидовых можно отсчитывать с 1795 года, когда Василий Львович Демидов (внук прославленного Прокофия Акинфиевича, первого русского банкира и крупнейшего благотворителя), выйдя в отставку, навсегда поселился в селе Быковка Васильсурского уезда. Здесь он серьёзно занялся хозяй-

[1] См., напр.: Дворянская и купеческая усадьба в России XVI—XX вв. : Исторические очерки. М., 2001.

[2] *Охлябинин С.Д.* Повседневная жизнь русской усадьбы XIX в. М., 2006; *Марченко Н.А.* Быт и нравы пушкинского времени. СПб., 2005; *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины» : Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII — середины XIX в. СПб., 2010; *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997; др.

ством: ввёл трёхполье, сеял кормовые растения, сажал картофель, что тогда было в новинку, занимался животноводством, создал прекрасный фруктовый сад, — словом, постепенно довёл хозяйство до совершенства, сделав его доходным[1]. Именно Василий Львович превратил Быковку в подлинное родовое гнездо нижегородской ветви Демидовых, создал крепкую дружную семью, между членами которой сложились и на протяжении всей жизни поддерживались близкие родственные отношения. Все его дети получили сначала домашнее, а затем специальное образование. Три старшие дочери — Екатерина, Прасковья (Полина) и Мария — учились в Московском училище св. Екатерины (с 1818 по 1822 год); выйдя замуж, Екатерина жила в Нижнем Новгороде, а её сестры — в соседних с Быковкой помещичьих имениях Загарино и Анастасово. Сыновья Василия Львовича Александр, Николай и Аркадий окончили Институт корпуса инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге, только младший, Павел, не смог учиться и был определён на военную службу. В конечном итоге все сыновья вышли в отставку, женились и занялись помещичьим хозяйством.

Поскольку все члены большой семьи В.Л. Демидова продолжительное время находились вдали друг от друга, они регулярно обменивались между собой письмами, большая часть которых сохранилась (в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки) и может быть объектом научного исследования. Богатый эпистолярный комплекс нижегородской семьи дворян Демидовых несомненно является уникальным источником, раскрывающим их усадебный быт, семейную жизнь, взаимоотношения друг с другом, а также с соседями, крестьянами, друзьями и многочисленными «столичными» родственниками, вопросы воспитания и образования, благоустройства дома и территории усадьбы и прочее. Нередко на страницах писем возникают вопросы, касающиеся приобретения книг и чтения. Они-то и будут нас интересовать.

Глава семьи В.Л. Демидов чаще всего писал письма старшему сыну Александру, который дольше других жил в Санкт-Петербурге, где сначала учился, а потом преподавал архитектуру в Училище гражданских инженеров, работал в институтской библиотеке. Главная причина долгого пребывания Александра в столице заключалась в том, что Василий Львович посылал к нему братьев по мере их взросления, за учёбу и проживание которых тот отвечал и обязан был регулярно отчитываться

[1] О нижегородских Демидовых см.: *Краснова Е.И.* Такие разные Демидовы : сб. ст. СПб., 2007. С. 54—61.

перед отцом, в том числе за их финансовое содержание. В переписке отца и старшего сына их отношения выглядят взаимно уважительными и вполне доверительными, несмотря на то что Василий Львович много внимания уделял вопросам воспитания, насыщая письма нравоучениями, порой скучными и, кажется, слишком педантичными для молодого человека, считающего себя достаточно взрослым. Но Александр неизменно являл собой пример почти безупречного поведения и послушания.

Постоянная тема отцовских наставлений — призывы к бережливости, необходимости учитывать нелёгкое материальное положение семьи. Так, в январе 1828 года он пишет 16-летнему Александру: «…никогда не забывай, что я имею состояние маленькое, а особливо когда взять в расщёт поддерживание строений со всем хозяйством, содержание себя с матерью и вас семерых, паче же ныне при всех уменьшившихся доходах, на вас же издержки велики, почему и себе уже во многом отказываю. А твоё состояние несравненно меньшее, то и надлежит тебе отныне же ведать о том и обучаться… тянуть науку, иначе век будешь жить в прожиток и недостатках, что будет нестерпимо скучно…»[1] В другом письме, от 5 июня 1829 года, Василий Львович продолжает делать родительские наставления: «…убедительно, друг наш сердечный, тебя просим: будь… навсегда осторожен от соблазнов роскоши, мотовства и не отравляй жизни своей и нашей, о займах же денег или вещей в долг и не помышляй». Но в то же время отец предостерегает сына и от излишней скупости: «не будь скуп, но бережлив всего того, что завёл или имеешь, ничего без разсуждения и расщёта не покупай, но нужное и пристойное имей непременно…» Заканчивает Василий Львович письмо сыну общими нравственными и житейскими пожеланиями: «итак, милый друг наш, спозаранку запасайся качествами полезными… молись Богу как християнин, употребляй прилежание к наукам, старание перенимать всё ловкое, благородное, благоразумие к разчётливой жизни, воздержание и сохранение здравия телеснаго, веру и благочестие к здравию ума и сердца, заботу, чтоб природилась к тебе деятельность… употребляй добродетели для приобретения прочих добродетелей. Чем будешь счастлив всегда, во всём, а нам на радость»[2].

Александр во всём следовал наказам отца и никогда не перечил ему. Так, будучи уже вполне зрелым 25-летним молодым человеком, он по

[1] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1323, л. 11 об.

[2] Там же, л. 33.

требованию отца согласился с отсрочкой своей свадьбы на три года, поскольку это было вызвано интересами семьи. В одном из писем к «папиньке» Александр признавался: «…советы ваши я с открытым сердцем принимаю для непременного их выполнения и повторяю теперь… что всё это время моего пребывания в Петербурге я стараюсь и буду стараться проводить с пользою, в приятных и благородных занятиях. Досужные часы от службы я употребляю на музыку, рисованье и чтение. Кроме пользы в отношении к собственному образованию при занятиях моими любимыми искусствами я замечаю, что и время моё провожу в меньшей скуке и сам сделался гораздо здоровее…»[1] Из другого письма (от 25 октября 1837 года) следует, что кроме музыки и чтения Александр увлекался театром. «Вчера я, — пишет он, — вечером был в театре. На прошедшей неделе был так же в театре и видел знаменитую Тальони, первую в свете танцовщицу… И действительно ничего не может быть превосходнее, как Тальони на сцене!»[2]

Для воспитания у сына нравственных начал В.Л. Демидов советует ему (в письме от 25 апреля 1832 года) завести «библиотеку христиано-офицерскую» и особенно рекомендует книгу «высокопреосвященнаго Платона» под названием «Дух или избранныя мысли из душеспасительных поучений», уточняя при этом, что книга издана «в 4-х частях, содержащих в себе 12 книжек», но всё «сочинение переплетается для ловкости в 4 книжки», и советует сыну купить его «в порядочном переплёте»[3]. От себя добавим, что второе издание «поучений» митрополита Платона (П.Е. Левшина) вышло в Москве ещё в 1823 году (первое — в 1804-м), но запомнилось и полюбилось Василию Львовичу. Вряд ли это издание было в его библиотеке в Быковке, в противном случае, учитывая стремление хозяина имения к экономии, легко предположить, что тот непременно переправил бы издание сыну в Петербург.

Давая сочинению митрополита Платона высокую оценку, В.Л. Демидов настоятельно советовал относиться к нему как к особенному, а не обычному чтению. Он писал: «Почитывай на совершенном досуге и при том, когда мысли и сердце спокойны, иначе не оценишь той прелестнейшей для ума правды, каковою экземпляр тот преисполнен…» И дальше: «Прочтя, читай его ещё и ещё несколько раз», так как подобное чтение, по мысли Василия Львовича, следует приравнивать едва ли не к

[1] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1314, л. 28—29 об.
[2] Там же, л. 35 об.
[3] Там же, д. 1323, л. 86.

пище богов. Вот как он сам об этом пишет: «из онаго снабдись сам ломтиком аброзии, изредка иногда и кстати отламывай по кусочку и подавай товарищу или ученику своему, потому изредка, иногда и кстати только, что частым сею пищею подчитанием народ или мир скучает…»[1] В том же письме Василий Львович благодарит сына за присланные в Быковку книги — «Приложения к начертательной геометрии к воздушной перспективе и проч.», называя при этом посылку с книгами «дорогим гостинцем».

Александр не только покупает книги для отца и других членов семьи по их заказам, но, следя в Петербурге за книжными новинками, делает советы в отношении приобретения некоторых из них. Он пишет отцу в Быковку 5 ноября 1834 года: «…Не хотите ли вы купить Свод законов, эта книга необходима для каждого гражданина, тем паче для тех, кои принуждены бывают прибегать к стряпчим, имея дела с судами, палатами и т. д. Эти книги суть памятник царствования нашего государя, это все говорят. Они изданы от правительства и, кажется, 14 томов стоят 100 руб. По этому Своду законов можно найти путь, как действовать во всяком тяжебном деле…» Далее он сообщает ещё одну новость: «Ещё здесь вышли портреты государя императора и государыни, литографированные Крюгером, удивительно похожие. Пара стоит 15 руб.».

В том же письме Александр напоминает и о своей книге, оставшейся в отцовском имении: «Вы обещали, любезный папинька, прислать мне с зимней оказией мой экземпляр Истории Карамзина, то не забудьте, ибо я исподволь собираю по моим силам библиотеку и желается мне украсить оную такой книгой»[2]. О своих увлечениях, в том числе книгами, Александр писал будущей тёще (20 сентября 1837 года): «Досуг даёт мне случай заниматься чтением, рисованьем и музыкой, к первым двум развлечениям, не оставляя и последняю, я пристрастился до того, что не нахожу удовольствия ни в выездах, ни даже в театре. А здесь Тальони вскружила всем головы своим танцованьем. Таков настоящий мой образ жизни!..»[3]

Василий Львович стремился привить своим сыновьям основы нравственности через любовь к чтению. И если в этом отношении старший сын Александр его только радовал, то младший, Павел, не желавший продолжать учёбу в институте, сильно беспокоил. К огромному огор-

[1] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1323, л. 86 об.
[2] Там же, д. 1314, л. 8—8 об.
[3] Там же, д. 1317, л. 14 об.

чению отца, Павел в итоге бросил институт, перешёл жить на квартиру старшего брата, ожидая направления в полк. Отец серьёзно был обеспокоен тем, что вынужденное безделье может плохо отразиться на сыне, и писал по этому поводу Александру: «Теперь Павлика занимать верховою ездою не знаю, нужно ли? ...от меня ему скажи, чтоб пока (живёт. — *Е.П.*) у вас, то бы не болтался в празности, коя родит вымыслы, а от оных и поступки порочныя, а непосредственно занимался бы арифметикой, выучивал бы по книгам французские разговоры, историю и тому подобное…» В противном случае отец строго предостерегал младшего сына от неминуемых последствий. Он писал: «Если и сего не приобретёт? То за ето ему не токмо начальники, но и товарищи путные не простят, ибо дело невежества скоро обнаружится. Ведь он не лакей… Но не внушал бы он себе: вот де живут же (другие. — *Е.П.*)? А коли и сего… не послушает, то будет время, что и лакеи над ним смеяться станут…»[1]

Александр поспешил успокоить отца, с радостным удивлением сообщая ему в письме (от 22 марта 1838 года) следующее: «Я никак не ожидал в Павлике той охоты к чтению, какую он теперь обнаруживает. У меня есть несколько очень хороших и занимательных книг лучших русских авторов, с которыми он с утра до вечера не расстаётся…»[2] Из письма можно видеть, что сам Александр, много лет живя в Петербурге, собрал у себя хорошую библиотеку. Но и братьям своим он регулярно приобретал книги, необходимые им для учёбы. Так, отчитываясь перед отцом «по расходу денежных сумм», Александр перечислял учебники, купленные «для Павлика» в августе 1836 года: «Географический атлас Арсеньева — 20 р.; Всеобщая география Арсеньева — 10 р.; Всеобщая история Кайданова — 15 р.; Русская грамматика Греча — 5 р.; Французская грамматика Ноеле — 2 р.; Катихизис Филарета — 2 р.; Алгебра Бурдона — 6 р.; Арифметика Щеглова — 8 р.»[3]. О другом своём брате примерно в то же время Александр писал: «Николинька пред отъездом… в отпуск, приготовил все необходимые книги для повторения курса в деревне, конечно не без труда и даже большого, но мне кажется, он может приготовить себя так, что б приехав из отпуска, держать… экзамен в декабре 1838 г.»[4].

[1] Там же, д. 1324, л. 26—26 об.
[2] Там же, д. 1314, л. 58 об.
[3] Там же, д. 1313, л. 1 об.
[4] Там же, д. 1314, л. 39 об.

Насколько серьёзное внимание уделял В.Л. Демидов вопросам нравственного и православного воспитания своих детей, а затем и внуков, свидетельствует ещё одно из его писем Александру, в котором он просит последнего купить и прислать в Быковку «экземпляр в трёх или четырёх частях в переплётах «Часы благословения»[1]. Хотя Василий Львович несколько исказил название издания, ясно, что речь идёт о книге Генриха Цшокке, переведённой с немецкого языка и изданной в Санкт-Петербурге в 1834—1835 годах в трёх частях под названием «Часы благоговения для споспешествования истинному христианству и домашнему богопочтению». Первая часть книги называлась «Беседы христианского семейства», а вторая и третья — «Беседы для юношества». Скорее всего, эти книги были нужны В.Л. Демидову для обучения внуков, родившихся к тому времени у старших его дочерей. Не случайно в том же письме он просил выслать ему ещё и «досок аспидных нетяжёлых, мягких».

В феврале 1836 года Василий Львович выслал сыну в Петербург 250 рублей на приобретение более десятка наименований книг для быковской библиотеки, среди которых указал недавно вышедшую «Историю Пугачёвского бунта» А.С. Пушкина, «Энциклопедический лексикон за 1836 год» (имеется в виду многотомное издание А. Плюшара; к 1836 году вышло 7 из 17 томов), карту Европы и одно из изданий П.С. Палласа (в письме названо как «Российская флора с фигурами Палласа»)[2], скорее всего — «Описание растений Российского государства с их изображениями…» 1786 года. Кстати, последнее издание уже в то время было редким и весьма дорогим, но оно, очевидно, было необходимо В.Л. Демидову как руководство по научному ведению и содержанию фруктового сада.

О том, что через много лет в имении Быковка у Василия Львовича Демидова была собрана приличная библиотека, можно судить по первому варианту завещания, составленного им в 1852 году (после смерти Павла было заменено другим). В этом завещании наряду с перечислением «столового и всякого серебра», «кухонной медной посуды», «экипажей летних и зимних» и прочего было сказано: «двоим сыновьям моим Николаю и Павлу получить из книг, составляющих мою библиотеку, половину»[3]. Сам факт включения библиотеки в текст завещания говорит

[1] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1323, л. 215.

[2] Там же, л. 259.

[3] Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2013, оп. 602 а, д. 121, л. 13.

о её ценности в глазах главы семейства. Став самостоятельными, все его дети продолжали собирать собственные библиотеки.

Старшая дочь Екатерина, жившая после замужества в Нижнем Новгороде, во многих письмах (часто написанных по-французски) обращалась к брату Александру с просьбами купить для неё книги и переслать «с оказией»[1]. Её муж, присяжный поверенный П.А. Веселовский, тоже обращался к шурину с подобными просьбами. Так, в письме от 11 февраля 1835 года он писал о том, что слышал от кого-то об «англинских или других каких-то бусурманских журналах с хорошими гравюрами и которыя будто очень дёшевы, естли это правда, — просил он Александра, — купи для меня рублей на 30 или немного более и с… оказией вышли». И далее он уточняет свою просьбу: «На ярморке (нижегородской. — *Е.П.*) я видел подобный журнал, помнится, путешествие по Рейну, в котором было гравюр 40 лучших мест по сей знаменитой реке, не найдёшь ли чего-либо подобного…»[2]

Большая библиотека, судя по письмам, в те годы была собрана любимой сестрой Александра Прасковьей Васильевной, в замужестве Поливановой. С Полиной, которая была старше его на пять лет, у брата сложились особенно задушевные, тёплые и очень искренние отношения, ей он поверял свои сокровенные мысли и чувства, включая те, которые должен был скрывать от отца (например, в отношении своей женитьбы), она была его наперсницей и доброй наставницей, мнением которой он всегда дорожил. Для Полины же Александр был добрым другом и братом, она называла его письма к ней «бесценными», встречи с ним — большим для себя «сокровищем», а его самого «милым Сашенькой».

Выйдя замуж и переехав жить в имение мужа Загарино, находившееся в 95 верстах от её родной Быковки, Полина первое время очень скучала. Но потом родились дети (первенца назвали Александром!), она занялась хозяйством, скучать стало некогда. Через некоторое время Полина нашла для себя ещё одно достойное занятие, о чём сообщала брату: «Я намерена всякой год, смотря по доходу, употреблять несколько денег на книги, что составит лет в 10 хорошую библиотеку. Все книги непременно буду отдавать в бумажный хороший переплёт, что мне будет стоить недорого, лучше излишки употреблю на покупку большего числа

[1] Например, в письме от 23 октября 1832 года. ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 45.

[2] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 122—122 об.

книг…»[1] В другом письме (январь 1834 года) она снова возвращается к теме книжных переплётов, где видно её желание, с одной стороны, экономить на них, с другой — иметь красивую библиотеку. Поэтому, обращаясь к брату с просьбой купить «в конце письма означенные книги», она делает уточнение: «чтобы четыре последние были в переплётах, а не бумажках, а если в оных не найдёшь, то купи в бумажке, отдай переплести просто в кожу, без позолоты, чтоб не так дорого стоило. И когда всё купишь, отдашь переплести и возьмёшь от переплётчика, увяжи и перешли с оказией в Быковку…» И ещё добавляет в том же письме: «да и все книги постарайся купить подешевле, если можно, поторгуйся»[2].

Через несколько месяцев, благодаря Александра за покупку книг, она пишет: «…а ещё больше (благодарю. — *Е.П.*) за сбережение моих денег, отдавши оные переплести в бумажные переплёты, чего мне и прежде хотелось, я знала, что сии будут дешевле, но по совету Ивана Гавриловича (Поливанова. — *Е.П.*) предпочла кожаные, как прочнейшие, хотя и бумажные с бережливостию переживут нас. Ты совершенно отгадал моё желание, что мне очень приятно, да и выгодно…» И далее сообщает: «У меня есть одна книга в бумажном прелестного изумрудного цвета переплёте, какого, я думаю, и на сафьяне быть не может, вот уже три года, но совершенно как новая, ибо когда кому давала читать, то завёртывала в бумагу, отчего она и сохранилась, что буду делать и с прочими»[3].

Итак, в комплектовании библиотеки молодая помещица Прасковья Васильевна Поливанова рассчитывала на помощь любимого брата, высылая последнему в Петербург целые списки тех книг, которыми хотела пополнить своё собрание. Она писала: «Я душу́ тебя просьбами, милый Сашинька, да что делать, ведь ты один у меня, как порох в глазу, да к тому же и баловник, никогда не отказываешься…»[4] Заказывая Александру книги, сестра почти всегда указывала, в какой из столичных книжных лавок их можно приобрести и по какой цене, что свидетельствует о том, что, живя в провинции, Полина регулярно следила за издательскими новинками по рекламным библиографическим каталогам, поэтому в письмах указывала не только название и стоимость издания, но и адрес или владельца книжного магазина: «у книготорговца Брифа»,

[1] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 100.
[2] Там же, л. 94
[3] Там же, л. 100—100 об.
[4] Там же, л. 94—95 об.

«у Ивана Заикина в книжных лавках под № 18—28 и 31-м, в доме генерал-лейтенанта Балабина», «в книжном магазине А.Ф. Смирдина», «у И. Глазунова». Следила она и за возможностью получить издание прямо в Загарино («через Арзамас») по подписке, о чём писала Александру, например, в письме от 28 мая 1834 года: «Просим тебя выписать для нас: Земледельческая газета, которая будет издаваться с 1 июля 1834 г. и подписка на оную принимается за сей полугод в С-Петербурге в доме самой редакции, на Екатерининском канале, близ Аларчина моста в доме Щегловой под № 265-м ежедневно; …в Департаменте внешней торговли и в Государственном заёмном банке»[1]. Интерес семьи Поливановых к этому новому тогда периодическому изданию, начавшему выходить с 1834 года (по два раза в неделю) под редакцией профессора сельского хозяйства Петербургского университета С.М. Усова, вполне понятен, вряд ли они были этим изданием разочарованы. «Земледельческая газета», в которой печатались материалы о различных системах полеводства и садоводства, обзоры экономических и хозяйственных событий, давалась информация о состоянии хлебов, сельскохозяйственных выставках, домашней медицине и прочих полезных вещах, быстро приобрела известность и влияние среди помещиков, получивших возможность обращаться в этот печатный орган по различным хозяйственным вопросам и получать разъяснения от крупных специалистов[2].

Но не всегда информация о подписке на какое-либо издание оправдывала ожидание желающих его иметь. Так получилось, по-видимому, с заказом Полины, о котором та писала брату Александру: «Панорама Света, или всеобщий магазин полезных познаний. Цена за 12 частей с пересылкою 20 руб.», — и добавляла: «без оной (пересылки. — *Е.П.*) стало быть, дешевле»[3]. Действительно, в 1833 году была объявлена подписка на журнал «Панорама Света…». Однако нам не удалось обнаружить сведения о нём ни в одном современном справочном издании или каталоге. По-видимому, журнал так и не вышел в свет.

Письма Полины позволяют судить о составе усадебной библиотеки семьи Поливановых[4]. Заметное место в ней отведено беллетристике.

[1] Там же, д. 1323, л. 180 об.

[2] См., напр.: *Ключковская Л.А.* Степан Михайлович Усов — редактор «Земледельческой газеты» (1834—1852). М., 2012.

[3] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 95 об.

[4] Состав библиотеки реконструирован по письмам: ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 94—95 об, 98 об — 99, 104—104 об, 153—154, 184—185 об, 189; Там же. Д. 1323, л. 173—174, 200—204.

Среди современных авторов Полина отдавала явное предпочтение популярному в те годы в России писателю А.А. Бестужеву (псевдоним — Марлинский). Сосланный на Кавказ за участие в восстании декабристов, он смог всё же анонимно издать «Русские повести и рассказы» в восьми частях (1832—1834). Вскоре они были переизданы ещё дважды, что свидетельствовало об их несомненном успехе. В 1834 году Полина неоднократно писала брату: купи «Повести и рассказы Марлинского. Цены не знаю» (январь); «купи мне все без исключения повести Марлинского» (февраль); «…очень рада, что ещё выйдут повести Марлинского, которые и прошу тебя купить, как предлагаешь. Одним словом: все повести Марлинского (подчёркнуто в письме. — *Е.П.*) сколько бы их ни было и все отдай переплести, как прежде тебе писала» (апрель); «остальные три части повестей и рассказов Марлинского, когда выйдут из печати» (август).

Внимание помещицы Поливановой привлёк ещё один беллетрист — Д.Н. Бегичев, автор ряда прозаических бытописательных произведений о жизни русского дворянства. Впрочем, она ни разу не назвала его имени. Изданный анонимно в шести частях новый роман Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (М., 1832) пользовался известностью и несколько раз переиздавался. По-видимому, Полина не вполне была уверена в том, что желает приобрести эту книгу, сначала она писала в Петербург, что готова купить её только при условии, если она окажется «не дороже 30 руб.», затем решила найти её и взять для прочтения у соседей, и написала Александру: «Если же ты по сей час не купил романа «Семейство Холмских», то и не покупай, мы и здесь его достанем прочитать, а иметь в библиотеке не считаем необходимостью, если же купил, то так и быть!» Ещё через месяц она уточнила: «Если «Семейство Холмских» не купил, то не покупай, а на место сего романа купи: Торквато-Тассо, фантазия Кукольника, и отдай в переплёт…»[1]

Упомянутая Полиной книга — «Торквато-Тассо. Большая драматическая фантазия, в стихах» (СПб.: тип. Н. Греча, 1833) — была написана в стиле позднего романтизма и принесла славу её автору, Н.В. Кукольнику, пользовавшемуся популярностью у читателей и, заметим в скобках, официальной поддержкой властей. Упомянутый издатель книги Н.И. Греч, бывший известным писателем и педагогом,

[1] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 99; Там же. Д. 1323, л. 173 об.

в 1834 году выпустил в свет собственный роман «Чёрная женщина». Роман пользовался большим успехом у читателей. Неудивительно, что и его желала приобрести П.В. Поливанова для своей библиотеки. Жаждала она получить ещё одну книгу, имевшую в то время буквально ошеломительный успех, — «Фантастические путешествия барона Брамбеуса», вышедшие в Петербурге в 1833 году и вторым изданием — в 1835-м. Под псевдонимом «барон Брамбеус» скрывался известный публицист, редактор, критик, учёный лингвист-востоковед, писатель и человек большой эрудиции О.И. Сенковский. По мнению литературоведов, язвительная критика его фельетонов не затрагивала основ тогдашней российской действительности, а используемые средства фантастики и иронии носили сугубо развлекательный характер. «Сенковский, — писал, например, А.И. Ревякин, — пытался осмеивать нравы светского общества, морализовать и поучать. Но чаще его смех — самоцель, беспринципная болтовня, а поучения и сатира — сугубо частного и абстрактного свойства, не затрагивающие коренных пороков правящего дворянства»[1]. В то же время беллетристический талант О.И. Сенковского, проявлявшийся в умении строить яркий захватывающий сюжет, остроумно и живо вести интригу, делал его произведения любимым чтением широкой публики.

Заканчивая обзор художественной литературы в усадебной библиотеке имения Поливановых Загарино, назовём ещё одно издание, о котором упоминала хозяйка имения в письме к брату А.В. Демидову в феврале 1836 года: «Я получила реестр тобою купленным книгам, благодарю за все, только прошу на оставшиеся 7.80 (рублей. — *Е.П.*) купить Басни Н. Крылова, что недавно вышли из печати, крошечная книжка 4 руб., и если без переплёта, то и её переплети, но мне помнится, она в переплёте и продаётся…»[2] Ясно, что здесь имеется в виду небольшое, почти миниатюрное (11 см) издание «Басен» И.А. Крылова (у Полины ошибочно указан не тот инициал), вышедшее в типографии А. Смирдина в 1835 году.

В письмах П.В. Поливановой много просьб о приобретении для её библиотеки исторической литературы и путешествий. Например, она называет «Царствование Елизаветы Петровны, сочинение Вейдемейера. 2 части». Это издание вышло в Петербурге в 1834 году как продолже-

[1] *Ревякин А.И.* История русской литературы XIX века: первая половина. М., 1985. С. 300.

[2] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 153.

ние «Обзора главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого» того же А.И. Вейдемейера, автора, известного своими работами по истории, имевшими описательный характер. В другом письме (15 декабря 1836 года) Полина нетерпеливо напоминает брату: «…да купи и переплети Путешествие к святым местам русским Муравьёва. Цена 5 рублей. Да не забыл ли, что мы получили только 2 номера». И далее добавляет: «III части Подвига русских воинов в странах кавказских, а их должно быть 9 частей с атласом…»[1] Приходится только удивляться осведомлённости провинциальной молодой помещицы: обе из названных ею книг только что вышли из печати в Петербурге. Книга А.Н. Муравьёва «Путешествие по святым местам русским. Троицкая лавра, Ростов, Новый Иерусалим, Валаам» вышла в 1836 году и уже на следующий год была переиздана, что говорит в пользу её популярности.

Интересна вторая из книг, название которой хорошо раскрывает её содержание, поэтому приведём его полностью: Зубов П.П. «Подвиги русских воинов в странах Кавказских с 1800 по 1834 год. С присовокуплением биографий главнейше-замечательных лиц, действовавших в 1-е 33-летие русского владычества за Кавказом; историческо-статистическое описание мест, прославивших русское оружие в Кавказских странах…» (СПб.: тип. К. Вингебера, 1835—1836). В издании имелось 25 портретов, видов и планов сражений, а также общая карта Кавказского края. Первый том состоял из трёх частей, во втором заключалась четвёртая часть, при этом издание не было закончено. Автор труда П.П. Зубов — русский писатель-беллетрист, военный историк — был участником Отечественной войны 1812 года. Можно предположить, что, заказывая его книгу, П.В. Поливанова думала и о патриотическом воспитании своих пока ещё маленьких сыновей. Следует отметить, что детской литературе отводилось заметное место в этой усадебной библиотеке. Были в ней многотомная «Детская энциклопедия, на русском и французском языках с 150 раскрашенными изображениями» С. Ушакова, некий «Прелестный вертоград для детей» (сначала в письме было написано «Детский цветник», но зачёркнуто), «Чтение для малолетних детей с 8-ю картинками», «Детский натуральный кабинет» (продолжение названия: «…или Картинная галерея животных и растений, с сокращённым их описанием». СПб., 1814) и «Книжка малютка для милых малюток с картинками Ф. Инока, 1836 г.» (на самом деле

[1] ОР РНБ. Ф. 451, оп. 1, д. 1318, л. 184—185 об, 189.

Фёдор Инок — псевдоним издателя, автором этой почти миниатюрной книги был Ф.А. Кони, вышла она в типографии Н. Греча в 1837 году). Упомянутая книга «Чтение для малолетних детей» (СПб., 1828) интересна тем, что её автором была дочь известного государственного деятеля и реформатора М.М. Сперанского Е.М. Фролова-Багреева, получившая славу не столько в России, сколько в Европе, так как писала в основном на французском языке. Было в библиотеке одно из двух изданий (1834 или 1835 года) под названием «Детская книжка для воскресных дней, с приложением 5-ти таблиц с чертежами», составителями которой являлись переводчик и издатель Б.А. Врасский и писатель, педагог, автор многих сказок В.Ф. Одоевский.

По мере взросления детей в библиотеке появлялась и учебная литература (названия в кавычках даны так, как они указаны в письмах): «Арифметика, сочинение Бурдона, принятое Парижским университетом. СПб, 1834, 2 части» (перевод с 9-го французского издания П.Л. Бурдона); «Руководство к умственным упражнениям, при преподавании отечественного языка, составленное Егором Гугелем» (СПб., 1833); «Астрономия для незнающих математики, перевод с французского Перевощикова». Последнее название необходимо пояснить, так как оно было дано П.В. Поливановой очень приблизительно. Это могло быть одно из двух изданий: Гимназический курс математики, содержащий арифметику, основания алгебры и геометрии… Сост. проф. Перевощиковым. М.: тип. А. Семена, 1837; или: Арифметика для начинающих. Издана при Университетском благородном пансионе Д.П. М.: тип. А. Семена, 1820.

Семья и дети делали необходимым наличие в усадебной библиотеке медицинской литературы, поэтому Полина просила брата купить для неё «Домашний лечебник», написанный немецким профессором-медиком К.И. Килианом, который учил, как следует при «наружных… и внутренних болезнях при отсутствии врача» оказывать медицинскую «помощь посредством одних домашних средств и диеты». Из названия книги (её перевод был сделан доктором П. Бутовским) следовало, что она предназначалась для всех нуждающихся, «а наиболее для помещиков, живущих в деревнях и путешествующих». Полина почти полностью и дословно привела длинное название этого издания, вышедшего в Петербурге в 1830 году, что говорит в пользу её библиографической грамотности. Может удивить другой заказ Полины, когда она писала брату (в декабре 1834 года): «Купи экземпляр о белой горячке сочине-

ния Христиана Витта 1834 г.». Полное название этой книги — «О белой горячке или мозговой горячке от пьянства» — заставляет задуматься о причинах, побудивших помещиков Поливановых её приобрести: по-видимому, они были связаны с крестьянской средой.

Было в библиотеке ещё одно полезное издание — «Вспомогательная книга для помещиков и сельских хозяев» В.А. Крейссига в переводе с немецкого, выполненном С.М. Усовым (СПб., 1836). Из периодических изданий кроме упоминавшейся уже «Земледельческой газеты» семья Поливановых выписывала «Санктпетербургские ведомости без прибавления». В одном из писем содержалась просьба: «Да купи и перешли поскорее на 1837 г. календарь не слишком дорогой, а подешевле».

Осталось назвать несколько изданий, вскользь упомянутых в письмах. Это некие «Русская флора» и «План Петербурга», о которых Полина написала: «если так дороги, то и не покупай», и книга «на английском языке с гравированными головками».

Рамки статьи не позволяют нам делать пространные выводы, поэтому оставим их на будущее. Пока же ограничимся замечанием о том, что представленный материал, рассказывающий сразу о нескольких библиотеках, связанных с семьёй нижегородского помещика В.Л. Демидова и его детей, о круге их читательских интересов и предпочтений, сокращает количество «белых пятен на демидовской книжной карте», о которых автор этих строк сокрушался много лет назад[1]. В то же время пример нижегородских библиотек Демидовых представляется нам типичным для анализа состава и путей комплектования библиотек среднепоместных российских дворян николаевской эпохи.

[1] *Пирогова Е.П.* Библиотеки Демидовых как явление русской культуры // Альманах Международного Демидовского фонда. Вып. 2. М., 2003. С. 92.

Ирина Клюева, Ольга Рубчинская

БИБЛИОТЕКА Н.П. ОГАРЁВА В УСАДЬБЕ СТАРОЕ АКШИНО

Этапы формирования книжного собрания

В жизни поэта, прозаика, публициста, литературного критика, общественного деятеля Николая Платоновича Огарёва (1813—1877) огромное значение имели книги.

В 1999 году был введён в научный оборот каталог книжного собрания, находившегося в библиотеке села Старое Акшино Пензенской губернии (ныне Старошайговского района Республики Мордовия), принадлежавшего Огарёву, а затем его другу Николаю Михайловичу Сатину[1]. К сожалению, нет достоверных данных о том, насколько велика была эта библиотека при жизни Огарёва, однако очевидно, что она была гораздо крупнее, чем указано. И всё же даже сохранившийся каталог представляет большой интерес. Он включает 260 наименований, причём многие из них в несколько томов. В основном это книги на французском (144 наименования) и немецком (116), несколько книг на английском (4) и польском языках (6 наименований).

Выделим этапы формирования личной библиотеки Огарёва.

I этап (конец 1820-х — 1834 год) — юношеская библиотека будущего поэта. Многие книги, находившиеся в библиотеке, изданы в конце XVIII — начале XIX века. Это позволяет предположить, что Огарёв сохранял в своей личной библиотеке книги, доставшиеся ему «по наследству» от предшествующих поколений богатой и знатной дворянской семьи: от своего отца П.Б. Огарёва (1769—1838), имевшего много поместий в нескольких губерниях, а возможно, и от деда: «У Огарёвых имелась обязательная для богатого дома обширная библиотека, в которой можно было найти произведения античных классиков, французских просветителей, немецких и английских романтиков, а также русских писателей. Выписывалось много журналов, как отечественных, так и иностранных»[2]. Очевидно, что домашняя библиотека начала формиро-

[1] Сатин Николай Михайлович (1814—1873) — русский поэт и переводчик. *(Прим. ред.)* См.: *Воронина Н.И.* Акшинская библиотека // Н.П. Огарёв в новых документах и иллюстрациях. Саранск, 1999. С. 24—59.

[2] *Воронина Н.И. и др.* Формирование русской культуры мордовского края // История Мордовии с древнейших времён до середины XIX века. Саранск, 2001. С. 321—322.

ваться в родовом поместье Огарёвых во второй половине XVIII века. Платон Богданович был активным продолжателем начатого дела.

Судя по каталогу, из фамильной библиотеки Огарёвых в личную библиотеку будущего поэта могли также перейти «Философские сочинения» Э. Кондильяка (Париж, 1795); «Рассказы философии Ф. Бэкона» соч. Ж.А. де Люка (Париж, 1802); «Сочинения» Фонтенеля (Париж, 1766); «Сочинения» Мольера (Руан, 1787); «Метаморфозы» Овидия (Париж, 1794); «Система философии» Й. Бейля (Берлин, 1795); «Всеобщие критические рассказы о старой и новой этике» Майнерса (Геттинген, 1800). Позже сам поэт вспоминал:

А здесь в шкафах под слоем пыли
Отведан крысами — Вольтер,
Руссо, Гельвеций…[1]

Судя по каталогу, Огарёв сохранил в своей библиотеке эти старые, «отведанные крысами» книги. В описи мы находим «Мысли Вольтера» (1765), полное собрание сочинений Ж.-Ж. Руссо (Париж, 1793), «Сочинения» Гельвеция (Париж, 1792). В детстве и отрочестве особое впечатление на Огарёва производил Ф. Шиллер, впервые пробудивший в душе его идеальные стремления. В каталоге библиотеки фигурируют «Сочинения» Шиллера (Штутгарт, 1828). Вероятно, в акшинской библиотеке были и более ранние издания Шиллера.

В Москве в 1826 году Н.П. Огарёв встретился с А.И. Герценом. Позднее Герцен вспоминал: «Меня удивляло сходство наших вкусов; он знал на память гораздо больше, чем я, и знал именно те места, которые мне так нравились…»[2] Вместе юноши очень много читали, и именно под влиянием прочитанного у них зародились благородные мечты о высоком призвании, о служении правде. Вспоминая юные годы, Огарёв писал, обращаясь к Герцену: «С нашего сближения моя страсть к чтению начинает удваиваться. Я увидел, что ты читал гораздо больше и мне надо догонять тебя. Моё учение шло школьно, обычным путём. Грамматики всех языков, история по пошлым учебникам… <…> А ты как-то воспитывался свободно, у тебя водились книги, о которых мне и не грезилось. Ты читал уже «Contrat social» (то есть «Общественный договор» Ж.-Ж. Руссо. — *Авт.*). Я у тебя его взял и читал потихоньку от

[1] *Огарёв Н.П.* Избранные произведения : В 2 т. Т. 2. М., 1956. С. 90.
[2] *Герцен А.И.* Собр. соч. : В 30 т. Т. VIII. М., 1956. С. 79.

отца. Новая пища уму представилась. <…> Шиллер, русская литература декабристов… <…> Нам приходилось приготовлять почти те же уроки и читать одни и те же книги»[1].

Зима 1826/1827 года прошла в усиленной внутренней работе. В «Моей исповеди» Огарёв позднее писал: «От «Contrat social» я перешёл к Монтескьё, с увлечением читал «Decadence» (вероятно, имеется в виду сочинение Монтескьё «Причины величия и упадка римлян». — *Авт.*) и «Esprit de lois» («Дух законов» — сочинение Ш.Л. Монтескьё. — *Авт.*)…»[2] В описи фигурируют книга «Сочинения Монтескьё» (Париж, 1815) и «Полное собрание сочинений Монтескьё» (Париж, 1835), вероятно, приобретённое Огарёвым во время одного из его зарубежных путешествий. В библиотеке сохранилась книга Локка — «Опыт относительно человеческих понятий, соч. Джон Локк Гент» (Лондон, 1817), которую Огарёв, вероятно, имеет в виду, упоминая в следующем абзаце «Моей исповеди» этого автора в связи со своими «материалистическими тенденциями». С этого времени на первый план в духовном развитии Огарёва выступают политические тенденции. В 1827 году Огарёв и Герцен на Воробьёвых горах клянутся вместе бороться за идеалы свободы.

В сентябре 1829 года друзья поступают на физико-математическое отделение Московского университета. Единственная книга акшинской библиотеки, связанная с этим фактом, — «Описание паровых машин» английского физика У. Николсона (Париж, 1826). С января 1832 года Огарёв становится действительным студентом нравственно-политического (юридического) отделения университета. Вероятно, в этот период в его библиотеке появляются два издания книги Лермонье «Общее введение в историю права» (Париж, 1829, и Брюссель, 1830) и «Философия права» (Париж, 1831) того же автора, а также «Трактат о законодательстве или составлении общих законов» Ш. Конта (Париж, 1826), «Тактика законодательных учреждений» Дюмона (Париж, 1822). Также Огарёв посещает лекции, которые читались для студентов словесного отделения. В этом сказалась тяга будущего поэта к энциклопедическому образованию.

Следует отметить и наметившийся интерес Огарёва к истории и культуре Польши, вызванный польским восстанием 1830 года. В описи его библиотеки мы обнаруживаем книги: «История Польши» Ф. Фаго

[1] *Огарёв Н.П.* Моя исповедь // Огарёв Н.П. Избранное. М., 1987. С. 329.
[2] Там же. С. 332.

(Париж, 1832); «Рассуждения и выводы, касающиеся польской орфографии» (Варшава, 1830); «Поэтические произведения Станислава Трембецкого» (Вроцлав, 1828); «История Польши» И. Лелевеля — известного польского историка, участника польского восстания (Варшава, 1830); «Примеры польского стиля», составленные И. Шидловским (Вильно, 1827), «История князей и королей польских» Т. Ваги (Вильно, 1824).

Заметен интерес молодого Огарёва к сочинениям французского философа Виктора Кузена. Среди книг его библиотеки мы находим несколько книг этого автора: «Рапорт о состоянии народного образования в некоторых странах Германии» (Париж, 1833), «Ежегодник истории и философии» (Париж, 1829), «Курс философии» (Париж, 1829). В это время Огарёв знакомится с произведениями Б. Спинозы, И. Фихте, Ф. Шеллинга — философов-идеалистов. В библиотеке сохранилась книга Фихте «Об определении человека» (Берлин, 1823), судя по всему, прочитанная в начале 1830-х.

В эти годы Огарёв знакомится с трудами французских историков эпохи Реставрации — Ф. Гизо, О. Тьерри, другими. Они сохранились в его библиотеке. В описи фигурируют два издания книги Гизо «Курс современной истории» (Париж, 1828 и 1830) и книга Тьери «Письма об истории Франции» (Париж, 1829). Здесь есть также работа Ж. Некера «О французской революции» (1816).

Однако энциклопедическая образованность не была для Огарёва самоцелью — наука представлялась ему лишь средством преобразования жизни в соответствии с теми идеалами, которые, как ему казалось, человечество уже выработало. Герцен и Огарёв решили создать в Московском университете тайное общество, подобное декабристским тайным обществам. Помимо сочинений уже упоминавшихся Спинозы, Фихте, Шеллинга, Монтескьё, Огарёв и его друзья читали и передавали друг другу работы И. Канта, Ш. Фурье, Дж. Вико, К. Сен-Симона, Р. Декарта, Ж. Сея, Т. Мальтуса. Этих книг в описи библиотеки нет: они были изъяты полицией или остались у кого-то из друзей Огарёва.

В 1834 году Огарёв, Герцен и их общий друг Сатин вынуждены были оставить Московский университет. Полиции стали известны их планы по организации тайного общества. Летом 1834 года в доме Огарёвых в Москве у Никитских ворот бы произведён обыск, изъяты все бумаги и некоторые книги. Огарёв был отпущен на свободу, но ненадолго: 17 июля в доме полицмейстера Цынского состоялась разборка бумаг и

книг, изъятых во время ареста. После этого Герцен, Огарёв и некоторые их общие друзья были арестованы. Огарёв находился под арестом девять месяцев.

II этап (1834—1846) — формирование ядра библиотеки Н.П. Огарёва за счёт собственных приобретений в столицах и во время заграничных путешествий. После тюремного заключения Огарёв был сослан в Пензенскую губернию под надзор полиции и наблюдение отца. В апреле 1835 года поэт прибыл в Пензу и был определён на должность актуариуса в канцелярию губернатора А.А. Панчулидзева. Здесь он очень много читает: круг его чтения составляет литература по разным отраслям наук, художественная литература. В этот период в своих общефилософских представлениях о мире и законах его развития Огарёв находится на позициях религиозно-идеалистической философии, видя в философии «подножие религии». Об этом, в частности, свидетельствует наличие в его библиотеке таких книг, как «Домашняя и семейная библии» Мартина Лютера (1831), «Мемуары Лютера» в переводе Мишле (Париж, 1835). «Рим и папы» М.Ф.Г. (Брюссель, 1833).

Вместе с тем в период пензенской ссылки Огарёв продолжал свои занятия естествознанием, в частности медициной. Его внимание привлекали вопросы агрономии и народного просвещения, о чём можно судить по названиям книг: «Новые элементы физиологии» Ришрана (Париж, 1825); «Деревенский дом XIX столетия» — журнал по практическому земледелию (1837—1846) и другим.

Во время пребывания в Пензе Огарёв увлёкся Марией Львовной Рославлевой, племянницей пензенского губернатора Панчулидзева, на которой он вскоре женится. Вероятно, Огарёва привлекло не только обаяние юной барышни, но и её интеллектуальные интересы: судя по свидетельствам современников, девушка была очень начитанной.

В 1838 году после смерти отца Огарёв получает огромное наследство. В 1839-м он с женой переезжает в Москву и поступает на службу в Московский сенат на должность канцелярского служащего. В этот период Огарёв увлекается философией Гегеля, который был властителем дум многих представителей мыслящей молодёжи в России. Разлад, который намечается в это время между Огарёвым и его женой, связан с тем, что она не принимает его новых интеллектуальных увлечений.

В 1840 году, освободившись от чиновничьей службы, Огарёв отправляется в свои пензенские сёла Чертково и Старое Акшино, где предаётся занятиям поэтическим — творчеству и чтению, прежде всего рус-

ских поэтов: Пушкина, поэтов-декабристов, Лермонтова, Баратынского, Полежаева, Кольцова. Однако в каталоге сочинений этих поэтов нет, как и вообще нет книг на русском языке. Это можно объяснить тем, что произведения поэтов-современников были известны Огарёву по спискам, ходившим по рукам в среде интеллигенции.

Весной 1841 года Огарёв с супругой отправляется за границу — в Германию, Италию, Австрию. С января по июнь 1842 года он живёт в России, затем отправляется во второе заграничное путешествие (Германия, Брюссель, Рим). В Италии он читает Данте, в Германии вновь обращается к Шекспиру и намеревается перевести «Гамлета» на русский язык. В Германии он продолжает заниматься философией и естественными науками, внимательно знакомится с литературой: «В Дрездене всё есть, не знаю, есть ли цензура, забыл осведомиться, но, судя по книгам, не похоже, чтобы было вычеркнуто»[1].

Огарёв изучает Гегеля: «Науку логики», «Феноменологию духа», «Философию истории», «Философию природы», «Историю философии». Из всех произведений Гегеля он в особенности выделял «Феноменологию духа». Русский мыслитель постепенно приходит к материалистическому миропониманию: «Да! Реальный мир предшествует логике, как природа предшествует человеку… Нет! Природа — живая жизнь, а не символ, не египетский иероглиф»[2]. В связи с утверждением на позициях философского материализма он всё больше занимается вопросами естествознания — изучает химию, физиологию, антропологию. В естествознании Огарёв ищет пути к решению общих мировоззренческих вопросов, пути познания законов развития человеческой истории. Вместе с тем он далёк от увлечения позитивизмом, который с 1830-х распространяется в Европе.

III этап (конец 1846 — 1856) — дальнейшая корректировка состава библиотеки под воздействием теоретических и практических интересов; дары друзей и знакомых. В марте 1846 года Огарёв вернулся в Россию. 2 ноября он отравляется в Старое Акшино, решив начать осуществление своих социально-экономических экспериментов.

Десять лет Огарёв безвыездно прожил в Акшине. Это было десятилетие преобразований в старинной усадьбе. Важнейшей составной частью этих преобразований явилось уничтожение барщины и органи-

[1] *Огарёв Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения : В 2 т. Т. 2. М., 1956. С. 316.

[2] Там же. С. 360.

зация фермерского типа сельскохозяйственного производства с системой труда за плату. Огарёв строит в Старом Акшине суконную фабрику, в Каменке — винокуренный завод, в русском Баймакове — сахарный завод, приобретает Тальскую писчебумажную фабрику в Корсунском уезде Симбирской губернии. Акшино становится истинным культурным очагом Мордовского края. Здесь открываются школа и больница, химическая лаборатория, появляются экспериментальные сельскохозяйственные угодья. Убеждённый, что фермерство подорвёт основы крепостничества в стране, будет способствовать развитию сельского хозяйства, Огарёв верил, что фабрично-заводской труд уничтожит рабство как явление не только социальное, но и психологическое, то есть искоренит его из сознания людей. В связи с этим прогрессивно настроенный помещик неустанно заботился об улучшении быта своих крестьян, о повышении их культурного уровня. Он создал фонд материальной помощи нуждающимся, разработал проект народной политехнической школы. Программа, рассчитанная на четырёхлетнее обучение, учитывала необходимость органической связи теоретических знаний учащихся с производительным трудом.

Много внимания Огарёв уделял своим научным занятиям. В его письмах этого времени к друзьям содержатся многочисленные просьбы прислать те или иные книги, преимущественно по естествознанию и медицине, химии; он создаёт химическую лабораторию, на протяжении ряда лет оснащая её различным оборудованием.

Социальные реформы Огарёва по разным причинам кончились крахом. В 1856 году он вместе со своей второй женой Натальей Алексеевной Тучковой уехал за границу — на этот раз навсегда. Покидая Россию, Огарёв на льготных продаёт условиях Старое Акшино Сатину. Вместе с имением в собственность Сатина перешла и библиотека Огарёва. На этом завершается процесс её формирования, и она приобретает черты мемориального собрания — ещё при жизни своего бывшего владельца.

Анастасия Безгубова

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ КНЯЗЯ ГРИГОРИЯ ГАГАРИНА КАК ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА-ОРИЕНТАЛИСТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В конце XVIII века собирательство книг в среде аристократии не только приняло характер массового явления, но и обрело устойчивые формы, способы классификации и тенденции. Если на протяжении первой половины столетия русская аристократия, ещё не избалованная путешествиями за границу, довольствовалась упрощёнными переводами известных произведений эпохи Просвещения — Мольера, Ростана, Сирано де Бержерака, аббата Прево, а духовная литература житий и молитвенных сборников составляла основное содержание отечественных типографий, то в конце XVIII века русские книжные собрания пополнялись уже выписываемыми из Европы научными журналами по географии, ботанике, истории, энциклопедиями и собраниями сочинений.

Книжное собрание князя Григория Гагарина (1810—1893), художника и путешественника, формировалось в течение всей его долгой творческой жизни. Наследник княжеского рода, Гагарин был одним из первых убеждённых сторонников возрождения византийского стиля, проповедовавших возвращение русской архитектуры к первоисточникам, то есть к Византии и древнерусскому искусству XI—XIII веков. Последовательное коллекционирование Гагариным всей существующей литературы по византинистике и ориентализму (к которому можно отнести и кавказоведение), активно развивавшимся во Франции, Англии и Германии, свидетельствовало о целенаправленном собирании книг по истории, архитектуре, археологии, палеографии и всего, что хоть как-то касалось региона Ближнего Востока и Индии.

Сегодня коллекция книг Гагарина не составляет единого целого и преимущественно хранится в фонде библиотеки Государственного Русского музея (передана после смерти художника его женой, урождённой С.А. Дашковой). Подробная опись книг находится в Пушкинском Доме (в рукописном отделе ИРЛИ). Она содержит порядка 200 наименований[1].

[1] Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) (далее ОР ИРЛИ). Ф. 66, ед. хр. 200.

Художник, которого мирискусник-искусствовед С. Эрнст назовёт позже «путешественником тех старых времён, когда… умели не спеша, с толком наслаждаться новыми впечатлениями природы и жизни», действительно успел за свою насыщенную жизнь сменить очень много мест проживания: от Италии, где прошло его детство, Франции (учёба в Сорбонне в 1829—1830-м и последние годы жизни), Германии (дипломатическая служба с 1837 по 1838 год) до Петербурга (государственная служба в 1832—1834-м и вице-президентство в Академии художеств в 1859—1872 годах), Кавказа (военная служба, 1840—1842, 1848—1854 годы), Тверской губернии (где художник жил в 1880-е). Кроме того, он успел побывать в Турции, Сирии, Греции, Египте, Англии, Бельгии. И, возможно, то, что сегодня хранится в Русском музее, составляет далеко не полный перечень оригинальной библиотеки Гагарина, чьё собрание наверняка понесло утраты из-за множественных переездов её собирателя. Также многие из книг и альбомов могли унаследовать пятеро детей Гагарина.

Однако даже существующая опись книг позволяет составить весьма любопытный портрет Гагарина-библиофила. Самая значительная часть собрания — альбомы 1840—1880 годов, с гравюрами в формате ин-фолио и издания, касающиеся археологии, истории и искусства Византийской империи и Востока (41 источник). Здесь Г.Ю. Клапрот — «Путешествие в Грузию», Д.Ф. Льюис — «Иллюстрации Константинополя», Дюбуа де Монпере — «Нравы и быт в Индии», Ш. Тексье — «Византийская архитектура на Востоке», Ш. Байо — «История живописи и скульптуры на Востоке до иконоборчества» и другие. Всё это роскошные книги с литографиями, отличающиеся либо научной новизной (книги Клапрота и Дюбуа), либо «живописной» зрелищностью (как альбом Льюиса). В книжной коллекции Гагарина собрана древняя, классическая и романтическая литература, преимущественно на французском, немецком и итальянском языках: Гораций, Виргилий, Данте, Мольер, А.Р. Лесаж, Ж.-Ж. Руссо, Ламартин, Томас Мур, Мильтон, Байрон, Свифт, Гёте, Шиллер, Ж. Санд. Русская литература представлена только двухтомником Пушкина, трёхтомником Марлинского, изданием «Сочинений» В. Жуковского, собранием сочинений Н. Карамзина, что, скорее всего, не отражает истинную картину гагаринского книжного собрания. Гагарин не мог не иметь в библиотеке сборников М. Лермонтова, с которым был дружен в последние годы поэта и чьего «Демона» он иллюстрировал для театральных постановок

«живых картин» в Зимнем дворце (1856)[1]. Не могло не быть в библиотеке «Тарантаса» В. Соллогуба, великолепно им проиллюстрированного в 1839—1840 годах (но изданного в 1845 году; Соллогуб позже признавался, что текст был создан им как сопровождение великолепных рисунков Гагарина). Не могло не быть и произведений Л. Толстого, товарища Гагарина по последним годам кавказской службы, романов И. Тургенева, получивших популярность в 1850—1770-х годах и выражавших многие чаяния русской аристократии. В коллекции есть и иностранная беллетристика, и мемуары, и путевая проза: «Американец в Париже» Д. Сандерсона, дневники Франклина, «Английская Индия» Варена. Есть в книжном собрании и периодические издания: Le Magazine picturesque, L'artiste, Illustration, Salon de 1843.

Однако, будучи по призванию великолепным рисовальщиком, Гагарин большое внимание отводил, прежде всего, коллекционированию альбомов, содержащих ценные для него примеры высокого графического и полиграфического искусства (преимущественно посвящённых Малой Азии, но также Нормандии, Англии, Италии), которые, в свою очередь, не могли не оказать своего влияния на осуществление собственных масштабных проектов художника, таких как литографические альбомы «Живописный Кавказ» (Париж, 1857)[2] и «Собрание древнерусских и византийских орнаментов» (СПб., 1883)[3], «Изображения из святых евангелий в свободных подражаниях древнейшим источникам» (Париж, 1885).

Григорий Григорьевич Гагарин родился в 1810 году в Петербурге, в семье дипломатического сановника Григория Ивановича Гагарина (1782—1837). Род Гагариных принадлежал ветви Рюриковичей и почти во все времена русской истории был приближен к царствующим персонам. Гагарин-отец ещё в бытность своего обучения в Московском благо-

[1] Подробнее см.: *Мурьянов М.Ф.* Лермонтовский «Демон» в Зимнем дворце // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 315—317.

[2] Le Caucase pittoresque. Paris. Издание выходило по подписке, по принципу периодического, в течение десяти лет, с 1847 по 1857 год. Пользовалось большой популярностью у европейской и русской аристократии.

[3] Сборник византийских и древнерусских орнаментов. Собрано и рисовано кн. Гр. Гр. Гагариным. Издан иждивением СПб. училища технического рисования барона Штиглица. СПб.: Штадлер и Паттинот, 1887 (50 цв. листов хромолитографий). Переиздано затем в 1897—1903 годах в трёх «сериях» Экспедицией заготовления государственных бумаг в этой же типографии, с большим количеством иллюстраций.

родном пансионе был серьёзно увлечён русской словесностью, а позже (с 1815 года до времени отъезда за границу в 1816 году) входил в кружок «Арзамас», членами которого были В.А. Жуковский, А.И. Тургенев, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин. Гагарин-старший слыл также покровителем искусств и, будучи с 1822 года дипломатическим советником, а затем посланником (с 1827 года) в Риме, оказывал моральную и материальную поддержку русским художникам-пенсионерам в Италии[1]. Картины многих из них — Сильв. Щедрина, О. Кипренского, К. Брюллова — вошли в коллекцию Г.И. Гагарина, а затем были унаследованы его детьми (всего в семье было пять сыновей). Будучи страстным коллекционером, в своём собрании он имел произведения европейской живописи разных школ XIV—XIX веков: сиенские иконы, Ван дер Вельде, Пьяцетта, Бассуан, Кастильоне, Рубенс, Рейсдал, Вауверман, Сальватор Роза, Клод Лоррен, Гвидо Рени, Д. Креспи[2]. Известно, что в 1817—1829 годах Г.И. Гагарин поддерживал переписку с президентом Академии художеств А.Н. Олениным, основное содержание которой состояло в описании достоинств живописи русских художников, живущих в Риме, и их жизненных трудностей, но также обсуждались и вопросы тенденций и будущего направления развития русского искусства[3].

С 1816 года семья Гагариных фактически обосновалась за границей, но в 1832 году по желанию отца старшие сыновья — Григорий и Евгений — возвращаются в Россию, предоставляются к чину камер-юнкеров и состоят при Министерстве иностранных дел, продолжая служение на дипломатическом поприще (Григорий — в должности протоколиста Азиатского департамента). Из переписки Григория Гагарина — младшего с родителями следует, что в марте 1833 года состоялось знакомство его с А.С. Пушкиным, которому 23-летний художник преподносит свои вариации пушкинских стихотворений[4]; поэт, в свою очередь, предлагает Гагарину проиллюстрировать «Руслана и Людмилу»[5].

[1] Русский биографический словарь. Под ред. Н.П. Чулкова : В 25 т. Т. 4. М., 1914. С. 66—67.

[2] Дело о наследстве хранится в Пушкинском Доме. ОР ИРЛИ. Ф. 66, № 205.

[3] Хранится в Российской государственной библиотеке, в Отделе рукописей Государственного русского музея (далее ОР ГРМ) и в Российской национальной библиотеке.

[4] См. письмо Г.Г. Гагарина отцу от 6 (18) марта 1833 года. ОР РНБ. Ф. 124, № 1034.

[5] Подробнее о сотрудничестве Гагарина с Пушкиным и о посмертном проекте иллюстраций к собранию сочинений Пушкина: *Найдич Э.* Пушкин и художник Г.Г. Гагарин // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952.

В июле 1834 года Григорий Гагарин отправляется в первое путешествие на Восток, в рамках дипломатической миссии А.П. Бутенёва, в Константинополь. Выехав из Петербурга, вместе с остальными участниками экспедиции в Одессе он садится на корабль «Фемистокл», плывущий через Севастополь, через Грецию — в Турцию, откуда он самостоятельно переправляется в Германию (в августе 1836 года), а затем в Россию (начало 1837-го)[1]. Это путешествие, колоритное и насыщенное, определило дальнейшие интересы Гагарина, увлекшегося в дальнейшем сравнительным анализом русской и восточной архитектуры[2]. Гагарин внимательно зарисовывает памятники греко-византийского зодчества и арабско-монгольской архитектуры, в первых из них видя необходимый образец для подражания в отечественном церковном искусстве, а во втором — пример для создания русских гражданских строений в обновлённом стиле.

Восточные впечатления Гагарина станут тем фундаментом, на котором постепенно взрастут его идеи возрождения национального стиля, утраченного, по мнению художника, в период монгольского ига. В «Воспоминаниях о Карле Брюллове», изданных художником в 1855 году в контексте мемуаров о дружбе с создателем «Последнего дня Помпеи», Гагарин рассуждал о значении и недостатках искусства Брюллова, который, «будучи великим художником», «не дал русскому искусству национального направления». Последняя, третья глава воспоминаний была отведена рассуждениям о поиске первоисточников для создания «народного русского стиля», — первоисточников, которые нужно искать не в Италии, чьи мастера в лице Фиорованти и Марко Руффо в XV веке привнесли в московское зодчество любовь к стрельчатым окнам и к узоро-

[1] ОР ИРЛИ. Ф. 66, ед. хр. 186 — датированные письма Г.Г. Гагарина матери Е.П. Гагариной (урождённой Соймоновой). А также: *Корнилова А.В.* Григорий Гагарин. Творческий путь. От романтизма к русско-византийскому стилю. М., 2001. С. 53—60.

[2] Позже Гагарин издаст брошюру «Краткая хронологическая таблица в пособие истории византийского искусства» (Тифлис: типография наместника Кавказского, 1856). В издании художник не только проводит сопоставление эпох Византийской империи и Древней Руси IX—XI веков, арабского каганата с временами монгольского ига на Руси XII—XIV веков, но и предваряет таблицу пространной статьёй «Взгляд на будущность искусства в России». Основным пафосом этой статьи можно считать идею создания «русского народного стиля» на основе греческих и византийских источников. «Искусством же греческим пополнится для вас искусство византийское, и невозможно, чтобы вы не воспламенились желанием довершить этот союз по мере творческих сил!» (с. VII).

чью фасадов теремов, а на Востоке, в Грузии, в Индии: «В Индии нашли бы мы прототипы арабо-монгольского искусства, в Грузии — встретили бы многочисленные образцы предания греческого»[1].

В 1840-х годах Гагарин был прикомандирован к Закавказской экспедиции П.В. Гана, затем — в качестве чиновника по особым поручениям — к Канцелярии военного министерства (возглавляемого на тот момент А. Чернышёвым), в последний «кавказский период» (1848—1854) состоял при Главнокомандующем Отдельным Кавказским корпусом[2]. Но, даже будучи чиновником, Гагарин всегда и везде путешествует с карандашом в руке, благодаря чему мы сегодня можем обратиться к рисункам 28 путевых альбомов, хранящихся в отделе графики Русского музея (из них четыре альбома отражают кавказские мотивы и ещё несколько включают их). В них не только излюбленные Гагариным пейзажи: горные (Грузия, Дагестан), равнинные (Чечня, Транскавказия — сегодняшний Азербайджан), холмистые (Кахетия, Адыгея), но и картины народного быта, костюмы, портретные зарисовки. Особое внимание Гагарин уделяет архитектуре Мингрелии, Кахетии, Карталинии, Абхазии, Армении, Дагестана: многочисленным христианским памятникам, в те времена приходившим в упадок после беспрестанных войн (XVIII века) с персами и турками, а также пещерным, вымершим городам и крепостным сооружениям. Всё вызывает у него неподдельный интерес и подвергается тщательному зарисовыванию. Позже эти зарисовки приобрели законченный вид в виде литографий и вошли в издание «Живописный Кавказ»[3]. И ко времени написания «Воспоминаний о Брюллове» Гагарин может с полным правом говорить об общности черт византийского стиля, подмеченных им в памятниках Греции и Турции, со стилем христианских сооружений VI—XIV веков в Грузии и Абхазии. В своих рассуждениях о формировании «народного искусства» Гагарин исполнен надежды, что национальное искусство России может взрасти на византийских и арабских источниках так же, как итальянский Ренессанс когда-то зиждился на византийском наследии, и что Рафаэль в христианском искусстве то же, что и Фидий в искусстве языческом[4].

---

[1] *Гагарин Г.Г.* Воспоминания о Карле Брюллове. М.: тип. Э. Гоппе, 1855. С. 39.

[2] См.: Послужные списки Гагарина. ОР ИРЛИ. Ф. 66, ед. хр. 7.

[3] Подробнее об этом издании см.: *Безгубова А.* «Византийский князь» Григорий Гагарин» // Антикварное обозрение. 2012. № 1; *Безгубова А.* Мотивы Грузии в иллюстрированном издании «Живописный Кавказ» // Русское искусство. 2013. № 1.

[4] *Гагарин Г.Г.* Воспоминания о Карле Брюллове. С. 7.

Гагарин видит возможность становления обновлённой церковной школы живописи, основанной на изучении византийского наследия, центром которой будет являться Грузия: «Тут — христианский Восток во всей своей первобытной простоте и простодушии»[1]. В связи со своей последовательной идеей реализации подобной школы он увлечён собиранием изданий, посвящённых Кавказу, но, впрочем, и Востоку в целом. В период исполнения должности «по особым поручениям» на Кавказе (1848—1854) при главнокомандующем Кавказским корпусом (М.С. Воронцов) Гагарин стал инициатором создания ремесленных училищ и художественных школ в Грузии. А по возвращении из Тифлиса (указом от 15 декабря 1854 года, фактически — с января 1855 года), будучи назначенным опять же «по особым поручениям» при президенте Академии художеств, которым являлась великая княгиня Мария Николаевна, он успешно продвигает идею создания «класса христианской живописи»[2]. Также Гагарин становится инициатором и воплотителем идеи создания «музея христианских древностей»[3], основу которого составят привезённые из экспедиций учениками Академии иконы, предметы утвари из российской глубинки и с Кавказа (после 1895 года войдут в коллекцию Русского музея). Гагарин очень ценит творческие поиски своих коллег, ищущих вдохновение в русском искусстве домонгольского периода, а также в христианских памятниках Кавказа: в книжной коллекции художника есть работы архитектора Д. Гримма «Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении» (СПб., 1859), Виоле-ле-Дюка «Русское искусство X—XVIII вв.» (Париж, 1878), Ф. Рихтера «Памятник Русского зодчества» (М., 1850), А. Мартынова «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (М., 1848)[4].

---

[1] *Гагарин Г.Г.* Воспоминания о Карле Брюллове. С. 6.

[2] Класс просуществовал до революции и возрождён в начале 1990-х в Санкт-Петербургской Академии художеств. Уточним, что название Императорской Академии художеств сегодня звучит так: Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина.

[3] Подробнее см.: Записка о развитии свободных искусств в России, поданная Е. Им. Выс. Вел. Кн. Марии Николаевне Вице-Президентом Академии Художников кн. Г.Г. Гагариным в 1871 г. в СПб. ОР ГРМ. Ф. 137, ед. 2385.

[4] *Grimm D.* Monuments d'architecture byzantine en Géorgie et en Arménie. 1859 (ин-фолио); *Viollet-le-Duc M.* L'art russe: ses origines, ses éléments constructifs, son apogée, son avenir. 1877; *Mourrier J.* L'art au Caucase. 1882;

О целенаправленном коллекционировании книг по византинистике свидетельствует наличие таких основополагающих для этой науки изданий, как: «Византийское искусство» Ш. Байо, «История византийского искусства» Н. Кондакова, «Строительное искусство Византии» А. Шуази, «Памятники древнехристианской архитектуры в Константинополе с V по XII вв.» Зальценберга, «Пособие по христианской иконографии» Дидрона и П. Дюрана, «Византийский император Нисефор Фокас» Шлумбергера, «Эссе о хронологии Византии. 1057—1453» Э. Муро[1], и других.

Увлечённое собирательство Гагариным книг по византинистике дополнялось и его непосредственной практикой копирования средневековых христианских миниатюр и манускриптов в Парижской национальной библиотеке и в библиотеках Италии.

Собрание книг Гагарина по византийскому и русскому искусству согласно описи выделено в отдельный ящик и насчитывает 41 источник[2]. К нему отнесены многие, преимущественно французские издания, касающиеся истории, археологии, палеографии и этнографии Кавказа. Также в этот раздел вошли некоторые книги по теории строительства, а также по истории архитектуры Италии VI—XI веков (то есть не относящиеся к византийскому периоду: Raphael Cattaneo. «Architecture en Italie VI—XI cc.». 1890) и посвящённые убранству отдельных архитектурных памятников (Alfred Cruivellé. «Basilique de St. Mare — art et histoire». 1889). Гагарин не только собирал книги кавказоведов (М.И. Броссе[3], Ш. Тексье, Дюбуа де Монпере) и византинистов, но и был корреспондентом и адресатом многих из них. Так, помимо переписки с Броссе,

[1] *Bayet Ch.* Art byzantin. 1879; *Kondakov N.P.* Histoire de l'art byzanties. 1886; *Choissy A.* L'art de bâtir chez les byzantins. 1883; *Salzenberg W.* Alt-christliche Baudenkmale von Constantinopel vom V. bis XII. Berlin, 1854; *Schlumberger G. Un Empereur byzantine Xs. Nicéphor Phocas. 1890; Didron et Paul Durand. Manuel d'iconographic chrétienne. 1845 ; Murralt E.* Essai de chronographie Byzantine, 1057—1453. 1878.

[2] ОР ИРЛИ. Ф. 66, ед. хр. 200, л. 81—81 об.

[3] Броссе Марий Иванович (Brosset Marie-Félicité) (1802—1880) — французский учёный, один из первых специалистов по истории и письменности Грузии. С 1842 года постоянно проживал в Петербурге, с 1842 года состоял в должности библиотекаря Императорской Публичной библиотеки, а с 1851-го был хранителем восточного нумизматического отдела Эрмитажа. В описи книжной коллекции Гагарина упомянуто о 15 изданиях М.И. Броссе: Atlas per le voyage archeologique: en Transcaucasie. 1850; Description de la Géorgie. 1842; Histoire ancienne de la Géorgie. 1849; Ruines d'Ani sons les Bagratides X—XI. 1860 и другие.

в Пушкинском Доме хранятся письма от Ж. Роа Флери (G. Rohalt de Fleury), Ф.И. Буслаева, Ш. Тексье (Charles Texier, 1802—1871). С Тексье, известным исследователем Кавказа, его связывала дружба, возникшая в период путешествия 1834—1836 годов[1].

Повинуясь, казалось бы, одному поветрию ориентализма, охватившему всю учёную элиту Европы в 1820—1840-е годы, Гагарин всё же подчиняет свои разрозненные впечатления конструктивной идее: найти верные источники для формирования национального стиля. Известно, что князь Григорий Гагарин получил в придворном окружении прозвище «византийский князь», так его называли с ироническим подтекстом художники-современники[2]. Но Гагариным руководило подлинное желание поиска высокого стиля в церковном искусстве (к XIX веку действительно пребывающем в упадке). «Для развития в России национального искусства, — писал художник Григорий Гагарин, — крайне недостаточно изучать предания его только по памятникам, находящимся в России; нет, для этой великой и плодотворной цели — необходимо глубокое изучение не только византийского искусства вообще, но также и всех его разветвлений; арабо-монгольских памятников в Индии и чистого византийского стиля в Константинополе, в Грузии (храм Бетания), в Армении, по северо-восточным берегам Черного моря (храм Пицунда) и т. д.»[3].

---

[1] В коллекции Гагарина имелся следующий труд Тексье: *Texier Ch.* Architecture bysantine en Orient. 1864.

[2] Е. Штакеншнейдер в дневнике вспоминает о том, что «бюрократическая верхушка академии встретила с большой недоверчивостью назначение «молодого, здорового и предприимчивого любителя искусств» — «византийского князя». *Штакеншнейдер Е.* Дневники и записки. М. ; Л., 1934. С. 11. Известно также, что в письмах Гагарина жене (ОР ИРЛИ. Ф. 66, ед. хр. 676 — после 1846 г.) художник упоминает о том, что императрица назвала его «l'oriental désoriente» («дезориентированный ориенталист»).

[3] *Гагарин Г.Г.* Воспоминания о Карле Брюллове. С. 41.

Галина Алексеева

«БИБЛИОТЕКА ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ СОСТАВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЫМ МИРОМ»

Из истории личной библиотеки Л.Н. Толстого в связи с включением яснополянской библиотеки писателя в реестр ЮНЕСКО

Включение личной библиотеки Л.Н. Толстого в мае 2011 года, на заседании президиума ЮНЕСКО в Манчестере, в реестр ЮНЕСКО «Память мира» для мирового культурного сообщества, для исследователей творчества Толстого, музейных работников, библиографов, культурологов является событием весьма значительным: яснополянская библиотека великого писателя — это уникальный памятник, который не только по-своему рассказывает о его жизни и творчестве, но и является своеобразной книжной летописью князей Волконских и графов Толстых.

Работа по сохранению и каталогизации огромного книжного собрания началась более ста лет назад, в 1880—1900-е годы, членами семьи Толстого — Софьей Андреевной и Татьяной Львовной Толстыми, а также другими близкими писателю людьми. К концу 1880-х годов собрание книг и журналов Волконских — Толстых увеличилось столь значительно, что размещалось уже не в двух шкафах, как это было в начале 1860-х, а в тринадцати. Необходимо было систематизировать и каталогизировать библиотеку, чем и занялся А.М. Новиков, учитель детей Л.Н. Толстого, выпускник математического факультета. Вот как он описывает работу по каталогизации библиотеки: «Вторая работа, на которой опять мы сошлись со Львом Николаевичем, была приведение в порядок яснополянской библиотеки. Книг было много, 13 шкапов, и книг самых разнообразных… <…> И все эти книги были свалены без описи, без всякого порядка, в 13 шкапах. Я не мог отнестись равнодушно к участи такого культурного богатства и засел за составление каталога и за расстановку книг»[1].

Старшая дочь писателя, Татьяна Львовна Толстая, приняла в каталогизации самое деятельное участие. Учитывая ценнейшие советы близкого друга семьи Н.Н. Страхова, она составила первый карточный

[1] *Новиков А.М.* Зима 1889—1890 годов в Ясной Поляне: (Картины яснополянской жизни в 1890-х годах) // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. М., 1978. С. 443.

каталог яснополянской библиотеки, который до сих пор как раритет бережно хранится в фондах Дома Л.Н. Толстого. Карточный каталог, в создании которого принимала участие Софья Андреевна и другие члены семьи Толстых, послужил основой для работы по библиографическому описанию яснополянского книжного собрания, которое и проделала в 1908 году С.А. Толстая. Она предприняла попытку не только каталогизации, но и тематической систематизации книг на русском, французском, немецком и английском языках. В Москве, в магазине «Мюръ и Мерилизъ», были приобретены три большие, конторского типа книги, которые впоследствии были переплетены в тома каталога книг на русском, французском, английском языках и находятся поныне на письменном столе верхней библиотечной Дома Л.Н. Толстого; каталог книг на немецком языке сохраняется в рабочей тетради. В каталоге С.А. Толстой есть разделы: «Религия и философия», «Литература и критика», «История и биография», «Натуральная история», «Путешествия, математика», «Образование», «Политическая экономия и юриспруденция», «Медицина и разное». Последний раздел — «Журналы»; есть раздел «Старая библиотека». Регистрируя книгу, С.А. Толстая отмечала количество томов, шкаф и полку. Но работа, к сожалению, не было завершена в том объёме, что был задуман Софьей Андреевной.

В отличие от некоторых других усадебных библиотек, владельцы которых в подражание европейским библиофилам заводили у себя переплётные мастерские, в Ясной Поляне книги, как правило, отправляли переплетать в Тулу или Москву, и на некоторых изданиях сохраняются соответствующие пометы, сделанные рукой С.А. Толстой.

В 1912 году Московское Толстовское общество направило в Ясную Поляну профессора А.Е. Грузинского, известного учёного, переводчика, редактора «Нового сборника писем Л.Н. Толстого» (1912) и сборника «Письма Л.Н. Толстого к жене» (1913). Он провёл в Ясной Поляне месяц и в общих чертах ознакомился с библиотекой, составив картину читательских интересов Толстого, но количественная характеристика книг, сделанная Грузинским, требовала серьёзных уточнений. В письме к С.А. Толстой от 21 октября 1912 года он сообщает, что сдал статью о библиотеке в «Толстовский ежегодник».

В том же 1912 году по решению Толстовского общества приступил к работе В.Ф. Булгаков. Бывший секретарь писателя, он принял во внимание все инструкции, полученные от А.Е. Грузинского. В.Ф. Булгаков завершил работу по исследованию библиотеки в 1916 году, подготовив

пять рукописных книг библиографического описания. В декабре 1952 года по возвращении Булгакова из эмиграции работа по научно-библиографическому описанию яснополянской библиотеки возобновилась. Была избрана комиссия по выработке методики и принципов описания. В её состав вошли известные учёные — Н.Н. Гусев, К.Н. Ломунов, А.И. Шифман. Под редакцией В.Ф. Булгакова стали выходить в свет тома русской части библиотеки[1]. Последний том, с описанием периодических изданий на русском языке, вышел в 1978 году[2].

В 1920-е годы, в отсутствие Булгакова, работа по каталогизации яснополянской библиотеки была продолжена по инициативе директора музея Александры Львовны Толстой. В яснополянском архиве хранится письмо в Толстовский музей в Москве ещё от 11 января 1924 года, в котором «Управление имения «Ясная Поляна» просит откомандировать Вашего работника — библиотекаря Варвару Дмитриевну Пестову для приведения в порядок библиотеки Дома Музея в Ясной Поляне»[3].

28 марта 1927 года А.Л. Толстая пишет в Главнауку, в музейный отдел, письмо о том, что совет музея-усадьбы постановил пригласить специалиста из Московского Исторического музея для консультации по описанию библиотеки. По ходатайству А.Л. Толстой Исторический музей командировал в Ясную Поляну своего научного сотрудника, профессора Евгения Николаевича Ефимова. Под его руководством в летние месяцы 1927 и 1928 года велась интенсивная работа по подготовке карточного каталога и инвентарных книг личной библиотеки Л.Н. Толстого. Примерно в это же время Главнаука открыла финансирование работ по описанию библиотеки.

В Ясной Поляне развернули большую деятельность по приведению библиотеки в порядок: реставрировали, переплетали в Туле некоторые книги, заказали двенадцать специальных ящиков для карточного каталога и бюро к ним, составляли списки книг, пропавших в период с 1912 по 1927 год. Группа библиографов под руководством Ефимова по возможности максимально полно на тот момент времени провела каталогизацию: в карточном каталоге были учтены почти все издания, за исключением некоторых книг так называемой «старой библиотеки» из 24-го шкафа, а также тех книг, которые директор музея С.А. Толстая-Есенина

[1] Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. Т. 1: Книги на русском языке. Ч. 1—2. М., 1972.

[2] Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Т. 2: Периодические издания на русском языке. М., 1978.

[3] Яснополянский архив. Ф. 1, оп. 1, № 452.

в 1939 году передала в личную библиотеку писателя из библиотеки Т.Л. Толстой в Москве. Осуществить достаточно полное описание библиотеки в то время было делом чрезвычайно сложным: шла подготовка 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого, возы книг отправляли в Москву по запросам специалистов, книги возвращались не всегда вовремя, что вносило определённые трудности в работу библиографов. Тем не менее в достаточно сжатые сроки карточный каталог и четыре инвентарные книги яснополянской библиотеки были подготовлены.

В 1983 году, через пять лет после выхода томов русской части каталога, была начата работа по научно-библиографическому описанию иностранной части личной библиотеки писателя, которая составляет примерно половину книжного собрания Ясной Поляны, то есть около 11 000 единиц. В третий том каталога входят описания книг, изданных в период с 1613 по 1910 год включительно на всех языках, кроме русского. В третий том включены и издания на языках народов Российской империи. Таким образом, научно-библиографическое описание иностранной части содержит два алфавитных ряда — латинский и кирилловский[1].

В библиотеке Толстого насчитывается около 5 тысяч книг на иностранных языках, из них около 250 книг — XVII—XVIII веков и несколько десятков — первой трети XIX века. Это всё, что входит в понятие «старая библиотека». В результате научно-библиографического описания удалось скорректировать некоторые характеристики яснополянского книжного собрания. Теперь со всей определённостью можно говорить о самой старой книге в библиотеке: это книга Филона Александрийского, изданная в Кёльне в 1613 году с параллельными текстами на древнегреческом и латинском языках, хранящая пометы, сделанные, возможно, рукой Л.Н. Толстого.

Д.П. Маковицкий, домашний врач писателя, сделал верное замечание о том, что библиотека Толстого составлялась целым миром. И действительно, в последние три десятилетия жизни писателя происходило значительное пополнение библиотеки, очень часто за счёт книг-подарков, присланных, привезённых друзьями, знакомыми, просто почитателями великого писателя. Отсюда огромное количество книг с дарственными надписями его современников. Кроме того, в библиотеке хранятся книги, переданные Толстому для работы. Среди них — книги с владельческими записями Н.Н. Страхова — известного критика,

[1] Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. Т. 3 : Книги на иностранных языках. Ч. 1—2. Тула, 1999.

Н.И. Стороженко — библиотекаря Румянцевского музея, В.Г. Черткова, некоторых других лиц. Следует отметить также, что книги не только поступали в библиотеку, но и легко «уходили» из неё: Лев Николаевич «записным» библиофилом не был и, по словам С.А. Толстой, не имея привычки правильно и постоянно пополнять свою библиотеку, приобретал книги, главным образом нужные для той или иной работы.

Несмотря на некоторые лакуны, объяснимые временем, историческими обстоятельствами, библиотека весьма интересна по составу. В «старой библиотеке», то есть среди книг, принадлежавших деду, Н.С. Волконскому, родителям писателя, тётеньке Т.А. Ергольской и, возможно, прадеду С.Ф. Волконскому, есть почти все те издания, которые являлись неотъемлемой чертой библиотеки любого просвещённого дворянина. Сочинения французского поэта и переводчика Жака Делиля, немецкого географа Адама Гаспари, мемуары Сен-Симона, собрание сочинений учёного и писателя Жана Жака Бартелеми, произведения масона, богослова протестантской церкви Готтфрида Арнольда, сочинение Фомы Кемпийского «Подражание Христу», «История Цезарей» Светония (в трёх томах), произведения Сэмуэля Ричардсона, Вольтера, Руссо, Поль де Кока, собрание сочинений Бюффона, Кювье, издания историка и экономиста Юма, историка Мишо, а также сочинения Адама Смита, Иммануила Канта, «Курс философии Кузена», — вот что по-прежнему, как много лет назад, можно увидеть на полках яснополянской библиотеки. В библиотеке бережно хранятся книги Ветхого и Нового Завета на иврите, древнегреческом, английском, французском, польском, других языках.

В. Грибовский в статье «У графа Л.Н. Толстого», опубликованной в «Неделе», восторженно отмечает: «Между его книгами можно найти представителей почти всех философских систем»[1]. Б.А. Лазаревский в статье «В Ясной Поляне» пишет: «На полках много старых книг. Всё больше по теологии: несколько библий, евангелий… Отдельные патерики, послания апостолов, требники, Жития святых…»[2] Некоторые издания, безусловно, появились в библиотеке уже при Льве Николаевиче Толстом, возможно, были привезены им из европейских путешествий, как, например многие книги по педагогике, заказанные в Лондоне. При Толстом яснополянская библиотека пополнилась изданиями Диккенса, Теккерея, Троллопа, Джорджа Элиота, Макалея, Дюма, По, Лонгфеллоу, некоторыми изданиями Расина, Корнеля, Лафонтена, Бернарда Шоу, Франса,

[1] Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. С. 49.

[2] *Лазаревский Б.А.* «В Ясной Поляне» // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 307.

Мопассана, «Малороссийскими сказками» М.П. Драгоманова, сочинениями И.К. Карпенко-Карого, а также такими раритетами-памятниками, как Четвероевангелие в древнегрузинском переводе по рукописям 913 и 995 годов, изданное Императорской Академией наук в 1909 году. Хотя преимущественное значение, безусловно, Толстой уделял классической литературе, религии, истории и философии, в яснополянской библиотеке, среди книг на иностранных языках, можно найти сочинения по всем отраслям знаний. Часто, независимо от воли владельца, в библиотеке собирались издания, которым мог позавидовать и библиофил. Так, кроме изданий на старославянском и русском языках, в библиотеке Толстого хранится около тридцати изданий Библии на древнегреческом, иврите, латинском, английском, немецком, французском, нидерландском, шведском, словацком языках.

Многие книги выходили в литературных сериях, и таких книг в библиотеке большое количество. Наиболее полно сохранившаяся серия, очень популярная в XIX веке, на которую Толстой, возможно, был подписан, — «Collection of British Authors» Бернгарда Таухница (около 220 томов). Есть также серии: «Собрание английских авторов Эшера», «Собрание Мишеля Леви», «Библиотека воспитания и досуга» (на французском языке), «Заочная школа прекрасного здоровья» (на английском языке), «Серия по проблемам брака», «Собрание современных историков» (на французском языке), «Философская классика для английских читателей», «Международная школа мира», «Серия Национальной библиотеки» (на французском языке), учебная серия Харпера, географическая серия Гийота и другие. Вот как описывал яснополянскую библиотеку Г. Данилевский в статье для «Исторического вестника» (1886): «Полки берёзовых шкафов, с стеклянными дверцами… снизу доверху уставлены старыми и новейшими, иностранными и русскими изданиями. За рабочим креслом графа, в большой стенной нише, — открытые полки, с подручными книгами, справочниками, словарями, указателями и проч. Остальные свободные стены этой части комнаты также заняты полками с книгами. Здесь, как и в шкафах и в нише, виднеются — в старинных и новых переплётах и без переплётов — издания сочинений Спинозы, Вольтера, Гёте, Шлегеля, Руссо, почти всех русских писателей, затем — Ауэрбаха, Шекспира, Бенжамена Констана, Де-Сисмонди, Иоанна Златоуста и других, иностранных и русских, духовных и светских мыслителей. Жития святых, «Четьи-Минеи», «Пролога́», — перевод на русский язык «Пятикнижия» Мандельштама, еврейские подлинники «Ветхого

Завета» и греческие тексты «Евангелия», «Мировоззрение талмудистов» с немецкими, французскими и английскими комментариями, установлены на полках, рядом с известными русскими проповедниками и русскими и иностранными, духовно-нравственными, дешёвыми, изданиями для народа»[1]. Почти все упомянутые Данилевским издания можно по-прежнему увидеть на книжных полках яснополянского Дома Л.Н. Толстого.

Издания произведений Толстого в переводах на иностранные языки весьма многочисленны и находятся в нескольких шкафах, а также на полке в спальне писателя (издания на французском языке в переводе И. Гальперина-Каминского), на что обратил внимание немецкий биограф Л.Н. Толстого Р. Левенфельд: «Библиотека Толстого, тщательно приведённая в порядок графинею, которая вносит в каждую книгу название шкафа, отделов и нумер, заключает в себе множество русских классиков и в особенности французских историков, классиков великих культурных народов, большею частью в хороших изданиях, и множество переводных произведений Толстого на всех европейских языках»[2]. Об отношении Толстого к своим сочинениям интересно вспоминает Н.Н. Гусев: «Про свои произведения он говорил: — Я люблю читать вслух те свои сочинения, о которых хочу составить себе представление, какое впечатление они производят на других. Переношусь в слушателей, замечаю, ясно ли им, следят ли они, не скучно ли им. Толстой всегда приглашал всех критиковать его новые произведения, охотно выслушивал замечания и, если признавал их справедливость, сейчас же исправлял написанное»[3].

Сочинения Толстого выходили в сериях: «Celebrated Russian Novels» (эти книги приобретались на Большой Морской улице, в Петербурге, в английском магазине), «Later works of Tolstoy / Ed. by V. Tchertkoff & A. C. Fifield», «The Novels of Leo Tolstoy», «Поучительное чтение» (на словацком языке), «Народные чтения в Соляном городке» (на английском языке), «Възраждане» (на болгарском языке). Выходили не только отдельные издания, но и собрания сочинений (в библиотеке хранится собрание сочинений Л.Н. Толстого на французском языке в 28 томах в переводе Биенштока).

Несомненный интерес для исследователей представляют книги, которые условно можно выделить в раздел «Современники о Толстом».

---

[1] Интервью и беседы с Львом Толстым. М., 1986. С. 25—26.

[2] Там же.

[3] *Гусев П.П.* Лев Толстой — человек // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. Т. 2. М, 1978. С. 361.

Таких книг немало, и многие из них написаны довольно известными зарубежными современниками писателя (Уильям Стэд, Вильгельм Боде, Жорж Бурдон, Алиса Штокхэм, Петер Нойков и другие). Есть здесь и переводы трудов, принадлежащих перу известных русских исследователей жизни и творчества Л.Н. Толстого, таких как Пётр Сергеенко, Павел Бирюков, и другие.

В библиотеке есть ряд книг, которые по своему оформлению представляют несомненную художественную ценность. Книги, изданные на специальной бумаге, в роскошных обложках из тончайшей замши, в переплётах из слоновой кости с позолотой.

Книги с читательскими пометами Л.Н. Толстого составляют поистине «золотой фонд» яснополянской библиотеки. В иностранном отделе таких — около 400 томов, хотя, по свидетельству современников, их было значительно больше. Н.Н. Гусев вспоминал в этой связи: «Следует, однако, сказать, что Толстой не был библиофилом и не берёг своих книг, а охотно давал их читать всем желающим. Вследствие этого многие книги, о которых мы определённо знаем, что Толстой их читал с карандашом в руках, в настоящее время уже отсутствуют в библиотеке Ясной Поляны»[1].

Разнообразные по характеру толстовские маргиналии свидетельствуют о многогранной деятельности Толстого — художника, педагога, историка, философа-проповедника, общественного деятеля; они помогают узнать, как Толстой понимает текст того или иного литературного произведения, определить пространство художественного действия текста, то есть выявить момент синтеза эстетического и практического опыта, когда практика Толстого-читателя органично входит в горизонт его жизненного опыта, миропонимания и мировосприятия. Диапазон читательских интересов Толстого широк — от книг Ветхого и Нового Завета, Талмуда, античных философов, представителей французского и английского Просвещения, мудрецов Востока до современных ему писателей, которые только вступали в мир литературы.

Дальнейшее изучение и исследование личной библиотеки Л.Н. Толстого представляется чрезвычайно полезным и нужным: так или иначе библиотека с её уникальным книжным составом растила и формировала гениального художника и мыслителя, являлась источником его замыслов, создавала в течение десятилетий неповторимую культурную ауру.

---

[1] *Гусев П.П.* Лев Толстой — человек. С. 361.

Надежда Шведова

КНИГИ ИЗ СОБРАНИЯ Ю.Б. ШМАРОВА В КОЛЛЕКЦИИ «РЕДКАЯ КНИГА» МУЗЕЯ-ПАНОРАМЫ «БОРОДИНСКАЯ БИТВА»

В память Юрия Борисовича Шмарова,
большого друга нашего музея

Юрий Борисович Шмаров (1898—1989) — известный специалист по генеалогии и геральдике российских дворянских родов, потомственный дворянин, посвятивший всю свою жизнь собиранию материалов по истории русского дворянства. Даже в ГУЛАГе (1933—1937) он занимался любимым делом. Свою уникальную коллекцию за год до смерти Юрий Борисович передал Государственному музею А.С. Пушкина. А началось всё с составления генеалогического древа своего рода, начатого ещё его дедом. Со студенческих лет Юрий Шмаров коллекционировал живопись, гравюры, рисунки, рукописи, книги. Широко известно его собрание дворянских портретов, начало которому было положено ещё в 1918 году. Как радовался и как гордился Юрий Борисович тем, что на выставке «Русский портрет из московских частных собраний», организованной в 1974 году Союзом художников РСФСР, было представлено двадцать портретов из его коллекции. А к 100-летию Ю.Б. Шмарова благодаря хранителю его коллекции Ольге Владимировне Рыковой выставка художественных портретов из его собрания была организована в Государственном музее А.С. Пушкина.

Ю.Б. Шмаров — юрист по образованию, но его призванием была история российской культуры, которую он по крупицам собирал всю свою жизнь.

В начале 1920-х годов в Государственном историческом музее была организована Комиссия по изучению старой Москвы. Возглавил её художник А.М. Васнецов, а практическую работу осуществлял известный историк П.Н. Миллер. Здесь готовили и читали доклады, к ним устраивали однодневные выставки, отмечали юбилейные даты, связанные с историей города. Ю.Б. Шмаров входил в состав молодого поколения комиссии.

В то время было принято решение серьёзно изучать памятники Подмосковья. Вокруг столицы находились интереснейшие образцы уса-

дебной архитектуры. Так возникло известное в 1920-е годы Общество изучения русской усадьбы, в работе которого Юрий Борисович принимает активное участие. Члены общества поставили на учёт все сохранившиеся памятники культуры Подмосковья. В 1928 году вышло издание «Памятники усадебного искусства. I. Московский уезд», одним из авторов которого был Ю.Б. Шмаров. А с 1960-х он руководил историко-краеведческим кружком при библиотеке имени М. Горького Московского государственного университета[1].

Юрия Борисовича знали многие историки, литературоведы, кинематографисты, музейные работники… Гостеприимный хозяин с радостью принимал всех, кого интересовала культура в самом широком понимании этого слова. Его дом в 1960—1980-е годы стал поистине «дворянским центром» Москвы, куда шли не только для того, чтобы получить генеалогическую справку, но и для того, чтобы приобщиться к истории.

Он жил в Москве недалеко от Арбата, на пересечении Гагаринского и Хрущёвского переулков, — занимал две комнаты в коммунальной квартире в необычном доме, напоминающем ему дворянскую усадьбу. В особняке, который вошёл в историю архитектуры Москвы как «дом Штейнгеля». Барон, масон, полковник, участник Отечественной войны 1812 года и будущий декабрист Владимир Иванович Штейнгель (1783—1862) построил особняк в 1813—1817 годах на фундаменте дома, сгоревшего во время московского пожара двенадцатого года. Деревянный одноэтажный дом с антресолями — редкий, сохранившийся почти без изменений образец московского «послепожарного» ампира[2].

Интерьер квартиры Юрия Борисовича был так же необычен, как и дело, которым он занимался. Сохранялась планировка, частично первоначальная отделка дверей, карнизов, подшивного потолка с росписью, резная дверь, прикрывающая потайную комнату, где часто проходили заседания Масонского ордена Москвы. Все стены сверху донизу были увешаны собранными Шмаровым портретами. Были здесь и живопись, и акварель, и пастель, и эстамп, и много-много книг.

Шмаров собрал уникальную библиотеку. Вообще надо отметить, что приобретал он только книги, необходимые ему в работе. Чаще всего это были книги справочного характера, книги с публикацией архивных

[1] Подробнее см.: Москва : Энциклопедический справочник. М., 1992. http://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/3614/ Шмаров.

[2] См.: *Басманов А.Е.* Особняк с потайной дверью. М., 1981.

материалов, книги на правах источников. Многие из них — с интересной историей бытования, с интересными пометами бывших владельцев, выпущенные небольшим тиражом.

Всем хорошо известно замечательное собрание книг Юрия Борисовича по генеалогии, родословию и геральдике. Но он был человеком разносторонних интересов. При атрибуции военного портрета нужны были знания по военному костюму, наградам, чинам и так далее. Необходимо было ответить на многие вопросы: кто носил эполеты, а кто погоны? какие были галуны, звёздочки, цвет мундира? какое оружие? нумерация на погонах?.. А ответ могли дать только книги. Так сформировался один из разделов библиотеки, посвящённый военному костюму, истории армии. Шмаровым собрана уникальная коллекция историй полков, в том числе полков — участников Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813—1814 годов.

Эта часть его собрания (55 книг) в 1965—1966 годах поступила в коллекцию музея-панорамы «Бородинская битва». Она составила основу полковых историй в музейной коллекции, определила одно из направлений комплектования. Юрий Борисович был членом фондово-закупочной комиссии музея-панорамы и оказывал большую помощь в дальнейшем пополнении этой коллекции.

Благодаря связям Шмарова с русскими эмигрантами музей приобрёл «Историю Лейб-гвардии Конного полка»[1]. Писать её начали офицеры полка ещё в России; позже, в эмиграции, было принято решение о её издании. Начал писать эту историю герцог Г.Н. Лейхтенбергский, продолжил полковник В.Ф. Козлянинов, после его смерти трудился А.П. Тучков, потомок известных участников Отечественной войны 1812 года, а затем — В.И. Вуич. Книги были отпечатаны ограниченным тиражом, все экземпляры были нумерованы и распространялись по подписке только в эмигрантской среде. В России сейчас находится не более пяти экземпляров данного издания.

На сегодняшний день музей благодаря Ю.Б. Шмарову имеет одну из лучших коллекций полковых историй российской армии. Полковые истории писали по заказу полка или военные историки, или офицеры полка на основе полковых архивов, часто с публикацией архивных материалов. А так как во время революции полковые архивы или погибли, или оказались рассеянными, то полковые истории являются единственными источниками и имеют большое значение. Издания полковых

[1] История Лейб-гвардии Конного полка. Т. 1—4. Париж, 1938—1966.

историй на сегодняшний день являются библиографической редкостью, особенно те из них, которые издавались в губернских городах или по месту расположения части.

Знакомясь с собранием полковых историй Юрия Борисовича Шмарова, понимаешь, что он очень хорошо знал войсковую историографию. В комментариях к книгам коллекционер часто ссылается на справочник «Перечень историй и памяток войсковых частей»[1], не потерявший значение и в наши дни. В его собрании представлены все рода войск, практически все истории гвардейских полков, истории военно-учебных учреждений, учреждений для управления армией. И начинает этот список первая полковая история «Краткий очерк Лейб-гвардии Финляндского полка», составленная участником Отечественной войны 1812 года А. Мариным[2]. Собирал Шмаров и отдельные работы об участии полков в Отечественной войне 1812 года, в Бородинском сражении. Не случайно в его собрании оказалась и книга «Отечественная война 1812 года. Исторические материалы Лейб-гвардии Семёновского полка»[3] — единственная публикация архивных материалов по Отечественной войне 1812 года, вышедших отдельным изданием к столетнему юбилею войны.

Экземпляры в собрании Ю.Б. Шмарова редкие, ценные, с очень интересной историей — с дарственными и владельческими надписями, книжными знаками полковых и частных библиотек. Они получили дальнейшую жизнь в библиотеке Юрия Борисовича, а затем в собрании нашего музея.

В красивом цельнокожаном переплёте коричневого цвета, с золотым тиснением и золотым обрезом «История Лейб-гвардии Павловского полка»[4] из библиотеки этого же полка, где прожила долгие годы, очевидно с момента издания до 1917 года, судя по тому, что на книге и штамп, и экслибрис, и суперэкслибрис библиотеки Павловского полка.

---

[1] *Григорович А.* Перечень историй и памяток войсковых частей. Ч. 1. Гвардейский корпус, гренадерские, пехотные и стрелковые части, драгунские, уланские, гусарские и казачьи полки. Изд. 2-е, доп. СПб.: Первая Женская тип., 1913.

[2] *Марин А.* Краткий очерк Лейб-гвардии Финляндского полка, или Материалы в воспоминаниях и рассказах для полной истории полка, с портретами и планами Бородинского и Лейпцигского сражений. Кн. 1—2. СПб.: в тип. Императорской академии наук, 1846.

[3] Отечественная война 1812 года. Исторические материалы Лейб-гвардии Семёновского полка. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911.

[4] История Лейб-гвардии Павловского полка, составленная П. Вороновым и В. Бутовским. СПб.: тип. М. Эттингера, 1875.

«Исторический очерк Лейб-гвардии первого стрелкового… батальона…»[1], также хранившийся в полковой библиотеке.

«История Преображенского полка»[2] с дарственным автографом М.П. Азанчевского А.И. Юшкову, в котором он пишет об окончании работы над книгой, о важности её для познания истории России, описания основных традиций и боевых преданий полка. И с надписью следующего владельца:

«Эти книги были напечатаны всего / в количестве 360 экземпляров / Б. Шмаров».

«Краткая история 19-го пехотного Костромского полка»[3] в цельнокожаном переплёте синего цвета с золотым тиснением, с дарственной надписью: «Родному городу Костроме / на память / от признательнаго 19 пехотнаго / Костромского полка 25 Іюня / 1900 года. Лагер при г. Житомир. / Командир полка / Полковник фон Герсдорф».

Одна из лучших полковых историй — «История 14-го уланского Ямбургского… полка»[4] из библиотеки 2-го гренадерского Ростовского полка, попавшая потом в библиотеку военного историка В. Афанасьева[5], бывшего одним из консультантов Ф.А. Рубо во время работы художника над панорамой «Бородино». И тут же книга самого В. Афанасьева «Павловцы На Бородинском поле»[6] с владельческой автографом «В. Афанасьев / 12/II/912/Москва».

На книге «История Лейб-гвардии Семёновского полка»[7] находится несколько книжных знаков: экслибрисы писателя-истори-

---

[1] Исторический очерк Лейб-гвардии первого стрелкового Его Императорского Величества батальона с 1856 по 1885 год. Составил генерал-лейтенант П. Карцов. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского, 1885.

[2] История Преображенского полка. Составил Лейб-гвардии Преображенского полка штабс-капитан Азанчевский 1-й. М.: в тип. Каткова и К°, 1859.

[3] Краткая история 19-го пехотного Костромского полка с 1805 по 1900 г. Составил Владимир Богданович. Житомир: тип. М.М. Катерберга, 1900.

[4] *Крестовский В.В.* История 14-го уланского Ямбургского Её Императорского Высочества Великой Княжны Марии Александровны полка.– СПб.: тип. М.О. Эттингера, 1873.

[5] Афанасьев Владимир Александрович (1873—1953), военный историк, профессор, член РВИО, Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года.

[6] *В. Афан*асьев, Генерального штаба полковник. Павловцы на Бородинском поле 26-го августа 1812 года. М.: печатня А. Снегирёвой, 1912.

[7] История Лейб-гвардии Семёновского полка. 1683—1854. Составил Лейб-гвардии Семёновского полка штабс-капитан Карцов. СПб.: в тип. Штаба Военно-Учебных Заведений, 1852.

ка С.Н. Шубинского[1], коллекционера материалов по истории русского оружия и Отечественной войне 1812 года В.П. Никифорова и Ю.Б. Шмарова.

На титульных листах нескольких книг владельческая надпись советского писателя Сергея Голубова[2]. У него была большая историческая библиотека, но она тоже «разлетелась». Книги из его библиотеки можно было приобрести в букинистических магазинах, практически у всех коллекционеров, с которыми музей был связан.

Работая с книгами из собрания Юрия Борисовича Шмарова, понимаешь: книги в его библиотеке не просто стояли на полке, они жили вместе с хозяином. Часть изданий была даже перевезена на Север, где Шмаров оставался вольнонаёмным до 1957 года. На многих книгах он указывал тираж, иногда стоимость при выходе, писал «справки» — как сам определял сведения, связанные с историей полка или самой книги. Вот один пример. На книге «Краткая история 10-го Гренадерского Малороссийского … полка»[3] на нижнем форзаце мелким острым почерком сделана надпись: «Малороссийские гренадеры / … Единственный полк Российской императорской армии, имевший отличие за взятие двух столиц: 1). Серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г. 2). Знак на шапке за взятие Парижа. За войну 1914—1917 г. полк имел 11 георгиевских / кавалеров (офицеров) и 9 чел георгиевским оружием офицер 10 гренд. п. Н. Витте / См. Военную быль. 1953. № 7 ст. 46 Париж. 1953». И тут же приклеена газетная статья «Марш, посвящённый Фрунзе»[4] — о сочинении капельмейстера Андрея Николаевича Дышмана. Строчки «Затем стал военным дирижёром-капельмейстером гренадерского Малороссийского полка» подчёркнуты красным карандашом.

---

[1] Шубинский Сергей Николаевич (1834—1913), генерал-майор, писатель-историк, редактор исторического сборника «Древняя и Новая Россия», журнала «Исторический вестник».

[2] Голубов Сергей Николаевич (1894—1962), русский советский писатель, автор книг «Солдатская слава» (1939) о кавказской войне 1830 года, «Из искры пламя» (1940) — о декабристах, «Багратион» (1943), «Сотворение века» (1947) — о Первой мировой войне, «Когда крепости не сдаются» (1953) — об обороне Брестской крепости и о Д.М. Карбышеве, «Птицы летят из гнёзд» (1958) — о Христо Ботеве, других.

[3] Краткая история Гренадерского малороссийского генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полка. Составлена того же полка подполковником Р.И. Правиковым. Моршанск: тип. П.К. Геллер, 1889.

[4] Из газ.: Советская культура. 2 февр. 1965 г.

Синим карандашом на «Истории 2-го драгунского С. Петербургского… полка»[1] написаны строки из «Журавля» (полковой песни весьма лёгкого содержания):

«Алый лацкан манит дев,
К Петроградцам в город Русев.
«Журавль.1го Уланского
Петроградского полка».
Шмаров».

На каждой книге или владельческая надпись, или штамп, или экслибрис. А чаще всего и то, и другое, и третье, по мере поступления нового книжного знака.

На первых книгах коллекционер ставил владельческие надписи: «Юрій Шмаров» (можно предположить, что так подписывал книги только в юности) или просто «Шмаров». Логично предположить, что затем Юрий Борисович ставил штамп: «Из книг / Ю.Б. Шмарова».

Известны три экслибриса Ю.Б. Шмарова. Все они выполнены на контрасте белого и чёрного, как противопоставление двух времён его жизни. «Вспоминая детство в дворянской усадьбе своей бабушки, а затем утрату всего того, что было близко сердцу, Шмаров писал: «Горечь этих воспоминаний я сохранил до последних дней моей жизни, и отзвук их Вы найдёте в рисунке моего экслибриса»[2].

Первый экслибрис был выполнен в 30-е годы XX века художником Василием Николаевичем Ненароковым. На чёрном фоне изображение дома, в котором жил Ю.Б. Шмаров, с надписью «ИЗ / КНИГ / Ю.Б. ШМАРОВА» и подписью «В Н Н».

Любимый экслибрис Юрия Борисовича нарисован в 1946 году лагерным художником Михаилом Кострикиным[3], с которым Шмаров отбывал срок. В орнаментальной рамке справа изображение дома, в кото-

[1] История 2-го драгунского С. Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. 1707—1898 гг. Т. II. Составил генерал-майор Е.С. Каменский (бывший командир полка). М.: тип. Вильде, 1900.

[2] См.: *Рыкова О.* Дворянские портреты. Собрание московского генеалога Ю.Б. Шмарова / Наше наследие. 2002. № 62. С. 66—75.

[3] Кострикин Михаил Фёдорович, 1907 г.р., русский, м.р.: г. Ростов-на-Дону; м.п.: по месту рождения. Арест. 03.11.1933 г. Приговор: 29.03.1934 г.; Коллегия ОГПУ; ст. 58-8 УК РСФСР; срок: 10 л. л/св. Осв. 29.04.1944 г. РСФСР. Приговор: ссылка на поселение за принадлежность к а/с террористической группе.

ром он жил, перед ним осыпавшиеся берёзы под косым дождём. В левой части на тёмном фоне — надгробный памятник со скорбной фигурой ангела, склонившейся над урной, и надписью на памятнике «Ex libris». На экслибрисе надпись: «Ю.Б. ШМАРОВА» и подпись: «Михаил / 1946 / Кострикин». Так много в нём тоски и печали! Этот владельческий знак есть практически на всех книгах нашего собрания. Судя по тому, что на книгах есть владельческие надписи «Ex libris Ю.Б. Шмарова М. 1958», «Ex libris Ю.Б. Шмарова М. 1962», «Ex libris Ю.Б. Шмарова М. 1964» (а иногда без даты), данный экслибрис был отпечатан после возвращения из лагеря в начале 1960-х годов (на белой и голубой бумаге).

Последний экслибрис был исполнен в 1969 году художником Глебом Борисовичем Ивановым. В двойной линейной рамке в центре на листе бумаги в овале силуэтный портрет Ю.Б. Шмарова с девизом «Suum cuique»[1], нижний левый угол загнут, слева от листа — гербовый щит без изображений, щит увенчан дворянскими шлемом и короною с тремя страусовыми перьями, частично закрытыми листом бумаги, как нечто запретное, с надписью: «из книг / ШМАРОВА» и подписью «Г. Иванов. 1969».

Многие книги из собрания Ю.Б. Шмарова в красивых художественных переплётах. Если же к нему попадали экземпляры в плохой сохранности, Юрий Борисович отдавал их в реставрацию и делал всегда глухой коленкоровый переплёт кирпичного, коричневого или красного цвета с рельефным тиснением. Он никогда не восстанавливал первоначальный переплёт — утраченное прошлое вернуть нельзя. По характерному переплёту сразу можно определить принадлежность книги к его библиотеке.

Кроме полковых историй в нашу коллекцию от Ю.Б. Шмарова поступило несколько книг по истории Отечественной войны 1812 года и периодические издания той эпохи.

Мы бесконечно благодарны этому замечательному человеку за его помощь музею, за то, что он щедро делился своими знаниями и был примером служения своему делу.

[1] Каждому своё (*лат.*).

Ирина Фадеева

ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ — В БИБЛИОТЕКУ ВУЗА

Труды выдающихся бумаговедов конца XIX века Н.П. Лихачёва и Н.А. Резцова в фонде редких книг научно-информационного центра СПбГТУРП

Санкт-Петербургский государственный технологический университет растительных полимеров создан в 1931 году. На сегодняшний день вуз является ведущим университетом в области глубокой химической переработки древесины, осуществляющим специализированную комплексную подготовку специалистов для всех направлений деятельности целлюлозно-бумажного производства, а также для энергетического комплекса России и других отраслей производства, и представляет собой многопрофильный учебно-научный инновационный центр с высоким интеллектуальным потенциалом, с уникальными учебными и исследовательскими лабораториями.

Университет по праву гордится своей библиотекой — старейшим подразделением вуза. Научно-техническая библиотека основана 1 декабря 1925 года как библиотека Ленинградского техникума Кустарной промышленности, вошедшего в структуру вуза при его образовании. В настоящее время общий объём библиотечно-информационных фондов составляет более 900 000 экземпляров.

Библиотека располагает богатым фондом редких книг. Он включает западноевропейские и российские издания XVIII—XIX веков. Особо значимым для библиотеки высшего учебного заведения является собрание первых учебников, изданных в России. Значительную часть коллекции составляют издания первых лет Советской власти и периода Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда.

Особый интерес представляет коллекция (около 400 экземпляров) раритетных российских и западноевропейских книг по целлюлозно-бумажному производству. Невозможно переоценить значение этих изданий для изучения истории бумагоделательной техники и технологии изготовления бумаги, истории отдельных предприятий отрасли и целых экономических районов. Научная значимость данного собрания тем более велика, что бумага и её производство во всей совокупности экономических, социальных, технологических, рыночных факторов до

настоящего времени довольно редко становятся темой глубокого комплексного специального исследования.

Первые исследования по истории бумаги и писчебумажного дела появились в России в начале XIX века. Это были переводные работы, и предметом изучения в них являлась преимущественно бумага иностранного производства. Только в конце XIX — первой четверти XX века появился ряд работ, воссоздающих историю отечественной бумагоделательной промышленности с первой четверти XVIII столетия по 1917 год. Однако, несмотря на то что библиография российского бумажного производства к середине 20-х годов XX века стала достаточно обширной[1], большинство исследований либо затрагивали частные вопросы истории отрасли, либо грешили неточностью и неполнотой. По оценке выдающегося советского бумаговеда, профессора, доктора технических наук З.В. Участкиной, в списке трудов по истории российского бумажного производства, опубликованных в конце XIX — начале XX века, научно значимыми и действительно информативными были труды Н.П. Лихачёва и Н.А. Резцова.

К 1917 году в российской науке сложились два основных подхода к изучению истории бумаги и бумажного производства, представленные именами Н.П. Лихачёва (филиграноведческое исследование путём кропотливого изучения архивов) и Н.А. Резцова (историко-производственное исследование и технологическое исследование и испытание наличных образцов исторических бумаг).

К числу первых значительных отечественных работ в области филиграноведения относятся труды Н.П. Лихачёва «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891) и «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899). Подробному всестороннему описанию технологии изготовления машинной бумаги второй половины XIX — начала XX века посвящены многочисленные работы Н.А. Резцова: «Черпальные бумаги. Образцы бумаг» (СПб., 1905), «О нормальных форматах бумаг за границей и о установлении их в России» (СПб., 1909), «Бумага в России. Древесномассная промышленность» (СПб., 1910), «Бумага в России до XIX столетия» (СПб., 1913), другие. Наиболее крупным исследованием в области русской бумаги можно назвать книгу Н.А. Резцова «Бумага в России сто лет назад» (СПб., 1912).

[1] См.: *Участкина З.В.* История развития бумажного производства в России. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. д. хим. н. М., 1954.

Труды Н.П. Лихачёва и Н.А. Резцова составляют в настоящее время ядро собрания редких книг по истории бумаги и целлюлозно-бумажного производства. Непростыми были судьбы авторов, причудливо сложились судьбы написанных ими книг.

Николай Петрович Лихачёв (24 апреля 1862 — 27 апреля 1936) — действительный статский советник, выдающийся русский историк, специалист в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики, монархист, член Императорского Православного Палестинского Общества[1]. Родился в городе Чистополь Казанской губернии в семье потомственных дворян. Окончил с золотой медалью гимназию в Казани (1880), затем историко-филологический факультет Казанского университета.

В университете у Н.П. Лихачёва возник интерес к вспомогательным историческим дисциплинам, изучению и поиску документов, археологическим изысканиям. Будучи студентом, в 1881 году Н.П. Лихачёв был избран членом Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете. По окончании учёбы в 1884 году оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Ещё в студенческие годы Н.П. Лихачёв стал страстным библиофилом и коллекционером (собирал рукописи, акты и автографы, а также иконы, предметы церковного искусства, печати, монеты и многое другое). С 1886 года Н.П. Лихачёв занимался в московских и петербургских архивах, увлёкся нумизматикой и генеалогией, готовил курс источниковедения, познакомился с видными историками А.Ф. Бычковым, Л.Н. Майковым, Д.Ф. Кобеко, В.О. Ключевским и другими. В 1888 году выпустил труд «Разрядные дьяки XVI века», который защитил в Казанском университете на степень магистра русской истории. В 1890 году эта работа была удостоена Уваровской премии, вручаемой за лучшие исторические сочинения.

В 1891 году в свет вышло историко-археологическое исследование Н.П. Лихачёва «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве», ставшее в 1892 году его докторской диссертацией. С 1892 года Н.П. Лихачёв преподавал в Петербургском археологическом институте, позднее там же стал приват-доцентом, неодно-

[1] Здесь и ниже о Н.П. Лихачёве по: *Полунина Н.М.* Коллекционеры России XVII — начала XX вв. : Энциклопедический словарь. М., 2005; http://funeral-spb.ru/necropols/smolenskoep/likhachev_n_p/.

кратно совершал частные поездки и командировки в Италию, Францию, Египет. В эти годы Н.П. Лихачёв опубликовал многие труды о памятниках русской истории XVI—XVII веков, его капитальное исследование «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (1899) в трёх частях и по сей день сохраняет значение справочного пособия для определения точной хронологии недатированных рукописей.

1 декабря 1901 года Н.П. Лихачёв был избран членом-корреспондентом Императорской Петербургской Академии наук по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения. С 13 июля 1902 года назначен помощником директора Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, продолжает преподавание в Археологическом институте. В библиотеке он углублённо занимался библиографией, изучением литературы по альдам, эльзевирам, инкунабулам, историей письменности, прессы, переплётов, автографов. Неоднократно бывал в заграничных поездках с целью изучения постановки библиотечного дела в Европе. Кроме того, он разрабатывал вопросы комплектования, способствовал пополнению фондов Публичной библиотеки отсутствовавшими изданиями, участвовал в работах по обоснованию расширения штатов библиотеки и совершенствования их структуры, выступал за повышение научного престижа и статуса библиотекарей.

Н.П. Лихачёв уволился из библиотеки 30 апреля 1914 года в чине действительного статского советника, проработав там 13 лет. В том же году он был назначен членом Совета министра народного просвещения.

В конце 1880-х годов Николай Петрович Лихачёв познакомился с Константином Петровичем Печаткиным (1818—1895), владельцем Красносельской бумажной фабрики в 1860—1895 годах. Знакомство продолжалось до конца жизни К.П. Печаткина. В 1893 году Лихачёв подарил Печаткину экземпляр своей работы «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве». После ухода К.П. Печаткина из жизни Н.П. Лихачёв продолжал поддерживать отношения с его наследниками. У Печаткина не было сыновей, после его смерти предприятие, которым он владел 35 лет (а управлял все 55), перешло в совместную собственность пяти его дочерям. Они организовали «Товарищество наследников Красносельской бумажной фабрики К.П. Печаткина». Мужем одной из дочерей Печаткина, Клавдии Константиновны, был отставной поручик лейб-гвардии Егерского полка Василий Григорьевич Зконопниц-Грабовский. Их сын Александр Васильевич Зконопниц-Грабовский в 1901 году становится директором-распорядителем

Царскославянской писчебумажной фабрики, приобретённой товариществом наследников. В память этого знаменательного события члены семьи вместе с некоторыми другими книгами подарили А.В. Зконопниц-Грабовскому экземпляр исследования Н.П. Лихачёва «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве», принадлежавший К.П. Печаткину. Примерно в то же время Н.П. Лихачёв подарил А.В. Зконопниц-Грабовскому свои работы «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» и «Русская сфрагистика». До октябрьской революции 1917 года книги Н.П. Лихачёва находились в библиотеке-читальне и музее Красносельской фабрики. Однако, предвидя национализацию фабрики, последовавшую в 1918 году, владельцы вернули некоторые книги в личные семейные библиотеки.

Сын А.В. Зконопниц-Грабовского Василий Александрович Зконопниц-Грабовский (1901—1967), как и отец, окончил Технологический институт (1925) по специальности «инженер-технолог по технологии бумаги и целлюлозы». С 1948 по 1967 год работал в ЛТИ ЦБП (ныне СПбГТУРП), кандидат технических наук, доцент кафедр технологии ЦБП, химии древесины и целлюлозы и технологии целлюлозы. Специалист по ЦБП с широкой эрудицией, автор около 40 печатных работ, соавтор издания «Справочник бумажника»[1], редактор переводных изданий по вопросам производства целлюлозы и бумаги, он был опытным педагогом. С самого начала своей трудовой деятельности в ЛТИ ЦБП всегда тесно сотрудничал с библиотекой, с момента основания библиотечного совета был его активнейшим членом. В 1950 году, когда библиотека отмечала 25 лет с момента основания, Василий Александрович подарил в её фонд две работы Н.П. Лихачёва, хранившиеся в семье.

Николай Александрович Резцов (12 октября 1855 — 16 января 1914) родился в петербургской купеческой семье[2]. Окончив 1-е реальное училище на Васильевском острове, Николай Резцов поступает в Санкт-Петербургский технологический институт, оканчивает его в мае 1882 года со званием инженера-технолога и остаётся работать лаборантом по физике у профессора Р.Э. Ленца. В 1889 году Ленц становится управ-

[1] См.: ЛТИ ЦБП — СПбГТУРП 75 лет. История и судьбы / сост.: колл. авторов; под ред. проф. В.А. Суслова. СПб., 2007.

[2] Здесь и ниже о Н.А. Резцове по: *Студинский В.А.* Николай Резцов: штрихи к биографическому портрету // Бумага и жизнь. 2006. № 9.

ляющим Экспедиции заготовления государственных бумаг и приглашает на работу в экспедицию своих одарённых учеников, в том числе и Резцова. Николай Александрович был назначен на должность заведующего испытательным отделом, а впоследствии занял пост заведующего бумажной фабрикой экспедиции. Им был предпринят ряд исследований технического и научного характера в области писчебумажного производства.

Огромное значение при проведении исследований Резцов придавал опытам, проводимым в фабричных условиях, а не в лабораториях. Результаты этих исследований позднее были апробированы на разных целлюлозно-бумажных производствах Российской империи и вошли в его научные работы и опубликованные статьи «О черпальных бумагах» и «О проклейке бумаги животным клеем». В 1896 году Министерство финансов поручает Николаю Александровичу составить очерк о писчебумажных предприятиях для Нижегородской выставки. Также, помимо текущей работы, Н.А. Резцов осуществил два важных начинания, которые выдвинули его в число наиболее выдающихся деятелей бумажной отрасли. Это организация первого в России музея писчебумажного производства при экспедиции и открытие школы мастеров по бумажному производству, что было продиктовано возросшим спросом экспедиции и частных бумажных фабрик на высококвалифицированных специалистов в этой области.

В 1901 году Н.А. Резцов принял активное участие в деле организации Союза писчебумажных фабрикантов Российской империи и был избран председателем распорядительного комитета союза. На этом посту он оставался на протяжении двенадцати лет, до своей кончины[1]. В последние годы работы в распорядительном комитете он разработал материалы к пересмотру российских таможенных тарифов с различными государствами, а также предложения по таможенному объединению с Финляндией. Н.А. Резцова считали лучшим специалистом в этой сфере не только в целлюлозно-бумажной промышленности, но и в стране в целом.

В 1902 году Резцов вновь приступил к работам по изучению физических свойств бумаги, для чего организовал испытательную станцию для исследования бумаги при Императорском Русском техническом обществе. В 1913 году станцию перевели в научно-учебный кабинет по

[1] Об этом: *Керзум А.П., Иванова Т.К.* П.М. Горбунов — создатель Фабричного посёлка в Красном Селе // История Петербурга. 2004. № 2 (18).

писчебумажному делу при технологическом институте, а материалы, полученные в ходе испытаний, легли в основу опубликованной Резцовым в 1908 году книги «Испытания бумаг».

С 1904 года под редакторством Резцова начал выходить журнал «Писчебумажное дело». Это был самый авторитетный проект в сфере отраслевых изданий на рубеже XIX—XX столетий. В хорошо оформленном и логически выстроенном журнале освещались практически все вопросы и проблемы отрасли: экономические, технические, технологические, осуществлялся обзор литературы и статей по целлюлозно-бумажному производству, рассматривались исторические аспекты динамики развития отрасли в Российской империи, Европе, Азии[1]. Отдельного упоминания заслуживают труды «Бумага в Японии. Образцы бумаг» (1907) и «Бумага Скандинавского полуострова и Финляндии» (1909).

Особый интерес представляют работы Резцова, посвящённые истории развития отрасли на территории Российской империи. В исследовании «Бумага в России сто лет назад» Николай Александрович даёт общую оценку деятельности бумагоделательных предприятий в период 1812—1814 годов. В другой научной работе, «Водяная сила в России и её значение в писчебумажной промышленности», Резцов описывает и характеризует не только использование водных ресурсов империи в бумажном производстве, но и приводит глубокий анализ потенциальных возможностей применения силы рек в этой сфере. В статье «Основной вопрос в писчебумажной промышленности» Резцов важную роль отводит лесным запасам империи. Он считает, что древесиной страна обеспечена в полном объёме, но вся проблема эффективного использования этого ресурса для отрасли находится в плоскостях цен, таможенных тарифов и торгово-экономических договоров с европейскими странами. Эти положения не утратили своей актуальности и в начале XXI столетия.

Творческое наследие Резцова исчисляется десятками статей и фундаментальных исследований в области техники и технологии бумажного производства, организации и функционирования целлюлозно-бумажной промышленности, а также в сфере формирования профессиональных кадров для отрасли.

Важной заслугой Николая Александровича явилось и его общественное служение на поприще Петербургского городского головы[2].

---

[1] Об этом см.: *Кириллова И.* Учёный, издатель, редактор... // Целлюлоза. Бумага. Картон. 2004. № 1.

[2] См.: Руководители Санкт-Петербурга. СПб. ; М., 2003.

Младшим соучеником Николая Александровича Резцова по Петербургскому технологическому институту был Пётр Михайлович Горбунов, выпускник 1885 года. Однокурсником Горбунова был Александр Вячеславович Печаткин — сын Вячеслава Петровича Печаткина, ропшинского, а впоследствии голодаевского бумажного фабриканта, в прошлом издателя и книготорговца, родного брата Константина Петровича Печаткина. А.В. Печаткин рекомендовал институтского коллегу своему дядюшке. С 1886 года П.М. Горбунов служил на Красносельской писчебумажной фабрике.

За годы работы на Красносельской фабрике Пётр Михайлович стал близким знакомым Николая Александровича Резцова, его соратником по журналу «Писчебумажное дело» и Союзу писчебумажных фабрикантов Российской империи. После смерти Н.А. Резцова П.М. Горбунов возглавлял журнал «Писчебумажное дело» до самой его ликвидации в 1918 году.

С 1922 по 1926 год П.М. Горбунов заведовал бумажной секцией Центрального промышленного управления ВСНХ. Занимая этот пост, он контактировал с выдающимся учёным и организатором целлюлозно-бумажной промышленности, доктором технических наук, профессором Сергеем Александровичам Фотиевым (1878—1947), который с начала 1920-х вёл борьбу за создание в стране специального высшего учебного заведения по подготовке инженеров-бумажников. П.М. Горбунова и С.А. Фотиева связывали не только служебные отношения, но и личное знакомство через ближайших родственников: сын Петра Михайловича Николай Петрович Горбунов в ноябре 1917 — декабре 1920 года был секретарём Совнаркома РСФСР и личным секретарём В.И. Ленина, в тот же период личным секретарём В.И. Ленина была и родная сестра С.А. Фотиева — Лидия Александровна Фотиева[1]. Именно С.А. Фотиеву П.М. Горбунов передал комплект выпусков журнала «Писчебумажное дело» за 1904—1918 годы.

С 1941 по 1947 год С.А. Фотиев возглавлял факультет и две кафедры ЛТИ имени Молотова (ныне СПбГТУРП). В 1945-м он дарит этот комплект библиотеке института, а в конце 1946 года передаёт в библиотеку из личного собрания более четырёх десятков книг по химической технологии, бумажному производству. Среди них работы Н.А. Резцова «Бумага в Японии. Образцы бумаг» и «Бумага Скандинавского по-

[1] Об этом см.: *Керзум А.П., Иванова Т.К.* П.М. Горбунов — создатель Фабричного посёлка…

луострова и Финляндии», «Черпальные бумаги. Образцы бумаг», «Испытания бумаг». На полях книги «Испытания бумаг» содержатся маргиналии Сергея Александровича Фотиева, относящиеся к периоду его работы над четырёхтомной монографией «Технология бумаги» (1937).

Профессор С.А. Фотиев считал одним из наиболее выдающихся своих учеников Никиту Перекальского (1899—1967). В 1946 году Н.П. Перекальский был избран по конкурсу на должность доцента кафедры технологии целлюлозно-бумажного производства ЛТИ имени Молотова, затем в 1947 году утверждён деканом инженерно-экономического факультета и заведующим кафедрой технологии целлюлозно-бумажного производства, а с 1955 года был деканом технологического факультета. В сферу научных интересов Н.П. Перекальского входили весьма актуальные для промышленности вопросы: изучение волокнистых суспензий, изучение влияния еловой древесины различных районов произрастания на свойства сульфитной целлюлозы, работы в области производства автомобильных и конссуррогатных картонов и в области облагораживания целлюлозы. В 1957 году он защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора технических наук.

В 1965 году к 40-летию библиотеки Никита Петрович передал в фонд из личного собрания работы Н.А. Резцова «Водяная сила в России и её значение в писчебумажной промышленности» и «Исторический очерк Красносельской писчебумажной фабрики Товарищества наследников К.П. Печаткина: 1831—1910» (СПб., 1912)[1]. На страницах обеих книг имеется значительное количество комментирующих помет, позволяющих сделать вывод об активном использовании работ Н.А. Резцова при подготовке лекционного материала нескольких учебных дисциплин.

Достопримечательностью собрания редких книг по истории бумаги и целлюлозно-бумажного производства является экземпляр книги Н.А. Резцова «Бумага в России. Сто лет назад. III. Б. Писчебумажная промышленность» (СПб., 1912) с инскриптом — дарственной надписью автора: «Глубокоуважаемому Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. Н. Резцов. 1912 г. сентябрь». Эта работа представляет собой одну из глав монументального труда «Бумага в России», напечатанную отдельной книгой ввиду особого интереса к эпохе Александра I перед столет-

[1] См.: ЛТИ ЦБП — СПбГТУРП 75 лет. История и судьбы.

ним юбилеем Отечественной войны 1812 года. Сразу после выхода в свет Н.А. Резцов подарил книгу Сергею Фёдоровичу Ольденбургу — русскому востоковеду, одному из основателей русской индологической школы, академику РАН (1908), непременному секретарю Академии наук в 1904—1929 годах. Знакомство Н.А. Резцова и С.Ф. Ольденбурга состоялось в 1906 году, в период их активной общественно-политической деятельности. В предисловии автор приносит благодарность С.Ф. Ольденбургу и В.И. Срезневскому, благодаря разрешению и содействию которых он имел возможность работать с большим числом книг времён царствования Александра I, хранившихся в библиотеке Императорской Академии наук. Книгу эту в 1946 году подарил библиотеке профессор, доктор химических наук И.Е. Флис. Однако до настоящего времени судьбу данного экземпляра тщательно не изучали. Эта исследовательская работа ещё впереди.

II. Материалы научной конференции «МУЗЕЙ. РЕСТАВРАТОР. РЕСТАВРАЦИЯ»

Вера Герасимова

РЕСТАВРАЦИЯ НАДГРОБНОГО ПАМЯТНИКА А.С. ПУШКИНУ В 1902 И 1953 ГОДАХ

А.С. Пушкин скончался 29 января 1837 года в 14 часов 45 минут. В записке царю Николаю В.А. Жуковский писал: «…Пушкин всегда говорил, что желал бы быть погребённым в той деревне, где жил, если не ошибаюсь, во младенчестве, где гробы его предков и где недавно похоронили его мать…»[1]

В полночь 4 февраля гроб с телом поэта был отправлен в Святогорский монастырь, в южном приделе которого он стоял с 5 на 6 февраля. А утром 6 февраля после заупокойной обедни всем монастырским клиром во главе с настоятелем монастыря отцом Геннадием положили тело Александра Сергеевича в промёрзлую землю. Весной настоятель распорядился вырыть настоящую могилу и похоронить поэта «уже окончательно». По указанию П.А. Осиповой под землёй был устроен кирпичный склеп. По описанию П.А. Плетнёва, посетившего могилу Пушкина в 1837 году, место его упокоения представляло собою «площадку шагов в 25 по одному направлению и около 10 по другому… Перед жертвенником есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аршина. Она укладена дёрном. Посреди водружён чёрный крест, на котором из белых букв складывается имя «Пушкин»[2].

По просьбе вдовы поэта Н.Н. Пушкиной был заказан памятник, изготовленный в петербургской мастерской мастера монументальных дел А.М. Пермагорова. В декабре 1840-го он был привезён в Михайловское и установлен на могиле поэта в августе 1841 года.

[1] Цит. по: Последний год жизни Пушкина. М., 1990. С. 648.

[2] Цит. по: *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 404.

«Могила А.С. Пушкина в её первоначальном виде при монастыре в Святогорске». С литографии И.И. Клюквина (1840 или 1853) по рисунку П.Ф. Соколова (1837).

В 1860—1880-е годы холм и могила выглядели запущенными. Фамильное кладбище поросло травой, постамент раскрошился, обелиск наклонился набок. Площадка всё более разрушалась, так что могилы М.А. и О.А. Ганнибалов оказались на краю обрыва и «грозили осыпаться».

Журналист В. Фролов в статье «Гроб А.С. Пушкина» писал: «Минувшим летом (1898 года. — *В.Г.*), когда возникли толки о праздновании 100-летнего юбилея Пушкина… Святогорский памятник заново отремонтирован: не только обелиск почищен и постамент оштукатурен, но и весь он, осевший на бок, приподнят. Но ремонт этот не принёс существенной пользы: с наступлением осенних дождей внизу фундамента цемент опять обвалился и кирпич опять обнажился. Но в будущем памятнику и могиле грозит ещё большая опасность вследствие постепенного осыпания и оползания горы»[1]. К 1899 году, к столетию со дня рождения А.С. Пушкина, вокруг могилы поэта был возведён временный деревянный помост.

В январе 1901 года инженеру В.Л. Назимову было предложено составить проект на укрепление склона горы и устройства террасы… у могилы А.С. Пушкина. Проект был рассмотрен и одобрен президентом Академии наук Великим Князем Константином Константиновичем и Комитетом по сбору пожертвований на пользу учреждений имени А.С. Пушкина. Но летом 1901 года были выполнены лишь подготовительные работы, так как не было необходимого материала. К исполнению проекта приступили 1 июля 1902 года.

Чтобы крутой обрыв не стал осыпаться и сползать вниз, «пришлось укрепить откос горы и самый памятник поставить на гранитный цоколь вместо кирпичного», — писал Ф.А. Васильев-Ушкуйник. «Во время подведения нового цоколя свод над гробом поэта осел, дав отверстие около 12-ти квадр. вершков. Сквозь отверстие обнажилась головная часть дубового гроба с прахом поэта. …гроб… прекрасно сохранился… уцелели даже отдельные куски позумента, металлические украшения гроба. Гроб тёмно-коричневого цвета настоящего дуба, несколько иной формы, чем нынешний: более широкий, покатый и закруглённый с боков. Документально известно, что гроб с телом поэта был привезён сюда в особом ящике, но от него остались лишь трухлявые доски»[2].

---

[1] *Фролов В.* Гроб А.С. Пушкина. Пушкинский Заповедник. Книга поступлений основного фонда (далее ПЗ КП), № 549, л. 70.

[2] *Васильев-Ушкуйник Ф.А.* Пушкинские уголки Псковской губернии. М., 1924. С. 26.

Ремонт продолжался один день. Сам В.Л. Назимов писал: «…на 2-й день к вечеру ремонт был закончен и склеп был закрыт. Выполнение возложенной на меня задачи — укрепить могилу и памятник А.С. Пушкину в том самом виде, как они существуют, и гарантировать прочность и незыблемость на будущее время… была решена. Если когда-нибудь императорская Академия Наук или лица, имеющие на то власть, пожелают осмотреть гроб или перенести прах А.С. Пушкина на другое место, то, конечно, им не придётся дожидаться подобного счастливого случая, т. к. раскрыть склеп можно во всякое время и на это потребуется не более 15—20-ти минут»[1].

Во время ремонтных работ «была возведена восточная подпорная стенка, сооружена мраморная балюстрада, расширена и забетонирована площадка с могилой поэта и могилами его предков, укреплены своды склепа»[2].

В.В. Водовозов в статье «Обнажившийся гроб Пушкина» писал: «Новый кирпичный свод, судя по фотографии (по-видимому, фотографии Г.В. Розена. — *В.Г.*) толщиною в один кирпич, был возведён не над всем склепом, а лишь над обрушившейся частью его. Раствор и кирпич старого свода были значительно деформированы временем»[3].

В 1920-е годы Ф.А. Васильев-Ушкуйник застаёт могилу в ужасном состоянии: «…пол площадки потрескался, крест с памятника сорван, пирамида с вершины памятника сброшена»[4].

5 июля 1925 года профессор К.К. Романов в своём докладе комиссии по охране Пушкинского уголка при Академии наук СССР отмечал: «Памятник на могиле А.С. Пушкина слегка покосился к востоку. Причину следует, вероятно, искать в оседании горы, на которой он находится… На обелиске нет креста… на месте креста виден его слабый отблик и два отверстия от штырей для прикрепления. На западной стороне памятника ложная арка из белого мрамора дала две, пока незначительные, но тем не менее опасные в будущем, трещины… Калитка железной решётки, окружающая памятник, была утрачена… Бетонная вымостка могилы поэта и могил Ганнибалов потрескалась и в одном месте сильно

[1] *Назимов В.Л.* О гробе Пушкина // Новое время. 1902. 14 сент. № 9529.

[2] *Хмелева Е.В.* Судьба могилы поэта // Михайловская пушкиниана. Вып. 3. М., 1999. С. 85.

[3] *Водовозов В.В.* Обнажившийся гроб Пушкина // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : В Т. 6. СПб., 1915. С. 336.

[4] *Васильев-Ушкуйник Ф.А.* Пушкинские уголки… С. 26.

Во время реставрационных работ 1902 года. Фото Г.В. Розена.

вспучилась… У могил Ганнибалов отлетает цементная штукатурка по кирпичу под известковыми плитами»[1].

12 июля 1926 года Учёный секретарь Пушкинского Дома П.М. Устимович посылает наркому просвещения А.В. Луначарскому записку «Что надо отремонтировать на могиле Пушкина». Некоторые из пунктов в этой записке:

1. Сравнять бетонный настил и выровнять почву. Бетон заменить камнем или щебнем, т. к. он даёт трещины и вода проникает в почву, разрушая её.

2. Выровнять памятник поэта, а равно и плиты О.А. и М.А. Ганнибал.

3. Восстановить утраченный бронзовый крест.

4. Ремонт мраморного массива.

5. Ремонт надписей.

6. Исправить железную ограду у памятника.

7. Временную дверцу неподходящего рисунка заменить новою…

8. Реставрировать… памятник на могиле б. настоятеля монастыря Геннадия.

9. …Отметить плитами место погребения матери и отца Пушкина, здесь же погребённых…2

5 июня 1927 года в результате сильных ливней произошёл обвал каменной подпорной стенки с северной части могильного холма на протяжении двадцати метров. В акте от 2 сентября 1927 года, составленном комиссией в составе эксперта-архитектора главнауки Н.П. Никитина и производителя работ В.А. Тауберга, о могиле поэта говорится следующее: «Восточный склон горы в настоящее время не представляет большой опасности в смысле сползания, но наблюдается частичное небольшое оседание всей бетонной площадки вокруг памятника Пушкину… Комиссия находит необходимым заменить бетон каменными плитками… или для удешевления тощим бетоном из щебня, гравия и песка… Мраморный на гранитном основании памятник дал небольшой уклон в восточную сторону и нуждается в реставрации: постановке урны и мелких мраморных украшений, а также металлического креста… Находящиеся на той же площадке плиты Ганнибалов покосились и требуют выпрямления… Неравномерные осадка и наклон обелиска…

[1] Цит. по: *Хмелева Е.В.* Судьба могилы поэта // Михайловская пушкиниана. Вып. 3. М., 1999. С. 86—87.

[2] По: *Степанова Т.В.* Материалы к истории Святогорского монастыря // Михайловская пушкиниана. Вып. 5. М., 1999. С. 50—51.

является следствием неравномерной осадки насыпного грунта… и результатом обрушения частей старого свода над склепом с гробом поэта. Необходимо произвести раскопку этого свода, восстановить повреждение и обезопасить склеп от возможности всяких дальнейших разрушений»[1].

Проходит ещё 13 лет, и в заключении прораба ЛАХУ АН СССР В. Виноградова мы вновь читаем о том, что «памятник на могиле Пушкина несколько (заметно для глаза) покосился в сторону обрыва, по-видимому, вследствие осадки почвы…»[2]

В Акте Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков было отмечено: «Могила поэта была найдена сильно захламлённой… площадка вокруг могилы Пушкина завалена мусором и землёй, дощечки с надписями сломаны и брошены в груду обломков. Железная решётка вокруг памятника в ряде мест повреждена, погнута и помята; металлические наконечники по углам её сбиты; мраморная балюстрада вокруг площадки тоже повреждена в нескольких местах осколками снарядов и пулями. Сам памятник отклонился в восточную сторону на 10—12 градусов вследствие сползания холма после бомбардировок и взрывов фугасных бомб, заложенных немцами…»[3]

В 1952 году комиссия под председательством директора ИРЛИ Н.Ф. Бельчикова, обследовав холм и могилу А.С. Пушкина, пришла к выводу: положение памятника с 1947 по 1952 год не изменилось, и в настоящее время опасности для памятника нет. Комиссией были намечены работы на следующее, 1953 года, лето:

«1. Выправить памятник с заменой части пьедестала, выложенный рижским песчаником и пудожским плитняком, на гранит.

2. Одновременно, в случае необходимости, отремонтировать склеп.

3. Заасфальтировать площадь вокруг собора, где имеются подпорные стенки.

4. Переложить подпорную стенку на северном склоне холма»[4].

Осенью 1952 года на площадке монастыря были заложены шурфы с целью определения места расположения склепа А.С. Пушкина. Первые три шурфа склепа не показали, и тогда обратились к справке, составлен-

[1] ПЗ КП. № 544, л. 8.

[2] ПЗ КП. № 549, л. 50.

[3] Цит. по: *Хмелева Е.В.* Судьба могилы поэта. С. 90—91.

[4] Научный архив Пушкинского Заповедника (далее ПЗ н/а). № 50.

ной В.Л. Назимовым в 1902 году при реставрации памятника. В справке точно указывалось и расположение склепа, и как его можно вскрыть в случае необходимости. По рекомендациям Назимова место склепа установили почти сразу же. По окончании обследования «шурфы были засыпаны, почва утрамбована, на памятник вновь надет футляр, снятый перед началом работы»[1].

В марте 1953 года директором заповедника С.С. Гейченко, его помощником Д.В. Зиновьевым, инженером-сметчиком Псковской реставрационной мастерской М.В. Никифоровым был составлен дефектный акт. В акте указан перечень работ, которые должны быть выполнены при реставрации памятника:

1. Сфотографировать памятник.

2. Обнести участок оградой.

3. Снять решётку от памятника.

4. Произвести разборку элементов памятника.

5. Две гранитные плиты из рижского песчаника и пудожского плитняка расслоились. Их размеры: 1,62 х 1,9 х 0,205 и 2,24 х 1,90 х 0,46. Плиты новые должны быть подобраны по цвету (светло-серые или розовые). Плиты гранитные.

6. Произвести промывку и очистку частей памятника.

7. Окрасить ограду.

8. Произвести зачеканку швов свинцом.

9. Произвести очистку и шлифовку мраморной балюстрады.

10. Пробить в стене отверстия (6 штук) для устройства цементных лотков для отвода вод с могильного холма.

11. Произвести асфальтирование площадки у памятника.

12. Очистить надпись на памятнике и возобновить её золотом с расчисткой и выправкой шрифта.

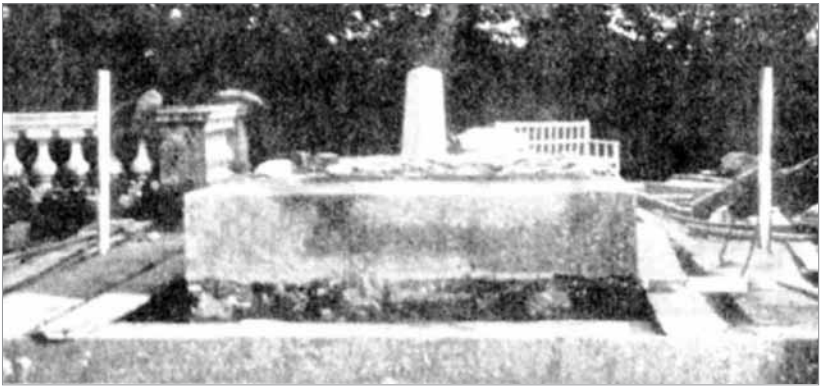
13. Возобновить цветники у памятника, балюстрады и могил предков.

14. Поставить железные двери при входе на лестницы.

15. Устроить каменную лестницу 4 х 4 с устройством каменных ограждений… с площадки около центрального входа в собор к площадке около северной подпорной стены.

16. Организовать круглосуточное дежурство (охрану) объекта при ремонте (милиция).

[1] ПЗ КП. № 550, л. 22.



Реставрационные работы 1953 года. Из фондов Пушкинского Заповедника.

18 августа 1953 года в 7 часов утра бригада реставраторов в составе семи человек (в том числе: инженер Псковской научно-реставрационной мастерской М.В. Никифоров, кандидат исторических наук археолог П.Н. Шульц, директор Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко, фотограф реставрационной мастерской Т.А. Машковцева) приступили к разборке верхней части памятника А.С. Пушкину. В акте от 18 августа отмечено:

«Снят мраморный обелиск

Снята мраморная урна

Снята архитектурная мраморная арка

Снято гранитное основание к арке из серого камня.

Работы выполнялись аккуратно, повреждений деталей не было. Снятые части отнесены на место дальнейшей обработки. Работа была закончена с наступлением сумерек. Вокруг места работы было вознесено ограждение. Допуск посторонних лиц был прекращён и выставлена круглосуточная охрана…»[1]

19 августа работы были продолжены. «Под нижней известняковой плитой внутри гранитной облицовки цоколя обнаружена камера, выложенная кирпичом на цементном растворе. Кирпич разных размеров и разного времени, новый и бывший в употреблении. Несколько кирпичей со следами окраски жёлтого и стального цвета. Внутри восточной стенки камеры — маленькая ниша, глубина 35 см, высота 14 см, ширина 14 см. Внутри ниши обнаружены мелкие куски битого кирпича, незначи-

[1] ПЗ КП. № 549, л. 3.

тельное количество чёрной земли и шелуха от желудей… Под нишей в центре большая трещина (ширина 3 х 4 см), расширяющая к низу, образовавшаяся, по-видимому, вследствие оседания памятника. Верхний ряд кирпичной кладки значительно деформировался, расслаивается и распадается. На дне камеры обнаружено:

1. Обломки кирпича со следами подтёков цементного раствора, образовавшихся в результате небрежной и, видимо, спешной кладки кирпича при реставрации могилы в 1902 году.

2. В юго-западном углу камеры находился череп мужчины пожилого возраста без нижней челюсти. Череп частично залит цементным раствором…

3. В северо-западном углу камеры находится череп женщины пожилого возраста, сильно разрушенный… Череп был сильно залит цементным раствором.

4. Внутри камеры, ближе к западной стенке, лежали в беспорядке мужские и женские кости: мужская бедренная кость, большая берцовая женская кость, малая берцовая мужская и плечевая, по-видимому женская… Отмечена сильная сырость в камере.

Явных признаков наличия повреждений свода и склепа могилы Пушкина при поверхностном обследовании основания цоколя памятника при проведении работ 19 августа обнаружено не было»[1].

20 августа была разобрана кирпичная кладка и внешняя гранитная облицовка цоколя. «На уровне 3-го ряда кирпичей обнаружены 2 железных стержня, концы которых упирались в наружную гранитную облицовку (служили, по-видимому, для разгрузки свода). В кирпичной кладке во всю ширину проходит трещина, идущая с востока на запад… На дне камеры оказалась выкладка из булыжного камня на глиняном растворе… Булыжная кладка имеет лёгкий наклон с запада на восток… Вдоль трещины была произведена выемка булыжника в центральной части кладки… Под кладкой была обнаружена земляная подсыпка в 5—6 см толщиной, покрывшая кирпичный свод склепа. В земляной подсыпке было найдено несколько человеческих костей плохой сохранности: часть тазовой кости, обломок ребра и обломки трубчатых костей… Выяснилось, что в восточной части кирпичного свода, в центре её проходит трещина… В центральной части трещины было обнаружено отверстие от обвала части свода в полкирпича. Через отверстие был виден юго-восточный угол гроба.

[1] ПЗ КП. № 550, л. 4.

Гроб истлел, остатки крышки и стенок отвалились и сверху засыпаны кирпичным щебнем. Здесь же лежали остатки истлевших деревянных кружал, на которых сооружался свод… Путём прощупывания стен внутри склепа удалось выяснить границы восточной, южной и западной стороны склепа и его глубину… Размер склепа: ширина — 0,88, глубина в центральной части — 0,80.

Свод сложен в полкирпича. Следов свода, сооружённого архитектором В.А. Назимовым в 1902 г., не было обнаружено, т. к., по всей вероятности, он сооружал его лишь в западной части склепа, где в 1902 г. произошёл обвал»[1].

Было решено:

1. Снять верхние булыжники для облегчения нагрузки на свод

2. Немедленно забетонировать отверстие в своде.

3. Сделать в ближайшие дни сводчатое железобетонное перекрытие над сводом склепа.

4. Под наружным гранитным поребриком по периметру памятника устроить бетонное основание.

24 августа были произведены следующие работы:

1. В западной стене уложены и забетонированы три железных стержня (2,2 — 1,8 — 2,2).

2. В восточной стене уложена образующая собой балку металлическая арматура из четырёх стержней, перевязанных между собой проволокой. «Над старой частью свода оставлено отверстие, образующее собой камеру размером 1,05 х 0,9 м и глубиной 0,45 м, отметки размеров её вынесены на гранит поребрика в соответствии с актом от 21 августа 1953 года»[2].

«В задачу реставрации памятника, — читаем в документе, — не входила реставрация склепа: поэтому он не был вскрыт… были лишь приняты меры для предупреждения его обвала и обеспечения условий для безболезненной реставрации склепа в будущем»[3].

В течение недели, с 25 августа по 1 сентября 1953 года, был выполнен большой объём работ: все детали памятника были очищены от первичных загрязнений и установлены на свои места, причём поставлены на свинцовую прокладку. Черепа и кости, обнаруженные 19 августа, помещены в цинковый ящик и уложены в камеру под новые

[1] Там же, л. 6.
[2] Там же, л. 8.
[3] Там же, л. 10.

гранитные плиты. В акте от 3 октября 1953 года отмечено, что в период с августа по октябрь была произведена разборка памятника до основания склепа, уложены железобетонные балки, собран памятник с заменой плитняка и песчаника на гранит, устроены бетонные лотки, железные ворота у лестниц, каменная лестница на 12 ступеней от центрального входа в собор к северной стене, возобновлены надписи на памятнике, устроена бетонная площадка с проливкой жидким цементным раствором, произведена промывка балюстрады, изготовлены и поставлены восемь мраморных вкладышей, изготовлен деревянный футляр на памятник и так далее.

После последней реставрации прошло 60 лет. Специалисты-архитекторы после обследования могилы пришли к заключению, что очередная реставрация могилы А.С. Пушкина и плит на могилах Ганнибалов необходима.

Валентина Елисеева

П.Д. БАРАНОВСКИЙ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ (1945 год)

В многотрудной жизни Петра Дмитриевича Барановского есть страница биографии, никогда не привлекавшая (насколько нам известно) внимания исследователей, — работа в составе комиссии по восстановлению Пушкинского Заповедника после Великой Отечественной войны. Правда, страница эта была очень короткой — одна или две недели в мае 1945-го. 23 апреля 1945 года Президиум Академии наук поручил группе архитекторов самого высокого ранга под руководством академика А.В. Щусева обследовать памятники заповедника, разрушенные и повреждённые немецкими захватчиками в 1941—1944 годах. В комиссию входили: П.Д. Барановский, начальник отдела реставрации памятников архитектуры; М.И. Рзянин, начальник главного управления охраны памятников архитектуры; Д.П. Сухов, профессор Академии архитектуры; П.В. Попов, инженер, представитель «Академстроя»; исполняющий обязанности директора заповедника С.С. Гейченко.

Комиссия по восстановлению Пушкинского Заповедника у могилы А.С. Пушкина. Май 1945 года. Фото М.И. Рзянина (?). Фотонегафонд Пушкинского Заповедника.

В.А. Щусев. Зарисовка («почеркушка») могилы Пушкина с автографами членов комиссии: В.А. Щусева, Д.П. Сухова, М.И. Рзянина и П.Д. Барановского. Из фондов Пушкинского Заповедника.

В течение одной или двух недель комиссия обследовала Святогорский монастырь, Михайловское и Тригорское и 31 августа составила акт, в котором зафиксировала состояние объектов заповедника и дала рекомендации по их восстановлению, выделив работы срочные — восстановление Успенского собора с колокольней — и работы необходимые — восстановление дома-музея А.С. Пушкина и «домика няни» в Михайловском и дома Осиповых в Тригорском. Комиссия наметила первоочередные шаги на пути реализации этих планов: составление обмеров, сбор имеющихся материалов и составление проектов. И предложила выполнение этих работ поручить «Академпроекту» и «Академстрою», отметив, что часть работ может быть произведена силами районного исполкома (с условием оказания ему помощи со стороны Академии наук)[1].

В книге директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко «Пушкиногорье»[2] воспроизведена фотография, по-видимому, из его личного архива, на которой у могилы А.С. Пушкина запечатлены члены комиссии: Д.П. Сухов, А.В. Щусев, П.Д. Барановский и С.С. Гейченко. По-видимому, фотография сделана М.И. Рзяниным. В архиве же Гейченко хранится рисунок А.В. Щусева («почеркушка») — зарисовка памятника на могиле Пушкина, а под рисунком и надписью: «На память о посещении могилы поэта, Михайловского и Тригорского в мае 1945 г.» — расписались члены комиссии: А. Щусев, М. Рзянин, Д. Сухов и П. Барановский.

[1] ПЗ н/а. № 40, ч. 1, л. 23—27.

[2] *Гейченко С.* Пушкиногорье. М., 1981. С. 238.

Комиссия по восстановлению Пушкинского Заповедника у могилы А.С. Пушкина. Май 1945 года. Фото М.И. Рзянина. Фотонегафонд Пушкинского Заповедника.

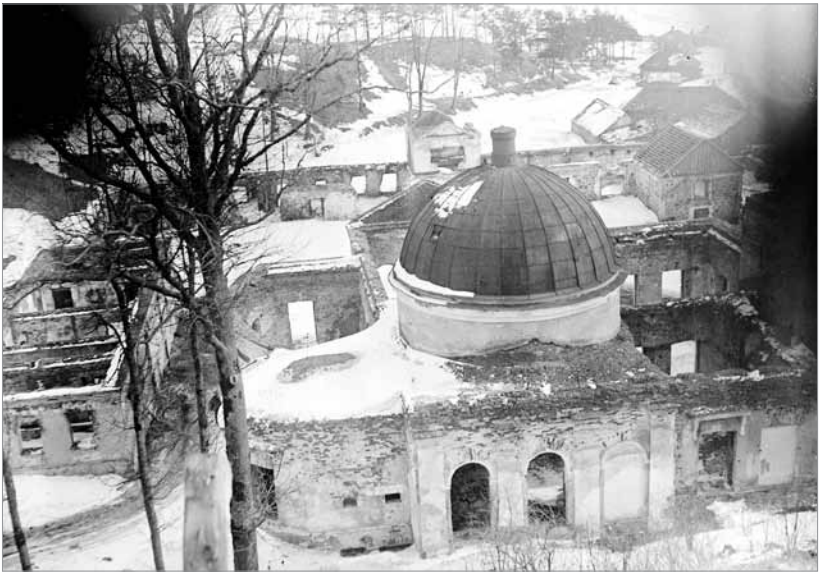
Комиссия по восстановлению Пушкинского Заповедника в Тригорском. Май 1945 года. Фото М.И. Рзянина (?). Фотонегафонд Пушкинского Заповедника.

Внутренний вид монастыря. Церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Альбом видов Святогорского монастыря (изданный по случаю 100-летнего юбилея А.С. Пушкина). Фототипия К.А. Фишера. 1899 год. Из фондов Пушкинского Заповедника.

В архиве редактора газеты «Пушкинский край» А.М. Савыгина имеется фотография, тоже сделанная у памятника на могиле А.С. Пушкина, на которой кроме архитекторов, членов комиссии (отсутствует, конечно, фотографировавший М.И. Рзянин) Д.П. Сухова, П.Д. Барановского и А.В. Щусева запечатлены руководители заповедника — и. о. директора С.С. Гейченко и заместитель директора по хозяйственной части Н.И. Аксенов — и руководители района: первый секретарь райкома партии П.М. Киманов, заведующий парткабинетом В.И. Иванов и А.М. Савыгин. О судьбе негативов этих фотографий мы пока можем только догадываться, хранятся ли они в личном архиве М.И. Рзянина или переданы в музей архитектуры имени Щусева?

По итогам работы комиссии, по-видимому, были составлены предложения (в неизвестной нам форме — доклада ли, записки?) А.В. Щусева, высказанные им на совещании у вице-президента Академии наук И.Н. Бардина 8 августа 1946 года. Нам известна лишь копия протокола этого совещания[1], происходившего на самом высоком уровне (кроме

[1] ПЗ н/а. № 282.



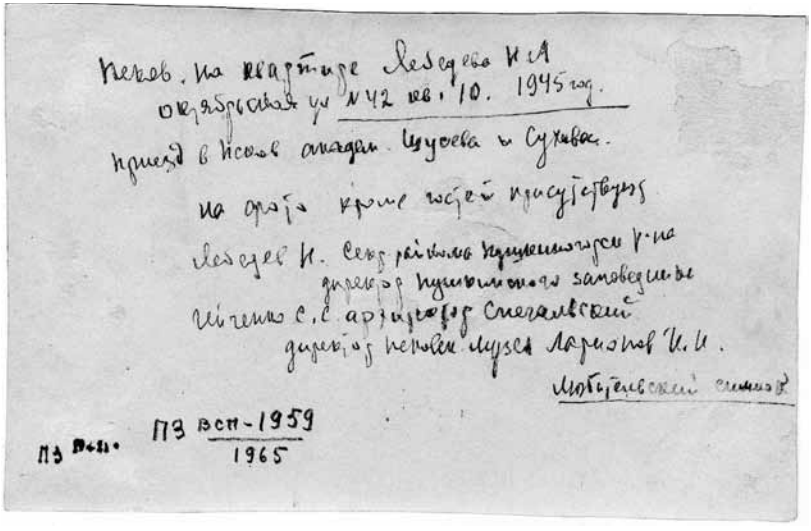
П.З. Захаров. Святогорский монастырь. Общий вид монастырского двора перед началом реставрационных работ. Снято с крыши церкви Успения. На переднем плане Никольская церковь. Май 1946 года. Из фондов Пушкинского Заповедника.

академика А.В. Щусева, начальника «Академпроекта» и руководителей ленинградских академических проектных и строительных организаций: начальника ЦУКС «Академстроя» А.С. Корнева, заместителя начальника главного инженера «Академстроя» А.В. Беляева, заместителя начальника «Ленакадемпроекта» И.Н. Гринберга присутствовал только директор Пушкинского Дома (ИРЛИ) П.В. Лебедев-Полянский). Этот протокол и послужил в дальнейшем теоретической основой восстановления Пушкинского Заповедника. Был ли отдельный документ — концепция восстановления, неизвестно; такое чувство, что послевоенная реставрация велась на основе устных указаний академика Щусева.

Автор единственной книги о восстановлении заповедника, архитектор Л.И. Рожнов, пишет, что именно комиссия предложила «восстановить в заповеднике всё подлинно пушкинское на прочной документальной основе, убрав все позднейшие наслоения»[1]. Также он апеллирует

[1] *Рожнов Л.И.* Восстановление государственного Пушкинского заповедника Академией наук СССР. 1946—1949 гг. СПб., 1995. С. 14.

Члены комиссии в гостях у начальника Псковского областного управления искусств Н.А. Лебедева. Слева направо: М.И. Рзянин (?), П.Д. Барановский, В.А. Щусев, Д.П. Сухов; справа С.С. Гейченко, Ю.П. Спегальский. Фотонегафонд Пушкинского Заповедника.



Оборот фотографии с надписью, сделанной рукой Н.А. Лебедева.

к мнению А.В. Щусева, когда речь идёт об архитектурно-планировочном решении генплана территории Святогорского монастыря[1], то есть когда речь идёт об исполнении принципа устранения «позднейших наслоений» — Никольской церкви в данном случае. Церкви, стоявшей у подножия холма, на вершине которого находились объекты реставрации: могила А.С. Пушкина и собор XVI века с приделами XVIII века. Рекомендации академика Щусева действительно легли в основу реставрации. Но имели ли эти рекомендации устный характер или было какое-то письменное обоснование, мы не знаем. Прояснить вопрос может только знакомство с архивами председателя и членов комиссии.

Интересно, что не все выводы комиссии были учтены на совещании у Бардина: не все объекты, предложенные комиссией к восстановлению, были намечены к реальному восстановлению. Очень хотелось бы выяснить, каково было мнение каждого члена комиссии, единодушно (?) подписавших предложения по восстановлению трапезной (Никольской) церкви в Святогорском монастыре и даже церкви на Вороничe. Какой именно — Воскресенской или Георгиевской — не указано; написано: «в дер. Воронич». Имели ли в виду члены комиссии церковь в честь Воскресения Христова в деревне Воронич или ошибочно отнесли местоположение церкви во имя Святого Великомученика Георгия на городище Воронич к «дер.<евне>»?

П.Д. Барановский известен как приверженец метода устранения позднейших наслоений. То есть логично было бы предположить, что устранить церковь во имя Святителя Николая Чудотворца[2] 1840-х годов постройки, находившуюся у подножия Святой Горы, как изменившую

[1] *Рожнов Л.И.* Восстановление государственного Пушкинского заповедника… С. 68. Нужно сказать, что книгу Л.И. Рожнова нельзя считать абсолютно надёжным научным источником, так как в ней, помимо того что не указаны архивы, из которых автор публикует исторические документы и чертежи, имеют место явные искажения фактов, что мы постарались показать в статье: *Елисеева В.А.* Образ С.С. Гейченко по материалам фотонегафонда и архива Пушкинского Заповедника. Забытое имя — архитектор В.И. Яковлев // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы ; М., 2005. С. 92—102.

[2] Никольскую церковь, которую комиссия предлагала восстановить, устранили как «позднейшее наслоение», не имеющее отношения к пушкинскому времени. Церковь настолько хорошо сохранилась после отступления фашистов, что её ликвидировали только в результате четырёхкратной серии взрывов аммонита в апреле 1947 года (от 6 до 14 последовательных взрывов каждый раз). Эти взрывы отразились на состоянии холма, собора на холме и памятника на могиле Пушкина.

облик более раннего по времени постройки монастыря, мог именно он. Но поскольку комиссия такого решения не приняла, то напрашивается другой вывод: может быть, правы те исследователи деятельности Барановского, которые считают, что в атеистические времена он был вынужден жертвовать более поздними постройками ради сохранения ранних — подлинных памятников архитектуры?

Хотелось бы думать именно так. Конечно, нереально надеяться на то, что кратковременное пребывание «человека-легенды» Петра Дмитриевича Барановского в Пушкинском Заповеднике в мае 1945 года будет описано так, как, к примеру, описал пребывание в заповеднике в то же время академика Щусева С.С. Гейченко[1]. Но, может быть, в огромном архиве П.Д. Барановского найдутся какие-то, пусть и очень мимолётные, записи по поводу восстановления Пушкинского Заповедника? Одно можно утверждать с уверенностью: из всех объектов заповедника, рекомендованных к восстановлению, больше всего его волновала судьба самого древнего памятника — центральной части Святогорского собора, построенного во имя Успения Богородицы в XVI веке, то есть подлинного памятника архитектуры, начало строительства которого относится к 1569 году.

[1] См.: *Ларионов А.* Заповеди блаженства. М., 1991. С. 19—21.

Любовь Козмина

ИЗ ОПЫТА МУЗЕЙНОЙ РЕСТАВРАЦИИ ПРЕДМЕТОВ В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ УСАДЬБЫ «ПЕТРОВСКОЕ» (1999—2001)

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина в рамках правительственной программы в музее-заповеднике был задан мощный импульс реставрационным работам по всем направлениям. Это реставрация и реконструкция садово-парковых ансамблей и ландшафтов, зданий и построек в мемориальных усадьбах, а также предметов из коллекций музейного фонда и основных экспозиций.

Так как создавались новые тематические экспозиции, сотрудники музейных фондов (Е.В. Шпинёва, Т.С. Гейченко, Е.В. Петрова, О.Н. Сандалюк, Е.А. Ступина, Е.В. Христофорова) и хранители музеев-усадеб вели большую научно-исследовательскую работу по комплектованию музейных коллекций редкими предметами XVII—XIX веков и по их атрибуции. Реставрацию музейных предметов осуществляли ведущие специалисты Республиканского музейного центра Государственного Исторического музея. Совместно с музейными специалистами, отражая степень сохранности и устанавливая первоначальный вид произведений декоративно-прикладного искусства, живописи и графики, иконописи, тканей, оружия, книг, документов, они определяли объём и методы реставрационных работ.

Нужно отметить, что профессиональная реставрация предметов в целостном объёме за всю историю Пушкинского Заповедника была проведена впервые. До этого предметы к экспонированию готовили сотрудники музея. Приоритетом была консервация, рассчитанная на сохранение текущего состояния раритета, нежели на придание ему первоначального облика. Таким образом, не все нужные предметы могли быть представлены в экспозиции музейного сюжета. Такова история, например, стула из Кобрино (ПЗ КП, № 2425), приобретённого у старшего научного сотрудника музея-заповедника Т.Ю. Мальцевой (протокол № 26 от 2 ноября 1973 года; акт № 47 от 9 октября 1974 года).

В пояснительной записке Татьяна Юрьевна пишет:

«Стул этот мне передала врач детского сада, ныне пенсионерка из Ленинграда, Черкасова Анастасия Владимировна (адрес: Ленинград,

Стул из села Кобрино.

П-136, Большой проспект, д. 24, кв. 30). По её словам, стул она обнаружила его летом 1971 года на даче детского сада недалеко от с. Кобрино (Ленинградская область, Гатчинский район).

Старожилы с. Кобрино рассказывали ей, что этот стул издавна находился в господском доме в Кобрине, был взят оттуда кем-то из местных жителей в 1917 году, когда имущество имения разбиралось крестьянами, а затем он попал на дачу детского сада и был за ветхостью списан. С разрешения администрации А.В. Черкасова взяла его себе.

Вероятно, стул принадлежал прадеду А.С. Пушкина А.П. Ганнибалу, который в 60-х годах XVIII века приобрёл Кобрино, или его сыну Осипу Абрамовичу Ганнибалу, деду Пушкина, получившему Кобрино после смерти отца в 1782 году. Потом он достался жене О.А. Ганнибала М.А. Ганнибал, бабушке поэта, когда после её разрыва с мужем Кобрино по повелению Екатерины II было выделено из владений О.А. Ганнибала для его малолетней дочери Надежды Осиповны, матери Пушкина. Возможно также, что М.А. Ганнибал привезла его в Кобрино откуда-то.

Очевидно, что после продажи Кобрина в 1800 г. М.А. Ганнибал не увезла с собой в Москву этот уже старый стул, и он остался в Кобрино у его новых владельцев. Таким образом, вполне вероятно, что стул некогда принадлежал ближайшим родственникам А.С. Пушкина».

В 70-е годы ушедшего столетия активно шёл поиск ганнибаловских раритетов. Однако С.С. Гейченко, автор первой экспозиции открывшегося в 1977 году дома-музея, отнёсся к гипотезе, выдвинутой Т.Ю. Мальцевой, с некоторым колебанием, так как история «Кобринского гнезда» неоднозначна, да к тому же стул требовал основательной реставрации.

Кобринский дом, хранивший следы Ганнибалов, которые бережно сохраняли все последующие его владельцы, был сильно повреждён пожаром, случившимся в 1887 году. Его восстановление осуществил Д.Г. Карташевский, родной племянник писателя С.Т. Аксакова, сестра которого, Н.Т. Карташевская, приобрела Кобрино в 1841 году у жены русского мореплавателя и географа Ю.Ф. Лисянского Шарлоты Карловны Жандр (Шандр), урождённой баронессы Брюнельд, которой М.А. Ганнибал продала наследное поместье в 1800 году[1].

Как видим, приобретённый предмет усадебной мебели екатерининского классицизма последней четверти XVIII столетия мог принадле-

[1] Последними владельцами усадьбы в Кобрино, вплоть до её разорения в 1917 году, были потомки Н.Т. Карташевской — Марковичи. Андрей Николаевич Маркович (1830—1907), выдающийся юрист, председатель Петербургской судебной палаты, статс-секретарь императора Александра II, прославился как филантроп и музыкант. Он являлся учредителем и членом Императорского Русского музыкального общества в Санкт-Петербурге. Его близким другом был Антон Рубинштейн, вместе с которым Маркович был основателем Петербургской консерватории. Андрей Николаевич был блестящим виолончелистом, первым в России собственником виолончели работы Страдивари. В Кобрино он устраивал музыкальные вечера с участием замечательных композиторов и музыкантов, в числе которых были А.Г. Рубинштейн, Н.А. Римский-Корсаков, А.К. Глазунов, А.К. Лядов.

жать как Ганнибалам — Пушкиным, так и Ш.К. Жандр. Культурные предпочтения родителей Пушкина, равно как и Шарлоты Карловны, формировались в эпоху Екатерины II. И интерьеры Кобринского дома на рубеже XVIII—XIX веков были решены соответственно.

Однако мы не можем знать всех нюансов убранства дома в то время, когда имение было продано М.А. Ганнибал, — мы можем только выстраивать предположения об исторической принадлежности данного предмета, отдавая предпочтение в пользу ганнибальской мемории. Например: быть может, предметы мебели могли быть проданы вместе с домом либо из-за невозможности вывезти их в Москву, либо по желанию Ш.К. Жандр. Или просто-напросто стул мог быть оставлен Ш.К. Жандр в дар для гостиной или для комнаты её дочери-подростка. И в результате сохранённый стул в изменяющихся историко-культурных реалиях стал знаковым раритетом для образованных насельников поместья. Как, например, для Княжевичей — забытая Коротовыми Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны А.П. Ганнибалу на наследственное владение землями Михайловской губы в Псковской губернии, которую они сохраняли как наглядный источник, подтверждающий историческую значимость приобретённого им имения.

И всё же, какие бы мы ни выстраивали гипотезы относительно прямой принадлежности этого предмета, мемориальная ценность данного раритета несомненна уже потому, что он — из Кобринского поместья, исторически связанного с родственниками А.С. Пушкина.

Стул выкрашен по левкасу масляной краской в белый цвет; резной декор орнамента — раковина, цветы, розетки, венок, окаймляющий овал спинки, балясинки и овы — раскрашен в светло-розовый, светло-голубой, светло-зелёный и охристый тона; выполнен из берёзы; русской работы. Конструкция его изящна благодаря правильным пропорциям и уравновешенному членению. Композиция резного декора симметрична ритмически повторяющемуся мотиву орнамента. Ножки вертикальные, относительно тонкие и суживающиеся книзу. Впечатление лёгкости усиливают вырезанные каннелюры, украшающие ножки.

Воссоздание этого уникального предмета реставраторами мебели Н.А. Оболонником (реставрация остова — 75%, то есть укрепление расшатанной конструкции, устройство ходового борта и обивка) и Д.С. Фетисовым (тонирование резного декора и отреставрированного покрытия) позволило ввести его в экспозицию Гостиной дома-музея Ганнибалов. А проведённая ими же уникальная реставрация раритета

первой половины XVII века, степень разрушения которого была довольно велика, помогла внести в историко-бытовую интерьерную экспозицию дома Ганнибалов колорит Петровской эпохи, отображённый в пушкинском романе «Арап Петра Великого».

Другой пример — платяной двустворчатый шкаф (ПЗ КП, № 6905) прямолинейной формы с массивным карнизом, декорированным разнообразным орнаментом, и тремя квадратными медальонами. На правой створке в три яруса расположены: вверху — герб под дворянской короной, поддерживаемый двумя собаками; в середине — портрет молодой женщины в профиль; внизу орнаментальная композиция. На левой створке: вверху — герб под графской короной, поддерживаемый двумя львами; в середине — портрет юноши; внизу орнаментальная композиция. Шкаф выполнен, скорее всего, северогерманским мастером, ориентировавшимся на итальянские образцы. Стилистика сочной рельефной резьбы по морёному дереву — дубу — типична для искусства позднего Ренессанса.

Шкаф этот, чрезвычайно редкий предмет прикладного искусства XVII века, обладает высокой художественной ценностью. Он был приобретён в разобранном виде у петербургского коллекционера В.Я. Жукова для обновлённой экспозиции дома-музея Ганнибалов (2001). Предпринятые методы реставрации исторического раритета (реставрация остова — до 90%; восстановление утраченного потолка и нижнего полика, передних шарообразных ножек (выполнены по аналогам эпохи) и недостающих металлических петель; воссоздание рельефной резьбы II и III категории сложности) позволили придать предмету его первоначальный вид.

Что и говорить, реставрация — дело кропотливое, трудоёмкое и, безусловно, творческое. Почти разрушенный художественный шедевр в умелых руках обретает первозданную красоту с чертами и приметами своей удивительной жизни. И это касается как типологических предметов, так и мемориий.

Во время реставрации перед хранителями встала дилемма: оставить икону «Спас Нерукотворный» (ПЗ КП, № 4264) в прежнем состоянии или восстановить утраты, явившиеся результатом естественного старения и хранения во время «хождения» по владельцам. Ведь мемориальные предметы — основа экспозиции дома-музея. Эмоциональное воз-

Платяной двустворчатый шкаф XVII века, приобретённый для обновлённой экспозиции дома-музея Ганнибалов.

действие мемории — вызываемое ею чувство сопричастности к жизни исторического лица придаёт предмету особую музейную ценность среди типологически подобных ему других предметов музейного значения.

После долгих раздумий было принято решение «за» восстановление живописных утрат, так как изображение Христа на плате было искажено появлением в красочном слое кракелюра раннего высыхания, или так называемых «масляных разрывов». Это серьёзное необратимое заболевание, порождённое естественными процессами старения. Икона, выполненная в академическом стиле в коричнево-палевых тонах, воспринималась мрачной.

Реставрацию мемории провёл реставратор высшей категории, сотрудник Государственного Исторического музея В.М. Шипилов. Были удалены гвозди из торцов доски, которую Владимир Михайлович укрепил путём оклеивания и установки скоб в торцах. На месте утрат им был возобновлён левкас и произведено живописное восстановление утрат. Нужно отметить, что красочный слой — это самая нежная часть иконы. Он тонок и не выдерживает агрессивных сред (повышенной влажности, солнечного света, перепада температур и так далее). При этом «слабое место» — даже не сам слой, а пространство между ним и левкасом.

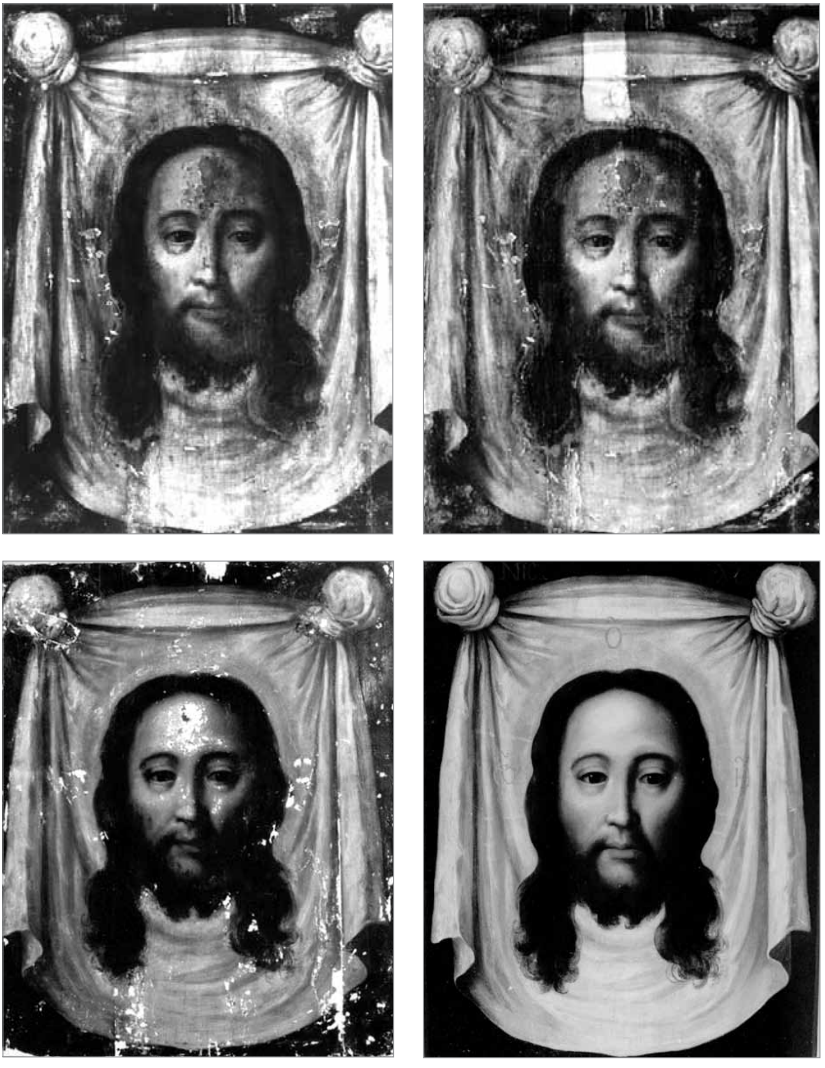
Укрепление проводилось 8%-ным раствором осетрового клея, который изготавливают специально для этих работ. В завершение консервации Владимир Михайлович покрыл живопись кедровым лаком.

В итоге реставрации икона приняла свой первозданный облик. Имеющаяся подпись на обратной стороне, на нижней перекладине, скрепляющей доску иконы, на срезах: слева «1725 года привезен образъ изъ Италии»; справа «обрамомъ петровичем ганнибалом» — развеяла высказываемые в кругу музейщиков сомнения: она, несомненно, соответствует XVIII столетию.

И в завершение несколько слов об истории этого мемориального раритета.

Данная икона хранилась у правнучки прадеда поэта Анны Семёновны Ганнибал, прокомментировавшей подпись в статье о своём пращуре А.П. Ганнибале в 1913 году[1]. В статье Анна Семёновна сообщает, что в семье сохранилось «предание о том, что Пётр Великий благословил им (образом Спаса Нерукотворного. — *Л.К.*) своего крестника

[1] *Ганнибал А.С.* Ганнибалы : Новые данные для их биографий // Пушкин и его современники : Материалы и исследования. Вып. 17/18. СПб., 1913. С. 205—248.



Спас Нерукотворный до реставрации. Далее фрагмент расчистки, подведение грунта в местах утрат и общий вид иконы после реставрации.

перед своею смертью; так, по крайне мере, — пишет А.С. Ганнибал, — передавал Семён Исаакович (сын четвёртого сына А.П. Ганнибала

— Исаака Абрамовича. — *Л.К.*) своей жене»[1]. В начале XX века икона поступила в Петровскую Галерею при Императорской Академии наук. В 1976 году она была передана Пушкинскому Заповеднику из Государственного Эрмитажа для нового музея Ганнибалов, открытие которого состоялось 4 июня 1977 года.

Эти три примера наглядно определяют культурно-ценностные ориентиры музейной реставрации 1999—2001 годов, поскольку уникальные раритеты, наряду со строениями, садово-парковыми ансамблями, тематическими музейными экспозициями, составляют историко-культурное достояние «литературного гнезда», коим является музей-заповедник А.С. Пушкина.

[1] *Ганнибал А.С.* Ганнибалы… С. 248.

Римма Беляева

О РЕСТАВРАЦИИ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК

Памятники изобразительного искусства древности, обнаруженные при археологических раскопках в завалах земли или на стенах помещений разрушенных зданий, доходят до нас обычно в виде фрагментов некогда монументальных декоративных комплексов. Ценность таких находок бывает неизмеримо велика, причём она не только в их художественных достоинствах. Эти памятники представляют собой документальное свидетельство далёкой эпохи, позволяя нам судить о культуре, истории, художественном и техническом опыте мастеров, материалах и методах исполнения творческих (и идеологических) задач.

Просуществовав века в заброшенных и разрушенных помещениях, под влиянием неблагоприятных природных условий, в процессе естественного старения эти памятники утратили прочность. Поверхность и основа их нередко повреждены, имеются следы сознательной порчи. Это вполне естественное состояние памятников подобного рода, внешний вид которых даёт дополнительную информацию искусствоведу.

Не всегда следует считать, что обветшавшая руина, повреждённое, фрагментированное живописное панно, рухнувшее ещё в древности со стены культовой или жилой постройки, представляет меньший интерес, обесценено образовавшимися на нём повреждениями. Желание избавиться от этих следов, полагая главной задачей реставрации достижение максимальной цельности изображения, может разрушить ту грань, за которой теряется подлинность. Странным было бы иное: рассматривая древности в залах музея, не увидеть этих следов. Ложно истолкованная цель реставрации оборачивается ложью и для музейного посетителя. Обаяние подлинника, не искажённого попытками довести его до так называемого экспозиционного или первоначального вида, уже не возникает.

Но стоит ли об этом сожалеть? Музейному хранителю, как правило, интересно видеть объект его хранения наиболее цельным, и вряд ли он будет препятствовать реставратору в попытке усилить тон или цвет, добавить, продлить, подчеркнуть контур, обозначить форму, придать объём фрагментированной пластике, чтобы «лучше смотрелось».

Зритель в большинстве случаев предпочтёт фрагменту цельное изображение. Его даже может удивить, что разорванные контуры из-за по-

вреждений на поверхности живописи не сведены, а участки на местах её утраты не закрашены краской. Но истинная ценность этих чудом уцелевших сокровищ — подлинность. Даже то, что иногда изображение на живописи из раскопок читается с трудом и фрагмент не может считаться экспозиционным, не оправдывает благих намерений хранителя или реставратора добавить для достижения «экспозиционного» эффекта недостающее за счёт тонированных заполнений на местах утрат, поднятых до уровня подлинной поверхности. А без тонировки такое заполнение (мастиковка) будет выглядеть странным, искусственным, не оправданным ни технически, ни эстетически, вызовет недоумение и вопросы: почему не закрашено? При необходимости целесообразнее иметь прорисовку с возможным вариантом реконструкции, если рисунок, сюжет, композиция читаются, пусть даже по следам имеющихся контуров, а колорит росписи позволяет восстановить утраченное в любой доступной и наглядной форме вне памятника[1].

Зритель не должен восхищаться работой реставратора. Его, реставратора, задача скромнее — консервировать памятник в том виде, в котором он дошёл до нас, всякий раз решая конкретно на каждом объекте, до какой степени на нём уместна расчистка, нейтрализация дефектов, выправление деформаций, удаление налепов и записей по заданию комиссии специалистов. Желательна и фотофиксация на всех этапах работы с памятником.

Уважение к подлиннику у квалифицированного реставратора должно преобладать над соблазном эффектно реализовать свой творческий азарт в толковании сюжета, рисунка и формы на памятнике. Отсюда и чувство меры своего вмешательства в его образ, если жёсткая методическая установка или иные, далёкие от искусства причины не обрекают на формальное следование заявленному принципу: максимально выявить

[1] При расчистке красочного слоя на древней живописи от загрязнения есть очень большой риск потерять тонкий лессировочный слой или просто патину, которая, судя по фрагментарности и древности росписи, не могла не погасить до некоторой степени первоначальную насыщенность и яркость красок. Даже если местами какой-то колер неплохо сохранился и его удаётся выявить почти в полную силу, то как быть с другими пигментами, имеющими иную, более крупную кристаллическую структуру, отчего они в большей степени и пострадали? Не может ли тотальная расчистка нарушить соотношение, гармонию авторской живописи при разной насыщенности красок, в разной степени уцелевших, поразному изменивших свою оптическую силу? Подлинный колорит древней живописи с достоверностью воспроизвести мы всё-таки не можем.

изображение. Любой ценой. Может оказаться, что, став «понятным», подлинник умрёт.

Желание придать изображению цельность не страхует от субъективизма, а ссылка на необходимость соответствия экспозиционным требованиям — несостоятельна. Их, как и внятно изложенных этических норм, вообще нет для музейного реставратора.

В искусствоведческом жаргоне бытует термин: «художественная реставрация». Что это? Не реконструкция ли, выполненная на самом памятнике? Допустима ли она для древней живописи, изобразительный (эстетический и познавательный) эффект которой непосредственно увязан и зависит от специфики авторской манеры в комплексе со множеством признаков его биографии? Даже сегодня мы легко отличим руку одного современного реставратора от другого по стилю, в котором каждый работает. Стоит ли сомневаться, что при «художественной реставрации» подлинная живопись не столько приобретёт, сколько потеряет, так как это внесёт в её характер элементы иной культуры и вкусовые предпочтения исполнителя, а ценность снизится до понятия «копия» или «подделка»? Уместно процитировать здесь и высказывание Д.С. Лихачёва: «Реставрация — это не возвращение памятнику первоначального вида. Попытки вернуться к первоначальному виду сопряжены обычно с субъективным истолкованием этого первоначального вида, с современным представлением о красоте. В реставрациях такого рода больше всего проявляется ошибок и утрат»[1]. Подлинник должен восприниматься и оставаться подлинником.

Примером такого понимания роли реставратора могут быть росписи VII—VIII веков из археологических раскопок древнего Пенджикента, прошедших реставрацию в Лаборатории научной реставрации монументальной живописи (ЛНРМЖ) Государственного Эрмитажа. Так, например, работая с росписью «Праздник урожая», реставратор не ставил цели максимально нейтрализовать утраты, чтобы «собрать» изображение для обретения композицией большей целостности. Мастиковки на местах повреждений и утрат делались в соответствии с задачей сохранения следов его исторической биографии, то есть подлинности.

Здесь, конечно, большую роль играет мастерство реставратора, чувство меры и необходимости добавлять ясности полуразрушенному изображению.

---

[1] *Лихачёв Д.С.* О садах // Избранные работы : В 3 т. Т. 3. Л., 1987. С. 515—516.

Римма Беляева

РАБОТА С ПСКОВСКИМИ ФРЕСКАМИ XIV ВЕКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ДОВМОНТОВОМ ГОРОДЕ

В июле 1974 года под руководством В.Д. Белецкого начались раскопки храма Покрова Богородицы XIV века. В самом начале работы в земле завала стали попадаться обломки фрески. Это позволило предположить, что на стенах храма имеется живопись, поэтому работы были приостановлены до приезда реставраторов. Лаборатория научной реставрации живописи Государственного Эрмитажа (ЛНРМЖ) уже имела опыт работы с псковскими фресками в 1963 году, когда при раскопках церкви Николы с Гребли в Довмонтовом городе были собраны обломки из алтарной части храма. Что за живопись скрывается в завале на этот раз, сколько её сохранилось и в каком она состоянии, судить было невозможно, не видя самих стен храма.

Евгения Григорьевна Шейнина, заведующая лабораторией, и автор этой статьи были командированы в Псков для участия в экспедиции. Объём работы здесь оказался настолько большим, что продолжалась она несколько сезонов. Общая площадь снятой со стен живописи составила более 150 квадратных метров. Работы начались с того, что на высоком холме, заросшем бузиной, вырубались кусты, глубоко пустившие корни во все трещины и щели кладки. Эти-то корни и отжали от стен штукатурку, отчего она, и без того раздробленная, оказалась прошитой и оплетённой густой волокнистой сеткой. Можно сказать, что весь верхний край живописи храма после удаления завала висел на этих корнях, полностью отстав от кладки. В образовавшиеся щели набилась земля, с вершины холма туда стекала вода.

Участие реставраторов в археологических раскопках всегда сопряжено для начальника экспедиции с немалыми проблемами по обеспечению их необходимыми материалами: ацетоном, марлей, гипсом, гвоздями, рейками, фанерой, досками. Всё это искали на заводах, складах, в аптеках и других местах. Кроме того, надо было застраховаться от капризов погоды, внезапных ливней, ветра, яркого солнца.

Дневниковые записи первого сезона полны драматизма:

«17 июля. Открыли часть северной стены апсиды. Верхние куски не удержать, отваливаются.

Пробуем гипсовать, чтобы успеть расчистить хотя бы фигуру Христа. Всё насквозь сырое и вот-вот рухнет. Сторож не пришёл. Василий Дмитриевич несколько раз ночью ходил на раскоп.

19 июля. Снимали первый фрагмент «Евхаристии». Прорезали швы, кусок стал сползать по стене.

Резы проклеить уже не успеваем. Только подвели щит, как кусок сам отделился и повис на марле.

20-е. Очень сыро. Клей «высаживается» даже с перхлорэтиленом. Раскрываем участок за третьей фигурой южного полукружия. Края обваливаются, штукатурка уже сложилась в складку.

26-е. Открыли участок на южном полукружии алтаря и понизились на 1,5 метра. Заклеив угол, ушли. Через час начался страшный ливень с ветром и градом. Сорвало плёнку. Успели с Евгенией Григорьевной добежать до раскопа, накрыли всё снова и, прижимая собой фреску, ждали конца урагана.

2 августа. День очень жаркий, тяжёлый. Чтобы хоть как-то зарисовать изображение перед снятием, бинты клеим только на аварийных участках фрески. Постоянная тревога, что штукатурка в проходе отвалится, а ребята-рабочие всё время толкутся в апсиде. К концу дня у Евгении Григорьевны испортилось настроение от множества мелких недоразумений и неприятностей. Василий Дмитриевич выглядит плохо, устал и, видимо, болен».

В 1974 году удалось понизиться в завале в алтарной части храма почти на два метра. В следующем сезоне раскрывали живопись среднего алтарного регистра с двухметровыми фигурами святителей. Здесь уже сцепление штукатурки с кладкой было получше, поэтому регистр удалось расчистить и сфотографировать до заклейки.

Особую сложность представляла работа со сводчатыми поверхностями. Это были арки проходов из центрального нефа в боковые, арка северного портала, ниша перед ним. Обнаружены они были во втором сезоне. Понижаясь в завале, мы впервые увидели незаполненный землёй объём под самой дугой обозначившейся арки прохода в дьяконник. Распластавшись на земле, можно было увидеть в небольшую щель, как от камней свода отделилась повреждённая штукатурка и фреска зависла в пустоте, готовая в любой момент обрушиться. Решено было осторожно заползти в щель под аркой, зафиксировать положение этих обломков с помощью гипса, чтобы потом, выбрав землю и заклеив живопись марлей, установить подпорку. Эту операцию удалось проделать со всеми

сводами. Василий Дмитриевич всегда с тревогой наблюдал торчащие из глубоких нор четыре подошвы двух реставраторов, замерших в неподвижных позах. Один, едва шевеля пальцами, держал марлевый бинт на весу, а другой, осторожно макая кисть в раствор ПБМА, старался приклеить этот бинт к нависшей над ним и отставшей от кладки фреске. Особое состояние реставратора — это напряжённое внимание и осторожные движения в неудобной позе, часто на сильном ветру, под нависшими камнями, с вредными растворителями. Бывало, почти не касаясь скальпелем поверхности, резали торчащий из головы изображения святого корень или вниз головой в узком проходе прорезали скальпелем горизонталь, выбирая в твёрдой штукатурке как можно глубже борозду в 5 мм шириной.

Неблагоприятной зоной была вся юго-западная часть храма, где кроме сырости вредное воздействие на живопись оказывал и сам завал земли. Юго-западный угол был забит жёлто-красной глиной. Грунтовая и дождевая вода не уходила сквозь плотную глину, стены не сохли. В таких условиях находилась стена с росписью «Жертвоприношение Авраама». Во всех аварийных случаях штукатурка на период раскрытия крепилась к кладке ватными тампонами, смоченными в жидком гипсе. Только так мы могли удерживать фрески на стенах и снимать их достаточно крупными фрагментами, успевая при этом делать схемы и фотофиксацию. Ещё больше риска было при работе со сводами, надеялись уже не только на гипсовые пробки, но и на удачу. Василий Дмитриевич был очень бдителен рядом с нами и осторожен, особенно после того, как сам провалился в дьяконник с антресолей верхнего уровня в 1975 году.

На восточной стороне дьяконника тогда открылась ниша со стрельчатым верхом глубиной в половину стены. В центре этой ниши находился оконный проём, ещё в древности заложенный обтёсанными каменными блоками, заштукатуренный и забелённый, очевидно, ещё до пожара.

Благодаря закладке оконница сохранила очень яркую декоративную роспись на откосах, хотя пламя и дым пожара при сильной тяге проникали сквозь щели между камней. Мастер, расписывая откосы, делал это без предварительной разметки, легко компонуя узор, а краска стекала с кисти на нижний откос. Несколько таких капель и мелких брызг воспринимаются нами сейчас как живое свидетельство энергии и темперамента художника, спешившего закончить дневную работу, пока не высох грунт. В сентябре 1975 года камни закладки были удалены. Открылась узкая щель наружного проёма, через который уже был виден берег

Псковы и древнее кладбище под стенами церкви. Вспоминается эпизод, когда местные мальчишки, думая, что их никто не видит, рискнули подкопать могилы, но были напуганы возгласом: «Положи кости на место!» — прозвучавшим из темноты узкой щели некогда замурованного окна.

Западную стену расчистили и сняли за два следующих сезона. На ней к северу от входа в храм размещались фигуры святых великомучениц того же масштаба, что и святители в алтаре. К югу же бóльшую часть простенка занимала многофигурная композиция «Проповедь в Иерусалимском храме». Так как юго-западное членение было забито мокрой красной глиной, то и эта фреска от неё пострадала.

За пять сезонов была проделана большая работа, и надо отдать должное хорошей организации всей экспедиционной жизни. Этим мы обязаны В.Д. Белецкому и Е.Г. Шейниной. Особое покровительство начальника экспедиции позволило решить и все бытовые проблемы, что мы и тогда очень ценили, и сейчас с теплом вспоминаем. Евгения Григорьевна руководила нашей работой так, что этого никто не замечал, но всё до мелочей ею было всегда предусмотрено, вовремя делались чертежи и зарисовки, фотографировались рабочие моменты, с максимальной точностью вычерчивались дуги криволинейных поверхностей, что впоследствии явилось бесценным материалом. Эти сведения и наши дневниковые записи очень пригодились при лабораторной обработке фресок, когда ими уже занималась вся мастерская.

Хотелось бы отметить особую сложность при работе с алтарной частью храма. Живопись здесь имеет три яруса, которые снимались в течение трёх сезонов. При этом точно фиксировалась кривизна алтарной дуги радиусом 1,8 м. Эти замеры и опыт плотников, изготовлявших щиты, всё же не гарантировали абсолютного совпадения всех резов при окончательной сборке криволинейных фрагментов (11 фрагментов, не считая платов). Искажения могли возникнуть — и возникали на всех этапах работы с ними: перевозка, сдвигание по трещинам, исправление деформаций, монтировка на заливочный пенопласт и так далее. При подготовке апсиды к выставке «Древний Псков» в 1992 году общую кривизну сверяли с дугой обмерного чертежа на уровне пола. Образовавшееся несовпадение удалось откорректировать за счёт больших фрагментов святительского ряда, где имелся ещё один поперечный рез.

Сейчас эти фрески размещены в специально для них отведённых залах фондохранилища Эрмитажа в Старой Деревне. Здесь можно почувствовать смысловую значительность декоративного оформления

церкви, общий колорит, разнообразие авторских приёмов живописцев, их манеру, технические особенности, а также характер разрушения поверхности. Можно проследить, как ухудшается состояние живописи по мере приближения к полу: сильная потёртость, следы пожара и копоти свечей, искажение цвета от побелки, которая местами осыпалась вместе с частью красочного слоя, а местами прочно сцепилась с поверхностью вычинки на старых утратах.

Любопытны и такие жизненные детали, как особая потёртость стен в местах проходов из алтарной части в жертвенник и дьяконник. В какой-то период существования церкви проход в дьяконник был распёрт толстым бревном на высоте около двух метров от пола. Следы врезки этого бревна видны по центрам двух обращённых друг к другу сцен — «Усекновение главы Иоанна Крестителя» и «Молодой епископ».

В 1996 году в Москве во второй триеннале, посвящённой итогам работы российских реставраторов, участвовал Государственный Эрмитаж. На выставку были отправлены шесть фрагментов фресок из церкви Покрова Богородицы. Материалы, представленные в витринах, иллюстрировали полевые и лабораторные этапы работы с фресками. На торжественном закрытии триеннале 27 декабря Лаборатории научной реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа был вручён «Золотой скальпель» и диплом за творческий вклад в дело сохранения культурного наследия России.

Работа с древнерусскими фресками продолжается. В лабораторию пришли молодые реставраторы с хорошей профессиональной подготовкой, они успешно осваивают приёмы и специфику профиля нашей мастерской.

Юрий Мудров, Ольга Савицкая

ПЕЧЕРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ АРХИМАНДРИТА АЛИПИЯ

В 1929 году известный художник, критик и историк русского искусства Игорь Грабарь писал о Псковском музее в журнале «Красная панорама»: «…В чудесном древнем городе Пскове есть музей, заслуживающий всяческого внимания…» и «…Совершенно законченной представляется работа по организации картинной галереи Пскова, развёрнутой в ряде просторных, отлично освещённых зал. Здесь посетителя… ожидают необычайные и волнующие переживания…»[1]

Действительно, картинная галерея Псковского музея обладала уникальной коллекцией, насчитывающей более 3 600 произведений живописи, графики и скульптуры[2].

События Великой Отечественной войны трагически отразились на судьбе музея. Слишком быстро линия фронта подошла к городу, и эвакуировать в тыл удалось лишь немногое — около двухсот произведений. После войны Псковский музей стал восстанавливаться, вновь складывались его коллекции. Пути формирования собрания были самыми разнообразными. Это традиционные закупки, целевые передачи из центральных музеев и хранилищ, министерств культуры Советского Союза и Российской Федерации, дары художников и частных лиц.

Сегодня мы говорим о собирательстве и коллекционировании как о важнейшей части художественной жизни. Это возвращение традиционного отношения к деятельности любителей искусства, меценатов. Без них не было бы ни Эрмитажа, ни Третьяковской галереи. Задумываясь о том, что такое музей, понимаешь, что у его истоков всегда стоял конкретный человек или общественная инициатива, которые позволили собрать, сберечь, изучить и как законченное произведение, носящее имя *музей*, отдать в духовное пользование обществу, народу.

Псковский музей — не исключение. Он тоже формировался за счёт доброй воли десятков людей. И среди них особо следует отметить Ивана Михайловича Воронова, архимандрита Псково-Печерского монастыря, художника и собирателя произведений искусства. Его собрание по объёму и художественной ценности произведений, поступивших в музей

[1] Цит. по: *Мудров Ю., Мудрова О.* Коллекция Пскова // Художник. 1979. № 11. С. 39.

[2] Там же.

Пскова, может быть поставлено рядом только лишь с легендарной коллекцией псковского купца Ф.М. Плюшкина.

Иван Михайлович Воронов (1914—1975) — мирское имя архимандрита Алипия, легендарной фигуры Русской Православной Церкви середины XX столетия. Вряд ли его можно назвать коллекционером в полном смысле этого слова. Он не был увлечённым и целенаправленным собирателем произведений определённой художественной эпохи, не отдавал предпочтение одному жанру, не благоговел перед звонкими именами знаменитостей. Его собрание имело скорее случайный, чем системный характер, и состояло из даров, поднесённых отцу Алипию в знак глубочайшего почтения, благодарности и любви как к его личности, так и к носимому им сану (причём в органичном единении того и другого).

Даже в кратком сообщении о его художественном собрании совершенно необходимо вспомнить основные биографические данные И.М. Воронова. Можно бы было сделать это словами самого архимандрита Алипия, но время заполнения им анкетных данных «Автобиографии» было не лучшим для раскрытия внутренних душевных движений, да и «сухость жанра» вряд ли объяснит многое. Только соединив автобиографию и свидетельства современников, мы сможем рельефно представить себе эту многогранную личность.

Из автобиографии, написанной по всем бюрократическим правилам (даже начинается она совершенно «как положено»): «Я, Воронов Иван Михайлович, родился в 1914 году в Московской области Михневского района в деревне Тарчиха в семье бедного крестьянина»[1]. И дальше всё как обычно: сельская школа, переезд в Москву к брату, учёба в столице. Но, когда заболела в деревне мать, 16-летний юноша уезжает к ней, оставляет Москву и два года ухаживает за больной. А затем — снова типичная биография советского гражданина: метрострой, служба в Красной Армии, работа на заводе. В мае 1941 года закончил начатое в 1936 году обучение в художественной студии ВЦСПС.

1941 год И.М. Воронов в автобиографии описывает так: «Первое время наш военный завод был как бы фронтом, и домой никто не уходил, а когда враг подошёл к Москве, я, как и все, вышел с оружием в руках защищать столицу». И далее: «Уезжая на фронт, я прихватил и этюдник. И так от Москвы до Берлина: справа винтовка, слева — этюдник с кра-

[1] Цит. по: *Алипий (Воронов И.М.).* Автобиография // Псково-Печерский монастырь / Сост. С. Ямщиков. Париж, 1995. С. 106.

ками. Я прошёл всю войну, был участником многих боёв»[1]. Грудь его украсили более десяти боевых наград Родины — орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и многие другие.

В жизненных катаклизмах не только укреплялся характер Ивана Михайловича, но креп и его дух. После демобилизации, работая художником в Троице-Сергиевой лавре, в 1950 году он принял решение навсегда посвятить себя служению Церкви.

При пострижении в монашество был наречён именем Алипий, в честь преподобного иконописца Киево-Печерской лавры, первого русского художника, чьё имя упоминается в летописях. Постриг принял, занимаясь художественно-реставрационными работами в лавре. С 1953 года игумен Алипий являлся руководителем всех подобных работ, принимая участие в украшении и реставрации и других храмов Московской епархии. Его успешные труды были замечены. В июле 1959 года указом Святейшего Патриарха Алексия I и Святейшего Синода Русской Православной Церкви он был назначен наместником Псково-Печерского монастыря.

Это назначение по ряду причин было совершенно необходимым и своевременным. Прежде всего, именно в это время власти жёстко поставили вопрос о закрытии монастыря (легендарной стала реальная история попытки закрытия монастыря и сожжения архимандритом распоряжения органов советской власти о ликвидации обители).

XX столетие было для монастыря временем потрясений. В этом смысле жизнь его мало отличается от жизни советского (российского) общества. Пожалуй, только четверть века — начало да последние десять лет — можно считать для обители временем, свободным от грубого давления светской власти. Даже те двадцать лет, когда Псково-Печерский монастырь находился на территории буржуазной Эстонии, были годами активного давления на братию монастыря, а вмешательство во внутренние дела обители, изгнание или отстранение от дел неугодных иноков по распоряжению эстонских властей было делом обычным.

Именно игумен Алипий и возглавил монастырь в должности наместника в годы, очень тяжёлые для Русской Православной Церкви. Псково-Печерская обитель — уникальнейший духовный центр. Это — единственный никогда не закрывавшийся (!) монастырь России, непрерывно, с 1473 года, преемственно хранящий иноческие традиции.

[1] Цит. по: *Алипий (Воронов И.М.).* Автобиография. С. 106.

Репрессии и атеистическая борьба были частью государственной политики в СССР. Временные послабления в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное время закончились, когда страну возглавил Н.С. Хрущёв, обещавший советскому народу не только скоро построить коммунизм, но и «показать по телевизору последнего попа». Псково-Печерский монастырь в этом смысле стал одной из главных мишеней для нападок. Шквал публикаций — книжных, газетных — обрушился на обитель. Архимандрита Алипия — участника Великой Отечественной войны, советского офицера — трудно было заподозрить и обвинить в «антисоветчине», но попытки предпринимались яростные. И он со всей страстностью не только защищался, но и давал бой. Напоминая о том, что живущие в монастыре монахи — «достойные граждане нашей страны, многие из которых израненные и изувеченные на полях сражений за Родину и получившие разные болезни в шахтах и на производствах»[1], архимандрит Алипий требует для них как граждан гарантированно свободной жизни. «Конечно, как монахи-христиане, мы терпим по заповеди Христа Спасителя, но как граждане свободной страны, как герои русского народа, мы протестуем против всяческих враждебных выходок… имеем право на спокойную и почётную старость. Мы её заработали, мы её завоевали… и по силе нашей хотим ещё трудиться, оберегая нашу Родину, русское зодчество и искусство и нашу русскую православную религию»[2].

Архимандрит Алипий взял на себя ещё и тяжёлую ношу восстановления доброй памяти и, по сути, первым обратился с предложением реабилитировать игумена Павла (Горшкова), в 1944 году «претерпевшего мученическую кончину». Несправедливо обвинённый в сотрудничестве с фашистами, игумен Павел в годы войны поддерживал в русских людях патриотические настроения, не только духовно окормлял, проповедуя на оккупированных территориях, но и реально помогал советским военнопленным, несчастным, жившим в домах престарелых, «безродным детям». Благородную деятельность по восстановлению доброго имени отца Павла (Горшкова) наместник Алипий начал в труднейшие времена. Реабилитирован священник был лишь в 1997 году.

В годы наместничества отца Алипия в монастыре подвизались выдающиеся деятели Русской Православной Церкви. Это, прежде всего,

[1] Государственный архив Псковской области (далее ГАПО). Ф. 1776, оп. 1, д. 92, л. 14.

[2] Там же.

митрополит Вениамин (Федченков) (1880—1961), крупнейший церковный писатель XX столетия. Святитель, прибывший в монастырь в начале 1958 года «на покой», перед этим подвергся опале. Его биография — мучительный путь всей Русской Православной Церкви: участник Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 годов, епископ Севастопольский, инспектор Парижского Православного института, архиепископ Алеутский, Православный Экзарх Америки. Пламенной патриотической и антифашистской деятельностью в годы войны он снискал глубокое уважение в США. После войны он — поочерёдно — Рижский, Ростовский, Саратовский архиерей. Архимандрит Алипий писал о митрополите Вениамине: «Три с половиной года Владыка жил в Доме Царицы Небесной (имеется в виду Псково-Печерский Успения Пресвятой Богородицы монастырь. — *Авт.*). В эти годы он подводил итоги своей многотрудной апостольской жизни. 54 года его священнического служения… он горел чистым Божественным огнём любви Христовой. Кто знал или хотя бы раз в жизни видел Владыку, тот знает тайну его личного обаяния, тот знает тайну, которой он привлекает сердца людей; эта тайна — любовь Христова, которая жила в нём. Он много оставил в назидание нам примеров терпения, кротости и любви. В 83-летней своей жизни он никогда не имел стяжания… Поэтому неудивительно, что в своё время ещё преподобный Силуан Афонский отозвался о владыке в одном из писем так: «Господь Иисус Христос любит Вениамина»[1]. Закончил свою жизнь митрополит Вениамин в монастыре и погребён в пещерах.

«На покое» жил в Псково-Печерском монастыре и епископ Аргентинский, а затем Сан-Францисский, «архиерей-эмигрант» Фёдор (Текучев) (1905—1985). Старец иеромонах Сампсон (Сиверс) (1898—1979) — «ярчайшее светило на духовном небосводе второй половины XX века»[2] — пребывал в Псково-Печерской обители «в заточении». Лишённый на 15 лет права священнослужения, он шесть лет жил в монастыре. При игумене Алипии старец Сампсон смог духовно окормлять верующих. «Только защита игумена Алипия не допустила надругательства надо мною…»; «Игумен Алипий понёс также наказание за то, что отпустил, дал документы, счёл возможным послать меня на лечение»; «Игумен Алипий очень мне сочувствует, оскорблён со мной…»; «Люди мою скорбь трудно понимают. Алипий понял»[3].

[1] У «пещер Богом зданных». Псково-Печерские подвижники благочестия XX века. М., 2003. С. 332.

[2] Старец иеросхимонах Сампсон. М., 1999. С. 5.

[3] Там же. С. 96, 97, 98, 100.

Время служения отца Алипия пришлось на период расцвета псково-печерского старчества. При нём здесь подвизались: иеросхимонах Симеон (Желнин), ныне прославленный в лике святого; схиархимандрит Пимен (Гавриленко), архимандриты Афиноген (Агапов) и Серафим (Розенберг), схиигумен Савва (Остапенко), а также последние валаамские старцы: иеросхимонах Михаил (Питкевич), схимонахи Николай (Монахов) и Герман (Соколов), схиигумен Лука (Земсков). При архимандрите Алипии в монастыре закончился земной путь архиепископа Житомирского и Овручского Владимира (Кобеца) (1884—1960) и прошедших ужасы лагерей и ссылок епископа Красноярского Иоанникия (Сперанского) (1885—1969) и архиепископа Черниговского Андрея (Сухненко) (1903—1973).

Отец Алипий «имел дар слова», «всегда помогал нуждающимся», «был приветлив и общителен, с любовью принимал посетителей, делился своими талантами», «защищал верующих людей от сильных мира сего» — так характеризовал его сподвижник, архимандрит Нафанаил[1]. Архимандрит Алипий отличался особой решительностью и силой духа. Это касалось и церковной, монашеской его жизни, и просто человеческой. Показательны слова его проповеди в день Собора Пресвятой Богородицы в 1962 году: «Мне приходилось быть очевидцем, как на войне некоторые, боясь голодной смерти, брали с собой на спину мешки с сухарями, чтобы продлить свою жизнь, а не сражаться с врагом: и эти люди погибали со своими сухарями и не видели многих дней. А те, кто даже снимали гимнастёрки и сражались с врагом, остались живы»[2].

И ещё одна цитата из «Слова» об отце Алипии архимандрита Нафанаила: «С 1942 года он находился в действующей армии, прошёл весь фронт до Берлина и помог патриотам Праги в освобождении их от фашистов. Сила Божия хранила его жизнь. Находясь в белом одеянии в снегу, при сорокаградусном морозе, в дозоре по целой неделе, он молил Бога о том, чтобы ему никого не зарезать, не встретить вражеских разведчиков. В ночное время разрешалось действовать только холодным оружием, чтобы выстрелами не вызвать утомительного ночного боя. Он хорошо знал и приводил примеры, как зарезанный по своей смерти начинает преследовать зарезавшего. И Бог избавил его от этого искушения»[3].

---

[1] У «пещер Богом зданных». С. 413—414

[2] *Архимандрит Алипий (Воронов)*. Проповеди. М., 1999. С. 7.

[3] У «пещер Богом зданных». С. 411—412.

Огромной заслугой отца Алипия было проведение сначала неотложных, а затем масштабных, комплексных реставрационных работ в монастыре. Как известно, Псково-Печерский монастырь — выдающийся историко-архитектурный и художественный ансамбль. Он включает в себя древнерусскую крепость — уникальное архитектурное и инженерное сооружение, более десяти церковных и гражданских построек различных стилей и эпох. И всё это значительно разрушенное в годы Великой Отечественной войны, как следует не залеченное требовало скорейшего восстановления и реставрации. К восстановлению были привлечены такие известные реставраторы, как В.П. Смирнов и М.И. Семёнов, а позднее в реставрации живописи участвовали С.С. Голушкин, С.В. Ямщиков.

Архимандрит Нафанаил в своём слове на двадцатую годовщину кончины архимандрита Алипия говорил о его деятельности: «Как иконописец и реставратор, он позаботился отреставрировать забронзированный тёмный иконостас Успенского храма, внутреннюю роспись Михайловского собора, Никольский храм (восстановил тябловый иконостас, отреставрировал икону Спасителя, расширил храм за счёт башни, укрепил стены, восстановил стильный купол). Была отреставрирована крепостная стена-ограда с боевыми башнями и переходами, восстановлены их покрытия. Шесть икон Божией Матери в Никольской часовне написаны при его участии и руководстве. В праздник Божией Матери... у нас на аналой ставится икона Казанская, келейная икона отца Алипия, им написанная. Свои таланты как строителя Московского метрополитена он применил у нас в устройстве мостика через ручей Каменец, напротив Успенского храма»[1].

А вот другое свидетельство — из «Слова перед отпеванием архимандрита Алипия 15 марта 1975 года в Сретенском храме Псково-Печерского монастыря», произнесённого отцом Агафангелом:

«Именно его инициативе обязаны мы восстановлением обветшалой, полуразрушенной монастырской крепости — этого замечательного памятника древнерусской архитектуры. В лице отца Алипия обитель приобрела одного из славных продолжателей и хранителей русской православной культуры — благоустроителя, строителя, стоятеля за православную веру, благомудрого авву. Следует особо подчеркнуть, что в его лице мы потеряли ныне не только монаха и отца-руководителя, но и деятеля нашей национальной культуры: он по духу был глубоко верующим,

[1] «У пещер Богом зданных». С. 411.

истинным сыном православия не только в своём повседневном монашеском послушании, но и в своём отношении ко всему прекрасному в мире, сотворённом Богом. Любя красоту земли — деревья, цветы, птиц, любя все добрые проявления земной человеческой деятельности — литературу, музыку, живопись (в первую очередь, конечно, церковные), он всегда помнил, что всё это — дары Божии нам грешным, отражение в нашем мире небесной красоты Божией, укрепляющей нас на земле и возводящей к Небу. А как он заботился о благоукрашении обители — о красоте и первозданном лице церковных зданий, храмовых икон, богослужебного чина, монашеского церковного пения.

Он был человеком широкого кругозора и большого сердца. Широта его взглядов и обширные знания давали ему возможность легко устанавливать контакты с самыми широкими слоями русского народа: с простецами и интеллигентами, с простыми крестьянами и известными деятелями культуры. Свою православную интеллигентность он умел передать и многим мирским, светским людям, порой любившим, как и он, красоту тварного мира, но всегда умевшим найти в ней высший смысл и гармонию вечности, гармонию Творца. Общение с отцом Алипием открывало им окно Правды Божией, что всегда вызывало их признательность батюшке, а многих из них привело в ограду церковную. О нём знали и любили его не только в Церкви, но и люди светские — учёные, поэты, художники, музыканты Москвы, Ленинграда, Киева, Риги, Таллина. Он и сам хорошо владел не только кистью художника-иконописца, но и пером историка, как монах-летописец…»[1]

Более пятнадцати лет трудился, «нёс своё послушание», отец Алипий в Псково-Печерской обители. Именно там он и стал собирателем. В известной степени, повторим, коллекция архимандрита Алипия носит характер случайный, несистематизированный, что редко встретишь у истинных коллекционеров. Хорошая коллекция обычно складывается у человека, имеющего вкус, понимание, чувство предметов, наконец, любовь к ним, граничащую со страстью. Но с такой одержимостью можно относиться к чему-то определённому. В коллекции архимандрита Алипия не было какой-либо системы, но это не от всеядности или неразумения — в этом была особенность его собрания.

Отец Алипий был уважаемым и любимым человеком. О его призвании художника знали многие — ведь им самим были расписаны стены монастырских зданий; знали и о его естественном для художника при-

[1] У «пещер Богом зданных». С. 409—410.

страстии к старому искусству. Именно поэтому так часто люди приносили в монастырь иконы и картины, мелкую пластику и старинную церковную утварь, мебель и предметы декоративно-прикладного искусства. Что-то дарили, но большинство произведений отец Алипий приобретал для своего собрания, порой из чувства благодарности. Не все произведения были одинаково высокого уровня, но были искренним вкладом и поэтому бережно сохранялись. Характер коллекции отражал не только вкусы, пристрастия владельца. Она в большей степени была связана с главным делом жизни архимандрита Алипия — служением Церкви. Церковная утварь, иконы, картины на религиозные сюжеты, старинные книги составляли большую и особо почитаемую часть собрания.

Тут следует отклониться от начатой темы собирательства и вспомнить, что в годы наместничества архимандрита Алипия в обитель из Германии были возвращены вывезенные во время войны сокровища монастырской ризницы. Долгая и трудная работа увенчалась успехом в 1973 году: вклады русских царей и цариц, вельмож, российских императоров — уникальные изделия мастеров золотых и серебряных дел — заняли своё место в ризнице.

Свою коллекцию отец Алипий не скрывал от людских глаз, охотно показывал художникам, искусствоведам и, в свою очередь, был благодарен им за советы и консультации. Передать Государственному Русскому музею русскую живопись и графику из своего собрания решил ещё он сам. Это определило дальнейшую их судьбу. В 1975 году, вскоре после необходимого изучения произведений, уточнения атрибуций, в залах музея открылась выставка, включавшая более тридцати работ[1].

Фонды Русского музея огромны, но тем не менее дар И.М. Воронова (архимандрита Алипия) оказался весьма значительным вкладом в это собрание. Именно тогда впервые в музее появились картины художников Ивана Силыча Горюшкина-Сорокопудова (1873—1954), Митрофана Петровича Верещагина (1842—?), Владимира Архиповича Бондаренко (1866—1900), Василия Ивановича Грабовского (1873—?), Ивана Локтева (вторая половина XVIII века)[2].

Картина И.С. Горюшкина-Сорокопудова «Приезд боярина в монастырь» (1912) обогащает представление о творческой биографии художника. Поиски национального стиля в живописи, глубокое проник-

[1] См.: Русская живопись и графика XVIII—XX веков из собрания И.М. Воронова, переданного в дар Русскому музею. Каталог выставки. Л., 1975.

[2] См.: Государственный Русский музей. Живопись XVIII — начала XX века. Л., 1980.

новение в поэтику жизненного уклада русского народа в допетровской Руси позволили ему, талантливейшему ученику И.Е. Репина, выбрать свой тип историко-бытовой картины, в которой важная роль отводилась пейзажу, особенно зимнему. «Приезд боярина в монастырь» — характерный пример подобных произведений мастера. Высокие художественные качества картины позволяют предположить, что это одна из двух упоминавшихся некогда, но неизвестных картин И.С. Горюшкина-Сорокопудова «Княже встречают» или «На богомолье в обитель»[1].

Большую ценность представляет конкурсная работа М.П. Верещагина «Доверие Александра Македонского к врачу Филиппу во время тяжкой болезни», так как именно за неё он получил в 1870 году Малую золотую медаль. Творчество М.П. Верещагина мало изучено, сохранилось всего несколько его достоверных работ. Предельно скудны биографические сведения. Известно, что он сын уральского иконописца, учившийся у своего деда — И.В. Бабина. Его братья, Василий и Петр, — академики Императорской Академии художеств, а первый был ещё и профессором. Естественно, что появление подобного произведения вызвало интерес специалистов.

На сегодняшний день единственной известной картиной В.И. Грабовского, ученика профессора П.О. Ковалевского по Академии художеств, является небольшое полотно «Казак», поступившее в Русский музей от отца Алипия.

В результате исследований выяснилось, что небольшая жанровая картина В.А. Бондаренко «В мастерской» (1898) входит в серию «Мастерские Валаамского монастыря», над которой художник работал в 1890-е годы[2].

Если произведения И.С. Горюшкина-Сорокопудова, М.П. Верещагина, В.А. Бондаренко, В.И. Грабовского в известной степени уникальны в музейном собрании, то творчество В.Д. Поленова представлено в музее всесторонне. Исторические картины, пейзажи, этюды, эскизы — всего более 80 работ (только маслом) дают полное представление об этом мастере. Тем не менее три картины, поступившие из собрания архимандрита Алипия, оказались подлинной находкой для музея.

---

[1] Русская живопись и графика XVIII—XX веков из собрания И.М. Воронова… С. 52.

[2] *Виноградова Е.* Завещание отца Алипия // Юный художник. 1991. № 1. С. 35.

Ещё в 1884 году, увлечённый чтением популярной в те годы книги Жозефа Эрнеста Ренана «Жизнь Христа», Поленов делает несколько эскизов, посвящённых отдельным эпизодам из жизни Иисуса. Постепенно возникает серьёзный замысел создать цикл картин, которые и составят позднее знаменитую серию «Из жизни Христа». В 1909 году художник завершил свой многолетний труд. Серия состояла в основном из небольших по размеру эскизов, разбитых на шесть циклов в соответствии с евангельскими сюжетами. В собрании Русского музея хранились три эскиза, и появление ещё одного — «Иаков и Иоанн», а также двух картин, «Возвратился в Галилею в силе духа» и «Мечты» («На горе»), создавало более целостное впечатление об этом цикле. Одна из поступивших картин была хорошо известна исследователям. Над темой «Мечты» («На горе») художник работал долго. В Саратовском государственном художественном музее имени А.Н. Радищева хранится вариант 1894 года, в Муромском краеведческом музее — 1899 года. Существовали и другие, начиная с эскиза 1887 года, местонахождение их неизвестно. Возможно, что один из вариантов и занял место в собрании Русского музея. Поленов часто повторял темы, но в каждом варианте трактовка образа, само понимание сюжета были новыми. Это тем более важно, что Поленову необходимо было показать глубинные психологические процессы, формирующие личность Христа, его отношения с окружающим миром. Этот мир органичен и идеален, так как мастер чаще всего видит своего героя наедине с природой, в состоянии полного растворения, слияния с ней. Естественно, что возможность сопоставить варианты даёт представление об эволюции самого Поленова и как художника, и как философа.

Безусловной удачей было пополнение собрания живописи второй половины XIX — начала XX века такими произведениями, как «Серый день» В.К. Бялыницкого-Бирули, «В дороге» (1859) П.Н. Грузинского, «Дети в мастерской художника» (1909) В.Е. Маковского, «Боярышня» (1888) Н.В. Неврева.

Из собрания отца Алипия в Русский музей поступили четыре больших полотна И.К. Айвазовского: «Утро на морском берегу. Судак» (1850-е), «Корабли в бурном море. Восход солнца» (1871), «Прибой у скалистого берега» (1889), «Перед штормом» (1893). Последняя затем была передана в Псковский музей-заповедник. Созданные в разные периоды творчества прославленного мариниста, эти картины расширяют представление о художественном наследии мастера.

Интерес представляют и портреты в составе коллекции. В основном это работы XVIII — начала XIX века. Как это нередко бывает в частных собраниях, наряду с оригинальными работами неизвестных мастеров («Портрет стольника Никиты Фёдоровича Волконского» или «Портрет мальчика с копьём») встречаются старые копии высокого художественного уровня. Это можно сказать о «Портрете великой княгини Марии Фёдоровны» (по оригиналу А. Рослина) и о «Портрете Екатерины II» (тип. И.Б. Лампи-старшего). «Портрет фельдмаршала графа Петра Семёновича Салтыкова» заслуживает особого внимания. Это тоже копия известного портрета Пиетро Ротари 1760 года, некогда находившегося в собрании Е.А. Балашовой в Петербурге и ныне утраченного. Но копия подписная:

«1 7 6 2 Гд м а я 2 0 ч и с л а м а л е в а л ъ И в а н ъ Л о к т е в ъ».

Локтев работал во второй половине XVIII века, был учеником Ф.С. Рокотова, а портрет, обнаруженный в собрании И.М. Воронова, стал второй известной подписной работой этого художника.

В Русский музей поступили также работы М.В. Нестерова, П.И. Петровичева, В.М. Васнецова, М.В. Добужинского, Г.И. Семирадского, В.Г. Перова (?), Л.В. Туржанского, К.И. Горбатова, Ю.Я. Феддерса. Некоторые из них позднее из Русского музея были переданы в Псковский музей-заповедник, куда после многих сложностей попала и другая часть коллекции — западноевропейская живопись.

Если передача коллекции русской живописи и графики прошла при полном взаимопонимании наместника монастыря Алипия и Василия Алексеевича Пушкарёва — в те годы директора Русского музея, то собрание западноевропейской живописи оказалось в государственном музее не сразу. В силу ряда обстоятельств отец Алипий принял решение передать эту небольшую по объёму часть собрания Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве. Сотрудники музея не выразили должной заинтересованности в этом даре, сомневаясь в художественных достоинствах произведений. Об этом приходится сожалеть, так как отец Алипий был намерен передать государству всю коллекцию западноевропейских картин, но при жизни не успел этого сделать. После кончины архимандрита Алипия в 1975 году исполнить его волю оказалось очень сложным делом, и довести это дело до конца так и не удалось. Трудности возникали не только при контакте с областными властями, но и с новым наместником монастыря. Тем не менее в 1975 году две первые картины этой

части собрания были переданы в Псковский государственный музей-заповедник.

Одной из них стала небольшая жанровая картина «Спящий монах» (1899) немецкого художника Карла Гебхардта (1860—1917), произведения которого в российских собраниях единичны. Другая поступила как работа неизвестного фламандского художника «Отдых на пути в Египет». Здесь исследователей ждала радость открытия. Поиски автора картины, проведённые нами, привели первоначально к кругу Антониса Ван Дейка и к связанным с ним антверпенским историческим живописцам, а затем и к подлинному создателю картины — Теодору Буйермансу (1620—1678)[1]. Он последователь, а возможно, и ученик Антониса Ван Дейка, автор многих алтарных композиций, в большинстве случаев украшающих церкви Антверпена. Произведения этого художника в музейных собраниях встречаются не часто, хотя известно большое количество алтарных работ, выполненных для церквей Фландрии, где они подчас находятся и поныне. В нашей стране картина из собрания отца Алипия — единственное произведение Теодора Буйерманса.

Буйерманс был художником, чьё творчество развивалось в русле, определённом гением Рубенса и Ван Дейка, и несло черты, характерные для фламандского искусства XVII века. Типичный пример фламандской алтарной картины XVII века являет собой и настоящее полотно. Композиция картины крупнофигурная, с небольшим количеством персонажей: изображены Богоматерь с младенцем Христом на коленях, справа — ангел, протягивающий младенцу виноградную гроздь, слева — Иосиф, наблюдающий эту сцену. Действие разворачивается на первом плане. Второй план — пейзаж с густой зеленью деревьев слева и облачным небом с низкой линией горизонта справа — служит фоном.

Выбор сюжета не случаен. Культ Богоматери, существовавший в странах, сохранивших преданность католицизму, объясняет обилие произведений на тему жизни Марии и младенца Христа. Популярной была и тема бегства в Египет. Одни художники трактовали её как жанровую сцену, другие вводили фигурки путешественников как стаффаж в величественную картину пейзажа, третьи пытались раскрыть в этом сюжете глубокий символический смысл, тему будущих страданий Христа и скорби Богоматери, её покорности судьбе. Сложным символическим звучанием проникнуто это произведение Буйерманса.

[1] Подробнее см.: *Савицкая О.С.* Картина «Отдых на пути в Египет» из бывшей коллекции архимандрита Алипия // Символ в религии. Материалы VI Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. СПб., 1998. С. 89—90.

И ещё одна картина из коллекции архимандрита Алипия знакомит с художником, чьё творчество до этого не было представлено в музейных собраниях страны. Это небольшой пейзаж «Пристань в Бретани» работы французского художника Альфреда Гийона (Гийу). Он работал в Париже с середины 1860-х годов, участвовал во многих парижских выставках, где показывал небольшие картины, по преимуществу изображающие жизнь рыбаков Бретани. Эта работа была передана в музей в 1978 году вместе с другими десятью картинами, которые Псковскому музею-заповеднику удалось получить после преодоления многих препятствий.

После кончины архимандрита Алипия в 1975 году передача оставшейся части собрания в государственный музей, повторим, оказалась делом спорным и хлопотным. Исполняя волю покойного, большую часть этой неблагодарной работы взял на себя известный московский реставратор и общественный деятель С.В. Ямщиков. Он хорошо знал собрание отца Алипия и, когда переговоры не помогали, прибегал к всевозможным хитростям. В 1980 году в Псковский музей-заповедник приехала компетентная комиссия для ознакомления с той частью коллекции, которая уже находилась в музее, а главное, для того, чтобы освидетельствовать произведения, ещё оставшиеся в монастыре. Произведения искусства, где бы они ни находились — в государственном музее или в частном собрании, — не теряют для исследователей своей притягательной силы, поэтому помимо С.В. Ямщикова с живым интересом к коллекции архимандрита Алипия отнеслись ведущие специалисты Государственного Эрмитажа И.Ю. Кузнецов и И.В. Линник, известный московский реставратор С.С. Голушкин.

Из двенадцати произведений западноевропейской живописи четыре оказались старыми копиями с картин Рубенса, Тенирса, Ватто. За исключением двух подписных работ, картины поступили в музей как произведения неизвестных художников, что весьма часто встречается в частных коллекциях западноевропейской живописи. Тем не менее в ряде случаев удалось не только установить школу, но и точно атрибутировать работы. Так, Ю.И. Кузнецов установил, что картина «Лот с дочерьми», ранее считавшаяся работой неизвестного итальянского художника, была написана австрийским художником Иоганном Михаэлем Ротмайером (1654—1730). Как и его учитель Иоганн Карл Лот, Ротмайер писал в основном картины на религиозные, мифологические сюжеты, типич-

ным примером которых является и работа из коллекции отца Алипия[1]. Картина неизвестного фламандского художника «Пирушка» была определена И.В. Линник как работа Теодора Ромбоутса (1597—1637), антверпенского живописца, испытавшего влияние Рубенса. Реставрационные работы позволили подтвердить предложенное толкование сюжета как «Аллегорию пяти чувств»[2].

Коллекция отца Алипия пополнила скромное собрание итальянской живописи Псковского музея двумя превосходными картинами. Это произведения неизвестного римского (?) художника XVII века «Святое семейство с Карлом Борромеем и Кларой Ассизской» (ранее считавшееся работой неизвестного испанского художника «Святое семейство») и Андреа дель Сарто и мастерской «Мадонна с младенцем». Высокий художественный уровень последнего, очевидные аналогии с известными работами мастера убеждают в правильности этой атрибуции[3].

Мадонна изображена сидящей в трёхчетвертном повороте. Поза ребёнка необычна: он сидит на подложенной подушечке спиной к зрителю, но, повернув голову, смотрит на нас. Мадонна левой рукой придерживает за плечо младенца, в то время как правая покоится у неё на груди. В правом верхнем углу изображён голубь — символ Святого Духа. Соотношения пропорций матери и ребёнка нарушены: крупный, развитых форм младенец явно велик. Впрочем, пример подобного нарушения был дан ещё самим Леонардо да Винчи в «Мадонне Бенуа».

В 1980 году были уточнены географические и хронологические рамки произведения, работа была отнесена к флорентийской школе первой трети XVI века. Поиски в этом направлении привели к имени Андреа дель Сарто — одного из крупнейших представителей флорентийского Высокого Возрождения. «Мадонну с младенцем» из Псковского музея-заповедника можно с полным правом считать произведением мастерской Андреа дель Сарто, выполненным в середине 1520-х годов. С известной долей вероятности можно предположить также, что помощником выдающегося мастера был Сольяни (1492—1544). Однако недостаточная изученность его творчества не даёт возможности утверждать это с большей категоричностью. Учитывая, что в наших музеях имеется

[1] См.: Реставрация произведений искусства. Поиски. Находки. Открытия. Издания к выставкам. М., 1984.

[2] Там же.

[3] Подробнее см.: *Савицкая О.* Неизвестное произведение мастерской Андреа дель Сарто // Искусство. 1985. № 1. С. 58—63.

только два оригинала Андреа дель Сарто, настоящая работа приобретает особый интерес.

Даже четыре копии, поступившие в музей, являются не только экспозиционными, но и представляющими исключительный интерес для изучения и исследования. Одна из них, «Отплытие на остров Цитеру» по оригиналу Антуана Ватто, была выполнена по гравюре Никола-Анри Гардье-отца (1694—1749) с «берлинского» варианта картины. Копия с картины Давида Тенирса Младшего «Крестьянская свадьба», находящейся в Государственном Эрмитаже, была выполнена во второй половине XVIII века, так как написана с учётом поздней надставки холста внизу.

Большой интерес представляют и две копии с работ Питера Пауля Рубенса. Это «Томирида с головой Кира» и «Младенцы Иисус Христос и Иоанн Креститель в пейзаже». Первая известна в двух вариантах — «бостонском» (около 1620) и «луврском» (1633). Каждая из них копировалась. «Псковская» является копией XVIII века варианта картины, хранящейся в музее Бостона (США). Ещё интереснее картина «Младенцы Иисус Христос и Иоанн Креститель в пейзаже», являющаяся копией XVIII века с несохранившегося оригинала Рубенса. Композиция была гравирована на дереве Кристофом Иегером (1596—1652/53) и известна во многих повторениях, хранящихся, в том числе, в музеях нашей страны. Особенность копии из коллекции отца Алипия заключается в том, что её автор видел оригинал, о чём говорит освещение, характер развитого пейзажа.

Несомненная художественная ценность произведений западноевропейской живописи, поступившей из коллекции архимандрита Алипия в Псковский музей, вызвала интерес и к тем картинам, которые остались в Псково-Печерском монастыре. Там были освидетельствованы, сфотографированы ещё пять картин, установлено их состояние. Среди них одна предположительно является авторским повторением картины «Святой Иероним» нидерландского художника Маринуса ван Роймерсвале (около 1490 — 1567). Приходится сожалеть, что эти произведения не доступны ни для исследователей, ни для зрителей.

Более пятидесяти интереснейших работ русских и западноевропейских художников поступили в разные годы в музейные собрания страны из коллекции архимандрита Алипия (И.М. Воронова), являя собой часть культурного наследия, вновь возвращённого Отечеству.

Юрий Мудров

САВЕЛИЙ ЯМЩИКОВ
Заметки к биографии

Савелий Васильевич Ямщиков, безусловно, является крупной фигурой отечественной художественной жизни 1970—1980-х годов. Именно эти годы стали в его деятельности воистину звёздными. Можно говорить о его личном успехе, но главным в деятельности Ямщикова всё же была активная созидательная деятельность на благо русской культуры. Работая сначала во Всероссийском художественном реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря, а затем во Всесоюзном научно-исследовательском институте реставрации, он занимался вопросами просветительской и пропагандистской работы, связанной с открытиями в отечественной реставрационной науке и практике.

Как верно отметил Никита Касьянович Голейзовский, известный российский реставратор, друг и коллега Савелия Ямщикова, в 1970—1980-е годы «он то и дело по собственной инициативе устраивал выставки, на которые выстраивались длинные очереди, издавал роскошные альбомы и каталоги, выступал на телевидении, к нему постоянно приходили знаменитые люди — артисты, режиссёры, художники, коллекционеры». «Раскапывая музейные запасники, Савва нашёл своё призвание. Он стал открывать интереснейшие памятники, вывозить их на реставрацию в ГЦХРМ и устраивать выставки»[1]. Голейзовскому вторит известный московский живописец Елена Романова: «Савва с группой реставраторов сумел возродить интерес к великому русскому искусству. Именно тогда были открыты творчество Ефима Честнякова, солигаличские портреты Григория Островского, изумительные портреты провинциальных художников — Колендаса, Мыльникова и многих других. Масштабные выставки их произведений вызывали небывалый интерес, покорили не только рядовых зрителей, но и профессионалов, художников всех мастей»[2].

Ещё более точно и однозначно определил одно из главных предназначений деятельности Ямщикова публицист Сергей Разгонов, также бывший в числе близких людей Савелия: «Правда в том, что, далеко

[1] *Голейзовский Н.* Ямщиков и его современники // Реставратор Всея Руси. Воспоминания о Савве Ямщикове. М., 2010. С. 45.

[2] *Романова Е.* Наша дружба окрепла в сопротивлении испытаниям судьбы // Реставратор Всея Руси. С. 74.

выйдя за рамки цехового клана, умел, как никто, поднять престиж профессии, публично её представлять. Лет тридцать назад слово «реставратор» многие едва могли выговорить. Ямщиков (вся жизнь которого ушла на это!) добился того, что людей этой профессии стали почитать, как когда-то физиков». «Узкопрофессиональный мир Савва сделал центром общественного интереса»[1].

Но, говоря о профессиональной деятельности С.В. Ямщикова, имея в виду реставрацию, прежде всего следует помнить, что он был пропагандистом великого культурного наследия нашего Отечества в целом и выдающиеся явления современной ему подлинной культуры не проходили мимо его зоркого и цепкого взгляда.

И выставочная, и издательская, и публицистическая, и исследовательская деятельность С.В. Ямщикова ещё много-много раз будут предметом рассмотрения историков искусства. Будет написана и полновесная биография этой яркой личности. Вместе с тем необходимо собирать все свидетельства творческой деятельности Ямщикова, особенно тех, кто сотрудничал с ним, был соработником в его достойных делах.

Время безжалостно, но порой и человек оказывает ему сомнительные услуги, уничтожая созданное или просто те или иные проявления человеческого бытия. Так, решив вспомнить и напомнить другим о проявлениях могучей, кипящей творческой энергии Савелия Ямщикова, свидетелем которых я был, я столкнулся не просто с забвением, равнодушием, а даже с утратой документальных свидетельств. Мне посчастливилось работать в ленинградском ЦВЗ (Манеже) в те годы, когда блистательные художественные и историко-художественные экспозиции собирали десятки тысяч любителей и знатоков отечественного и мирового искусства. Некоторое время назад, обратившись в петербургский Манеж, я с печалью и болью узнал, что никаких материалов о деятельности как С.В. Ямщикова, так и его коллег по ВНИИРу, в частности друзей и соратников, коллекционеров, в Манеже найти невозможно, они в основном оказались утраченными[2].

---

[1] *Разгонов С.* Большой Савва // Реставратор Всея Руси. С. 135, 137.

[2] Заместитель директора по научной работе Центрального выставочного зала (Манеж) Д.А. Градова, ряд лет работавшая директором, лично сохранила несколько записных книжек Н.И. Сердюка, бывшего директором со дня основания ЦВЗ и до начала 1990-х годов, в которых тот фиксировал хронологию выставок и данные об их посещаемости. Д.А. Градова продолжила их вести после ухода Н.И. Сердюка. Благодарю Дину Александровну за возможность ознакомиться с ними. (Каких-либо других материалов в Манеже нет.)

С первым своим проектом «Новые открытия советских реставраторов» Савелий и его коллеги появились в Манеже летом 1979 года. Выставка экспонировалась с 5 июня по 25 июля. Савелий к тому времени уже год как работал во Всесоюзном институте реставрации, но среди коллег из ВХРНЦ имени Грабаря (не чиновной верхушки) он пользовался исключительным авторитетом, и творческое участие «Грабарёвских мастерских» на выставках в Ленинграде также чаще всего было обеспечено.

Выставка «Новые открытия советских реставраторов» была показана ранее в Москве. Это был крупный официальный выставочный проект, проводившийся под патронатом Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, министерств культуры СССР и РСФСР, Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и приуроченный к 20-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. Но роль С.В. Ямщикова тем не менее была в нём также значительна. Подготовка выставки, каталога, другого полиграфического обеспечения, её всяческая пропаганда (или, как сейчас принято говорить, пиар), связи между выставочными, реставрационными организациями и музеями — многое лежало на нём.

Официальные лица из комиссии и союзного министерства отмечали, что выставка «раскрывает важные аспекты советской реставрационной школы, отражает её современные достижения в реставрации музейных коллекций, сосредоточенных в различных городах нашей страны» и «спасённые (памятники культуры. — *Ю.М.*) руками специалистов-реставраторов от разрушающего влияния времени и представшие перед современным зрителем, они становятся как бы звеном, связывающим современного человека с неисчислимыми богатствами духовной культуры прошлого»[1].

Первый раздел выставки представлял реставрированные памятники древнерусского искусства из собрания Музея древнерусского искусства имени Андрея Рублёва. Самая ранняя икона, «Спас Вседержитель», датирована XI—XIII веком. Как писала куратор этого раздела А. Логинова, «каждый памятник — новая страница истории русской культуры, неповторимая судьба, увлекательный рассказ о том, где и при каких обстоятельствах он был найден, как сантиметр за сантиметром открывалась древняя живопись или поверхность резьбы, созданной несколько веков назад»[2]. Двадцать первоклассных памятников возродили к жизни извест-

[1] Новые открытия советских реставраторов. Каталог выставки (буклет). М., 1979. С. 1, 3.

[2] Там же. С. 6.

ные мастера реставрации В. Брягин, В. и А. Кириковы, К. Тихомирова, М. Баруздин, И. Ватагина, М. Егорова.

Остальные три раздела представлял С.В. Ямщиков. Два из них были связаны с подлинными открытиями, состоявшимися на Костромской земле.

Имя портретиста XVIII столетия Григория Островского практически было неизвестно, и обретение его произведений стало настоящей сенсацией. «Директор Костромского музея Виктор Игнатьев работал в фондах краеведческого музея старого русского города Солигалича. Его внимание привлекли многочисленные портреты, беспорядочно расставленные в хранилище. …Опыт музейного работника подсказал Игнатьеву, что перед ним произведения, созданные незаурядным мастером… Он вывез в Кострому три портрета… Маленький холст Игнатьев показал мне… А через несколько дней мы уже летели… в Солигалич»[1]. Портреты были вывезены в Москву, где во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря они прошли реставрацию. Известный исследователь, доктор искусствоведения Е. Некрасова писала: «Ямщиков и его соратники подарили нам наследие глубоко национального и самобытного мастера…»[2]

Шестнадцать портретов, и среди них ставший «визитной карточкой» и выставки, и творчества живописца «Портрет Анны Сергеевны Лермонтовой», снабжённый авторской надписью «От роду имеет пять лет. Писан в 1776 году», были представлены в экспозиции. Замечательные московские мастера С. Голушкин, Н. Кошкина, Н. Маренникова, И. Тарасов провели реставрационные работы с высочайшим мастерством.

Тогда же, по сути, было открыто ещё одно замечательное имя в русском искусстве: «Ефим Честняков — художник сказочных чудес» (1874—1962). Имя этого художника, ученика И.Е. Репина, оказавшегося затем, после обучения в Академии художеств, на малой родине, в Костромской губернии, прожившего почти девяносто лет, было забыто критиками и историками искусства на многие десятилетия.

И вновь — и счастливый случай, и многолетняя кропотливая и упорная работа, и «свыше семидесяти живописных полотен, несколь-

[1] Там же. С. 8.

[2] *Некрасова Е.* Загадка солигаличских находок // Новые открытия советских реставраторов. Солигаличские находки. Сост. Савелий Ямщиков. М., 1976. С. 145.

ко сот графических листов, интересные образцы глиняной скульптуры, дневниковые записи, литературные произведения — всё, что сохранилось из богатого творческого наследия Ефима Честнякова, собрано специальными экспедициями в Кологривском районе Костромской области. Несколько лет понадобилось реставраторам Всероссийского реставрационного центра, чтобы восстановить сильно пострадавшие от времени произведения и подготовить их к настоящей выставке», — писал С.В. Ямщиков[1]. А возвращали их буквально «из небытия», готовили к «новой жизни», к выставкам С. Голушкин, Б. Танаев, М. Фурдик, В. Егоров, Е. Малягина, О. Трофимов, П. Горнунг, В. Желанова.

Выставочный блок «Портреты Пушкинской поры» (русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX века) также представлял работу мастеров Грабарёвского центра. «…Нет такого вида искусства, произведениям которого не оказывали бы помощь наши замечательные специалисты. Реставрация каждого экспоната, поступившего в Центр, требует максимальной ответственности, умения, смелости и практических навыков. …А что же говорить о восстановлении произведений графики? Тонкая и непрочная бумага мгновенно реагирует на любую оплошность реставратора. И слово «спасение» лучше всего определяет труднейшие работы, проводимые в отделе реставрации графики»[2].

Сорок уникальнейших портретных изображений, созданных А.П. и К.П. Брюлловыми, А.Л. Витбергом, К.К. Гампельном, В.И. Гау, К.А. Горбуновым, П.Ф. Соколовым, Р.А. Ступиным, М.И. Теребеневым, Н.И. Уткиным, другими, в том числе безвестными мастерами, были показаны на выставке. Одновременно эти портреты знакомили посетителей с собраниями тех музеев России, в которых они постоянно хранились, — Государственного Литературного музея, Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина, Государственного музея А.С. Пушкина (Москва), Музея-усадьбы А.Н. Островского «Щелыково», Иркутского, Рязанского и Тульского областных художественных музеев, краеведческих музеев Воронежа, Зарайска и Моршанска, Екатеринбургской (Свердловской) и Тверской (Калининской) картинных галерей, Переяславль-Залесского и Рыбинского историко-художественных музеев, республиканских музеев изобразительных искусств Татарской и Чечено-Ингушской АССР, Чайковской художественной галереи.

[1] Новые открытия советских реставраторов. С. 16.

[2] Там же. С. 11.

Кропотливую работу над «хрупкими» карандашными и акварельными рисунками провели Е. Костикова, Т. Жукова, Л. Иванова, Л. Метлицкая, Е. Тарасова, Л. Теплякова, С. Тихомирова, М. Филатова, Н. Хавтаси, Н. Цицина, И. Штокман.

Первое «боевое крещение» Савелия Ямщикова, его соратников и сотрудников, прежде всего по «реставрационному цеху», прошло в ленинградском ЦВЗ (Манеже) блестяще. Более сорока тысяч посетителей побывало на выставке. Не обошли своим вниманием выставку и средства массовой информации.

Вот что писал сам Савелий Ямщиков о совместной работе в Манеже: «Успехом нашей выставочной деятельности больше всего мы обязаны двум директорам: В. Пушкарёву, словно специально изгнанному из родного Ленинграда в Москву, где он сделал оазисом культуры Центральный Дом художника, и Н. Сердюку, руководившему ленинградским Манежем. Это были настоящие единомышленники, постоянные помощники и самые верные друзья… Благодаря ленинградскому Манежу мы получили возможность живого общения со зрителями культурной столицы и обмена опытом со здешними коллегами-реставраторами»[1].

О Николае Ивановиче Сердюке стоит сказать особо: участник Великой Отечественной войны, сталинский «сиделец», в середине 1950-х годов отпущенный на волю, он поступил на исторический факультет ЛГУ имени Жданова. Окончил университет по кафедре истории искусства. Работал в Ленинградском отделении АХ СССР, начальником управления, заместителем директора Научно-исследовательского музея АХ СССР. В 1977 году (со времени основания) возглавил Центральный выставочный зал Ленинграда. Вести корабль «Ленинградский Манеж» ему было не просто. Идеологические хитрости и ловушки поджидали тут и там. Но он справлялся, так как и сам был талантлив, жизнелюбив и жизненно опытен, да и люди на профессиональном поприще очень часто ему встречались толковые и порядочные. Про людей талантливых, выдающихся, с которыми общался Николай Иванович Сердюк, можно говорить долго и отдельно, а среди них — М.К. Аникушин,

[1] Цит. по: Реставратор Всея Руси. С. 112. Пушкарёв Василий Алексеевич (1915—2002) — известный искусствовед, с 1951 по 1977 год — директор Государственного Русского музея. При его директорстве значительно пополнились фонды музея, особенно разделы древнерусского, народного искусства и искусства XX столетия. После увольнения из ГРМ жил в Москве, работал директором Центрального Дома художника, Музея современного искусства.

В.А. Ветрогонский, В.В. Пименов, В.И. Рейхет, Б.С. Угаров, П.Т. Фомин, да и сам С.В. Ямщиков. С Савелием они сошлись и сдружились буквально молниеносно, они «подошли друг другу». Н.И. Сердюк стал и единомышленником, и помощником, а точнее — опорой Савелия в Ленинграде.

Ещё одно свидетельство Ямщикова: «Многие годы связывают меня с Центральным выставочным залом Санкт-Петербурга (бывшим Манежем). Самые значимые из выставок новых открытий реставраторов, увидевших свет в Москве, были показаны и в любимом мною ленинградском Манеже. Многих его сотрудников вспоминаю я добрым словом, ибо с ними работалось легко. Но особенно дороги мне незабываемый директор Николай Иванович Сердюк и главный хранитель Галина Карловна Звейник. Николая Ивановича с нами давно уже нет, а Галина Карловна продолжает трудиться в Манеже. Я использую каждую возможность бывать у неё в гостях, когда она приглашает нас в мастерскую своего мужа Володи Прошкина…»[1]

Коллектив ленинградского Манежа тех лет, возглавляемый Н.И. Сердюком, был высокопрофессиональным, слаженным, умеющим решать сложнейшие музейные и выставочные задачи. Самые различные аспекты выставочной работы обеспечивали люди увлечённые, неравнодушные. Помимо упомянутых Ямщиковым, назову ещё (в алфавитном порядке) И.А. Александрову, Г.В. Басову, Т.Ф. Волошину, И.О. Воронцову, Д.А. Градову, В.А. Евсеева, Н.К. Назарцеву, Т.Х. Огурцову, В.А. Синельникову, Л.А. Скобкину, Т.В. Токареву.

В преддверии нового, 1981 года Манеж познакомил любителей искусства с выставкой «Искусство Ярославля», подготовленной «бригадой Ямщикова» и сотрудниками ярославских музеев. Выставка с большим успехом работала до 9 февраля 1981 года, её посетило свыше семидесяти тысяч человек.

Основной раздел выставки — «Ярославские портреты XVIII—XIX веков» из собраний музеев Ярославской области. Экспонаты были предоставлены Ярославскими художественным музеем и историко-архитектурным музеем-заповедником, Переяславль-Залесским,

[1] Музей друзей. Собрание Саввы Ямщикова. Каталог выставки к 70-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности. М., 2008. С. 134. Прошкин Владимир Викторович (родился в 1931 году) — видный петербургский живописец, представитель известной династии деятелей искусства. Заслуженный художник России, член СПб СХ.

Рыбинским и Угличским историко-художественными музеями и Ростовским историко-архитектурным музеем-заповедником. Помимо произведений прославленных мастеров общероссийского значения, таких как И.Я. Вишняков, П.С. Дрождин (Дрозжин), Е.Д. Камеженков, К.Л. Христинек, экспонируются работы местных портретистов, имена которых стали известными благодаря работе реставраторов, последующим исследованиям и организации данной выставки. Речь идёт о Павле Колендасе (Календасе) (1820—?), Дмитрии Михайловиче Кореневе (1747 — около 1810), Василии Мезенцеве, Николае Дмитриевиче Мыльникове (1797—1842), Иване Васильевиче Тарханове (1780—1848), П.Д. Чащине, Иване Шляхтенкове (Шляхтенко). Практически половина из 140 представленных портретов не обрела имён авторов, художники остались неизвестными. Тем не менее выставка высветила очень яркое культурное явление прошлого, «необычность и высокие художественные достоинства представленных портретов»[1].

Следующая экспозиция, подготовленная Савелием Ямщиковым через год (15 января — 1 марта 1982-го), отражала другой аспект его деятельности — работу с коллекционерами. Ямщиков умел убеждать этих увлечённых, достойных, но часто «закрытых» людей в необходимости знакомить с плодами своего собирательства всех интересующихся искусством, историей и культурой.

«Не только с музейными собраниями имеют дело художники-реставраторы, часто мы оказываем помощь в сохранении памятников истории, культуры, принадлежащих частным коллекционерам. В личных собраниях встречаются первоклассные образцы живописи, скульптуры, прикладного искусства. Хозяева их в большинстве случаев люди, одержимые благородной идеей собирательства, готовые на край света пойти в поисках редкого произведения искусства. Настоящий собиратель не просто счастливый обладатель шедевра. <…> Истинный энтузиаст не таит тех произведений искусства, которые ему удалось приобрести, а всегда охотно показывает их на выставках, тем самым превращая собственное достояние в общественное. Выставки частных собраний стали традицией, что одинаково полезно и их владельцам, и государственным музеям»[2].

---

[1] Ярославские портреты XVIII—XIX веков. Каталог выставки / Авт. вст. ст. И.В. Кулешова, С.В. Ямщиков. М., 1980. С. 13.

[2] *Ямщиков С.* Возрождая красоту былого. Записки художника-реставратора // Библиотека «Огонёк». № 49. М., 1987. С. 34.

В январе — феврале 1982 года московские собиратели Игорь Васильевич Качурин и Яков Евсеевич Рубинштейн показали ленинградцам редкие графические листы XVIII — первой половины XX века. Эти два почтенных собирателя обладали ценнейшими коллекциями отечественного искусства «первого порядка». Я.Е. Рубинштейн показал как графические, так и живописные работы в специальном разделе «Портрет русских и советских художников первой половины XX века».

Девятьсот рисунков самых разных мастеров, работавших в России на протяжении двух столетий, включая первую треть XX столетия, было представлено в экспозиции «Русская графика XVIII — начала XX веков». Это и прославленные Айвазовский, Абрам Архипов, Александр Бенуа, Билибин, Борисов-Мусатов, Боровиковский, Карл Брюллов, Фёдор Васильев, Виктор Васнецов, Верещагин, Головин, Борис Григорьев, Добужинский, Александр Иванов, Кипренский, Константин Коровин, Крамской, Павел Кузнецов, Кустодиев, Левитан, Лентулов, Лосенко, Константин Маковский, Малявин, Нестеров, Осьмёркин, Перов, Петров-Водкин, Поленов, Репин, Рерих, Рылов, Рябушкин, Саврасов, Сарьян, Семирадский, Серебрякова, Валентин Серов, Сомов, Суриков, Угрюмов, Шишкин. Сильвестр Щедрин, Юон, Ярошенко… Список можно было бы продолжить десятками прославленных фамилий. Экспозиция включила также работы известных архитекторов, графические работы которых представляют не столько архитектурные чертежи и эскизы, сколько свободные зарисовки. Вот несколько имён: Николай и Леонтий Бенуа, Веснин, Воронихин, Гонзага, Монферран, Карл Росси, Тома де Томон, Тон, Щуко.

Портретную галерею русских и советских мастеров живописи составили произведения Натана Альтмана («Портрет Сарьяна»), Льва Бакста («Портрет К. Сомова»), Александра Бенуа («Портрет Э.Ф. Липгарта»), Давида Бурлюка («Портрет Маяковского»), Павла Кузнецова («Портрет Бебутовой»), Ильи Остроухова («Портрет Остроумовой-Лебедевой»), Поленова («Портрет С.И. Мамонтова»), Константина Рудакова («Портрет Тырсы»), Зинаиды Серебряковой («Автопортрет с детьми»), Валентина Серова («На этюдах»), Артура Фонвизина («Портрет Сары Лебедевой»), Василия Шухаева («Портрет архитектора Белобородова»), автопортреты Юрия Анненкова, Добужинского, Исупова, Кандинского, Кругликовой, Кустодиева, Ларионова, Малявина, Матюшина, Машкова, Милашевского, Петрова-Водкина, Любови Поповой, Антонины

Сафроновой, Тышлера, Ульянова, Фалька, Николая Чернышёва, Александра Яковлева и многие другие.

Открытия происходили и на «выставках коллекционеров». Так, Савелий Ямщиков описывает любопытный случай, произошедший на выставке «Русская графика»: «…за день до вернисажа президент Академии художеств Борис Сергеевич Угаров (случайно оказавшийся в Манеже) опознал в работе, приписывавшейся С. Герасимову, своих «Пугачёвцев», созданных по мотивам «Капитанской дочки». Описанные случаи никак нельзя относить к числу занимательных курьёзов. Выставки частных коллекций, как и другие любые показы, дают богатейший материал для нового прочтения и переосмысления многих страниц истории искусства, до сего дня оставшихся совсем неизвестными»[1].

За месяц с небольшим выставочный комплекс, где показывали графику и живопись из коллекций московских собирателей, посетило свыше шестидесяти тысяч человек.

[1] *Ямщиков С.* Возрождая красоту былого. С. 38.

Надежда Грошева

ЗОЛОТОЙ ВЕК ПСКОВСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ. Б.С. СКОБЕЛЬЦЫН

Во время Великой Отечественной войны Псков был почти полностью разрушен. Пострадали и памятники древнерусского зодчества, многие из них превратились в руины. Из 131 только 27 зданий находились в удовлетворительном состоянии, 18 требовался средний ремонт, 35 — в угрожающем состоянии, 40 зданий были превращены в руины. Кроме этого, значительно разрушены и не защищены от дальнейшего разрушения были 17 башен, 8 километров крепостных стен и подземные ходы[1].

В 1944 году Ю.П. Спегальский добивается, чтобы в проект постановления СНК СССР «О первоочередных мероприятиях по восстановлению г. Пскова и Псковской области» были включены пункты об организации Псковской реставрационной мастерской и областного музея древнерусской архитектуры. «К сожалению, Ю.П. Спегальскому тогда не удалось осуществить мечту о создании названного музея, а теперь к этой идее даже не возвращаются, увы…» — констатирует старший научный сотрудник Музея Ю.П. Спегальского М.А. Кузьменко.

Наряду с восстановлением и строительством новых жилых домов начаты восстановительные и спасательные работы на памятниках старины. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 38—39 (май 1945 года) в июне 1945 года в городе Пскове была образована группа по ремонту памятников архитектуры, которая была в то время подчинена Областному отделу по делам архитектуры и строительства при Совете Министров СССР. Руководителем этой группы назначен Ю.П. Спегальский. Так начинается реставрационная деятельность Ю.П. Спегальского. И уже в октябре 1945 года он может отчитываться об отремонтированной Стефановской церкви, о восстановлении покрытия купола Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря, о подготовительных работах по реставрации Поганкиных палат и о начатых реставрационных работах на церкви Николы со Усохи.

Публикация подготовлена по материалам архива Б.С. Скобельцына (см. приложение).

[1] Данные приведены в Решении исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся Псковской области от 11 октября 1945 года.

В начале 1946 года Юрий Павлович добился создания первых Псковских реставрационных мастерских. Они были открыты в апреле 1946 года. Начальником был он же и назначен. К сожалению, в 1948-м Ю.П. Спегальский покидает Псков и возвращается в него лишь в 1968 году.

В Псков приезжают архитекторы: в 1951 году — В.А. Лебедева, в 1955-м — В.П. Смирнов и, по его приглашению, Б.С. Скобельцын (познакомились они в Ярославле, где в 1954 году Скобельцын работал в Ярославской специальной научно-реставрационной производственной мастерской), в 1956 году — Ю.В. Сусленников, в 1957-м — М.И. Семёнов.

Послевоенные годы — 1946—1975-й — стали для Пскова буквально возрожденческими. Были восстановлены: Кремль, ансамбль Покровской башни, памятники культового зодчества, соборы Ивановского и Мирожского монастырей, церковь Василия на Горке, церковь Николы со Усохи, ансамбль Старовознесенского монастыря, а также ряд гражданских построек: Поганкины палаты, Солодёжня, домá Печенко и Меньшиковых.

Восстановление памятников города и области было значительным. Достаточно сказать, что в списке реставрированных памятников за 1946—1970 годы значится 125 объектов. Ни в какие другие времена не было затрачено столько средств на реставрацию и спасение памятников архитектуры. Можно вспомнить имя известного учёного Ю.П. Спегальского, но главное, мастеров-реставраторов: В. Герасимова, А. Петрова, Изотова, Товарова, Гусева, плотников-столяров: М. Гулина, Сапожникова, С. Ефимова.

Псковская архитектура глубоко русская, занимает своё место в истории национального искусства. Её расцвет относится к XIV—XVI векам. Позднее Москва, объединив русские земли, начала влиять на местные традиции. Этого влияния не избежал и Псков. К концу XVII — началу XVIII века псковская школа зодчества утрачивает свою самобытность.

Церковь Николая Чудотворца с Устья (XV век)

В декабре 1954 года техником-архитектором В.А. Лебедевой был произведён схематичный обмер памятника, и к нему прилагалась историческая справка. Б.С. Скобельцын и М.И. Семёнов приступили к изучению и исследованию памятника архитектуры — церкви Николы

Чудотворца с Устья — 10 августа 1956 года. Основанием к этому послужило задание на реставрацию, выданное областным отделом по делам строительства и архитектуры при Псковском облисполкоме (подписано А.А. Ларкиным).

Директором реставрационной мастерской тогда был В.П. Смирнов.

Тип памятника: четырёхстолпный храм с тремя апсидами, основными конструкциями повышенных подпружных арок, стены — известняк, кровля восьмискатная. Притвор имеет галерею с коробовым сводом, приделы были перекрыты ползучими сводами. Звонница была трёхстолпной. Кровли: главы — осиновый лемех, восьмискатная кровля четверика и двухскатная притвора и приделов — тёс в два слоя.

До Великой Отечественной войны в церкви проводились богослужения. Во время войны церковь была сильно повреждена: сбита глава; повреждена четырёхскатная кровля четверика; сорваны кровли с притворов, северной паперти (галереи), южного придела; позже обвалилось перекрытие с восьмиметровыми деревянными балками и деревянная лестница колокольни.

К 1950 году памятник находился в тяжёлом аварийном состоянии. Изучение и исследование храма было начато с южного придела (придела во имя Казанской иконы Божией Матери) с одновременным предварительным изучением галереи и северного придела. В первые дни изучения и знакомства с памятником была обнаружена древняя фреска на арке западного дверного проёма галереи. Фреска, покрытая несколькими слоями побелки, была видна лишь в своей верхней части.

Производился архитектурно-археологический обмер памятника. Археологические раскопы проведены И.К. Лабутиной. Был начат раскоп в южном приделе с целью поиска фундаментов стен древнего придела. Производились шурфы и зондажи с целью поиска древних проёмов в стене четверика, определения количества поясов связей, поиска гнёзд этих поясов, определения технического состояния стен четверика, находящихся под штукатуркой, а также поиска древних оконных проёмов. Произведено исследование существующей колокольни с целью поиска форм древней колокольни, исследование северного придела, перекрытий четверика с целью поиска древней формы кровли, исследование и изучение раствора, штукатурок и обмазок стен четверика.

В 1961 году реставрация храма продолжилась. К 17 марта 1961 года были закончены работы по восстановлению восьмискатной кровли четверика. К 1 июля была полностью сооружена кровля над притвором.

Начаты штукатурные работы. Был оштукатурен и побелён барабан, причём старая штукатурка, которой оставалось 60—70%, была полностью сохранена. В августе все штукатурные работы были закончены. Были оштукатурены фасады четверика и апсид, фасады притвора, интерьер храма. В основном все работы по памятнику архитектуры XVI века церкви Николы с Устья были закончены к 20 декабря 1961 года. Остались не выполненными работы по укреплению валунами восточного берега реки Великой, покрытие кровли звонницы, южных ворот каменной ограды.

Приведём даты основных пристроек и перестроек церкви.

• Конец XVI — начало XVII века — строительство притвора, звонницы, приделов.

• XVIII век — расширение южной части придела с престолом.

• 1866 год — увеличен южный придел, построена колокольня; разобрана трёхстолпная звонница.

• 1904 год — сооружается притвор к колокольне, расширяется южный придел Казанской иконы Божией Матери.

Храм был восстановлен и реставрирован по формам XVI—XVII веков: восстановлено восьмискатное покрытие четверика, найдены следы древних щелевых проёмов. Все постройки XX—XIX веков были разобраны. Южный придел восстановлен в первоначальных формах конца XVI — начала XVII века. Конструкции фундаментов столбов были укреплены: заменены два пояса сгоревших ж/б связей. На северной части западной стены притвора вскрыты остатки трёхстолпной звонницы. В результате разборки колокольни, построенной в XIX веке на портале притвора, на западном его проёме, были обнаружены фрески. Сама звонница, а также ползучие своды притвора полностью восстановлены не были.

Учитывая местоположение памятника — на туристской магистрали реки Великой — после реставрации было решено не сдавать его арендаторам: он был открыт для обозрения как уникальный памятник архитектуры Пскова конца XVI века. В настоящее время храм передан Псковской епархии, там проводятся богослужения. Вместе с тем застройка территорий вокруг храма носила стихийный характер без учёта охранной зоны памятника. В результате памятник лишился выгодных видовых точек, с востока и юга оказался застроенным.

27 июня 2013 года на 19-й сессии Псковского областного Собрания депутатов были утверждены границы зон охраны церкви Николая

Чудотворца с Устья Псковского района, а также режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах охранных зон данного объекта культурного наследия федерального значения. К зданиям, ранее возведенным в охранных зонах, предписываются определённые требования по ремонту и реконструкции в соответствии с зоной, где они расположены (охранная зона, зона регулирования застройки хозяйственной деятельности, зона охраняемого природного ландшафта).

Ансамбль памятников архитектуры бывшего Мальского монастыря

Мальской монастырь расположен в 4 км от Старого Изборска на Мальском озере.

К моменту реставрации от Мальского монастыря сохранились: развалины трапезной церкви, остатки трапезной и колокольни, построенных в единой связи и представляющих собою сложное сооружение, свидетельствующее о большом строительном мастерстве зодчих и каменных дел мастеров. Особое место ансамблю XV—XVI веков Мальского монастыря в архитектурном наследии Пскова и Псковской земли отводят потому, что памятники были поставлены на источниках, и это обусловило их конструктивные особенности, отличающие их от того же типа церквей псковской школы зодчества. Подобных построек во Пскове и в области нет.

В апреле 1958 года было начато архитектурно-археологическое исследование памятника.

Произведены раскопы, шурфы и зондажи, архитектурно-археологическое обследование памятников. Выполнены обмерные чертежи трапезной церкви и колокольни. Произведён поиск исторических и архивных материалов, выполнена фотофиксация. Утверждено реставрационное задание на составление научно-исследовательской документации для консервации и частичной реставрации ансамбля Мальского монастыря.

Исследования проводились Б.С. Скобельцыным совместно со студентом Московского авиационного института Александром Прохановым и сотрудницей Государственного Эрмитажа А. Ячневой.

Трапезная двухэтажная церковь, как показало исследование, имела три этажа, перекрытых каменными сводами, причём эта церковная часть здания имела подклет. Своды подклета не сохранились. Но

лестничные спуски были обнаружены. Перекрытие над подцерковьем обвалилось по той причине, что в нём находился источник, выход воды из которого был нарушен. Стены размыты водой. Перекрытие первого этажа также обвалилось, два столба второго этажа повисли. Состояние конструкций сводов было крайне аварийное.

После пяти лет исследований были начаты противоаварийные и частично консервационные работы.

В трапезной церкви были:

• Укреплены размытые грунтовыми (родниковыми) водами фундаменты и основания стен по всему периметру.

• Реставрированы оконные и дверные проёмы всех этажей. Установлено, что церковь имела три этажа и подцерковье (четыре сводчатых перекрытия).

• Восстановлены обрушившиеся части сводов перекрытий первого этажа, пролиты сложным раствором замковые камни коробового свода второго этажа, выровнены стены четверика до верхней отметки, сооружена временная четырёхскатная кровля, сооружена временная стена, закрывающая пролом с запада четверика и подпирающая коробовый свод.

Церковь Рождества Христова (XV век) представляет собой обычный четырёхстолпный храм с основными конструкциями — повышенными подпружными арками. Особенности храма: пять световых глав, вход в подклет в центральной части западной стены четверика и два дверных проёма в этой стене. Это говорит о том, что родниковые воды в подклете использовались церковью как воды святого источника.

Само расположение Мальского монастыря в основании склона лощины, на источниках, определило ориентацию храмов апсидами с отклонением от оси магнитной стрелки север — юг всего лишь на 30°. Это говорит о том, что традиция ориентировать храмы алтарями на восток могла нарушаться: при сооружении храмов в первую очередь учитывались местные условия. Основателем монастыря считают Онуфрия Мальского. В XVIII веке храм стал приходским. Церковь имеет притвор и придел во имя Онуфрия Мальского начала XX века.

Эскизный проект реставрации церкви Рождества Христова предполагал два варианта покрытия:

• первый — с позакомарным покрытием с металлической кровлей, глава покрыта металлом,

• и второй — с пощипцовым покрытием с металлической кровлей, глава покрыта лемехом.

Проект предусматривал открытие замурованных поясов по барабанам и апсидам, а также открытие ранее существовавших дверных и оконных проёмов.

В подклете храма сильно разрушилась кладка оснований стен из-за большого скопления родниковых вод.

В 1959 году удалось договориться с настоятелем церкви и с епископом Псковским о расчистке дренажа и выводе родниковых вод, одновременно был произведён ремонт разрушившихся частей стен. Таким образом, конструкции стен подклета были выведены из аварийного состояния летом 1959 года.

В 1962 году были профинансированы только ремонтно-консервационные работы. Церковь Рождества Христова в 1962 году в аварийно-ремонтных работах не нуждалась.

Ансамбль памятников архитектуры Крыпецкого монастыря (XVI век)

Ансамбль памятников архитектуры Крыпецкого монастыря сильно пострадал во время Великой Отечественной войны. Состояние памятников было тяжёлое, аварийное. «Сгорели кровли зданий, и началось их активное разрушение. До 1957 года памятник считался уничтоженным», — свидетельствует Е.Н. Морозкина[1].

По состоянию на осень 1960 — зиму 1961 года ансамбль Крыпецкого монастыря состоял из следующих зданий и сооружений:

• церковь Иоанна Богослова (основной храм), в подклете придел Пяти мучеников, придельная церковь (с юга) Саввы Сербского и в подклете престол Саввы Крыпецкого;

• остатки двухэтажной галереи, соединяющей церковь Иоанна Богослова с колокольней;

• колокольня с четырьмя ярусами (в первом ярусе колокольни — престол Успенский) и с подклетом; колокольня сохранилась полностью, за исключением кровли;

• примыкающая, построенная за одну связь с колокольней трапезная с сильно разрушенным первым этажом и с сохранившейся частью подклета.

[1] Морозкина Елена Николаевна (1922—1999) — российский архитектор-реставратор, искусствовед, исследователь древнего зодчества Пскова, кандидат искусствоведения, член Союза архитекторов России. — *Прим. ред.*

В 1960 году, в октябре, было начато исследование памятников: произведён архитектурный обмер, выполнены шурфы и зондажи. В 1963 году совместно с группой студентов Ленинградского инженерно-строительного института было продолжено исследование. Составлен акт технического состояния, проведены историко-архивные исследования, подготовлен проект консервации и частичной реставрации памятников. Предварительные соображения о консервационно-реставрационных работах были утверждены 3 июня 1963 года заместителем начальника управления культуры Псковского облисполкома А.А. Разумовским.

В связи с тем что в последние годы помещения подклетов собора, трапезной и церкви колокольни использовались как скотный двор, необходимо было заложить разрушенные проёмы полностью, а там, где сохранились следы этих проёмов, — восстановить и заложить их, если размеры этих проёмов были велики.

В четверике собора была произведена вычинка разрушившихся стен кирпичом, проведены работы по укреплению деформированных конструкций стен и перекрытий, укреплены подпружные арки, расчищено перекрытие. Реставрированы оконные проёмы верхнего яруса, остальные оконные и дверные проёмы были заложены временной кладкой, с тем чтобы предотвратить их дальнейшее разрушение. Конструкции барабана и глава сохранились в удовлетворительном состоянии.

Утрачено крыльцо у главного входа в собор. Металлическую кровлю в течение последних десятилетий не красили, потому она была повреждена ржавчиной, имела множество отверстий от прострелов из огнестрельного оружия. Яблоко под крестом разрушено от ржавчины, крест наклонился. Была сооружена временная кровля со щипцовым покрытием.

Подцерковье собора Иоанна Богослова было полностью расчищено от навоза, толщина слоя которого доходила до метра.

В придельной церкви Саввы Сербского были разрушены и находились в аварийном состоянии стены и оконные проёмы апсиды и южной стены. Необходимо было соорудить четырёхскатную кровлю над четвериком и трёхскатную над придельной церковью.

Остатки галереи, соединяющей собор с колокольней, — кладка стен сохранилась лишь ниже оснований оконных проёмов первого этажа. Эти остатки были засыпаны землёй и строительным мусором, вырытым и сброшенным при расчистке завалов в соборе, колокольне и трапезной.

В трапезной обрушилась часть южной стены и с нею свод, в оконных проёмах не было перемычек, состояние их было аварийное, кровля разрушена. В трапезной и колокольне были заложены проломы и разрушенные оконные и дверные проёмы. При закладке оконных проёмов сооружены временные щелевые проёмы. Реставрирован северный фасад (первый этаж), начаты работы по консервации остатков конструкций второго этажа. В 1964 году все работы были прерваны. Консервационные работы не были доведены до конца — трапезная церковь так и осталась в руинах.

«18-й конный завод» в Волышово — ансамбль памятников архитектуры бывшей усадьбы графа Строганова

Это редкое собрание памятников архитектуры и садово-паркового искусства XVIII—XIX веков. Усадьба расположена в 19 км от города Порхова в направлении на Дедовичи.

В XVIII веке в усадьбу входили: барский дом, к западу от него — конюшня, с северной стороны — церковь и два флигеля, с южной — два флигеля. Вся эта композиция представляла из себя прямоугольник. С середины XIX века владельцы усадьбы графы Строгановы значительно увеличили усадьбу, соорудив новые жилые и хозяйственные постройки: скотные дворы, псарни, зоологический сад, амбары. Был значительно расширен парк.

После Октябрьской революции здесь был основан племенной конный завод, выращивающий рысаков-метисов. В 1919 году на базе усадьбы открылся сельскохозяйственный институт, в 1924 году он был реорганизован в техникум. Здание бывшей церкви приспосабливают под клуб. С 1973 году сельхозтехникум переезжает в Псков, здание бывшего барского дома приспосабливают под школу. В 1941 году конный завод эвакуировали. Восстановление усадьбы началось сразу после освобождения области от немецко-фашистских захватчиков в 1944 году. В 1948-м все здания были отремонтированы и в них разместился совхоз — «18-й конный завод». К 1960-м годам многие постройки пришли в ветхое состояние, так как текущие ремонты зданий практически не производились. До 1985 года в барском доме располагалась средняя Волышовская школа. В 1985 году в связи с плохим состоянием мансардного этажа школа была переведена в новое здание, барский дом использовался частично под склад. Требовался капитальный ремонт здания.

В 1961—1965 годах Псковской реставрационной мастерской под руководством Б.С. Скобельцына были проведены работы по ремонту и реставрации флигеля «Графинин домик», домовой церкви, конюшни, псарни.

Двухэтажный жилой дом — флигель XVIII века («Домик графини»). Здание находилось в тяжёлом аварийном состоянии. Главный фасад был отклонён от вертикали на 30—40 см. Жилой дом был выселен. Работы проводились в ноябре 1960 года в срочном порядке, так как до наступления зимы нужно было вселить жильцов.

Были укреплены подмытые дождевыми водами фундаменты отклонившейся стены — бутовой кладкой на глубину фундамента (банкеткой), стена выпрямлена. Проведён капитальный ремонт дома, после чего он был вновь заселён.

Здание клуба — бывшая церковь Всемилостивого Спаса (XIX век). Церковь была построена в стиле русского провинциального классицизма. В западный портик в советское время совхозом была встроена деревянная кинобудка, изуродовавшая памятник. Церковь была приспособлена под клуб.

Здесь проводились противоаварийные работы по выпрямлению наклонившихся колонн и укреплению и замене балок фронтонов всех трёх портиков, примыкающих к кубическому объёму церкви. Каждый портик имел по четыре колонны дорического ордера.

Здание конюшни (вторая половина XVIII века) — один из интереснейших памятников архитектуры Волышовской усадьбы. По своей архитектуре также относится к провинциальному классицизму. К основному объёму, прямоугольному в плане, примыкают дугообразные пристройки с колоннами дорического ордера. Дворовый фасад декорирован рустами и нишами, в четырёх щипцах крыши круглые оконные проёмы. Этот фасад реставрировался, так как был подвержен сильным разрушениям от постоянных размываний дождевыми водами, так же как и внутренние стены.

Здание бывшей псарни (XIX век). Здесь была проведена реконструкция и реставрация здания под 12-квартирный жилой дом. Причём главный фасад здания был сохранен в первоначальном состоянии.

Волышовский парк, занимающий территорию более 20 га, насчитывал 24 вида деревьев и 14 видов кустарников: тсуга канадская, ель канадская, сосна кедровая, дуб черешчатый пирамидальный и другие. Аллеи из лиственниц, липы, пихтарники. Рощи кленовые, берёзовые,

еловые и дубовые. Первоначальный парк с аллеями и прудами запущен, редкие виды деревьев вымирают, а пруды из-за разрушенных гранитных запруд исчезли.

Часовня-надгробие у церкви Жён-мироносиц на Мироносицком кладбище в Пскове

Целью реставрации было одно — сохранить уникальный образец псковской усыпальницы, ибо состояние постройки требовало принять срочные меры. История возникновения этого памятника неизвестна. Можно было предполагать, что построена усыпальница была одновременно с храмом. В летописи имеются указания о постройке церкви Жён-мироносиц в 1546 году.

Задача при исследовании стояла следующая: установить время постройки часовни-усыпальницы, что позволило бы более точно определить формы её утраченных частей.

В августе 1955 года старший архитектор В.П. Смирнов начал раскоп этой часовни. К сожалению, дневники и описания раскопа не велись. Дальнейшее исследование и изучение памятника, производство обмера и проекта реставрации осуществил техник-архитектор мастерской Б.С. Скобельцын. К моменту передачи исследования памятник был освобождён от верхнего культурного слоя, который поднялся от пола часовни на 0,5 м. Кроме того, был открыт склеп часовни и обнаружен фундамент, идущий к западу. В марте 1956 года был произведен съём временной кровли с целью исследования перекрытия часовни.

Внутри часовни сохранилась фреска на восточной стене в нишке глубиной 10—15 см. По характеру письма, манере рисунка и креплению штукатурки эта фреска датируется XVII веком. Над дверным проёмом в часовню — арка, наружная часть которой выложена из кирпича, как и вся часовня; пирамидальный свод и фундамент крыльца выложены из камня (псковской плиты). На северном и южном фасадах часовни имеются нишки с арочками.

В конце XIX и в начале XX века в непосредственной близости от часовни были произведены захоронения. Таким образом, часовня оказалась зажата гранитными поребриками могил.

Результаты исследования памятника показали: постройка часовни относится к XVII веку, и всего очевидней, ко второй половине.

Фундамент перед часовней свидетельствует о наличии в прошлые времена крылечка.

Во время производства исследований была получена консультация археолога Ленинградского Государственного Эрмитажа Григория Павловича Гроздилова и указания о производстве археологических раскопок, порядке ведения дневника. Г.П. Гроздилов также датирует часовню XVII веком. Для осмотра фрески был также приглашён специалист-реставратор древнерусской живописи А.Ф. Каликин. Он подтвердил датировку фрески XVII веком. К сожалению, архивные изыскания, которые проводились в течение года, не дали желаемых результатов.

В течение лета 1956 года велись работы по устройству кровли, деревянного барабана, главы и деревянного креста, были выполнены штукатурные работы. Была произведена планировка участка, вывезена земля. Поребрик могилы протоиерея Златинского с металлической оградой отодвинуты на метр от часовни. Эти работы выполнены Кафедральным Троицким собором, принявшим на своё попечение могилу протоиерея.

Часовня Красного Креста в Пскове

Часовня — редкий образец архитектуры XIX века в стиле ампир. В исторических материалах есть упоминание о том, что эта часовня была построена братом декабриста Назимова. Расположена она на углу улиц Некрасова и Советской.

Вопрос относительно изучения этого памятника возник, к сожалению, в результате принятого областным отделом по делам строительства и архитектуры решения о её сносе. Генпланом было предусмотрено развитие площади на этом перекрёстке. До декабря 1956 года часовня состояла из двух частей: ротонды и прямоугольной в плане пристройки к ней (XX век). В декабре распоряжением начальника облотдела часовню начали сносить, но благодаря своевременному оповещению и просьбе Л.А. Творогова[1] разборку круглой части ротонды удалось приостановить. Часть часовни, прямоугольную в плане, разобрали до фундаментов. В этой части было устроено жильё, ротонда служила тамбуром.

[1] Леонид Алексеевич Творогов (1900—1978) — филолог, краевед, собиратель и хранитель древних рукописей, создатель древлехранилища Псковского государственного музея-заповедника. — *Прим. ред.*

Была проделана следующая работа по исследованию памятника: Ю.В. Сусленников выполнил обмер, кроки составил Б.С. Скобельцын. Он же сделал план, разрезы, фасады, краткое описание часовни с фотоприложением, провёл изыскания исторических материалов по литературным и архивным источникам.

Порховская крепость (XIV век)

Первое упоминание о Порхове помещено в летописи под 1346 годом. Каменный город в Порхове был построен в 1387 году новгородцами. С восточной стороны строятся три башни: Псковская, Средняя и Никольская. С северо-западной стороны у реки Шелони — Малая башня. Малая башня и части стен, примыкающие к ней, — единственные на северо-западе Руси сохранившиеся не перестроенными. В 1428 году Порховская крепость выдержала осаду литовских войск князя Витовта. В 1873 году Псковская башня в связи с сильными повреждениями от пожара и времени была сломана.

В 1960-х годах проводились консервационные работы на стенах и башнях. До этого, в 1956 году, Псковской специальной научно-реставрационной мастерской был сделан схематический обмер крепости (выполнен Н.С. Рахманиной и Ю.В. Сусленниковым) с краткой исторической справкой и техническим описанием.

В 1961—1962 годах исследование памятника продолжил Б.С. Скобельцын. Был разработан проект консервации и частичной реставрации отдельных элементов конструкций стен и башен. При производстве консервационных работ старались максимально сохранить древнюю кладку, заменяя её лишь в тех случаях, где не было возможности сохранить.

Специалистами реставрационной мастерской были проведены первоочередные противоаварийные работы: сооружён контрофорс на углу крепостных стен в том месте, где стояла Псковская башня, у ворот в крепость. Отремонтированы основания стены (заменена облицовка), прясла от Псковской до Малой башен. Также восстановлена облицовка основания Средней башни, сооружены временные кровли над башнями.

При раскопе ворот Никольской башни был обнаружен древний деревянный лемех (дубовый и осиновый).

Церковь Спаса Нерукотворного Образа (XVII век)

Этот псковский храм — бесстолпный одноапсидный, с примыкающим с юга приделом Рождества Христова, с запада — притвором и крыльцом, звонницей на западной стене придела. Как показало исследование и изучение памятника, здание церкви со всеми помещениями строилось одновременно. Каменные конструкции стен и перекрытий за исключением верхней части стен четверика сохранились до наших дней в первоначальном состоянии. Ворота каменной ограды также сохранили свой первоначальный вид. Место, где была построена церковь, называлось Жабьей Лавицей и было покрыто болотом.

Целью исследования памятника в натуре было: определение времени постройки памятника, времени построения придела, притвора и крыльца. Поиск и выявление древних конструкций. Известно время постройки деревянной церкви — 1487 год (построена в один день во время великого мора). Но при пожаре она, вероятно, сгорела, а когда была построена каменная, по историческим источникам установить не удалось.

Деревянные конструкции плоского перекрытия четверика и декоративный барабан (также деревянный) были сооружены в конце XIX века.

С целью поиска фундаментов столбов в четверике были произведены два шурфа и обнаружены основания двух столбов. Можно было сделать вывод, что четверик имел не плоское перекрытие, имелись столбы, на которые опирались своды и подпружные арки барабана.

Для определения времени постройки существующих сооружений памятника большое значение имели сохранившийся в южном приделе керамический пол, звонница, которую по формам можно отнести к трёхстолпным звонницам XVII века, притвор с характерным для XVII века перекрытием, крыльцо и ворота каменной ограды.

В течение зимы и лета 1960 года были произведены следующие работы, связанные с ремонтом памятника:

• внутри четверика сооружено междуэтажное перекрытие — деревянное, лестница у южной стены четверика, вход на второй этаж из южного придела;

• выполнены аварийные работы по укреплению стен, получивших трещины каменной кладки в результате детонации;

• над древним керамическим полом устроен деревянный, перед его устройством керамический пол был засыпан слоем песка;

• над апсидой придела полностью заменена конструкция кровли, деревянные, подверженные гниению конструкции заменены на новые;

• произведён полный косметический ремонт.

Здание церкви было сдано в аренду под склад и служебное помещение Росбакалеи.

Церковь Николы со Усохи в Пскове

Церковь Николы со Усохи — памятник архитектуры Псковской школы зодчества XV—XVII веков. Это четырехстолпный трёхапсидный храм. Его основные конструкции — повышенные подпружные арки. Основной объём — четверик кубической формы с восьмискатным покрытием. С запада к нему примыкает притвор, к притвору — крыльцо. К северо-восточному углу примыкает придельная бесстолпная церковка и галерея, к южной апсиде — часовня-усыпальница.

В 1941 году церковь была сильно повреждена пожаром. Все её покрытия были уничтожены полностью, за исключением покрытия главного купола.

В 1946 году под руководством Ю.П. Спегальского началась реставрация храма. Нужно было спасти памятник от разрушения. Для того чтобы предотвратить катастрофу, грозящую памятнику, нужно было провести значительные работы по консервации — покрыть его и восстановить кладку в обрушившихся и грозящих обрушением частях здания, что и было выполнено в 1946—1947 годах.

• Были восстановлены восьмискатная кровля четверика и кровля притвора.

• Разобрана колокольня XVIII века, надстроенная над древней часовней у южной апсиды.

• Реставрированы оконные и дверные проёмы главной церкви с притвором и придельной церковью.

• На северной стене выложено основание трёхстолпной звонницы.

• Восстановлен свод барабана придельной церкви.

В 1947 году работы были прерваны. В 1963 году работы по реставрации храма были продолжены под руководством В.А. Лебедевой.

Глава четверика с перехватом была заменена на ныне существующую, покрытую лемехом, близкую по формам к главам XVI века. Сооружена трёхстолпная звонница на северном фасаде. Однако реставрация полностью не была завершена и теперь. Работы возобновились в

1972 году. Исследование и составление проекта реставрации было поручено архитектору Б.С. Скобельцыну.

Исследовательские и реставрационные работы были начаты осенью 1972 года и явились продолжением работ, начатых в 1946-м — 1950-е и 1963—1965 годах. Основанием послужило задание на окончание реставрационно-ремонтных работ для приспособления памятника архитектуры XVI века церкви Николы со Усохи к музейному показу, утверждённое начальником областного управления культуры 16 марта 1973 года.

У стен храма были сделаны шурфы для поиска подтверждения предположения Ю.П. Спегальского о существовании южного придела XIX века и крыльца, аналогичных северному приделу и его крыльцу. Вёлся поиск остатков пола северного придела и четверика.

В последующие 1975—1976 годы при понижении полов в четверике, северном приделе, притворе и крыльце были вскрыты гнёзда пояса связей, проходившего по основаниям стен и фундаментам столбов.

В 1975 году были начаты работы по реставрации западного притвора. Разобрана крыша. Заменены прогнившие стропила, слеги и обрешётка, сооружена новая крыша. Началась работа по ремонту крыши над четвериком, разборка восьмискатной кровли с прогнившими деревянными конструкциями и сооружение новой. Далее началась реконструкция западного крыльца. Здесь первоочередными работами были противоаварийные. В связи с наклоном западной стены заведены металлические стяжки с анкерами в притворе и на западной стене крыльца. Металлические стяжки заложены в кладку стен (южной и северной) крыльца.

В июле 1976 года были начаты работы по реконструкции крыш Сретенского придела с притвором, всех покрытий апсид четверика и придела. Были заменены на новые все кровли. Также полностью были заменены все конструкции главы Сретенского придела с сохранением прежней её формы, но с новым покрытием лемехом (глава, сооружённая в 1946—1950 годах, была покрыта железом).

6 июня 1976 года группа студентов ЛИСИ приступила к раскопам внутри церкви. Полы были повышены на 70—90 см от изначального уровня, что было связано с постоянным наслоением культурных слоёв. В процессе производства раскопов встречались остатки полов в четырёх уровнях. По уровню сохранившихся плит древнего пола в придельной церкви произведён настил всех полов. Осенью 1976 года все работы по настилу полов из известняковой плиты были закончены.

Полностью была заменена крыша часовни-усыпальницы и деревянные конструкции её главы (в связи с заменой металлического покрытия осиновым лемехом).

27 июня 1977 года студенческий строительный отряд из города Куйбышева приступил к обмазке интерьеров и экстерьеров церкви. Студенты работали в течение полутора месяцев. В четверике и северном приделе отбивалась поздняя цементная обмазка. Сняты росписи XX века, выполненные клеевой краской. Обмазка производилась без затирки мастерками. Побелку всех интерьеров выполнили дважды, после чего все леса в интерьерах были полностью демонтированы.

В процессе отделочных работ в окна четверика были вставлены металлические решётки и оконные рамы. На всех дверных проёмах установлены металлические двери. К концу 1977 года был закончен косметический ремонт фасадов памятника.

В 1978 году была сооружена временная каменная лестница у дверного проёма придела. В интерьере крыльца по стропилам и ригелям подшит дощатый потолок. Ещё раз произведена побелка в интерьерах четверика, придела и притвора.

Вопрос о понижении световой поверхности земли снаружи памятника остался открытым.

Институт «Псковгражданпроект» включил в план своих работ разработку проекта планировки участка между церковью Николы со Усохи и Домом профсоюзов. Работы эти выполнены не были.

Возвращаясь к идее Ю.П. Спегальского о создании в Пскове областного музея древнерусской архитектуры, необходимо сказать, что об этом мечтал и Б.С. Скобельцын, и многие из реставраторов послевоенного времени. Б.С. Скобельцын считал, что музей истории реставрации должен быть в доме Печенко. Во что превратилось здание дома Печенко сейчас — страшно подумать, а тем более видеть. Это всеми заброшенный гибнущий памятник архитектуры XVII века.

Вот что отвечает председатель Государственного комитета Псковской области по культуре А.И. Голышев на вопрос псковича Максима Морозова о состоянии памятника дома Печенко на сайте turchak.ru (21 февраля 2013 года):

«Государственный комитет Псковской области по культуре разделяет Вашу обеспокоенность состоянием объекта культурного наследия федерального значения «Дом Печенко», датируемого XVII в., расположен-

ного по адресу: г. Псков, ул. Гоголя, д. 43. Указанный объект находится в федеральной собственности. Со стороны Администрации области в адрес Территориального управления Росимущества в Псковской области было направлено письмо с предложением рассмотреть возможность финансирования консервационных работ за счёт средств федерального бюджета при участии области на условиях софинансирования.

В ответе Территориального управления Росимущества в Псковской области сообщалось об отсутствии лимитов на финансирование реставрационных работ, а также о том, что в центральный аппарат Росимущества направлен пакет документов по процедуре передачи в аренду администрации города Пскова объекта культурного наследия «Дом Печенко».

После передачи в пользование администрация города Пскова гарантирует проведение мероприятий, связанных с реставрацией объекта культурного наследия и последующее его содержание в рамках требований Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Получается, что дом Печенко хотят отдать в аренду администрации города. Но найдутся ли средства у администрации города на реставрацию этого памятника?.. Остаётся только надеяться на то, что памятник не погибнет окончательно. Но можно ли надеяться, что в доме Печенко будет создан музей древнерусской архитектуры?

Приложение

Использованные при подготовке данной публикации материалы архива Б.С. Скобельцына (хранятся у Н.Б. Грошевой)

1. Описание технического состояния памятника архитектуры церкви Николая Чудотворца с Устья Псковского района.
2. Памятник архитектуры церковь Николая Чудотворца с Устья Псковской области Псковского района. Реставрационные соображения.
3. Отчёт Архнадзора за производством реставрационных работ на памятнике архитектуры XVI века церкви Николы с Устья в 1961 г.
4. Соображения по намеченным ремонтно-консервационным работам с установлением их очерёдности по памятнику архитектуры Мальскому монастырю.

5. Описание технического состояния памятников архитектуры ансамбля Крыпецкого монастыря по состоянию на 1960—1961 гг.

6. Предварительные соображения по производству аварийно-консервационных работ памятников архитектуры ансамбля Крыпецкого монастыря XVI—XVII веков.

7. Реставрационное задание на составление научно-исследовательской и проектной документации реставрации памятников архитектуры зданий бывшей псарни, каретной, клуба бывшего имения графа Строганова «18-й конный завод» в Волышове.

8. Реставрационное задание на аварийно-консервационные работы по крепостным стенам и башням Порховской крепости XIV века. Псков, 1962 г.

9. Заключение о состоянии памятников культуры Псковской области и дальнейшей направленности работ по их консервации, реставрации и пропаганде. Г. Псков, 1963 г.

10. Краткая информация о реставрационных и исследовательских работах, проводимых за последние 10 лет специальными научно-реставрационными производственными мастерскими. Г. Псков. Сентябрь 1964 г.

11. Дневник ведения работ по реставрации памятника архитектуры церкви Николы со Усохи, начат в 1972 г.

12. Научно-реставрационный отчёт о проделанных работах на памятнике архитектуры церкви Николы со Усохи в г. Пскове за период 1972—1978 гг.

Алексей Мудров

ВО СЛАВУ ПСКОВА И РОССИИ
Выдающийся реставратор и художник В.П. Смирнов (1922—1996)
Страницы биографии

1960—1970-е годы, несмотря на все издержки, можно назвать «золотым временем» псковской реставрации.

Изувеченные войной древние памятники Пскова требовали скорейшего спасения. В определённой степени процессу становления псковской реставрации помогло постановление Совнаркома СССР № 2122 от 1 ноября 1945 года «О первоочередном восстановлении 15 древнерусских городов, разрушенных в годы войны».

Ещё шла Великая Отечественная война, когда в Псков из Ленинграда в октябре 1944 года прибыл пскович Юрий Павлович Спегальский, сразу возглавивший местные органы по охране памятников. Решением Псковского облисполкома от 3 апреля 1945 года при его активном участии была создана Псковская проектно-реставрационная мастерская, которую он и возглавил. Спегальский ратовал за восстановление и сохранение возможно большего количества памятников; разрабатывал проекты создания историко-архитектурных заповедных зон, которые необходимо было органично включать в структуру современной застройки города. Однако, несмотря на огромную любовь к родному городу, патриотизм, помноженный на глубочайший профессиональный интерес, в Пскове он пробыл недолго. Невозможность найти в тот момент общий язык с местными партийно-административными органами в решении вопросов спасения и реставрации памятников вынудила его в 1947 году покинуть Псков. И, несмотря на то что идеям Ю.П. Спегальского в полной мере не удалось воплотиться, пренебречь ими также не удалось. Псков сохранил своё историческое лицо, в чём участие следующего поколения реставраторов было решающим.

Почти десятилетие спустя Псковская специальная научно-реставрационная производственная мастерская (ПСНРПМ) собрала замечательных профессионалов, превратившихся за недолгое время в мастеров-практиков. Именно для работы в этой мастерской прибыл в 1955 году в Псков Всеволод Петрович Смирнов, выпускник Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина.

Но не всё было гладко в деле восстановления древнего Пскова в это время. Наступившее временное «поветрие» в политическом администрировании, выразившееся в выступлениях и указаниях первого секретаря ЦК КПСС (фактического руководителя страны) Никиты Хрущёва «о необходимости строительства доступного, дешёвого жилья для советских людей — строителей коммунизма», больно ударило по псковской реставрации. Реставрация в одночасье оказалась ненужной. Реставрационная мастерская была упразднена, но, к счастью, ненадолго. Вскоре замечательный коллектив — В.А. Лебедева, Н.С. Рахманина, М.И. Семёнов, Б.С. Скобельцын, В.П. Смирнов, Ю.В. Сусленников — возобновил работу. В 1958 году В.П. Смирнов стал главным архитектором мастерской[1]. К тому времени у 38-летнего архитектора за плечами оказался очень большой и насыщенный яркими событиями жизненный путь.

Всеволод Смирнов родился на Тверской земле 2 апреля 1922 года. Трёхлетним ребёнком матерью был перевезён в Ленинград (отца уже не было в живых). В городе на Неве прошли школьные годы Всеволода, где он окончил 308-ю школу Фрунзенского района. Активно посещал студию изоискусства.

В 1940 году Смирнов становится курсантом авиационного училища. Начавшаяся война привела его сначала в авиационно-истребительный полк, а затем в разведроту. Свой боевой путь он закончил в мае 1945 года в Берлине. Три боевых ордена и медали украсили гимнастёрку гвардии старшины Всеволода Смирнова. В 1947 году он вернулся из Германии в Ленинград. В сентябре 1947 года начал учиться в Ленинградском инженерно-строительном институте, но «перевес» в учебно-образовательной программе вуза в сторону технических дисциплин и нивелированность творческой составляющей побудили Всеволода Смирнова уйти из ЛИСИ. Ему удаётся, с потерей года, поступить в институт имени И.Е. Репина. Здесь он будет учеником многих архитекторов, ставших впоследствии выдающимися мастерами[2].

[1] В 1960 году он был назначен исполняющим обязанности директора, в 1962 году — директором. Затем Всеволод Петрович всё-таки сосредоточился на творческой работе.

[2] В это время на архитектурном факультете учились А.Б. Голынкин, А.В. Ланин, Г.П. Степанов, А.Ш. Тевьян, А.В. Алланэ, В.А. Сохин, В.Ф. Хрущёв, Н.Б. Брюллова, Т.Н. Воронихина, М.Я. Гаухман-Свердлов, А.П. Азонтко, Т.Н. Милорадович, В.М. Щербин, Ж.М. Вержбицкий, В.Л. Левиаш, А.Г. Леляков, В.С. Маслов, М.А. Садовский, В.П. Литвяков.

В эти годы он сдружился с Л.П. Катаевым, Б.С. Скобельцыным и В.С. Масловым. Первый будет и верным другом, и соавтором. Борис Скобельцын же просто примет предложение друга и поедет работать в Псков. В середине 1950-х годов сложился творческий и семейный союз Всеволода Петровича с Натальей Сергеевной Рахманиной. Талантливый архитектор, она также посвятит свою творческую жизнь псковской реставрации. В период обучения Всеволод Петрович испытал влияние выдающегося советского зодчего И.В. Жолтовского, у которого в московской «мастерской-школе» в 1953—1954 годах он практиковался вместе с Л.П. Катаевым. Дипломную работу «Проект Центрального промтоварного универмага в Ленинграде» Всеволод Смирнов выполнил под руководством Сергея Владимировича Васильковского.

В 1955 году Всеволод Петрович начинает работать в Пскове. Среди первых его работ (1957) — восстановление первоначального облика (XVII век) Святых ворот Рождественско-Богородицкого Снетогорского монастыря («каменная палата об одном покое»). Позднее (1962) В.П. Смирнов выступит автором проекта реставрации часовни Четырёх святителей на Снятной горе, неподалёку от монастыря[1]. Обмеры сооружения выполнит Ю.В. Сусленников.

Храм Ильи Пророка в Выбутах получил известность не только как классический пример средневековой псковской архитектуры XV века, но и как исторический памятник. Село (и погост) Выбуты — легендарное место, связанное с именем святой княгини Ольги. Это место считается «малой родиной» первой русской христианки.

Церковь Ильи Пророка — кубическая, одноглавая, с одной абсидой, крытая на восемь скатов. Внутри храм четырёхстолпный, с повышенными подпружными арками и широкими световыми барабанами. Типично псковская двухпролётная звонница «поставлена» отдельно. Такой церковь стала после проведённой реставрации.

[1] Подобное название означенной часовни довольно условно. Традиционно используемое название часовни Четырёх святителей нелогично и неточно; когда в названии уточняют — «Святителей Московских», то не уточняется, каких из пяти Святителей Московских и всея России Чудотворцев — Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Ермогена (Гермогена). Именуя часовню по имени Вселенских Учителей и Святителей — Григория Богослова, Василия Великого и Иоанна Богослова, — не принимают во внимание, что их три. Возможно, путаница возникла в связи с тем, что в 1910-е годы здесь была обнаружена поступившая в 1917 году в Третьяковскую галерею (и ныне там хранящаяся) замечательная икона псковской школы XV века «Параскева Пятница, Иоанн Златоуст, Григорий Богослов, Василий Великий», представляющая четырёх персонажей.

В 1950-е годы церковь находилась в угрожающем аварийном состоянии — изуродованная, обезглавленная, с «рассыпающимся» четвериком[1]. Архитектурные обмеры выполнили В.А. Лебедева и техник З.С. Алексеева. Реставрационные работы здесь начались в 1955 году, закончились — в 1957-м. В их проведении В.П. Смирнову и В.А. Лебедевой помогал Л.П. Катаев.

Вместе с В.А. Лебедевой Смирнов работал над реставрацией церкви «Пустое Воскресение» постройки 1496 года, затерявшейся в лесах пограничного с Латвией Пыталовского района Псковской области. Церковь Воскресения Христова — кубическая, одноглавая, бесстолпная. В процессе реставрации ей были возвращены восьмискатное покрытие и главка (чуть меньшая по размерам, чем у «выбутской» церкви). Этот интереснейший образец классического типа псковского церковного зодчества в 1958—1963 годах был буквально спасён трудами двух замечательных архитекторов-реставраторов, а также высокопрофессиональных мастеров — каменщиков, плотников, — работавших тогда в ПСНРПМ.

Реставрация ансамбля Покровской башни и церкви Покрова и Рождества Богородицы от Пролома в Пскове в 1956—1963 годах стала не только реализованным крупномасштабным проектом, но и хрестоматийной и легендарной творческой работой и даже, можно не побояться сказать, профессиональным подвигом.

Восстановление Покровской наугольной башни Окольного города — одной из самых крупных средневековых башен не только в России, но и во всей Европе, было делом сложным и трудоёмким. Покровская башня — центр исторических событий, происходивших при осаде и героической обороне Пскова от войск польского короля Стефана Батория в 1581—1582 годах. Это была самая яркая страница Ливонской войны, о которой писал Н.М. Карамзин и которую запечатлели Карл Брюллов и Ян Матейко. Сооруженная в камне в конце XV века, башня укреплялась, перестраивалась в следующем столетии. В сентябре 1581 года ей пришлось выдержать осаду и штурм неимоверной силы, а затем — по январь 1582 года — более двухсот вражеских приступов и вылазок. Дальнейшая история этого выдающегося фортификационного соору-

[1] Церковь сильно пострадала при взрыве, уничтожившем, по разным данным — то ли в 1930-е, то ли в 1944 году, стоявшую рядом каменную двухэтажную церковь Святой Равноапостольной княгини Ольги Российской (была сооружена в 1914—1917 годах по проекту выдающегося архитектора М.М. Перетятковича).

жения неоднозначна: его восстанавливали, видоизменяли, повреждали. Потерявшая военно-оборонительное значение в начале XVIII века, башня разрушалась от небрежения почти два с половиной столетия.

В 1956 году по заказу Псковского областного отдела по делам строительства и архитектуры под руководством В.П. Смирнова началась работа по подготовке к реставрации Покровской башни (обмеры; натурные исследования — зондажи, шурфы; рабочее проектирование). В.П. Смирнову помогал Ю.В. Сусленников. Параллельно с проектно-изыскательскими работами в 1958—1959 годах под надзором Смирнова производились противоаварийные работы.

За годы упорного и кропотливого труда был реставрирован весь каменный объём башни. «Укреплены арки всех камер пушечных боёв в трёх ярусах, бойницы, внутристенные межъярусные лестницы, вычинена снаружи и изнутри облицовка стен, протезированы вывалы кладки, расчищен подземный ярус. Шли работы по восстановлению верхнего, четвёртого яруса с зубцами и машикулями, армировалось основание под шатёр»[1]. Восстановление деревянного шатра башни осуществлялось в 1962 году. Первоначально было принято решение произвести «заготовку, сборку стропильных конструкций шатра с устройством сопряжений и постановкой креплений». В.П. Смирнов «принял решение об изменении конструкции шатра со стропильной системы на рубленую «в режь», что соответствовало историческому описанию… рубка венцов выполнялась «по месту»[2].

Восстановленная замечательными мастерами реставрации под руководством В.П. Смирнова, Покровская башня была признана эталонным объектом, выдающимся достижением отечественной архитектурной реставрации[3].

Следует особо упомянуть кованый прапор — флажок, венчавший шатёр башни. Он был изготовлен Всеволодом Петровичем, который, как известно, являлся опытнейшим мастером кузнечного искусства.

В ансамбль Покровского комплекса входит и церковь Покрова и Рождества Богородицы «от Пролома» (или «от угла»), выстроенная в камне в 1399-м и возобновленная после пожара в 1544 году. К началу

[1] *Голубева И.Б.* Работы В.П. Смирнова в реставрации памятников архитектуры // Всеволод Смирнов. Архитектор. Художник. Кузнец. СПб., 2011. С. 64.

[2] Там же. С. 65, 67.

[3] Размеры башни после реставрации: диаметр (север — юг) — 23 м, диаметр (запад — восток) — 27 м; общая высота с шатром — 38,6 м; толщина стен — 3,8—3,4 м. См.: *Голубева И.Б.* Работы В.П. Смирнова… С. 67.

1960-х вид храма был искажён перестройками XIX—XX веков: одноглавая церковь с куполом формы, совершенно не характерной для древнепсковской архитектуры, притворами и двухъярусной колокольней. Памятник исследовали В.А. Лебедева и Ю.В. Сусленников, затем к этой работе присоединился В.П. Смирнов, разработавший проект её научной реставрации. Был возрождён уникальный по композиции и неповторимый по художественному решению памятник древнепсковского церковного зодчества. Раскрыты первоначальные архитектурные объёмы и планировка. Две равновеликие небольшие бесстолпные церковки, внешне объединённые типично псковской звонницей, словно близнецы, радуют гармонией лаконичных архитектурных форм и рукотворностью своего выразительного облика.

Период работы по реставрации Покровского комплекса был очень напряжённым. В это время Всеволод Петрович занимался также и исследованиями, подготавливающими начало работ по реставрации крепостных сооружений Псково-Печерского монастыря. Позднее он их и продолжит совместно с реставраторами ПСНРПМ, и прежде всего с Михаилом Ивановичем Семёновым.

Возрождение выразительных художественных форм ещё одного псковского храма времени расцвета местной архитектурной школы — такая задача стояла перед В.П. Смирновым и В.А. Лебедевой и во время работы в церкви Николая Чудотворца (1541) в городе Острове Псковской области. Работы, проведённые при их участии и под их руководством в 1963—1964 годах, подтвердили высочайшую репутацию мастеров псковской архитектурной реставрации той поры.

Реставрация дома Осиповых и Вульфов в Тригорском — особая страница в деятельности Смирнова-реставратора. Первоначальный этап работы выполнила В.А. Лебедева, постоянный творческий соавтор Всеволода Петровича. Проект восстановления дома выполнил В.П. Смирнов в 1961 году.

Тригорское, имение соседей и друзей А.С. Пушкина, — важная часть музея-заповедника великого поэта. Воссоздание усадебного дома, утраченного в 1918 году, было заветной мечтой Семёна Степановича Гейченко, легендарного директора Пушкинского Заповедника. Фронтовик, но уже опытный музейный специалист, пришедший в музей буквально «на пепелище», он восстановил дом поэта в Михайловском, что стало началом большой работы по залечиванию ран, которые нанесла пушкинским местам война.

Важнейшей заботой Семёна Степановича Гейченко было сохранение заповедной пушкинской природы, пушкинского ландшафта. Однако воссоздание «опорных» объектов — барских усадебных домов, в которых проходила жизнь поэта, мест, которые питали его поэтический гений и которые становились объектами музейного показа, было, пожалуй, тогда главной задачей.

С Семёном Гейченко Всеволода Смирнова связывали не только «производственные» отношения. Они были и единомышленниками, соратниками в этом важнейшем деле, и друзьями.

История усадебного дома Осиповых и Вульфов не совсем обычна. Первоначальное назначение здания — полотняная фабрика. Она находилась в аренде у дворянина А.М. Вындомского, отца П.А. Осиповой (в первом браке — Вульф). После смерти Вындомского фабрику закрыли, и Прасковья Александровна несколько позднее приспособила пустующее здание под вместительный усадебный дом. Прасковья Александровна и её потомки сохраняли дом в хорошем состоянии, он всегда был обитаем. Уже тогда нашлось в нём место уголку, посвящённому памяти Пушкина: ведь поэт там многократно бывал, а обитатели дома дарили его дружбой, привязанностью, любовью. Столетие спустя, в годы революционной смуты, дом был сожжён.

Сохранившийся старый фундамент с чёткой планировкой, исторические свидетельства и документы — планы, зарисовки, фотографии, мемуары — позволили воссоздать здание с максимально возможной точностью и достоверностью. Одноэтажный деревянный дом на высоком цоколе, значительно вытянутый в длину, увенчанный в торцах портиками с колоннами, благодаря труду реставраторов стал ещё одним местом поклонения русскому гению.

Творческая личность большого масштаба, В.П. Смирнов не мог ограничиваться в своей созидательной деятельности только реставрационной работой, хотя это не просто «немало», это — колоссальный труд.

Конечно, работа в области «художественного металла» в определённом смысле выросла из реставрационной деятельности. Реставрируемым объектам нужна была «фурнитура»: навершия, прапоры, кресты, флюгеры, скобы, замки, ручки и тому подобное. Но рождались вещи не столько утилитарные, сколько художественные. Одни из них можно было использовать при восстановлении архитектурных памятников, другие становились самостоятельными произведениями.

Существенных результатов В.П. Смирнов достиг и в области монументального искусства. Им были созданы проекты ряда интереснейших памятников, посвящённых событиям псковской истории. К сожалению, не все они были воплощены. Однако выполненные в натуре «Памятник на острове Залита» (1968) и «Памятник Неизвестному солдату» (1974)[1] прежде всего знаменуют собой совершенно особый подход в решении задач художественно-пластического и образного решения монументально-мемориальных сооружений.

Особняком в творчестве В.П. Смирнова стоит надгробный памятник на могиле Анны Андреевны Ахматовой в Комарово, созданный в 1967 году по просьбе и заказу Льва Николаевича Гумилёва, её сына[2]. Памятник представляет собой кованый металлический крест, выразительный, лаконичный по форме, с немногочисленными деталями, установленный на фоне стены из псковского плитняка. На стене, напоминающей крепостную, укреплен мраморный барельеф с профилем Анны Андреевны, созданный известным ленинградским скульптором Александром Михайловичем Игнатьевым. Первоначально барельеф был забран в решётку.

Всеволод Петрович был одарённым живописцем, о чём свидетельствуют многочисленные акварельные работы. Его обращение к этой технике на первый взгляд может показаться удивительным. Архитектура, с её четкой выверенностью форм, художественный металл, порой требующий неимоверных физических усилий, и хрупкая светоносная акварель… Однако не стоит забывать, что сама профессия архитектора требует в процессе обучения глубокого познания секретов этой древнейшей техники. Конечно, ученические «отмывки» как обязательные работы, выполненные в ходе освоения секретов ремесла, не сохранились. Но в Псковском государственном музее-заповеднике находится большая часть живописного наследия художника, по преимуществу датируемая 1960-ми годами — временем, когда Смирнов создал первые значительные работы как архитектор-реставратор.

В первых своих работах художник в большей степени следовал натурному впечатлению, что находит отражение даже в названиях работ с точным указанием изображенного мотива. Однако даже в этих конкретных пейзажах («Никольская церковь в Печорах», «Гипсовый завод

[1] Авторский коллектив «Памятника Неизвестному солдату» — В.П. Смирнов, Л.П. Катаев, В.С. Васильковский.

[2] Соавтором В.П. Смирнова в этой работе выступил В.С. Васильковский.

в Новом Изборске», Изборская, Печорская крепости), уже присутствовали те черты, которые мастер впоследствии успешно разовьёт. Это понимание стихии цвета, умение почувствовать объём, фактуру. Художник работал обычно большими декоративными плоскостями цвета, нередко использовал их контрастные сочетания. Так, в акварели «Отражение» он уподобляет деревья неким геометрическим объёмам, не стремится детализировать их.

Одному из любимых мест в окрестностях Пскова — деревне Малы — Смирнов уделяет особое внимание в своём творчестве. На взгорье, откуда открывается вид на Рождественский монастырь у Мальского озера и на долину, он построил дом-мастерскую, где проводил много времени, увлечённо работая. Его соседом вскоре стал художник Пётр Тимофеевич Фомин, пскович по рождению, известный ленинградский пейзажист. Их дома-мастерские были открыты для друзей. В числе самых частых и желанных гостей здесь бывал Савелий Васильевич Ямщиков.

В написанных здесь работах Всеволод Смирнов порой намеренно отходит от реальных мотивов, создавая подлинные красочные симфонии. Таков пейзаж «Малы. Дождь». Художник пишет его словно сквозь стекло, по которому текут потоки дождя. Краски смешиваются, превращаясь в сине-зелёное марево, в котором едва угадываются белокаменные стены монастыря.

В.П. Смирнов нередко бывает разным по манере исполнения произведения, и здесь, пожалуй, вряд ли стоит искать европейские влияния начала XX столетия. Вероятнее всего, он в реальности увидел, например, на Талабских островах такой удивительный эффект освещения, когда вода и небо сливаются в одно целое и только тёмные силуэты стоящих на якоре лодок возвращают сознание к действительности.

На Талабских островах В.П. Смирнов бывал нередко. Там был установлен созданный им памятник жертвам Гражданской войны. Возможно, желание написать эти места зародилось под влиянием Петра Павловича Оссовского, его московского друга, художника, много лет там творчески работавшего.

В.П. Смирнова трудно назвать пейзажистом-лириком. Его работы отличаются выразительностью, неординарностью композиционного решения, необычным колоритом, несут активный заряд энергетики, что отвечало характеру мастера.

Юрий Мудров

ПАВЛОВСК. СОТВОРИВШИЕ ЧУДО

Анна Ивановна Зеленова

> 1 февраля 1944 года. С художниками и музейными работниками ездила вчера в Дудергоф, Гатчину, Павловск и Пушкин… В нашем автобусе были сотрудницы трёх бывших музеев: Павловского, Гатчинского и Пушкинского. И надо было видеть, с какой горечью смотрели они на разрушения… В Павловский дворец я не попала, только смотрела на него издали. Мост через реку Славянку (как вообще все мосты) взорван. Нужно было спуститься с обрыва и пройти по оледеневшим брёвнам: мне это было трудно. Но девушка из Павловского музея с такой быстротой сбежала вниз и взобралась на той стороне по ледяной круче, что мужчины едва поспевали за ней. Возвращалась она медленно и была бледна, что это было заметно даже на морозе. Она рассказала, что от дворца сохранилась только «коробка», то есть внешний силуэт. Внутри — это руина.
>
> *Вера Инбер.* Ленинградский дневник

Какой бы горькой ни была эта первая февральская встреча с любимым Павловском, но о ней она мечтала все блокадные годы…

А 5 февраля 1944 года Анну Ивановну Зеленову вызвали в Управление по делам искусств исполкома Ленсовета для подписания приказа о вторичном назначении директором Павловского дворца-музея и парка, и тут же она направилась в знаменитый пригород Ленинграда. Она «не дождалась попутной машины и пошла пешком. Машины нужны фронту, а не директорам «разбитого вдребезги», — с горькой самоиронией напишет А.И. Зеленова позднее.

Трудно пересказать (да и вряд ли это стоит делать!) впечатления, передать не словами Анны Ивановны картину, открывшуюся её взо-

---

Настоящая публикация подготовлена при участии Аделаиды Сергеевны Ёлкиной, приёмной дочери А.И. Зеленовой, старшего научного сотрудника Государственного музея-заповедника «Павловск», автора книг, альбомов, каталогов и статей по истории Павловска, Гатчины.

ру. Вспоминает она сама: «У Чугунных ворот Росси перед въездом в Павловск разрушены средние колонны, будто через эти ворота вошло в Павловск что-то страшное и разрушающее… Да так оно и есть…

Прекрасен Павловск, но и страшен своими умножившимися в числе руинами. Особенно горько сознавать, что к числу этих руин теперь принадлежит и Павловский дворец, горевший в течение 10 дней. Нет купола, венчающего дворец, нет и башен с часами, нет библиотеки Росси, сгоревшей бесследно вместе со своими стенами, колоннадами, нет Картинной галереи, нет Дворца. Нет крыши, потолков, полов. Остались только фасадные стены, чудом сохранившие всю наружную и внутреннюю лепку. Заглядывая в окна первого этажа, отовсюду можно увидеть небо и узнать все залы по остаткам на стенах лепных украшений и карнизов.

Всё уцелевшее сохранилось только во фрагментах. Помпея не выглядела горестней. Высоко над зияющими провалами висят печи Зала Войны с их ликторскими связками и фигурой орла на ядрах и Зала Мира с гирляндами цветов с павлином в венке, который свешивает свою голову к ещё дымящимся внизу балкам перекрытий. Словно распятые, стоят прижатые к стене почерневшие статуи времён года Египетской передней. На уровне арийского роста им раздроблены кисти рук, колени, бёдра. Статуи летних месяцев уничтожены — эти месяцы не были счастливыми для гитлеровцев. Нет кариатид из Кабинета-Фонарика и Тронного зала…

…На фресках Скотти мелом готическим шрифтом начертана арийская похабщина. Из 10 фресок Гонзага пять можно «узнать», две совсем уничтожены… И надо всем этим, как погребальный колокол, висит Итальянский зал…»

…В первый раз тяжкое «директорское бремя» было возложено на неё в августе 1941-го. С июля она была уполномоченной по проведению «спецработ» (эвакуации) Павловского дворца-музея. Мгновенно ушли в прошлое дни мирной жизни. Они были наполнены учёбой, созидательной работой, профессиональным совершенствованием, полной отдачей нравственных и физических сил любимому делу.

Анна Зеленова родилась в Петербурге, в самом его центре. Детство и юность прошли в угловом доме Невского проспекта и Михайловской улицы, а находившиеся в пяти минутах ходьбы от дома Белоколонный зал филармонии и галёрка Михайловского театра были местами, куда она стремилась в свободное время. На самом деле, свободного време-

ни-то и не было. Интенсивная учёба и особенно, с детских лет, работа дисциплинировали, закаляли характер. Школьницей была репетитором, чертёжницей, подменяла библиотекарей, дежурила и писала карточки для библиотек. Учёба — знаменитая Петершуле, попутно (как гласит составленный ею перечень «Чему я училась») — балетная школа, чертёжные курсы, художественная школа-студия. Позднее, после машиностроительного института, искусствоведение — в университете, литфакультет — в Герценовском институте. Ещё в 14 лет по направлению районного штаба по ликвидации неграмотности взрослых борется с этим социальным «недугом», учит писать и читать. В 1930 году Анна Зеленова — штатный сотрудник Ленинградского окружного отдела местного хозяйства, чертёжник. Ей повезло (как сама считала): делала много обмеров старинных зданий в Новгороде, Острове, Пскове. Однако случилось несчастье, она упала со строительных лесов, и многие годы ей пришлось чувствовать последствия травмы. Дальнейшая работа Анны Зеленовой в технических институтах была успешной, но она «решила изменить свою специальность, так как имела постоянную склонность к области так называемых гуманитарных наук».

Как только здоровье позволило ей, она, пройдя положенные испытания, начала водить экскурсии по Эрмитажу, а затем и Русскому музею. Методисты «Общества пролетарского туризма и экскурсий» вскоре приняли у неё с десяток экскурсионных маршрутов — «Пушкинский Петербург», экскурсии по Ленинграду, Петергофу, Красногвардейску (Гатчине), Детскому Селу (Пушкину), Ораниенбауму. «Неосвоенным» оставался Слуцк (Павловск)…

…Хрупкая двадцатилетняя девушка, сойдя с паровичка на платформу в Павловске, в районе Большой Звезды, шла по парку словно заворожённая. Достигла берега реки Славянка, откуда открывался чудесный вид на противоположный берег. На высоком природном береговом возвышении — классический дворец, венчаемый круглой широкой белой колоннадой дворцового купола, с отходящими от центрального здания изгибами пониженных корпусов. Итак, участь её решилась, выбор был сделан, судьба определена.

Павловск. Поначалу она продолжала работать по линии «Общества туризма и экскурсий». Но с 1936 года Анна Зеленова — штатный сотрудник Павловского дворца-музея и парка, быстро осваивает все экскурсионные маршруты и темы, ведёт и методическую работу. Год спустя уже в качестве старшего научного сотрудника готовит экспозицию

в Павильоне Роз, знаменитом своим литературно-художественным салоном императрицы Марии Фёдоровны, а также в первой постройке Павловска — павильоне «Крик». В 1938 году выходит в свет первая книжка Анны Ивановны о Павловске — путеводитель. В это время начинается сотрудничество и творческая дружба Анны Зеленовой с коллегами — супругами Зоей и Николаем Вейсами, Борисом Васильевым, Татьяной Баженовой, только что приглашённым на должность заместителя директора по научной работе Станиславом Валериановичем Трончинским. Последний совместно с главным хранителем Ф.Н. Выходцевым и с Анной Ивановной будет заниматься важнейшей работой по генеральной инвентаризации фондов музея. Павловский дворец-музей, так же как и многие другие музеи Ленинграда и пригородов, подвергся нещадному разграблению со стороны пресловутых внешнеторговых советских организаций «Антиквариат» и «Госфонд», когда были изъяты и проданы шедевры мирового изобразительного и декоративно-прикладного искусства. (Для того чтобы понять масштаб утрат, можно упомянуть лишь «Христа» Рембрандта, мебель французского мастера Карлена и уникальные гобелены XVIII столетия.) К концу 1939 года генеральная инвентаризация была завершена.

Важнейшей сферой деятельности Анны Ивановны в музее были исследования и организация реставрационных работ. Так, для реставрации Галереи Гонзага она пригласила профессора Д.И. Киплика. В музей пришли А.В. Трескин и Ф.Ф. Олейник. В 1940 году Зеленова привлекла группу студентов-дипломников Всероссийской Академии художеств — для проведения обмеров памятников Павловского парка. Пожалуй, ещё более важной проблемой занялась Зеленова в это время: она привлекла к разработке методики инвентаризации и восстановления художественных пейзажей Павловского парка крупнейшего специалиста по ландшафтам, профессора П.М. Тверского. Впервые составлялась подробная пространственная схема с видовыми осями, выявлялись композиции, определялись древесные и кустарниковые породы и их состояние. Фиксировались сезонные аспекты — колористические нюансы, цвет и освещённость отдельно растущих «солитеров», крон, каждой группы деревьев и кустарников в различные времена года. Организованная ею работа успешно выполнялась, а Анну Ивановну ждал новый «музейный объект».

В Румянцевском особняке на набережной Невы открывали, по сути, новый музей — Музей истории и развития Ленинграда, долгие годы за-

консервированный. Анну Зеленову откомандировали для создания новых экспозиций. Быстро пролетел год напряжённого труда. В середине июня 1941 года по просьбе Управления культурно-просветительских учреждений, памятуя об исключительных знаниях А.И. Зеленовой, её направили в Ораниенбаум прослушать экскурсии по Китайскому дворцу. 22 июня утром она выехала в Ораниенбаум и выполнила поручение. Там в её жизнь, как и в жизнь всех советских людей, ворвалась война. Вернувшись в Ленинград, в тот же день получила приказ: срочно приступить к эвакуационным работам в Музее истории города.

Однако уже 6 июля ей было приказано незамедлительно выехать в Павловск для налаживания процесса эвакуации его бесценных исторических и художественных сокровищ, где работы проходили неоправданно медленно. (Так, накануне, 5 июля, Павловск отправил лишь семьсот предметов; ящики заказаны были в малом количестве; в первом эшелоне из Павловска вообще не было ни одного предмета.) В середине августа вглубь страны, в Сарапул, отправляют 3 168 предметов. 21 августа А.И. Зеленову назначают директором. Спустя десять дней эвакуируется ещё 2 180 экспонатов.

Но не всё было возможно вывести в Ленинград и в тыл. Скульптуру приходилось замуровывать в подвалах здания и закапывать в парке (планы «захоронений» Анна Ивановна хранила всю блокаду). Условия работы ухудшались, людские ресурсы и резервы исчерпывались. Сжималось кольцо блокады Ленинграда. Удивительно, но 10 сентября, уже в блокадный город, Зеленова с помощниками отправила последний транспорт с экспонатами, как оказалось, уже для хранения их в подвалах Исаакиевского собора. 14 сентября А.И. Зеленова и хранитель Н.В. Вейс обходят дворец и павильоны парка. (Следующий обход удастся осуществить лишь девятьсот дней спустя.)

16 сентября, когда немцы вошли в Павловск, они покидают музей, пешком идут в Ленинград. Утром 17 сентября они были в блокадном городе. Зайдя домой, чтобы проведать маму, Зеленова проследовала в Исаакиевский собор. «В 10 часов я вошла в Исаакиевскмй собор, где начались мои 900 дней блокады… Все сотрудники — хранители музеев — с первого же дня своего прибытия из пригородов… переведены на казарменный режим», — вспоминала она позднее. В Исаакиевском соборе, подвалы которого стали местом хранения бесценных музейных экспонатов, не увезённых вглубь страны, поселились сотрудники пригородных дворцов-музеев. Здесь они работали, здесь они жили, здесь они умирали.

Анна Ивановна Зеленова обладала поразительной жизнестойкостью и работоспособностью. Выполняя работу хранителя музейных экспонатов (просушивали и переупаковывали экспонаты, при авариях — качали воду и таскали грузы и так далее), она была и руководителем музейного отдела управления, членом научно-экспертного совета ГИОП. При этом «…не было ни воды, ни еды, ни света, ни дров…». «В Исаакии — мороз и тьма». «Разгрузочной работой пришлось заниматься нам, женщинам, тогда, когда нас без стеснения причисляли к дистрофикам. И всё же разгружали, двигали, таскали… Это было нашим делом среди многих других ленинградских трудных дел».

Несмотря на то что Зеленова наравне со всеми в полной мере познала блокадные испытания — холод, голод, изнурительные бомбёжки, гибель коллег, она почти не изменила привычного образа жизни. Его составляли работа, посещение матери и уход за нею (покормить хоть чем-то, приласкать, выслушать страхи), посещение Публичной библиотеки, при возможности походы в театр. Выполнением «собственных» обязанностей жизнь её в блокадном городе не исчерпывалась. Она взяла на себя и чтение лекций в воинских частях, и обход исторических памятников города с фиксацией их состояния и сохранности, организацию общественно-политических, исторических и книжных выставок — «Сегодня на фронте», «Ленинград — город-герой», «Ленинград — город русской славы», «Ленинград в дни Отечественной войны». Выставки размещались на улицах города, в Публичной библиотеке, в павильоне Росси Сада отдыха, Доме Всеобуча, клубе НКВД.

Внесла свой вклад Анна Ивановна в организацию и создание «блокадного» музея — Музея Обороны Ленинграда. «Создание музея рассматривалось как боевое задание», — вспоминала она. Руководил этой работой сотрудник Государственного Эрмитажа, гвардии майор Л.Л. Раков. Кроме Зеленовой, экспозиционерами выступили коллеги из других пригородных дворцов: Е.Л. Турова, М.Н. Тихомирова, а также С.М. Волынский.

«Ещё не были написаны обозначительные этикетки ко всем экспонатам музея, когда мы, не выключавшие радио ни на один час, услышали сообщение об освобождении городов Пушкина и Павловска», — напишет она позднее.

О восстановлении дворца и парка Зеленова начала думать уже в первый год блокады! «Восстановление утраченного не явится невозможным», — напишет она в 1941 году. С трудом перенеся страшную

блокадную зиму 1941/1942 года, в план своей работы Зеленова первым пунктом поставит: «Продолжение работы над материалами, необходимыми для восстановления пригородов». Эта тема ею была включена в планы и всем остальным сотрудникам пригородных ансамблей.

…И вот она снова в Павловске. Масштаб разрушений и уничтожения повергнул её в шок. Но, пережив потрясение, она определила пути возрождения. Ведь методика восстановления была ею уже тщательно продумана. Но сначала дворец и подходы к нему необходимо было разминировать. В результате работ по разминированию только на плацу у дворца было обезврежено 240 мин.

Работая над разбором завалов здания, Зеленова профессиональным взглядом отмечала массу подлинных деталей, чудом уцелевших на стенах и в обрушенных завалах перекрытий. Была поставлена задача: аккуратно разобрать завалы, вынуть подлинные фрагменты, определить их первоначальное местонахождение и сохранить для реставрации залов как эталон.

Война шла. А в Павловске началась грандиозная по масштабу работа по возрождению ансамбля. В своём стремлении возродить Павловск А.И. Зеленова была не одинока. Рядом с ней были Н.И. Громова, Ф.Ф. Олейник, С.В. Попова-Гунич, А.В. Трескин, В.Б. Можанская, О.И. Гендельман, Н.В. Вейс, К.И. и Г.О. Куровские, Д.М. Греков, позднее — А.М. Кучумов. Добивалась Зеленова и серьёзной поддержки властей предержащих, без чего никакая работа не могла быть выполнена. Анне Ивановне «случилось» попасть на приём к К.Е. Ворошилову, отвечавшему в Политбюро за культуру. «Серьёзные» руководители из государственного управления аэродромного строительства НКВД СССР способствовали производству общестроительных работ, так как в период продолжавшейся войны только они могли распоряжаться строительной техникой. Анна Ивановна смогла убедить руководителей крупнейших производственных мощностей и дальше на постоянной основе работать над восстановлением Павловска.

Наладив бесперебойное спасение дворцовых стен и подлинных деталей, пригласив для обмеров дворца архитекторов, Анна Ивановна взялась за парк. Минёры очистили от снарядов всю придворцовую часть и двинулись в глубину парка. (Разминирование продолжалось и в последующие годы: так, в 1950 году нашли 353 снаряда.) Организовывались многочисленные общегородские субботники.

«Человечество всего мира стало беднее от утраты таких памятников, как Пушкин и Павловск», — констатировали в 1945 году за-

рубежные исследователи архитектуры[1]. Однако согласиться с таким заявлением не могла ни Зеленова, ни её коллеги. Основные методические принципы комплексного исследования Зеленова продумала ещё в блокаду. Но масштаб разрушений заставил её многое откорректировать, а кое-что полностью исключить. И работа была налажена, да так, что стала образцовой для всех прочих дворцово-парковых комплексов. «Метод, применённый в Павловске, автором которого является товарищ Зеленова, метод научного исследования и описания, был принят нами здесь на одном из музейных советов в 1945 году и распространён по всем остальным дворцам-музеям, занятым аналогичными работами, и, как показывают факты, именно методика Павловска оказалась единственно правильной», — отмечал С.В. Трончинский, известный исследователь, в те годы начальник музейного отдела Ленинграда.

Реставрацию дворца начали с залов «императорского» Павловска. Именно с восстановления залов, созданных Винченцо Бренной, вновь началась музейная жизнь Павловска. Тяжелейшим этапом было восстановление Греческого зала, где полностью погибла колоннада. Первые залы для посетителей открыли летом 1957 года (всего семь, в их числе Тронный, Кавалерский), в 1958-м — Картинную галерею и три Проходных кабинета. Через год сдали Жилые комнаты императрицы Марии Фёдоровны. В 1960-е годы приняли посетителей Парадные залы центрального корпуса. 1970 год считается датой завершения реставрационных работ в Павловском дворце-музее. Было объявлено: «Павловский дворец полностью восстановлен». Однако это утверждение содержало много лукавства, которое стало тормозом для дальнейшей созидательной работы. А.И. Зеленова с коллегами продолжала трудиться над восстановлением и дворца, и парка особенно. Ведь высаженных в первые послевоенные годы полутора сот тысяч деревьев и кустарников не было достаточно для воссоздания изумительного дворцово-паркового ансамбля. Необходимо было восстановить не только ландшафт, но и многочисленные парковые сооружения.

Праздничные фанфары, время от времени раздававшиеся в честь «трудовых побед» в Павловске, не были для Зеленовой мерилом истинного служения Отечеству и сохранения его великого культурного наследия. Медаль «За оборону Ленинграда» она ценила значительно больше, чем орден Октябрьской революции, вручив который, партийное руководство посчитало, что за труд с Зеленовой «рассчитались сполна».

[1] На Всемирном конгрессе архитекторов в Лондоне. (*Прим. ред.*)

Энергичной, полной творческих сил и планов, ей предложили покинуть пост директора, уступить место уходящей на пенсию работнице обкома КПСС. Анна Ивановна умерла год спустя, в Павловском дворце, 16 января 1980 года, в 17 часов 30 минут, выступая на партийном собрании. Её последние слова были о необходимости дальнейших работ по восстановлению Павловска…

Жители Павловска, бесконечно уважавшие, любившие и продолжающие любить (!) Анну Ивановну, присвоили ей посмертно звание «Почётный гражданин Павловска». Есть в Павловске и улица её имени. Проведён творческий конкурс «на памятник А.И. Зеленовой». Недавно появился закладной камень на месте установки памятника…

Анатолий Михайлович Кучумов

Анатолий Михайлович Кучумов (1912—1993) в музейном мире — человек-легенда. Он обладал огромными знаниями, эрудицией, поистине феноменальной памятью, но, главное, был истово влюблён в своё дело, предан ему до самозабвения. Анатолий Михайлович умел не только собирать, хранить экспонаты и восхищаться ими, но и бороться за них, спасая от гибели.

Уже более тридцати пяти лет на должности главного хранителя Павловского дворца нет Анатолия Михайловича. Болезни и возраст вынудили его оставить этот ответственный пост, но оставить заботу о дворце он не мог, и только смерть в 1993 году разъединила его с любимым Павловском. И могло ли быть иначе, если пришёл он в музей ещё в далёком 1932 году. Правда, проработал он тогда в Павловске недолго, но, вероятно, это был знак судьбы — их пути потом пересекутся снова, а в 1956 году А.М. Кучумов станет главным хранителем дворца, да и не просто хранителем, а одним из его новых создателей, — и это уже навсегда.

Любимое дело требовало знания предметов декоративно-прикладного искусства, скульптуры, живописи, что благодаря усердию и пытливости скоро пришло. Кучумов работал в Павловске и Детском (Царском) Селе, но если в Петергофе, Ораниенбауме, Гатчине или в Эрмитаже возникала необходимость уточнить происхождение каких-либо предметов мебели, осветительных приборов, фарфора или бронзы, музейные сотрудники неизменно обращались к нему — он знал. Истинный «вещевед», он либо безошибочно вспоминал, где и когда видел произведение, либо называл аналогичные вещи из других музеев, что часто позволяло «пролить свет» на атрибутируемое произведение.

Анатолий Михайлович — профессионал с мировым именем, и трудно представить, что он окончил только девять классов в уездном городе Молога Ярославской губернии, а потом ФЗУ имени Карпова в Ленинграде, где получил профессию электрика. Таковы его «университеты».

Жизнь любого человека — удивительный мир. Но как же она интересна, если приходится на такое сложное время, как XX век, да если ещё человек — личность талантливая, активно включающаяся во всё происходящее. На каждом историческом этапе жизнь имеет свою легенду. «Тогда» и «теперь» дают самые разные оценки фактам, но в жизни удивительно соседствуют разные начала.

Наверное, он отличался от своих сверстников в далёком городке Молога, покоящемся с 1930-х годов на дне Рыбинского водохранилища. Ведь никто больше не ходил по окрестностям, собирая для крошечного местного музея старинные вещи из заброшенных усадеб и церквей. Поэтому, когда Анатолий Кучумов в начале 1930-х годов оказался в Ленинграде, он увидел красоту города и богатство его музеев. Уже сидела в нём тяга к прекрасному, рождался будущий музейщик. И если когда-то в автобиографии А.М. Кучумов писал о тех юношеских годах учения в ФЗУ с гордым удовлетворением (он получал полезную профессию, становился рабочим человеком), то теперь училище давало единственный шанс поступить в вечерний кружок для заводской молодёжи при Эрмитаже и тем самым прикоснуться к чудесному миру искусства. И когда было признано, что по состоянию здоровья он не может работать в химической промышленности, путь его был ясен — в музей.

Первым его музеем стал Павловский дворец. Старший инвентаризатор — должность, казалось бы, не строго научная, но это ведь не на складе, а в музее учитывать. Учитывать — значит видеть и запоминать каждую вещь во всех деталях и подробностях. Так появляется опыт, практическое знание вещей. Потом Анатолий Михайлович на долгие годы будет связан с тогдашним Детским Селом. Будет работать хранителем в Екатерининском дворце-музее и почти четыре года заведовать Александровским. Там его и застанет война. Она не пощадила музеи, но если Павловский и Екатерининский дворцы будут восстановлены поистине из руин и пепла, то Александровский, сохранивший стены, останется без коллекций.

Война стала страшной катастрофой для пригородных дворцов-музеев Ленинграда-Петербурга. Эвакуировать коллекции целиком было невозможно, приходилось вывозить лишь самые ценные предметы (а

как их определить в ставшем родным музее?) и те, которые могли служить образцами при послевоенном восстановлении убранства (об этом уже тогда думали!). Эту сложнейшую работу А.М. Кучумов проводит в Александровском дворце, но не успевает завершить, так как получает задание сопровождать первый эшелон вывозимых из Ленинграда произведений искусства.

Сокровища музеев находят пристанище сначала в Горьком (Нижнем Новгороде), потом в Новосибирске. Директором этого музея — хранилища сокровищ из ленинградских пригородных дворцов и был назначен Анатолий Михайлович, а в помощники ему определили ещё трёх коллег. Конечно, Кучумов просился на фронт, но встретиться с фашистами ему будет суждено уже после военных действий, когда он будет заниматься поисками награбленного ими в России.

Анатолий Михайлович вернётся в Ленинград весной 1944 года и сразу же займётся поисками расхищенного, увезённого из дворцов. Не только все деревни в округе, особенно те, где стояли штабы и куда привозили мебель и утварь из музеев, но и Эстония, Латвия, Восточная Пруссия, Германия — маршруты его командировок. О любом событии можно рассказать по-разному. Можно, например, языком фактов, можно и языком цифр. И они потрясают. Только за 1944—1949 годы в музеи вернулись 6 682 предмета (в том числе в Павловск — 421 предмет).

О Кучумове написаны книги, статьи, изданы сборники[1]. Существуют интереснейшие рассказы, воспоминания, где повествуется о поисковой

[1] См.: *Телемаков В.С.* Возрождение красоты. Л., 1972; *Телемаков В.С.* Прекрасному жить вечно. Л., 1981; *Мудров Ю.В.* Почётный гражданин Павловска / Мир музея. 1993. № 2. С. 69—70; Кучумовские чтения : Сборник материалов научной конференции, посвящённой памяти А.М. Кучумова (1912—1993). СПб. ; Павловск, 1996; *Мудров Ю.В.* Хранитель Кучумов / Павловск : Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. Павловск. 1996; *Мудров Ю.В.* Слово о А.М. Кучумове / Павловск. Императорский дворец. Страницы истории. СПб., 1997; *Масси С.* Павловск. Жизнь русского дворца. СПб., 1998; Русская и западноевропейская художественная культура : Сборник памяти первого Почётного гражданина г. Павловска Анатолия Михайловича Кучумова (1912—1993). СПб., 2000; *Белавская К.П.* Анатолий Михайлович Кучумов / Российская музейная энциклопедия : В 2 т. Том I. М., 2001. С. 321; *Мудров Ю.В.* Легендарный музейщик / История Петербурга. 2002. № 3; *Кучумов А.М.* Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2004; *Мудров Ю.В., Раздолгин А.А., Телемаков В.С.* Возрождение шедевров. Дворцово-парковые ансамбли пригородов Санкт-Петербурга : История и современность. СПб., 2006.; Кучумов: к 100-летию со дня рождения : Сборник докладов научной конференции «Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций». СПб. ; Павловск, 2012; *Мудров Ю.В.* Легенда музейного мира / Русское искусство. 2012. № 3.

работе учёного. И действительно, ведь только находка знаменитых паркетов из Лионского зала и Зеркального кабинета Екатерининского дворца, обнаруженных в действующем элеваторе в Германии под кучами зерна, могла бы стать сюжетом приключенческой истории. А сколько таких находок было сделано за долгие месяцы поисков!

Великолепные бронзовые скульптуры Геркулеса и Флоры работы Ф. Гордеева, прежде украшавшие Камеронову галерею в Царском Селе, были найдены им во дворе медеплавильного завода в городе Галле. Множество предметов убранства Екатерининского дворца Кучумов обнаружил в Кёнигсберге и его замках. Тщательно собирались не только целые предметы, но и фрагменты, детали. Всё представляло интерес, так как уверенность в том, что это пригодится при восстановлении дворцов, не покидала Анатолия Михайловича. В Риге была обнаружена фототека Павловского дворца, представляющая собой более трёх тысяч негативов, снятых в 1902—1903 годах, что позволило с максимальной достоверностью реставрировать дворец.

В Риге же он находит огромное количество — более четырёхсот — портретов, в основном из Гатчинского дворца-музея. Вагонами уходили произведения искусства в Ленинград, Псков, Новгород, Киев, Минск, но не было важнейшего экспоната — Янтарной комнаты Екатерининского дворца. Её поисками А.М. Кучумов занимался многие месяцы, искал Янтарную комнату в Кёнигсберге и его окрестностях, в Германии, расспрашивал тех, кто имел хоть какие-нибудь сведения о её судьбе, — всё безуспешно. В конце жизни Анатолий Михайлович уже не имел возможности, как некогда в послевоенные годы, обследовать чердаки, подвалы, бомбоубежища и пакгаузы — да и не было в этом необходимости. Теперь в поисках помогала логика, анализ известных фактов и надежда.

Свидетельством того, что надежда не умерла, стала одна из последних книг А.М. Кучумова, «Янтарная комната», написанная в соавторстве с М.Г. Вороновым[1]. В ней нет советов, как искать, но есть глубокое исследование, подробный исторический рассказ о создании комнаты, о её предметах, рассказ очевидца, хранителя, учёного.

Анатолий Михайлович много писал. К счастью, многое из написанного им было издано в виде альбомов, книг, путеводителей, сборников статей, а до того рукописный «Бюллетень научного отдела» неизменно,

[1] *Воронов М.Г., Кучумов А.М.* Янтарная комната. Шедевры декоративно-прикладного искусства в собрании Екатерининского дворца-музея. Л., 1989.

из года в год, помещал его статьи по отдельным произведениям собрания, мастерам, проблемам реставрации[1].

Давно уже стал библиографической редкостью альбом «Павловск. Дворец и парк»[2] с фотографиями М.А. Величко. Это было первое издание с подробным воспроизведением восстановленных интерьеров дворца, его главных сокровищ, паркового ансамбля. То, что автором альбома был А.М. Кучумов, не удивительно. Он вновь пришёл на работу в Павловский дворец в августе 1956 года, а уже в 1957 году были открыты первые семь парадных залов дворца, в том числе Тронный и Кавалерский.

В этот период восстановления интерьеров здания память Анатолия Михайловича пригодилась как никогда. Десять лет понадобилось для восстановления архитектурного объёма дворца, но ещё столько же для того, чтобы в 1970 году почти все залы приняли первых посетителей. Убранство интерьеров было осуществлено под научным руководством А.М. Кучумова.

Он — блестящий экспозиционер. Великолепное знание материала позволило ему делать серьёзные, высокопрофессиональные выставки. После войны Анатолий Михайлович возглавил Центральное хранилище музейных фондов, которое находилось в Пушкине, в Александровском дворце, и на основе этих огромных фондов регулярно открывал масштабные выставки. Спустя годы за несколько месяцев в больнице, где он лежал с инфарктом, Кучумов составил тематико-экспозиционный

---

[1] См., напр.: *Кучумов А.М.* Павловск. Путеводитель. Л., 1975. В кн.: *Кучумов А.М.* Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2004. — опубликованы труды разных лет: «Тульские стальные изделия в убранстве Павловского дворца», «Картины Клода-Жозефа Верне в Павловске», «Письмо Винченцо Бренны к графу Станиславу Костке Потоцкому», «Бронзовые часы XVIII века», «Бронзовые таганы «Аллегория стихий», «Картинные галереи в русских дворцах и усадьбах XVIII века», «Картины Дрезденской галереи в миниатюрах Ф.Ф. Урбановича», «К истории «Казённой бронзовой фабрики при Академии художеств», «Рождение Венеры» (из опыта реставрации)», «Из неопубликованных материалов к биографии архитектора Винченцо Бренны», «Из истории одного портрета (Предполагаемый портрет архитектора Винченцо Бренны)», «Фонари Тронного зала Павловского дворца-музея», «Картины Гюбера Роббера в Павловском дворце», «Мозаичный мастер Георг Веклер и его работы в Павловском дворце», «Настольное украшение «Античная лампа», «Из истории двух шпалер», «Музыкальные часы XVIII века», «Убранство интерьеров Александровского дворца в XVIII веке».

[2] *Кучумов А.М.* Павловск. Дворец и парк. Л., 1976.

план блестящей выставки — «Русский жилой интерьер XIX века». Более двух тысяч экспонатов, расположенных в 17 залах, давали убедительную картину развития декоративного убранства русских дворцов и усадеб. Альбом, изданный на основе материалов этой выставки, стал подлинной антологией русского интерьера XIX столетия[1].

Всю свою жизнь Анатолий Михайлович Кучумов без остатка посвятил служению музею. И, что интересно, важно и значительно, в последние годы жизни, больной, почти лишённый возможности самостоятельно передвигаться, он загорался при одной мысли, что может быть принято решение о восстановлении Александровского дворца, могут найтись энтузиасты и меценаты, желающие его возродить. Мечтал он и об абсолютно полном восстановлении Павловского и Екатерининского дворцов.

В его жизни были взлёты и падения. Так долго не приходившее к нему официальное признание всё же пришло в конце жизненного пути. Ему было присвоено звание заслуженного работника культуры России, он был удостоен высшей в Советском Союзе премии — Ленинской. Наконец, в июне 1993 года ему первому (!) было присвоено звание Почётного гражданина города Павловска. И как хорошо, что эти награды при жизни увенчали достойный труд Анатолия Михайловича Кучумова — человека-подвижника, для которого сохранение великого культурного наследия России было главным делом жизни.

Анатолий Владимирович Трескин

Среди выдающихся мастеров ленинградской школы реставрации имя Анатолия Владимировича Трескина (1905—1986) следует назвать в числе первых. Не менее интересны и другие аспекты его художественной деятельности — в монументальном искусстве и станковой живописи. Особая страница — его графика, особенно военных лет.

Художник родился в Санкт-Петербурге в 1905 году в семье нотариального служащего. В 1918-м его семья, а вместе с ней и Анатолий, покинула голодный революционный Петроград, уехав в Симбирскую губернию. Там он учился, затем работал на военном заводе. Отдавал много времени занятиям изобразительным искусством. Успехи в художественном творчестве Анатолия Трескина были замечены, и по

[1] *Кучумов А.М.* Убранство русского жилого интерьера XIX века : По материалам выставки в Павловском дворце-музее. Л., 1977.

комсомольской путёвке он направился в Ленинград, где в 1924 году поступил в Художественно-промышленный техникум. Его педагогами были В.Н. Кучумов, В.А. Кузнецов, Д.И. Киплик. В 1928 году по окончании техникума «художник-техник монументальной живописи» А. Трескин работает в Мозаичной мастерской, где под руководством В.А. Фролова и В.Д. Заболотного выполняет важные государственные заказы. Среди них — «лента из красной смальты» для строящегося по проекту А.В. Щусева Мавзолея В.И. Ленина, затем большое мозаичное панно «Периодическая система Д.И. Менделеева» на стене дома № 17 на Московском проспекте (здание института метрологии).

Путь реставратора он начал, будучи студентом техникума. Ещё в период ученичества он под руководством профессора Д.И. Киплика принял участие в реставрационных работах в Малом зале Ленинградской консерватории. За реставрацию плафона, автором которого являлся выдающийся живописец А.П. Рябушкин, он получил похвальный отзыв ректора, великого композитора А.К. Глазунова.

Последовало участие в реставрации дворцов Строгановых, Шуваловых, Юсуповых, Малого оперного (Михайловского) театра. В 1931 году Анатолий Трескин в составе бригады Д.И. Киплика впервые трудился в Павловске, где реставрировал настенную живопись знаменитой Галереи Гонзага.

В 1935 году Трескина приглашают принять участие в работах во Дворце пионеров Ленинграда (Аничковом). Здесь он делал новые росписи шести залов дворца. Следующие государственные заказы по выполнению монументальных росписей он осуществил в Киеве и Сочи (Дом правительства и санаторий). В 1940 году он оформляет флотский Дом культуры на полуострове Ханко. Росписи, выполненные им здесь, посвящены пушкинской тематике.

В 1930-е годы А.В. Трескин активно и плодотворно работает как живописец. Художник увлечённо создаёт портреты близких ему людей. Прежде всего, его привлекают женские образы. Он пишет жену, дочь, сестру. Особый «корпус» полотен составляют автопортреты и портреты близких, которые можно было бы назвать «костюмированными». Они отмечены откровенно ретроспективным налётом: герои и героини в них наряжены в костюмы прошлых эпох, позы и жесты напоминают об уже где-то и когда-то виденных персонажах. Сам Анатолий Владимирович в автопортретах часто напоминает Ленского или кого-то из героев пушкинской эпохи.

Ставя перед собой задачу совершенствования живописного мастерства, художник обращает особое внимание на работу с классическим наследием. Задачу постижения «секретов» великих мастеров прошлого он решает, старательно копируя произведения Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, голландцев. В самом начале 1930-х годов Анатолий Трескин выполняет копию «Венеры перед зеркалом» великого венецианского живописца Тициана, хранящуюся в Государственном Эрмитаже. (Как известно, полотно было продано сталинским режимом и в настоящее время находится в Национальной галерее в Вашингтоне.) Копия Анатолием Владимировичем была выполнена блестяще; она получила высокую оценку профессиональных реставраторов, живописцев, искусствоведов.

Копируя в Эрмитаже фламандские и голландские натюрморты, Анатолий Владимирович увлёкся этим жанром живописи. Создавая оригинальные натюрморты («Натюрморт с маками», «Натюрморт с фрезиями»), он с большим удовольствием и живописным «роскошеством» пишет работы в стиле «старых мастеров». Сложносочинённые по композиции, исполненные с тщательностью в постижении приёмов живописцев-классиков, отличающиеся богатейшей палитрой «Натюрморт с попугаем», «Натюрморт с арбузом» живо воскрешают в памяти эрмитажные образцы фламандцев и голландцев.

В 1930-е годы советские художники были вовлечены в подготовку готовящегося в стране масштабного художественно-политического проекта. В 1937 году в СССР на высшем государственном уровне отмечали 100-летие со дня гибели русского гения. Создавались сотни и тысячи живописных полотен, графических листов, произведений декоративно-прикладного и театрально-декорационного искусства, посвящённых А.С. Пушкину, его жизни и творчеству, иллюстрации к его произведениям. Анатолий Владимирович вносит свою лепту в создание советской пушкинианы: «А.С. Пушкин и Наталья Николаевна в Царском Селе», «А.С. Пушкин в Михайловском», «Встреча А.С. Пушкина с В.К. Кюхельбекером на почтовой станции Залазы». Последнее полотно, запечатлевшее случившуюся в 1826 году нечаянную встречу великого поэта и его лицейского товарища, после декабрьского восстания следовавшего в Сибирь, было высоко оценено советской критикой и послужило А.В. Трескину «пропуском» для вступления в Союз художников.

С лета 1940 года Анатолий Владимирович — художник военно-морской базы на полуострове Ханко. Там же он встретил начало Великой

Отечественной войны. В блокадном Ленинграде на выставках неоднократно показывал свои фронтовые рисунки. В те военные годы карандаш и кисть в его руках часто сменял автомат. В 1944 году за мужество и героизм он был удостоен боевой награды — ордена Красной Звезды.

Наступило мирное время. Участник боевых действий и героической обороны Ленинграда, А.В. Трескин возвращается к любимому делу. В 1946 году он приступает к работе в Государственном Эрмитаже, здания которого в годы блокады пострадали от бомбёжек и артобстрелов. Вместе с большой группой коллег он готовит эскизы росписей и эталоны для реставрации Иорданской (Парадной) лестницы, Аванзала, Галереи 1812 года, Концертного, Петровского, Пикетного и других залов в зданиях музейного комплекса Эрмитажа.

Масштабы восстановительных и реставрационных работ в послевоенное время впечатляют. Михайловский (ГРМ), Строгановский, Шуваловский, Юсуповский дворцы, дом Лаваль, Кировский и Малый оперный театры в Ленинграде, соборы в Новгороде — вот не полный перечень объектов, над восстановлением которых трудился Анатолий Владимирович. Казалось, что всё сделанное — выше человеческих сил. Но Трескин работал ещё и как оригинальный художник-монументалист, создавая росписи для Дома культуры и для клубов Ижорского завода, «Красного выборжца», завода имени Козицкого, Клуба моряков в Кронштадте. Его привлекали к оформлению «Ленинградского павильона» в комплексе Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВДНХ) в Москве в 1952 году.

«Ни один художник не отваживался взять на себя невероятно сложный, вообще необычный труд — вернуть заново то, что унесла война. Никто не брался за эту работу. А Трескин поверил в свои силы и сумел увидеть в этой копоти и руинах дворца, в зияющих провалах исчезнувших перекрытий будущую красоту живописи, музу, которая воцарится в прекрасных помещениях Аполлона», — вспоминала Анна Ивановна Зеленова, легендарный директор музея, о роли Анатолия Владимировича Трескина в восстановлении Павловского дворца[1]. Его работа в Павловске началась в 1955 году, тогда же было положено начало их многолетнему творческому содружеству.

Известный искусствовед А.М. Кучумов, хранитель дворца в Павловске, писал о восстановлении Египетского вестибюля Павловского дворца: «Как эта роспись, так и декоративные росписи в

[1] Цит. по: *Ёлкина А.С.* Сделайте для меня это… СПб., 2005.

тридцати других залах дворца воссозданы ленинградскими художниками В. Зверевым, А. Морошкиным, Г. Ольшевским и А. Бурениным по эскизам и под руководством А.В. Трескина. Большая заслуга в этом принадлежит лично А.В. Трескину — знатоку техники мастеров русских монументальных росписей конца XVIII — первой четверти XIX века. По созданным им эскизам разрабатывались картоны и эталоны в натуральную величину. Лишь после многих просмотров авторитетными комиссиями из специалистов… разрешалась роспись в натуре на стенах или плафонах залов»[1]. Буквально из нескольких строк мы узнаём, каким был подготовительный процесс работ по восстановлению росписей А.В. Трескиным и его коллегами, сколь строго и ответственно к нему подходили. Отсюда же явствует, что в результате кропотливой работы достигался результат если не абсолютно совершенный, то стилистически и иконографически совпадающий с подлинниками — частично или полностью утраченными росписями потолков и стен Павловского дворца. А росписи бывали сложными, многофигурными композициями, иногда требовавшими «портретного» сходства, подразумевавшими узнавание действующих лиц и персонажей.

Частыми были «изощрённые» орнаментальные обрамления и даже целые орнаментальные композиции. Были разработаны и живописные техники, к которым приходилось обращаться реставраторам, и авторские манеры — требовалось знать почерк как знаменитых мастеров, так и безвестных художников прошлого.

Прелюдией к огромной работе в Павловске было участие в воссоздании росписей в Царском Селе. Супруга и соратник Анатолия Владимировича, также художник-реставратор, Валентина Максимовна Дядюченко привлекла его к работе в павильоне «Верхняя ванна», возведённом по повелению Екатерины II в 1780 году архитектором И.В. Нееловым и расписанном живописцем А.И. Бельским: в технике альфреско он повторил росписи Золотого дома императора Нерона близ Рима. Уникальность работы заключалась в том, что требовалось восстановить, а точнее воссоздать росписи придворного русского художника, по гравюрам и рисункам другого автора XVIII века, поляка Ф. Смуглевича. Он зарисовал в своё время росписи Золотого дома. Здание, принадлежавшее гонителю христиан, раскопанное археологами, вместе с росписями было засыпано по повелению Папы Римского. И исчезнувшие в XIX веке росписи были известны только в воспро-

[1] *Кучумов А.М.* Павловск. Л., 1980. С. 15.

изведении Ф. Смуглевича и В. Бренны. Так что перед А.В. Трескиным стояла задача необычайно сложная. И тем не менее он взялся за дело, приступил к исследовательской работе.

В первую очередь были раскрыты сохранившиеся фрагменты росписей «Верхней ванны» (которых дошло очень мало). Затем с них удалили ещё дореволюционные искажения авторской живописи. На том этапе, чтобы воссоздать утраченные фрагменты авторской живописи, Трескин активно использовал гравюры Ф. Смуглевича. Они помогли в создании окончательного эскиза работы. Затем, как обычно, последовал эталон и работа в самом павильоне. И потолок, и стены «Верхней ванны» были реставрированы в 1953 году. В том числе — композиция плафона и два десюдепорта центрального (восьмиугольного) зала, посвящённые сюжету о Фаэтоне — сыне античного бога Солнца Гелиоса, и искусно выполненная декоративная живопись — гирлянда из цветов и фруктов, веера со сценками туалета Венеры.

В Концертном зале, или, как именовал его создатель Д. Кваренги, «Зале для музыки с двумя кабинетами и открытым храмом, посвящённом богине Церере», Трескину пришлось восстанавливать орнаментальную роспись стен и плафон Большого или Музыкального зала. В малом — «живописном» — кабинете он реставрировал панно, изображающие сцены жертвоприношения.

Китайская Скрипучая беседка, созданная И.В. Нееловым по проекту Ю.М. Фельтена, также требовала в послевоенные годы неотложной реставрации. Отделка, исполненная в 1786 году, в результате проведённых работ вновь приобрела прежнюю яркость и затейливость. Анатолий Владимирович трудился там и над восстановлением утраченных ещё на рубеже XIX и XX столетий стенных росписей «под мрамор» и по «китайским мотивам».

В 1954 году А.В. Трескин блестяще справился с задачей написания полотна «Амфитрита» для Круглого зала павильона «Катальная горка» в Ораниенбауме, заменившего утраченный подлинник Стефано Торелли. Соседствовавшее с двумя другими подлинными, Трескиным же отреставрированными полотнами Торелли — «Наяда на дельфине» и «Нептун», оно составило с ними единый великолепный ансамбль.

На работу в Павловск Анатолия Владимировича Трескина пригласила Анна Ивановна Зеленова, душа возрождения Павловска, к тому времени директор с 15-летним стажем, блестящий организатор, учёный. Зная о солидной репутации реставратора, о его безусловных уда-

чах в реставрационном деле, ему сразу и на долгие годы доверили все ответственные живописные работы в Павловске. В организованную А.В. Трескиным бригаду вошли опытные мастера В.М. Дядюченко, Г.А. Ольшевский и выпускники высшего Мухинского художественного училища (ныне — Академии имени Штиглица) А.И. Буренин, В.В. Зверев, А.А. Морошкин, О.Н. Харламов. Начинали с Кавалерского зала. Воссоздав живописный плафон, выполненный в технике гризайль, с замысловатым орнаментом «под лепку», включившим в себя и императорские вензеля, и мальтийский крест (ведь это был зал кавалеров Мальтийского ордена), и другие таинственные атрибуты, символы, аллегорические фигуры, бригада Трескина продолжила работу, как говорили тогда, «в ударных темпах». К 40-летию Октябрьской революции требовалось открыть первые семь залов.

Неимоверно трудной была задача восстановления Большого Тронного зала (или Парадной Столовой). Трескину и его коллегам предстояло воссоздать уникальный плафон Пьетро Гонзаго, замечательного художника-декоратора, мастера архитектурного пейзажа. (Напомним, что перед войной Анатолий Владимирович участвовал в реставрации Галереи Гонзаго.) Главной трудностью было отсутствие прямых документальных источников, иконографических материалов, которыми мог пользоваться художник. Небольшой эскиз в цвете от Гонзаго остался, но по нему можно было воспроизвести только четверть плафонной живописи. К творческим проблемам прибавлялись организационные и «концептуальные». Жаркие дискуссии разгорались вокруг факта существования плафона в натуре в Большом Тронном зале на рубеже XVIII и XIX столетий, а также по поводу необходимости его восстановления. И всё же… Вряд ли во дворце, богато и разнообразно украшенном росписями, самый торжественный и грандиозный зал был лишён такого принятого в ту эпоху и логически необходимого художественного завершения, как торжественный «ампирный» плафон. Полтора года трудилась бригада Трескина над созданием этого грандиозного «полотна». Мастера сумели реально воплотить идею Гонзаго средствами живописи, создав иллюзию уходящего ввысь архитектурного пространства. Умелое использование линейной, а особенно цвето-воздушной перспективы позволило создать этот удивительный эффект.

Пространство строилось по направлению к его центру. Более насыщенная, интенсивная цветовая гамма, в которой были выполнены фрагменты воинских доспехов, лавровые и цветочные венки, гирлян-

ды, разнообразные аксессуары, на пространстве, прилегавшем к краям плафона, к месту соединения со стенами, сменялась менее плотной, но всё ещё весомой палитрой, в которой была написана собственно имитация архитектурных элементов — порталов и балконов, украшенных спускающимися знамёнами, и колоннада, уходившая в небесную высь. Небосвод, с бегущими лёгкими облаками, высветленный, разбелённый, занимал центральное место на пространстве плафона и зрительно поднимал эту часть живописного поля. Крошечный (28 х 27 см) эскиз Гонзаго позволил Трескину создать один из самых эффектных образцов монументальной росписи, с глубоким пониманием законов этого вида искусства и тонким чувством классического стиля.

Создавая плафон в самом конце XVIII столетия, П. Гонзаго решал задачу смягчения резкого контраста в восприятии объёмов и высоты между этим камерным кабинетом и грандиозным Парадным залом. Плафон был решён в манере, близкой гризайлевым росписям. Восстанавливая роспись, Анатолий Владимирович и его коллеги стремились в изображении купола, колонн, перспективы аркады добиться былой иллюзии высокого пространства. (В тот же период Трескин работал и над восстановлением живописи потолка в Третьем проходном кабинете, предшествовавшем входу в Тронный зал.)

Ещё не раз обращался к произведениям Гонзаго Трескин. Десять лет спустя он раскрыл фреску, выполненную Гонзаго в период с 1807 по 1824 год на стене балкона, сопредельного с туалетной комнатой императрицы Марии Фёдоровны. «Архитектурный вид» воспроизводил фрагмент типичного итальянского дворцового сооружения. При участии Барнаба Медичи в 1824 году П. Гонзаго расписал внешнюю часть стены Дворцовой библиотеки (так называемой Библиотеки Росси). Фреска, находящаяся перед окном Малого кабинета, с удивительной иллюзорностью передаёт живописными средствами «уходящую вглубь стены» несуществующую галерею.

В Третьем проходном кабинете Трескину привелось выполнить работу, необычную по технике исполнения. В облицованные розовато-сиреневым мрамором стены этого помещения были включены три стеклянных панно на мифологические сюжеты. Сделанные в 1790-е годы, они были возрождены в 1958-м благодаря усилиям Трескина. А воссоздавать произведения Я. Меттенлейтера ему приводилось в Павловске неоднократно. Он хорошо изучил руку этого мастеровитого живописца — автора плафонов в Дворцовой церкви Святых Петра и Павла, в

Картинной галерее, панно в Туалетной комнате Марии Фёдоровны и росписей по шёлку в Парадной Опочивальне.

Овальный плафон «Обращение Савла» в Дворцовой церкви был создан Меттенлейтером как вольная копия полотна П. Рубенса. Вслед за воссозданием композиции великого фламандца, посвящённой жизни апостола Павла, в интерпретации Меттенлейтера Трескину пришлось исполнить и копии с эрмитажных полотен Б.Э. Мурильо, Г. Рени, А. Корреджо, П. Баттони и других авторов. Именно копиями картин на религиозные сюжеты этих западноевропейских мастеров, любимых Павлом I, был украшен домовый храм императорской резиденции. Ещё одну вольную копию полотна «Аврора, или Триумф Аполлона» кисти знаменитого живописца Г. Рени вслед на Меттенлейтером пришлось восстанавливать Трескину. Исполненный маслом на холсте, плафон вместе с двумя другими композициями — «Суд Париса» и «Три грации» — в обрамлении орнаментальных росписей украшает потолок Картинной галереи Павловского дворца. И вновь меттенлейтеровский «Суд Париса», а также «Туалет Венеры» и «Триумф Венеры», только уже под сводчатым потолком в люнетах, воссоздал А.В. Трескин в Туалетной Марии Фёдоровны.

Участие Анатолия Трескина и его бригады в воссоздании Парадной Опочивальни (1966), где требовалось восстановить росписи потолка, стен, занавесей, было разноплановым. Особую нарядность, а вместе с тем интимность помещению придавали «цветочные» росписи потолка. Розами была увита «трельяжная беседка», которая украсила падуги, поддерживающие плафон Парадной Опочивальни. В просветах «беседки» изображены павлины в ярком оперении.

Торжественно украшенное парадное ложе — золочёная кровать — завершалось пышным балдахином с драпировками из шёлка. Вкупе с покрывалом и обивкой мебели драпировки, ярко и нарядно расписанные темперой, придают особую эффектность этому помещению. Цветочные мотивы, фруктовые плоды, перевитые лентами, переплетённые меж собой, словно невзначай появившиеся бабочки с нарядными рисунками крыльев, перенесены на большие шёлковые панно, которыми украшены стены спальни. Вместе с атрибутами «пейзанского труда» и музыкальными инструментами всё должно было утверждать в мыслях и чувствах гармонию семейного счастья и создавать идиллические настроения.

Первоначально росписи были выполнены Меттенлейтером по эскизам В. Ван-Леена. Несколько иную задачу решал Трескин в восстанов-

лении декора Спальни первого этажа. Гирлянды ярких садовых и полевых цветов, веток сирени и здесь были основным мотивом росписей, украшавших стены, только выполнялись они на стенах белого искусственного мрамора и на падугах. Работы, воспроизводящие оригиналы Д. Скотти по рисункам А.Н. Воронихина, в 1960 году были выполнены маслом и клеевыми красками. Основными элементами декора мраморных стен Палатки также были гирлянды цветов. Тонкостью письма отличалась и роспись потолка. А в Новом кабинете по белому мрамору прошла «арабесковая роспись».

Сложной и очень ответственной была работа по воссозданию выполненных по мотивам Лоджий Рафаэля росписей на мраморных пилястрах в будуаре. Восстанавливая утраченный интерьер, А.В. Трескин на высокой падуге написал панно «Времена суток» с изображением античных руин, дополнив вид орнаментальной композицией. Он же восстановил и плафон будуара по эскизу Д. Скотти.

А.В. Трескину и его бригаде в 1960-е годы неоднократно приходилось воссоздавать орнаментальные росписи Д. Скотти в различных парадных помещениях дворца (потолок Коврового кабинета, плафон Парадного вестибюля, плафон «Времена года» в Египетском вестибюле, плафон и широкий фриз Туалетной Марии Фёдоровны). Гризайлевые росписи отличались спокойной и тонкой колористической гаммой. Богатство оттенков неярких росписей придавало особую изысканность интерьерам.

В орнаментальную роспись плафона эффектно были введены фигуры сфинксов, выполненные под патинированную бронзу, завитки аканта в Пилястровом кабинете. Несколько панно на мифологические сюжеты и изображения скульптур Аполлона и девяти муз, созданные в технике гризайля, включил в себя живописный плафон Общего кабинета. Аллегории живописи, скульптуры и архитектуры в сочетании с орнаментальными росписями — основные элементы декоративного убранства знаменитого воронихинского «Фонарика» (кабинета Марии Фёдоровны) — были выполнены также Скотти. И это живописное убранство, подвергшееся военному разрушению, в 1960 году было восстановлено А.В. Трескиным.

Но Д. Скотти великолепно удавались не только орнаментальные росписи. В этом можно убедиться, глядя на фреску Парадной лестницы дворца. Поднимаясь из Египетского вестибюля на первую площадку, мы неожиданно увидим перед собой спуск в сад, украшенный египетски-

ми скульптурами, хотя плавный изгиб реально существующей лестницы уводит нас вправо. Спуск в сад — это фреска, удачная иллюзорная роспись, характерная для Павловского дворца в частности и для художественного убранства дворцов той эпохи в целом. Подвергшееся разрушительному воздействию военного времени и частично утраченное, произведение Д. Скотти также восстановил Анатолий Трескин.

На рубеже XVIII и XIX веков Павловский дворец, как известно, несколько раз подвергался частичным перестройкам и архитектурным дополнениям. Эти изменения, естественно, касались и декоративного оформления интерьеров. Так, в Библиотеке Павла I Д. Скотти создал овальную картину плафона (вместо существовавшей прежде, до пожара 1803 года, прямоугольной). Сюжетом её является «Торжество истины, изгоняющей пороки». После тщательного исследования и подготовительных работ А.В. Трескин приступил к решению непростой задачи его воссоздания: равно как и в Круглом кабинете, здесь наслоения разных периодов требовали особо внимательного подхода. В Круглом кабинете (или Камердинерской первого этажа) в конце XVIII века плафон с падугой был расписан как кессонированный свод, однако К. Росси, работавший во дворце в 1820-е годы, изменил роспись в соответствии с духом времени и эстетическими представлениями позднего классицизма. Тогда в нём появились такие орнаментальные мотивы, как маски, венки, пальметты. Изучать, анализировать, а затем в соответствии с общей концепцией восстановления убранства непосредственно воссоздавать «оптимальный» и единственно верный вариант росписей — таковы были грани сложнейшей творческой деятельности реставратора Анатолия Владимировича Трескина.

При восстановлении Угловой гостиной — уникальнейшего, редкой изысканности и художественной гармонии интерьера К. Росси, утраченного во второй половине XX века, — перед реставраторами стояла задача очень серьёзная и масштабная. Интерьеру дóлжно было возвратить вторую жизнь. И здесь соединились усилия реставраторов различных профилей. Мраморные панно стен оправили орнаментальной росписью под золочёную бронзу. Сиреневато-серый тон орнаментальной гризайлевой росписи в плафоне, оживлённой классическими масками, необыкновенно гармонирует с общим цветовым решением убранства этого помещения.

А.В. Трескину пришлось работать ещё в одном интерьере, созданном по проекту К. Росси, — в Дворцовой библиотеке, получившей на-

звание «Библиотеки Росси». Здесь надо было восстановить не только гризайлевый плафон, выполненный Б. Медичи по эскизу Росси, но и аллегорические панно с изображениями великих философов. Полный список имён всех 12 мыслителей древности не сохранился. Не было и изображения довоенного помещения с этими элементами убранства. Но реставраторы справились и с этой задачей.

За большой творческий труд А.В. Трескин был удостоен Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина и Золотой медали Академии художеств СССР.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Алексеева Галина Васильевна — кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры РФ, руководитель отдела научно-исследовательской работы Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», ответственный секретарь Международного комитета литературных музеев ИКОМ (ЮНЕСКО).

Безгубова Анастасия Александровна — внештатный корреспондент журналов «Антикварное обозрение», «Русское искусство», арткуратор сайта по изобразительному искусству «Красный дом» (Санкт-Петербург).

Беляева Римма Михайловна — реставратор высшей квалификации, старший реставратор Лаборатории реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург).

Вишнякова Юлия Игоревна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИО редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки (Москва).

Востриков Алексей Викторович — заведующий сектором, хранитель библиотеки Бестужевских курсов научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Герасимова Вера Владимировна — хранитель некрополя Ганнибалов и Пушкиных Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области), заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Грошева Надежда Борисовна — дочь Бориса Степановича Скобельцына, хранитель семейного архива (Псков).

Дмитриева Екатерина Евгеньевна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН имени М. Горького (Москва).

Елисеева Валентина Александровна — хранитель фотонегафонда Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Жучков Константин Борисович — кандидат исторических наук, учёный секретарь Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Карпова Ирина Леонидовна — кандидат исторических наук, заведующая сектором формирования и научной обработки фонда НИО редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки (Москва).

Клюева Ирина Васильевна — профессор, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, этнокультуры и театрального искусства Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск).

Козмин Вячеслав Юрьевич — кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Козмина Любовь Владимировна — кандидат филологических наук, хранитель музея-усадьбы Ганнибалов «Петровское» Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы Псковской области).

Колпакова Наталия Владимировна — кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

Летягин Лев Николаевич — кандидат филологических наук, декан факультета философии человека РГПУ имени А.И. Герцена, заведующий кафедрой эстетики и этики (Санкт-Петербург).

Мельцин Максим Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Мудров Алексей Юрьевич — старший государственный инспектор, искусствовед, член Международного Совета музеев (ИКОМ), член Международной Ассоциации искусствоведов (Санкт-Петербург).

Мудров Юрий Витальевич — искусствовед, президент Санкт-Петербургского общественного Фонда по содействию развитию куль-

туры и искусства, член Международного Совета музеев (ИКОМ), член Президиума Правления и председатель Секции искусствоведения и критики Санкт-Петербургского Союза художников, член Комиссии по искусствоведению и критике Союза художников РФ, член Международной Ассоциации искусствоведов (Санкт-Петербург).

Панченко Елена Залковна — главный библиограф отдела Библиотеки Российской Академии наук при Санкт-Петербургском институте истории РАН.

Пирогова Елена Павловна — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

Рубчинская Ольга Владимировна — кандидат культурологии, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск).

Савицкая Ольга Степановна — искусствовед, старший научный сотрудник Государственного Музея истории Санкт-Петербурга, член Международного Совета музеев (ИКОМ), член Международной Ассоциации искусствоведов (Санкт-Петербург).

Симонова Вера Михайловна — кандидат филологических наук, учёный секретарь Юсуповского дворца на Мойке (Санкт-Петербург).

Субботина Елена Валерьевна — хранитель книжного фонда библиотеки Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Фадеева Ирина Ивановна — кандидат педагогических наук, начальник Научно-информационного центра Санкт-Петербургского государственного технологического университета растительных полимеров.

Хмелевских Ирина Васильевна — кандидат искусствоведения, научный сотрудник НИО редкой книги Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

Шведова Надежда Юрьевна — старший научный сотрудник, хранитель коллекции «Редкая книга» Музея-панорамы «Бородинская битва» (Москва).

Содержание

Людмила Беляева, Дарья Плотникова. ПРЕДИСЛОВИЕ 3

I. Материалы научно-практических чтений «БИБЛИОТЕКА В УСАДЬБЕ»

Лев Летягин. «ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ…», ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ОПРАВДАНИЕ ДЯДЮШКИ ОНЕГИНА 5

Вячеслав Козмин. ВОЛЬТЕР ИЛИ ВИЛАНД? (к проблеме возможного влияния библиотеки Тригорского на содержание мемуарных записок А.С. Пушкина) 19

Любовь Козмина. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КНИГИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО СЮЖЕТА МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ 30

Константин Жучков. СИНОДИК ДВОРЯНСКИХ БИБЛИОТЕК: ПЕРВОЕ ПРОЧТЕНИЕ 37

Наталия Колпакова. ФОРМИРОВАНИЕ ЧАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ: СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД 53

Юлия Вишнякова. РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ И ЕГО ЧИТАТЕЛЬ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 66

Екатерина Дмитриева. ЗАБЫТЫЙ АВТОР И ЗАБЫТЫЙ КАЛЕНДАРЬ. М.С. Бранкевич и его «Самовернейший астрономический Телескоп, или Всеобщий астрономический, политический и экономический календарь на 336 лет» 74

Ирина Карпова. АДРЕС-КАЛЕНДАРИ XVIII ВЕКА В СОБРАНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ 86

Елена Панченко. МЕСЯЦЕСЛОВЫ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ: КУПЕЦ, КОРНЕТ, БАРЫШНЯ И ДРУГИЕ 92

Ирина Хмелевских. БИБЛИОТЕКА ГЕРЦОГА Д'АНТЕНА И ЕГО ПРЕЗЕНТ РУССКОМУ ЦАРЮ 104

Вера Симонова. «НАСЛЕДНИКИ ТИБУЛЛА И ПАРНИ» ИЗ ОКРУЖЕНИЯ «ПРИВЕТЛИВОГО ПОТОМКА АРИСТИППА» — КНЯЗЯ Н.Б. ЮСУПОВА 112

Максим Мельцин. КАТАЛОГ БИБЛИОТЕКИ КНЯЗЯ Н.А. ДОЛГОРУКОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК..... 125

Алексей Востриков. ЗАКУПСКАЯ БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙСТВА ГЛИНОК — КЮХЕЛЬБЕКЕРОВ 140

Елена Субботина. «БИБЛИОТЕКА ДВУХ ДРУЗЕЙ»..... 150

Елена Пирогова. КНИГА В ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ (на примере семьи Демидовых)..... 156

Ирина Клюева, Ольга Рубчинская. БИБЛИОТЕКА Н.П. ОГАРЁВА В УСАДЬБЕ СТАРОЕ АКШИНО. Этапы формирования книжного собрания 171

Анастасия Безгубова. КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ КНЯЗЯ ГРИГОРИЯ ГАГАРИНА КАК ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА-ОРИЕНТАЛИСТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА..... 178

Галина Алексеева. «БИБЛИОТЕКА ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ СОСТАВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЫМ МИРОМ». Из истории личной библиотеки Л.Н. Толстого в связи с включением яснополянской библиотеки писателя в реестр ЮНЕСКО..... 187

Надежда Шведова. КНИГИ ИЗ СОБРАНИЯ Ю.Б. ШМАРОВА В КОЛЛЕКЦИИ «РЕДКАЯ КНИГА» МУЗЕЯ-ПАНОРАМЫ «БОРОДИНСКАЯ БИТВА» 195

Ирина Фадеева. ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ — В БИБЛИОТЕКУ ВУЗА. Труды выдающихся бумаговедов конца XIX века Н.П. Лихачёва и Н.А. Резцова в фонде редких книг научно-информационного центра СПбГТУРП 203

II. Материалы научной конференции «МУЗЕЙ. РЕСТАВРАТОР. РЕСТАВРАЦИЯ»

Вера Герасимова. РЕСТАВРАЦИЯ НАДГРОБНОГО ПАМЯТНИКА А.С. ПУШКИНУ В 1902 И 1953 ГОДАХ..... 213

Валентина Елисеева. П.Д. БАРАНОВСКИЙ В ПУШКИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ (1945 год) 225

Любовь Козмина. ИЗ ОПЫТА МУЗЕЙНОЙ РЕСТАВРАЦИИ ПРЕДМЕТОВ В ПЕРИОД РЕКОНСТРУКЦИИ УСАДЬБЫ «ПЕТРОВСКОЕ» (1999—2001) 233

Римма Беляева. О РЕСТАВРАЦИИ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 242

Римма Беляева. РАБОТА С ПСКОВСКИМИ ФРЕСКАМИ XIV ВЕКА ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ДОВМОНТОВОМ ГОРОДЕ 245

Юрий Мудров, Ольга Савицкая. ПЕЧЕРСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ АРХИМАНДРИТА АЛИПИЯ 250

Юрий Мудров. САВЕЛИЙ ЯМЩИКОВ. Заметки к биографии 266

Надежда Грошева. ЗОЛОТОЙ ВЕК ПСКОВСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ. Б.С. СКОБЕЛЬЦЫН 276

Алексей Мудров. ВО СЛАВУ ПСКОВА И РОССИИ. Выдающийся реставратор и художник В.П. Смирнов (1922—1996). Страницы биографии 295

Юрий Мудров. ПАВЛОВСК. СОТВОРИВШИЕ ЧУДО 304

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская Пушкиниана» 329

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 61

«...И КАЛЕНДАРЬ ОСЬМОГО ГОДА...»

Материалы научно-практических чтений «Библиотека в усадьбе» (24—28 апреля 2013 года) и научной конференции «Музей. Реставратор. Реставрация» (17—19 июля 2013 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника Н.Б. Василевич

Редактор Л.А. Токарева
Технический редактор Р.П. Васильева
Корректор Т.П. Николаева
Компьютерная верстка: И.Г. Александрова

На первой странице обложки:
платяной двустворчатый шкаф XVII века,
приобретённый для обновлённой экспозиции
дома-музея Ганнибалов (фрагмент).

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)
181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, сельцо Михайловское.

Распространяется бесплатно

12+

Подписано в печать 02.12.2013. Формат 60x88 1/16.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Объем 21 печ. л.
Заказ № 814. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
180004, Псков, ул. Ротная, 34